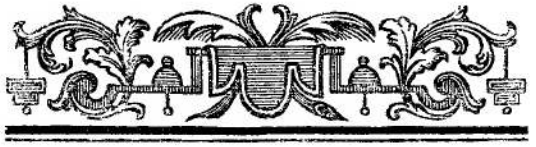
ACADEMIA



МОЛЬЕР

1622 - 1673

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

под редакцией
А. А. Смирнова и
С. С. Мокульского

ACADEMIA

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

МОЛЬЕР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ACADEMIA

1937

ŒUVRES DE MOLIÈRE

Титул, переплет и суперобложка
по рисункам А. А. Ушина

УРОК ЖЕНАМ

L'Ecole des Femmes

Перевод Василия Гиппиуса

Комедия *Урок женам* (*L'Ecole des Femmes*), впервые представленная 26 декабря 1662 г. и напечатанная в начале следующего года, окончательно упрочила славу Мольера. *Урок женам* доставил ему тем более заслуженную известность, что здесь Мольер выступил с подлинно новым словом. Поэтому правы исследователи, сравнивающие значение этой пьесы для Мольера с той ролью, которую сыграл в творческом развитии Корнеля *Сид*.

Уже само название пьесы напоминало написанную незадолго до нее Мольером комедию *Урок мужьям*, в которой он выдвигал вопросы семьи и брака. Но *Урок мужьям* отличался еще некоторой схематичностью в противопоставлении двух систем воспитания. В *Уроке женам* Мольер пошел значительно дальше: он не только построил все действие комедии на очень своеобразной интриге, но сумел тесно и органически связать ее острые ситуации с образами ее героев, так что эти последние приобрели исключительную убедительность.

В *Уроке женам* Мольер развивает проблему воспитания девушки, и проблема эта облечена в богатую и оригинальную комедийную форму, обусловившую интерес к пьесе даже в кругах, враждебно принимавших ее основную идею.

Создавая эту пьесу, Мольер полными руками черпал материал из хорошо известной ему комедийной и новеллистической традиции. Уже первая полемическая пьеса, направленная против *Урока женам* — комедия Донно де-Визе *Зелинда, или Истинная критика на Урок женам* (*Zelinde, ou La véritable Critique de l'Ecole des femmes*) — упрекнула Мольера в том, что основная идея пьесы взята из новеллы *Напрасная предосторожность* (*La precaution inutile*) Скаррона. А сто лет спустя Кайява, уделивший в своем четырехтомном труде *Искусство комедии* (*L'Art de la Comédie*)

целый том сводке материалов об источниках Мольера, достаточно ясно показал, как много заимствовал Мольер у разных писателей и... как мало все это походит на его блестящую комедию.

Два основных мотива, на которых построен *Урок женам*, — кви-про-кво, заключающееся в том, что любовник делает поверенным своего же соперника, и исключительная наивность девушки, в которой начинает говорить инстинкт, — восходят к итальянской новеллистике и разработаны у Сера Джованни в его *Пекороне* (XIV в.), а затем, с некоторыми модификациями, — у Страпаролы в его *Приятных ночах* (*Piacevoli notti*, XVI в.).

Гораздо ближе к пьесе Мольера новелла Скаррона *Напрасная предосторожность*, вышедшая годом раньше *Урока женам*. Со свойственной автору *Комического романа* любовью к гротеску, новелла рассказывает о чудаке, взявшем себе в жены наивную девушку и в первую же ночь приступившем к ее моральному воспитанию. Он рассказывал ей о том, как она должна блюсти святость супружеского ложа, и для пущей внушительности облек ее в воинские доспехи, приказав в таком виде стеречь его супружеский покой. На следующий день новобрачный уезжает ко двору, но жена остается верна его требованиям и каждую ночь проделывает все, чему он ее обучил. Между тем в нее влюбляется красивый юноша, который при помощи ловкой посредницы убеждает молодую женщину в том, что она причинила ему смертельную рану, и, в конце концов, благополучно успевает в своих намерениях. История раскрывается только с приездом мужа.

Прибавим еще, что некоторыми вспомогательными мотивами своей комедии (любовные похождения Арнольфа в молодости, заставлявшие его с такой опаской беречь свое супружеское счастье в будущем) Мольер обязан Лафонтену, что встреча Арнольфа с не в меру осторожными слугами разработана в одной итальянской комедии (*Le Pantalon jaloux*), что знаменитые правила супружества, которым обучает Арнольф Агнесу, восходят еще к отцу церкви Григорию Назианскому и были неоднократно популяризированы в сатирическом освещении в литературе, — наконец, что некоторыми своими деталями *Урок женам* обязан Лопе-де-Вега.

Итак, Мольер действительно реализовал в этой пьесе свою немалую начитанность. И вполне прав Кайява, заметивший именно по поводу *Урока женам*, что Мольер показал в ней искусство, с каким он умел пользоваться достоинствами многих чужих произведений, чтобы создать одно свое собственное. *

Главное достоинство *Урока женам*, по сравнению с предыдущими пьесами и, в частности, с *Уроком мужьям*, заключается в том, что ситуации и приемы комического эффекта тесно увязаны здесь с образами. К этой пьесе можно вполне отнести наблюдение Коклена: «Остроты — не его как автора, а его действующих лиц, и произносятся они естественно, в силу обстоятельств». **

Особенно ценным завоеванием Мольера в этой пьесе было то, что он отошел от схематической подачи характера и наделил своего Арнольфа индивидуальными черточками (например, доброжелательным отношением к Орасу, пока он не знал, что имеет дело со своим соперником), сделавшими этот образ особенно убедительным.

Переходя к Агнесе, заметим, что и ее образ разрушает установившееся представление о статичности мольеровских героев, которые будто бы совершенно не изменяются на протяжении всей пьесы. Три тура проходит интрига *Урока женам*, и каждый раз Агнеса делает большой шаг в сторону своего превращения в самостоятельную женщину. Настоящее «дитя природы» по воспитанию, ничего не знающая о любви, она остается верна инстинкту и с каждым своим выходом на сцену растет все более и более, вместе с ростом своего примитивного чувства. В характеристике этого образа Мольер показал себя настоящим представителем философии природы, согласно которой никакие искусственные преграды не могут остановить природных чувств.

Менее свободен от упреков образ Ораса. Это — своеобразный вариант Лелия в *Сумасброде*. Но если Лелий сам мешал своему счастью неловкостью, то неосторожность Ораса мотивирована его исключительной доверчивостью, оправдываемой разве лишь упоением от быстрой и неожиданной победы.

---

* Cailhava, *L'Art de la comédie*, t. III, p. 143.

** Коклен, *Мольер и Шекспир*, «Артист» № 4, стр. 57.

Искусственность сюжета (наивная доверчивость любовника препятствует его счастью, к которому его ведет раскрывающаяся во всей полноте непосредственная хитрость девушки) естественно должна была повлечь за собою и некоторую искусственность построения всей пьесы. Это нашло выражение в ритмичности динамической композиции пьесы. Если оставить в стороне развязку, то пьеса представляет собою три этапа развития действия, построенных по такой схеме:

1) очередная откровенность Ораса,

2) мучительная реакция на нее Арнольфа,

3) система предупредительных мер его (по отношению к слугам); в первом туре сюда относятся расспросы Агнесы.

Интермедийными моментами являются сцены чтения правил супружества (д. 3-е, явл. 1-е — 3-е), встреча Арнольфа с приглашенным им нотариусом (д. 3-е, явл. 2-е — 3-е), встреча его с Кризальдом, явившимся к нему на ужин (д. 4-е, явл. 3-е). Такие интермедийные моменты имеются в каждом туре. Четвертое появление Ораса подводит нас к кульминационному пункту — передаче Агнесы в руки ее свирепого опекуна и, вслед за тем, к наступающей, в результате счастливой случайности, развязке.

Но вся отмеченная искусственность развития действия вполне вытекает из заданного наперед сюжета. Так же объясняется и часто отмечавшийся недостаток *Урока женам*: то, что его действие развертывается все время на улице. Дело здесь не только в том, что Мольер был скован классическим единством места. Самый сюжет пьесы требовал, чтобы действие ее развертывалось не в доме, тщательно охраняемом Арнольфом от посторонних взглядов; именно так особенно остро показывается безрезультатность всех уловок, к которым прибегает Арнольф.

При этом, в силу ритмичности композиции пьесы, с каждым новым туром ее все беспомощнее делается Арнольф с его попытками помешать событиям, и все очевиднее становится превосходство наивного инстинкта над грубой силой. Стоит сравнить монологи Арнольфа (д. 1-е, явл. 5-е; д. 3-е, явл. 3-е; д. 4-е, явл. 10-е), предваряющие каждый раз очередное потрясение — новую информацию Ораса.

Педантическая критика давно упрекнула Мольера в отсутствии в этой пьесе действия (ср. слова Лизидаса в *Критике Урока женам*). Мольер ответил на это, что согласно с построением сюжета пьесы именно рассказы являются в ней действием (ср. слова Доранта там же). А Лессинг еще полнее аргументировал эту мысль: «В этой пьесе гораздо менее важны события, о которых идет речь, чем впечатления, которые испытывает обманутый старик, когда узнает о них... Мы не увидели бы это так хорошо, если бы писатель показывал воочию то, о чем он рассказывает... Досада, испытываемая Арнольфом, старание, с которым он ее скрывает, насмешливый тон, который он принимает, когда надеется, что преградил дорогу дальнейшим действиям Ораса, изумление и тихое бешенство, в котором мы его видели, когда он узнает, что Орас, несмотря ни на что, счастливо приходит к своей цели, — вот это и есть действия, и притом значительно более комические действия, нежели все, что происходит за сценой». *

Уже в *Уроке женам* Мольер показал, как искусно он пользовался разными особенностями комедийных жанров, не дойдя, впрочем, до вершин того разнообразия, которым он закончит свой драматургический путь (ср. *Мнимого больного*).

С этой точки зрения особый интерес представляют совсем новые моменты в развертывании комического. Высший комизм, сосредоточенной силой бьющий по определенной цели, часто граничит с трагизмом. И если Мольер не поднялся тут до той высоты, какой он достиг позднее в *Скупом*, то во всяком случае очень интересен тот трагический аспект, в котором звучит роль Арнольфа, когда он признается, что крепко полюбил Агнесу. Именно в таком плане разрабатывал этот образ великий французский актер Лекен, один из поборников сценического реализма середины XVIII века.

Урок женам имел шумный и длительный успех. О нем свидетельствуют сохраненные летописцем Мольеровской труппы Лагранжем цифры сборов.** Его же подтверждает и враждебная

* *Гамбургская драматургия*, статья 53-я.

** За 3 месяца Лагранж отмечает 9 выездных спектаклей, из них один — в Лувре, один — в присутствии короля.

Мольеру пресса. Так, по словам Лоре, *Урок женам* во многих местах бранят и все же посещают.

Об этом же успехе, глубоком и значительном, говорит и ожесточенная полемика вокруг пьесы, свидетельствующая о том, что комедия действительно задела за живое. И нельзя не удивляться буржуазным мольеристам, объясняющим, подобно Ригалю, эту полемику одной *завистью* авторов и актеров. Дело было несомненно глубже. Борьба вокруг *Урока женам* развернулась на сравнительно коротком промежутке времени (около 15 месяцев). Именно в эту пору Мольер почувствовал дружеское отношение к себе целой группы людей. Через несколько дней после премьеры *Урока женам* ему посвящает свои стансы Буало и завязывается его дружба с Расином. К этому же времени относится и кульминационный пункт покровительства ему короля. И на это же время падает всплеск резкого недовольства Мольером разных реакционных элементов. Потому и представляет такой значительный интерес полемика вокруг *Урока женам*.

Началась она желчными замечаниями Визе, который упрекал Мольера в плохом развитии сюжета и «в бесчисленном количестве других ошибок», но все же должен был признать, что «в пьесе столько натурального, что, кажется, сама природа поработала над нею. Есть неподражаемые места... Это — портреты природы, которые могут казаться оригиналами». Критика Визе была очень симптоматичной, так как свидетельствовала о возбужденных пьесой разнообразных толках.

Следующий этап полемики начался с постановки 1 июня 1663 г. комедии Мольера *Критика Урока женам*, явившейся добавлением к *Уроку*. Это освежило интерес к *Уроку женам*.

Уже в предисловии к печатному изданию *Урока женам* * Мольер писал, что он не будет отвечать на разные мнения о его пьесе, так как собрал их воедино и написал «диссертацию в диалогах», с которой он пока еще не знает, что ему делать. Идея *Критики* зародилась у Мольера, по его словам, уже после первых представлений *Урока женам*. Это был, действительно,

---

* Начато печатанием 17 марта 1663 г.

смелый опыт; до того времени театральная полемика еще не выливалась в подобные формы. Но если бы это была действительно только диалогизированная диссертация, то опыт нельзя бы было назвать удачным. На деле это — маленькая комедия, правда, сплошь разговорная, в которой разговоры заострены до уровня принципиальной дискуссии, а мнения высказываются ярко охарактеризованными, пластическими персонажами.

Мольер дал здесь действительно жестокую критику своих врагов. Нисколько не преувеличивая, он показал всю мелочность и ничтожество возражений против его пьесы, наиболее существенные из коих сводились к тому, что пьеса «грязнит воображение» и «оскорбляет стыд».

Резко парируя направленные против него упреки, Мольер говорит, что не следует находить ничего неприличного в самых простых вещах. Они приобретают такой смысл только тогда, когда его вкладывают в них люди, наделенные слишком беспокойным воображением. Впервые Мольер указал здесь на лицемерие как на самый распространенный в обществе порок: оно сквозит во всех этих обвинениях.

Мольер был, конечно, прав, узрев в этих возражениях лицемерие. Свобода языка была в то время и в аристократическом обществе и в драматургии явлением обычным. Но, с другой стороны, прав был и Вольтер, отметивший в *Уроке женам* «некоторую низменность слога». Мольер часто употребляет «низменные» выражения, используя все богатства французского народного языка. И в *Уроке женам* его язык также ярок, остроумен, весел, непосредственен и свободен от всяких условностей.

В сущности, Мольер привел очень мало возражений против своей пьесы, и этим демонстрировал ничтожество своих врагов. Педант Лизидас не имеет у него своего собственного мнения, его суждения определяются мнением близкого ему круга. Маркиз же бранит пьесу потому, что он насилу мог достать место на ее представление. Мольер критиковал своих критиков иным путем, чем это сделал впоследствии Гоголь в *Театральном разъезде*, в котором высказывается множество разных мыслей по поводу *Ревизора*.

В *Критике* мы не находим такого обилия суждений, но зато видим очень яркие портреты врагов Мольера. Мольер вывел здесь ряд оригинальных фигур, которые получили более полные очертания в его позднейших произведениях. Так, Климена и Арманда напоминают Арсиною и Филаминту из *Ученых женщин*, Лизидас — Триссотена, а Дорант — Клитандра из той же пьесы.

Кроме того *Критика Урока женам* интересна еще целым рядом теоретических положений, развитых в ней Мольером с достаточной убедительностью. Сюда относятся две центральные для мировоззрения Мольера мысли.

Повторяя слова Визе, Лизидас говорит о том, что в пьесе он готов указать сотню недостатков. Его слова вызывают целую дискуссию о критерии оценки художественного произведения, сводящуюся к вопросу о знаменитых «правилах». Возражая Лизидасу, Дорант определяет цену знаменитым «правилам». Они, по его словам, «лишь несколько непринужденных замечаний здравомыслящих людей о том, как не испортить себе удовольствия... и тот же здравый смысл, сделавший эти наблюдения во время оно, легко их делает и теперь без помощи Горация и Аристотеля». И далее выдвигается очень смелый по тому времени критерий: высшее из всех этих правил не состоит ли в том, чтобы «нравиться»?

Ведь если написанные по правилам пьесы не нравятся, а те, которые нравятся, сделаны не по правилам, то не следует ли заключить, что самые правила дурны? Особенно чреваты последствиями должны были быть высказывания Мольера о превосходстве комедии над трагедией, — вопрос, поднятый им на большую принципиальную высоту. «Изображая героев, вы делаете что хотите. Это произвольные портреты, сочиненные, в которых никто не ищет сходства, — вам нужно только следить за полетом вашего воображения, которое нередко забывает об истине, предпочитая чудесное». Этой невинной на первый взгляд тирадой Мольер брал под сомнение правдивость трагедии классицизма. Естественно, что эти слова восстановили против него актеров Бургундского отеля, которые культивировали именно этот аристократический жанр. Начавшийся вслед за этим спор между Мольером и Бургундским отелем являлся, по суще-

ству, выражением борьбы между двумя направлениями в эстетике и общественной мысли Франции XVII века.

Первым откликом на Мольеровскую *Критику* была пьеса Визе *Зелинда, или Истинная критика Урока женам.* Уже Менар заметил, что Зелинда очень мало прибавила к тому, что ее автор сказал раньше в *Nouvelles nouvelles.* Он не поднялся выше ряда мелочных упреков по поводу нарушения Мольером традиционных драматургических условностей, против которых никто не возражал, встречая их в ранних комедиях Мольера или у его предшественников. Новой в *Зелинде* была диалогическая форма полемики, но в этом отношении Визе лишь неудачно подражал Мольеру. Его пьеса была, действительно, только рассуждением в диалогах, лишенным драматического напряжения и малейшего намека на характеристики. Даже хозяин кружевного магазина, в котором встречаются лица, рассуждающие о пьесе Мольера, мало чем отличается от своих благородных клиентов. И еще более легким и гораздо более неудачным, чем в *Докучных*, намеком на сюжетную рамку является встреча двух молодых людей, собирающихся соединиться навеки.

Следующим номером антимольеровской кампании было выступление Бурсо с пьесой *Портрет живописца, или Антикритика Урока женам* (*Le Portrait du peintre, ou La Contre-critique de l'Ecole des femmes*). Автор ее, очевидно, учитывал, что общественное мнение складывается в пользу Мольера, почему и отмечал в своем посвящении герцогу Конде (сыну), что никогда еще ни одна пьеса не нуждалась так в покровительстве, как именно подносимая. Тем не менее мы не можем признать, чтобы эта пьеса была очень острым оружием против Мольера — по крайней мере, в том виде, в каком она нам известна. * Сама комедия позаимствовала форму у *Критики на Урок женам*; она дает все те же известные уже по *Зелинде* нанадки на непристойности *Урока женам.* Однако в пьесе нет напряженности в спорах, нет ярко очерченных персонажей. Словом, этот первый опыт

---

* Есть сведения, что Бурсо в первоначальной, не дошедшей до нас, редакции позволил себе против Мольера более резкие выпады, которые потом счел за лучшее убрать.

литературной полемики молодого автора не делал ему чести ни с какой стороны; если верить его сыну, он был втянут в эту полемику своими знатными покровителями.

К этому же времени относится появление нового критического выпада Мольера, в данном случае уже по предложению самого короля, который тешился этой литературно-театральной войной.

На этот раз центр тяжести был не в литературной, а в театральной полемике. Шел спор о двух театральных жанрах и о двух системах игры, вытекавших из двух мировоззрений. Не случайно поэтому перенес Мольер действие в актерскую среду, использовав для этого хорошо известную ему практику. Уже с 30-х гг. XVII века появился ряд пьес (Скюдери, Гужено, Кино и др.), переносивших зрителя за кулисы и показывавших ему актеров, игравших самих себя. Этим приемом воспользовался и Мольер в своей новой пьесе *Версальский экспромт*, впервые представленной в Версале в октябре 1664 г.

Версальский экспромт ведет действие в двух планах. С одной стороны, Мольер показывает, как он, руководитель труппы, готовит с нею заказанную королем пьесу; с другой — идет репетиция фрагментов самой пьесы, представляющей ответ на новую полемическую выходку против *Урока женам* — известный уже нам *Портрет художника*. Первый план пьесы дает много любопытного в познавательном отношении материала для характеристики театральной деятельности самого Мольера; второй — добавляет некоторые новые положения к высказанным Мольером в *Критике* суждениям.

Небольшой по своим размерам *Экспромт* необычайно богат содержанием, ярко рисующим теоретические взгляды Мольера, его театральную практику и обстановку, в которой протекала его работа.

Центральная тема *Экспромта* — театральные отношения. Известный интерес пьеса представляла уже тем, что открывала вход за кулисы, тайны которых всегда интересовали публику. Но *Экспромт* дает материал и более высокого интереса. Сюда относятся указания на те образы, которые играют отдельные актеры Мольеровской труппы. Мольер возражает здесь против

того, что для исполнения определенной роли нужно обладать родственными ей чертами. «Вы доказываете этим, что вы превосходная актриса, — замечает он лучшей артистке своей труппы, Дюпарк, — потому что вы хорошо изображаете лицо, совершенно противоположное вашему складу». Чрезвычайно знаменательно требование Мольера вникнуть в изображаемый характер; это был новый принцип, достаточно оформившийся в практике Мольера к этому времени и целиком противоположный системе игры актеров Бургундского отеля. Не случайно, что через 5 лет после своего возвращения в Париж Мольер поставил вопрос о сущности актерской игры. В этот момент назрело уже много вопросов, из которых особенно острым был вопрос о принципах игры комического актера.

Мольер развивал мимику, отошел от небогатой интонационной техники, подчеркивал мизансценами и костюмами характерные черты своих персонажей. Это было диаметрально противоположно тому, что делали актеры Бургундского отеля. Мольер, очевидно, не раз передразнивал их в быту; теперь он сделал это открыто, показав, как читают Монфлери, Бошато и его жена Вильо. Они говорили стихи напыщенно, делая ударение на последнем стихе. Их игра лишена была средств передать все нюансы роли; актер классической трагедии выпевал стихи, не передавая вложенного в них смысла, повторяя созданный для всех ролей образ абстрактного героя. Характерно, что Мольер не включил в объекты своей насмешки Флоридора, наиболее крупного актера и фактического руководителя Бургундского отеля. Объясняется это тем, что Флоридору удалось в значительной степени отойти от напевной декламации и от форсированного звука его собратьев.

Мы не можем с достаточной уверенностью говорить о том, как сам Мольер и его труппа играли трагические роли. Большинство исследователей считает, что Мольер шел в этом отношении компромиссным путем. Вспомним, что некоторые актеры Мольера перешли от него в Бургундский отель, где и играли с большим успехом (м-ль Дюпарк, Брекур). Но сам Мольер определенно не имел успеха в трагических ролях, и объясняется это не только недостатками его голоса, глухого и жесткого, но

и прежде всего тем, что Мольер не хотел идти обычным путем трагической декламации.

Большой интерес представляют взгляды Мольера на искусство трагического актера. Его требования сводятся, в сущности, к двум моментам: более естественная декламация (без искусственного напевания, без алогических акцентов) и соответствие мимики внутренним этапам развития роли. Требования эти были не ко времени, они стали осуществляться лишь во второй половине XVIII века в результате совокупных усилий таких теоретиков буржуазного реализма, как Дидро и Мармонтель, и таких замечательных практиков, как Клерон, Лекен и Тальма.

Отвечая на нападения, Мольер едва отмечает враждебную заинтересованность во всей этой полемике Бургундского отеля: «Самое большое зло, которое я им причинил, это то, что я имел счастье понравиться публике больше, чем им хотелось». Когда же одна из его артисток вызывает его ответить на новое нападение, он говорит: «Хорошенький сюжет для придворного развлечения — этот господин Бурсо! Я хотел бы знать, каким образом можно сделать его менее скучным и удастся ли ему вызвать смех у зрителей, если его и выволокут на подмостки?» И тут же Мольер отказывается от дальнейшей полемики. «Пусть они говорят о моих пьесах какие угодно гадости — я на это согласен. Пусть они донашивают их после нас, пусть выворачивают, как платье, чтобы приспособить к своему театру... Им это нужно, и я рад поддержать их существование...» Этим едким ответом Мольер действительно оборвал полемику, считая ее ненужной тратой энергии.

Но полемика все же продолжалась — уже не по вине Мольера. Журналист Робине выступил с двусмысленным *Панегириком Уроку женам* (*Panégirique de l'Ecole des Femmes*), в котором похвала ограничилась одним заглавием. Вслед за Робине автор *Зелинды* дал еще одну пьесу, направленную против Мольера — *Ответ на Версальский экспромт, или Месть маркизов* (*Réponse à l'Impromptu de Versailles, ou La Vengeance des marquis*, декабрь 1663 г.). С той же ограниченностью в выдумке, что и предыдущие, новая пьеса Визе обратила внимание на нападки Мольера против маркизов, сделью вывести их из добродушного отношения к насмешкам

Мольера. После долгих бессодержательных разговоров о пьесе Мольера, Визе выводит слугу, который надел на себя утрированный наряд маркиза, вывернув таким образом наизнанку смелое положение, высказанное Мольером в *Версальском экспромте*, что маркизы замещают теперь роли комических слуг. Но есть в этой пьесе еще один ответ на *Версальский экспромт*: здесь передразнивается игра самого Мольера. Любопытно, что Визе не заметил в сатире Мольера ничего, кроме персональных выпадов (например, против толщины Монфлери); соответственно этому он передразнивает манеру игры самого Мольера, не оставляя без внимания и тот физический недостаток, с которым Мольер упорно боролся в своем чтении (заикание).

Целостнее по своему содержанию пьеса Монфлери-сына *Экспромт отеля Конде* (*L'Impromptu de l'Hôtel de Condé*, январь 1664 г.) в которой выступают в качестве действующих лиц среди других также актеры Бургундского отеля — Бошато и Вилье. Этой пьесой Мольеру был дан решительный бой по самой основной линии спора.

Комедия жалуется на упадок интереса к серьезному искусству, на страсть к тюрлюпинадам. С этих позиций Мольер подвергался резкой критике: он хорош только как «фарсер», только своей игрой оживляет он комедию, в напечатанном же виде она не представляет никакого интереса. Бургундский отель ревниво оберегает свой жанр от конкурентного вмешательства; пьеска дает уродливый портрет игры Мольера в роли Цезаря, из которой видно, что Мольер не удовлетворял негармоничностью фигуры (ноги скобкой... плечи вперед... руки на спине... блуждающие глаза), — словом, всем, что выбивалось из уравновешенного и несколько замороженного канона трагедийного стиля.

Это был последний боевой момент полемики. Большой сенсационный успех *Урока женам* и всех связанных с ним пьес Мольера, определенно выраженная симпатия короля к нему — все это решило судьбу спора, и ближайшие пьесы, посвященные этой полемике, достаточно определенно говорят об этом. Театр Маре, занимавший среднюю и довольно неопределенную позицию в дискуссии между Мольером и Бургундским отелем, выпустил пьеску своего актера Шевалье *Любовь Калотена* (*Les*

Amours de Calotin), игранную в конце 1663 или в начале 1664 г., которая наделяет отрицательными суждениями о Мольере настолько комических персонажей, что сводит их критику почти на нет. Шевалье вносит устами маркиза примирительные нотки в полемику («Если Мольер смеется над нами, то делает это так изящно, что только развлекает нас») и в качестве решающего аргумента ссылается на успех Мольера, объявляя следование ему залогом успеха.

Еще более показательным было появление в начале 1664 г. пьесы малоизвестного автора Делакруа *Комическая война, или Защита Урока женам* (*La Guerre comique, ou La Défense de l'Ecole des Femmes*), в которой божок смеха Мом обращался к Аполлону с требованием разрешить спор об *Уроке женам*. Следует пять диспутов о пьесе; за и против нее выступают различные персонажи, пережевывая известные уже из предыдущих писаний упреки Мольеровской комедии. В заключение высказывает свое суждение Аполлон, отдающий первенство Мольеру и приказывающий всем склониться перед чудесной пьесой этого «воскресшего Теренция».

Приговор Аполлона был окончательным и никакому обжалованию не подлежал: устами бога поэзии говорил земной бог — абсолютный монарх, именно в эту пору не раз демонстрировавший свое благоволение к Мольеру. Людовик танцует в январе 1664 г. в балете *Брак по принуждению*, он крестит в феврале дочь Мольера, а немного времени спустя дает его труппе почетное наименование «Труппы короля». Да и во всей полемике Мольер чувствовал себя довольно прочно; об этом свидетельствует, между прочим, то, что *Урок женам* он посвятил принцессе Генриете Английской, пользовавшейся большим расположением короля, а *Критику* — королеве-матери Анне Австрийской, наиболее крепкой опоре парижских святош.

Не будем касаться здесь вопроса о дальнейших использованиях *Урока женам*. Почти каждая литература дала более или менее удачное подражание этой комедии, доводя, впрочем, сюжет об опекуне молодой девушки до фарсового опошления. Усиливающаяся нравоучительная тенденция буржуазного театра охотно пользовалась формулой самого названия Мольеровской пьесы (ср. *Урок матерям* Лашоссе, *Урок старикам* Делавиня, *Урок отцам* Пьера, *Школа злословия* Шеридана).

Охотно пользовались также Мольеровской идеей драматизованной полемики, вводя зрителя в самые недра театральной кухни. Еще при жизни Мольера сделал подобный опыт Пуассон, Реньяр написал *Критику Единственного наследника*, Гольдони в своем *Комическом театре* удачно полемизировал со сторонниками старой импровизованной комедии. Но самым гениальным подражанием критическим пьесам Мольера явился *Театральный разъезд* нашего Гоголя, превзошедший Мольера как богатством содержания, так и яркостью характеристик различных слоев зрителей спорящих о достоинствах и недостатках *Ревизора*.

П. Рунин

ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ

Ваше высочество!

Я становлюсь самым робким человеком в мире, когда мне надо посвящать книгу; я так мало сведущ в стиле посвящений, что не знаю, как выйти из подобного затруднения. Другой автор на моем месте сумел бы удачно сказать очень многое о вашем королевском высочестве по поводу *Урока женам* и своего подношения. Я же сознаюсь вашему высочеству в своем недостатке. Я не владею искусством находить соответствия между предметами, столь мало соизмеримыми; и как бы ни просвещали меня на этот счет изо дня в день собратья мои сочинители, я не вижу, что общего ваше королевское высочество могли бы иметь с комедией, мною подносимой. Не в том, разумеется, затруднение, как воздать вам хвалу. Предмет очевиден; и с какой бы стороны ни взглянуть на ваше высочество, можно встретить лишь преизбыток славы и преизбыток достоинств. Вы ими блещете со стороны звания и рождения, что заставляет весь свет почитать вас. Вы ими блещете со стороны умственного и телесного изящества, что заставляет всех, кто вас видит, восхищаться вами. Вы ими блещете со стороны души, что — если позволительно выразиться так — заставляет всех, имевших честь к вам приблизиться, любить вас; я говорю о той пленительной кротости, с какою вам угодно умерять величие вашего звания; о той обаятельной доброте,

о той великодушной приветливости, какую выказываете всем. И я чувствую, что об этих последних достоинствах ваших в особенности — я не в силах буду молчать. И все же, ваше высочество, я не знаю, какими окольными путями ввести сюда столь ослепительные истины; по моему суждению, это предметы слишком большого размера и слишком возвышенного достоинства, чтобы можно было включать их в послания и смешивать с безделками. Приняв все это во внимание, я считаю, ваше высочество, что мне остается просто посвятить вам мою комедию и уверить вас в глубочайшем почтении вашего,

ваше королевское высочество,
всенижайшего, всепокорнейшего
и всепреданнейшего слуги

Ж.-Б. Мольера

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие порицали сначала эту комедию; но смеявшиеся были за нее, и всё дурное, что говорилось о ней, не помешало успеху, вполне меня удовлетворившему.

Я знаю, от меня в этом издании ждут предисловия с ответом моим судьям и с оправданием моего труда; и, разумеется, я настолько обязан всем, ее одобрявшим, что счел бы долгом отстаивать их суждение против суждений других; но бо́льшая часть того, что я мог бы сказать об этом предмете, уже изложена в рассуждении, имеющем форму диалога, с которым я еще не знаю, как поступить. Мысль об этом диалоге, или, если угодно, об этой небольшой комедии, пришла мне после двух или трех представлений моей пьесы. Я высказал эту мысль в одном доме, где проводил вечер; и тогда одному лицу из высшего света, тонкий ум которого хорошо известен всем, лицу, которое оказывает мне честь своей любовью, проект мой показался достойным не только того, чтобы поощрить меня за него взяться, но и того, чтобы самому заняться им; и, к моему удивлению, дня через два он показал мне готовое сочинение, поистине более изящное и остроумное, чем всё, что я мог бы написать, но заключавшее слишком лестные для меня суждения; и я побоялся, поставив это произведение на сцене, навлечь на себя обвинения в выпрашивании похвал. Во всяком случае, это помешало мне, по некоторым соображениям, окончить начатое. Но столько голосов изо дня в день торопят меня это сделать, что

я не знаю как и быть; вследствие этих именно колебаний я не помещаю в этом предисловии того, что увидят в *Критике*, если только я решусь ее выдать в свет. Если же решусь, то, повторяю, лишь в отместку публике за неприятности, причиненные мне некоторыми тонкими ценителями; ибо я, с своей стороны, вполне отомщен успехом моей комедии; и я желал бы, чтобы все следующие пьесы мои были встречены подобным же образом, лишь бы и в остальном судьба их была та же.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А р н о л ь ф, иначе господин де-Ласуш.
А г н е с а, невинная молодая девушка, воспитанница Арнольфа.
О р а с, возлюбленный Агнесы.
А л е н, крестьянин, слуга Арнольфа.
Ж о р ж е т а, крестьянка, служанка Арнольфа.
К р и з а л ь д, друг Арнольфа.
Э н р и к, зять Кризальда.
О р о н т, отец Ораса и близкий друг Арнольфа.
Н о т а р и у с.

Место действия — городская площадь

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кризальд, Арнольф

Кризальд

Итак, вернулись вы и женитесь на ней?

Арнольф

Да. И хотел бы всё покончить поскорей.

Кризальд

Мы здесь одни сейчас и можем, без сомненья,
Спокойно взвесить всё и все принять решенья.
Я сердце вам открыть по-дружески стремлюсь:
За вашу участь я, поверьте мне, боюсь;
Как дело ни пойдет, при всяком обороте,
Вы легкомысленно себе жену берете.

Арнольф

Конечно, добрый друг! Возможно, что у вас
Не мало поводов тревожиться за нас.
По-вашему, рога — супружества примета:
Ваш лоб, я думаю, сам просится на это.

Кризальд

Всё — дело случая, владеть им не дано;
Заботиться о том и глупо, и смешно.
Боюсь другого я: боюсь насмешки едкой,

Которая мужей преследует нередко;
Вы знаете — никто, велик он или мал,
От вашей критики спасения не знал,
И где б вы ни были, вам любы неизменно
Хитросплетения интриги сокровенной.

Арнольф

Пусть так. Но где найду подобный город я,
Где были бы, как здесь, смиренные мужья?
Не правда ли? Они, казалось бы, различны,
Но к обстоятельствам все, как один, привычны.
Тот денег накопил — жена же в свой черед
Их украшавшим лоб супруга раздает,
Тот — поудачливей, но не честней нимало,
Не прочь, чтобы жена подарки принимала
И, ревностью души не омрача своей,
Дань добродетели в них видит, веря ей.
Один отчаянно шумит — но всё без толку,
Другой — невозмутим, зевает втихомолку
И, лишь гостей в окно успеет разглядеть,
Перчатки, шляпу, плащ торопится надеть;
Та, баба ловкая, супругу без опаски
Про волокит своих рассказывает сказки,
А олух, торжество свое вообразя,
Еще жалеет тех, кого жалеть нельзя;
Та, чтобы оправдать расход необычайный,
Выдумывает вздор про выигрыш случайный;
Да, но в какой игре, про то она молчит,
Меж тем как муж-болван судьбу благодарит.
Сюжеты славные, в сатиру все годятся,
И наблюдателю возможно ль не смеяться?
И наших дураков...

Кризальд

Но кто смеяться рад,
Того насмешками, в отместку, не щадят.
Все рады поболтать, для многих наслажденье

О происшествиях ввернуть свои сужденья,
Но сам я, слушая их разговоры, — нем,
Восторга никогда не выражу ничем,
Я скромен; и хотя, при случае, наверно
Я б возмутиться мог терпимостью чрезмерной,
Хотя переносить отнюдь не склонен я
Всё то, что многие перенесли мужья,
Но в этом никогда не стану признаваться:
Ведь надо, наконец, сатиры опасаться;
И биться об заклад не стал бы я никак,
Что совершу такой, а не такой-то шаг;
А если надо лбом моим, по воле рока,
Беда бесславная стряслась бы вдруг жестоко,
Предвидеть следствия могу наверняка:
Раздастся, может быть, смешок исподтишка,
А может быть, и то мне счастье подоспеет:
Какой-нибудь добряк меня же пожалеет;
Но с вами, куманек, совсем иная стать:
Вы собираетесь чертовски рисковать;
Вы столько раз мужей несчастных укоряли
И едкий язычок над ними изощряли,
Прослыли до того страшилищем для всех,
Что, чуть оступитесь, — как не замедлит смех;
И стоит повод вам ничтожнейший доставить —
Вас будут рады все на всех углах бесславить,
И...

Арнольф

Боже мой, к чему вы мучитесь, сосед?
Не проведут меня плутовки эти, нет!
Я хитростей знаток, как ни были бы тонки,
Которыми рога сажают нам бабенки,
А чтобы в дураках не оказаться вдруг,
Заблаговременно я всё расчел, мой друг.
И та, на ком женюсь, — невинность без укора, —
Мой обеспечит лоб от всякого позора.

Кризальд

Но глупая жена, не правда ли, сама...

Арнольф

Кто глупую берет, тот не лишен ума.
Охотно верю я в ум вашей половины,
Но я смышленых жен боюсь не без причины,
И многим дорого обходится жена,
Которая умом большим одарена.
Я тяготился бы женой из тех, ученых,
Которая блистать старалась бы в салонах,
Писала б вороха и прозы, и стихов
И принимала бы вельмож и остряков,
Меж тем как я, супруг подобного созданья,
Томился б, как святой, лишенный почитанья.
Нет, нет, высокий ум совсем не так хорош,
И сочинительниц не ставлю я ни в грош!
Пускай моя жена в тех тонкостях хромает,
Искусства рифмовать пускай не понимает;
Игра в «корзиночку» затеется ль когда
И обратятся к ней с вопросом: «Что сюда?»,
Пусть скажет «пирожок» или иное слово
И прослывет пускай простушкой бестолковой;
Жену не многому потребно обучить:
Умей любить меня, молиться, прясть и шить.

Кризальд

По-вашему, жена тем лучше, чем глупее?

Арнольф

Да, и дурнушка мне, и глупая милее,
Чем та, что чересчур красива и умна.

Кризальд

Но ум и красота...

Арнольф

Была бы лишь честна!

Кризальд

Но как вы можете, скажите, поручиться,
Что дура честностью сумеет отличиться?
Не говоря про то, что скуки не избыть,—
Бок о бок с дурою век целый проводить,—
Но с нею и на честь напрасно упованье:
С ней обеспечить лоб не будет основанья.
Порой и умница умеет обмануть,
Но нужно, чтоб она избрала этот путь;
А глупая жена изменит, не желая,
Без дальних хитростей, вины не понимая.

Арнольф

На этот довод ваш, хоть я бы промолчал,
Уже Пантагрюэль Панургу отвечал:
К союзу с умницей внушайте мне влеченье,
До самой троицы твердите поученья,
Но изумитесь вы, увидев наконец,
Что убедить меня не в силах и мудрец.

Кризальд

Что ж, я молчу.

Арнольф

Своя у каждого метода.
И в этом, как во всем, мне безразлична мода.
Довольно я богат, чтобы моя жена
Мне одному была во всем подчинена,
Чтобы ни в знатности породы, ни в именьи
Нельзя ей было взять над мужем предпочтенье.
Она и девочкой была других скромней.
Я с детских лет ее дышу любовью к ней.
Узнав, что с матерью ей нечем пропитаться,
Я воспитанием ее решил заняться;
Крестьянка добрая словам моим внняла
И снять обузу с плеч радехонька была.

В одном монастыре, укромном и спокойном,
Я воспитал ее, как полагал пристойным,
Следил, намеренье преследуя свое,
Чтоб в полной простоте растили мне ее,—
И, слава небесам, добился я успеха:
В ее невинности мне лучшая утеха;
Благодарю судьбу, что вижу наконец
По вкусу моему супруги образец.
Я взял ее к себе, но дом мой, как известно,
Открыт для всякого, и от гостей в нем тесно;
Я все опасности тотчас сообразил
И в домике ее отдельном поселил;
А чтобы простоты не исказить природной,
Я окружил ее людьми натуры сходной.
Вы скажете: к чему вся эта речь моя?
Чтоб вы увидели, как осторожен я.
Я дружбу верную вам доказать желаю:
Вас с ней отужинать сегодня приглашаю;
Хочу, чтоб вы, ее немного испытав,
Решили, в выборе я прав или не прав.

Кризальд

Охотно.

Арнольф

Вынести легко вам впечатленье
О свойствах этого невинного творенья.

Кризальд

О, что до этого, я верю вам вполне;
Вы столько...

Арнольф

Многое еще известно мне.
На простоту ее с восторгом я взираю,
Зато и со смеху частенько помираю.
Однажды (верьте мне, я очень вас прошу)

В надежде, что ее сомненья разрешу,
Она, исполнена невиннейшего духа,
Спросила: точно ли детей родят из уха?

Кризальд

Я очень рад за вас, сеньёр Арнольф...

Арнольф

Опять!
Иль именем другим не можете назвать?

Кризальд

Ах, это — с языка само собой сорвется!
Ласушем вас назвать никак не удается.
На чорта вам сдалась, я не могу понять,
Причуда — в сорок лет прозвание менять:
Имение Ласуш пошло от пня гнилого.
Ужель украсит вас столь низменное слово?

Арнольф

Предать имение известности я рад,
Да и звучит Ласуш приятней во сто крат.

Кризальд

От имени отцов вы отреклись напрасно
И взяли новое, пленясь мечтой неясной.
Подобным зудом кто теперь не одержим?
Задеть вас не хочу сравнением своим,
Но мне припомнился крестьянин Пьер-Верзила:
Когда его судьба усадьбой наградила,
Канавой грязною он окопал свой двор
И называться стал де-Л'Илем с этих пор.

Арнольф

Нельзя ли обойтись вам без таких сравнений?
А я зовусь Ласуш — без дальних рассуждений;
Мне имя подошло, мне мил и самый звук,
И кто меня зовет иначе — мне не друг.

Кризальд

Но вряд ли большинство так просто подчинится.
В письме по-старому к вам каждый обратится.

Арнольф

Я не взыщу с того, кто не был извещен,
Но вы...

Кризальд

Пусть будет так: я вами убежден;
Согласья доброго мы с вами не нарушим,
Я приучу язык вас называть Ласушем.

Арнольф

Прощайте. Я теперь хочу зайти в свой дом
О возвращении уведомить своем.

Кризальд *(уходя)*

Рехнулся он в уме: теперь мне это ясно.

Арнольф *[один]*

В нем много странностей, задеть его опасно.
Как удивительно: все рвением горят,
За мнения свои бороться каждый рад!
[Стучит в дверь]
Эй-эй!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ален, Жоржета, Арнольф

Ален

Кто там стучит?

Арнольф

Откройте.
[Про себя]

Я у цели.
Соскучиться они за десять дней успели.

Ален

Да кто там?

Арнольф

Это я.

Ален

Жоржета!

Жоржета

Ну?

Ален

Скорей!

Жоржета

Сам открывай.

Ален

Нет, ты!

Жоржета

Я не пойду, ей-ей.

Ален

Я тоже не пойду.

Арнольф

Не правда ли, учтиво?
А мне — стоять и ждать? Эй! Открывайте живо!

Жоржета

Кто тут?

Арнольф

Ваш господин.

Жоржета

Ален!

Ален

Что?

Жоржета

Господин.
Открой же!

Ален

Ты открой.

Жоржета

Да я топлю камин.

Ален

Я за чижом смотрю: не сцапала бы кошка.

Арнольф

Эй! Кто из вас двоих промедлит хоть немножко,
Тот будет без еды сидеть четыре дня.
Эй!

Жоржета

Вот и побежал: как будто нет меня!

Ален

Да чем же хуже я? Попробуй, догадайся!

Жоржета

Ну, убирайся прочь!

Ален

Сама ты убирайся!

Жоржета

Я дверь хочу открыть.

Ален

Нет, я открою дверь.

Жоржета

Ты? Нет!

Ален

Да уж не ты!

Жоржета

Но и не ты, поверь.

Арнольф

Терпеньем должен я большим вооружиться!

Ален [*входя*]

Уж я-то, сударь, здесь.

Жоржета [*входя*]

Имею честь явиться,
Я здесь.

Ален

Да, если б тут не господин стоял,
Так я б тебя...

Арнольф (*получая удар от Алена*)

О чорт!

Ален

Простите.

Арнольф

Вот нахал!

Ален

Но, сударь, и она...

Арнольф

Молчать! Довольно вздору!
Я буду спрашивать, а вы забудьте ссору.
Ну, что же, как, Ален, шли без меня дела?

Ален

Мы, сударь... Сударь, мы... Создателю хвала,
Мы...

(*Арнольф три раза снимает с него шляпу*)

Арнольф

Кто вас научил, о гнусная скотина,
С покрытой головой смотреть на господина?

Ален

Простите. виноват.

Арнольф [*Алену*]

Агнесу мне позвать.
Пришлось ей без меня немало поскучать?

Жоржета

Скучать? Ну, нет.

Арнольф

Нет?

Жоржета

Нет.

Арнольф

Что ж так?

Жоржета

Даю вам слово!
Не раз казалось ей, что вы вернулись снова:
Пройдет ли мул, осел иль лошадь мимо нас,
Она готова всех была принять за вас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агнеса, Ален, Жоржета, Арнольф

Арнольф

С работою в руках! Как это мне приятно.
Ну, что ж, Агнеса, вот — вернулся я обратно:
Вы рады этому?

Агнеса

Я рада, сударь, да-с.

Арнольф

Я тоже очень рад опять увидеть вас.
У вас хороший вид: вы верно не хворали?

Агнеса

Вот только блохи спать частенько мне мешали.

Арнольф

Ну, скоро кто-то гнать их будет по ночам.

Агнеса

Вот будет хорошо!

Арнольф

Еще бы! Знаю сам.
А что вы шьете?

Агнеса

Шью себе чепец я новый.
Рубашки, колпаки для вас уже готовы.

Арнольф

Отлично! А теперь идите, мой дружок,
И не скучайте: я приду через часок
И много важного скажу вам при свиданьи.

[*Все уходят*]

Вы, героини дня, ученые созданья,
От коих нежностей вздымается туман!
Сравнится ль хоть одна поэма иль роман,
Тяжеловесный труд иль мадригал учтивый
С ее наивностью и честной, и стыдливой!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орас, Арнольф

Арнольф

Бывает человек нередко ослеплен,
Но честностью всегда... Что вижу? Так ли? Он!
Я ошибаюсь... Нет! Он самый, нет сомненья,
Ор...

Орас

Сеньёр Ар...

Арнольф

Орас...

Орас

Арнольф...

Арнольф

Я в восхищеньи!
Давно приехали?

Орас

Дней девять.

Арнольф

Долгий срок!

Орас

Я был уже у вас, но вас застать не мог.

Арнольф

Да, я в деревне был.

Орас

Я знаю: две недели.

Арнольф

Как дети-то растут, как годы пролетели!
Ведь любо поглядеть, какой он молодец;
Ну, а давно ли был вот этакий птенец!

Орас

Как видите.

Арнольф

А что родитель ваш почтенный,
Мой добрый друг Оронт, мне милый неизменно?
Чем занят он теперь? Такой же всё шутник?
Во всем сочувствовать ему я так привык,
Но пятый год пошел, как мы совсем расстались.

Орас

И даже письмами с тех пор не обменялись!
Что ж, он, сеньёр Арнольф, бодрей обоих нас.
Письмо вам от него я передам тотчас.
Но он меня в письме позднейшем извещает,
Что будет сам сюда, зачем — не объясняет.
Не знаете ли, кто из здешних горожан
Сюда на родину из дальних едет стран,
В Америке стяжав немалое именье?

Арнольф

Нет. Как зовут его?

Орас

Энрик.

Арнольф

Прошу прощенья,
Не знаю.

Орас

Мне отец упомянул о нем,
Как будто он со мной уже давно знаком.
Как пишет он, сюда спешат они совместно
Для дела важного, какого — неизвестно.

[*Орас отдает Арнольфу письмо Оронта*]

Арнольф

Конечно, буду я отменно рад ему
И в доме у себя по-дружески приму.

[*Прочитав письмо*]

Как чинно пишет он! Как будто мы не дружны!
Все эти тонкости, по-моему, не нужны,
И если б вовсе он меня и не просил,
Я все равно бы вам мой кошелек открыл.

Действие первое

Орас

Поймать вас на́ слове не откажусь я точно:
Да, мне пистолей сто необходимы срочно.

Арнольф

Меня вы истинно обяжете, дружок;
Я рад, что захватил с собою кошелек.
Возьмите вместе с ним.

Орас

Я должен...

Арнольф

Не мудрите!
Ну, как понравился наш город вам, скажите?

Орас

Здесь много жителей, красивые дома;
Я думаю, что здесь и развлечений тьма.

Арнольф

У каждого своя манера веселиться;
Но кто любезником прослыть не побоится,
Тому пожива здесь окажется всегда.
Все дамы здешние кокетки хоть куда;
Нежны и русые, и черные красотки,
Да и мужья у них — все, как нарочно, кротки.
Ведь это смех и грех! И, оглядясь кругом,
Здесь потешаюсь я порядочно тайком.
Кого-нибудь и вы, быть может, подцепили?
Уж если случай был, вы вряд ли упустили!
Такие молодцы — счастливей богачей,
Вы словно созданы, чтоб делать рогачей.

Орас

Мне истину таить не стоит, без сомненья.
Да, я в любовное ввязался приключенье,
И вам по-дружески готов я дать отчет.

Арнольф [*в сторону*]

Так, так! Послушаем новейший анекдот.
К моим запискам мне вернуться можно снова.

Орас

Но умоляю вас, чтоб никому ни слова...

Арнольф

О!..

Орас

В случаях таких раскрывшийся секрет
Все наши замыслы способен свесть на нет.
Итак, признаться вам готов я откровенно,
Что я красавицей пленился несравненной,
И столь была моя настойчивость сильна,
Что мне взаимностью ответила она.
Хвалиться более — мне, право, неприлично,
Но, признаюсь, пошли дела мои отлично.

Арнольф [*смелясь*]

Да с кем же?

Орас [*указывая ему на жилище Агнесы*]

С юною красавицей одной.
Живет она вот здесь, за красною стеной;
Наивна до того, что, право, озадачит, —
Затем что опекун ее от света прячет,
Хотя сообразить не мог он одного:
Что блещут прелести ее и без того;
От милого лица какой-то негой веет;
Какое сердце ей противиться посмеет?
Но может быть и то — знакома вам она,
Сия звезда любви, что прелестью полна,
Агнеса...

Арнольф [*в сторону*]

Чорт возьми!

Орас

Девицу опекает
Лазус... Ласурс... В уме фамилия мелькает,
Но я запоминать старался не весьма;
Богатым он слывет, недальнего ума
И по рассказам мне забавен показался.
Вы знаете его, быть может?

Арнольф [*в сторону*]

Вот попался!

Орас

Ну, что ж молчите вы?

Арнольф

Да, знаю, как не знать!

Орас

Он сумасшедший?

Арнольф

Э...

Орас

Так что ж? Как вас понять?
«Э», верно, значит «да»? Ревнивец невозможный
И лгун? Я вижу, слух идет о нем неложный.
Но я Агнесою порабощен вполне;
Она — жемчужина, прошу вас, верьте мне,
И было бы грешно, когда бы я позволил,
Чтобы такой дикарь ее красу неволил.
Усилия готов я тратить без числа,
Чтоб назло извергу она моей была,
И денег попросил у вас я без стесненья,

Чтоб до конца довесть скорее приключенье.
Вы сами знаете, — чиниться нет причин, —
Что золото есть ключ для всех больших пружин,
Что нежный сей металл, ведя к немалым бедам,
В любви, как на войне, содействует победам.
Но вам не по себе, я вижу; отчего?
Не одобряете вы плана моего?

Арнольф

Нет, но...

Орас

Беседою могли вы утомиться.
Прощайте. Скоро к вам почту за долг явиться.

Арнольф

Ведь надо же...

Орас [*возвращаясь*]

Еще прошу вас об одном:
Ни слова никому об умысле моем.

Арнольф

Что вынес я!

Орас [*возвращаясь*]

Меня особенно тревожит,
Чтоб не узнал отец: он рассердиться может.

Арнольф [*думая, что Орас опять возвращается*

О!.. О! Беседой я нежданной удручен!
Бывал ли кто-нибудь, подобно мне, смущен?
Как опрометчиво и слишком торопливо
Всё мне же самому изобразил он живо!
Он в новом имени признать меня не мог,
Но безрассудный гнев его всего зажег.
И всё же я с собой не совладал напрасно,

Не уяснил себе всего, что мне опасно.
Он всё бы выболтал, не обинуясь, мне,
И всю интригу их узнал бы я вполне.
Попробую догнать: он здесь неподалеку;
Попробую узнать всей тайны подоплеку.
Предвижу для себя изрядную беду:
Спешу на поиски, не зная, что найду.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арнольф

Да, если рассудить, то я жалеть не буду,
Что сбился я с пути, ища его повсюду:
Забота сильная, что̀ сердце обняла,
От зоркости его укрыться б не могла;
Ему открылась бы души моей тревога,
А я бы не хотел, чтоб знал он слишком много.
Но я в своих делах помехи не терплю;
Дороги щеголю вовек не уступлю,
Разрушу план его и разузнаю смело,
Как далеко могло зайти меж ними дело.
Здесь, может статься, честь моя оскорблена,
Она в глазах моих — уже моя жена;
Едва оступится — могу стыдом покрыться,
Всё, что ни сделает, — на мне же отразится.
О роковой отъезд! Нежданная беда!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ален, Жоржета, Арнольф

Ален

Ах, сударь, в этот раз...

Арнольф

Идите-ка сюда,
И оба, — ну же, ну, — идите же, идите!

Жоржета

Ах! леденеет кровь: вы так меня страшите.

Арнольф

Так вот как помнили о деле вы моем?
Вы предали меня — по сговору, вдвоем?

Жоржета

Не надо, сударь! Ах! везде-то неудачи!

Ален [*в сторону*]

Собакой бешеной искусан, не иначе.

Арнольф [*в сторону*]

Уф! не найду и слов, не легок мой удел;
Мне душно; догола раздеться б я хотел.

[*Алену и Жоржете*]

По вашей милости, о дьявольское племя,
Мужчина здесь бывал... Бежать теперь не время,
Должны не медля вы... Ни с места! Я тотчас
Доведаться хочу... да, от обоих вас...
Кто двинется, ей-ей, на месте мертвым ляжет!
Ну, как попал в мой дом молодчик, кто мне скажет?
Эй, живо! разом! вмиг! скорее! Кто впустил?
Не спать! Вы скажете?

Ален и Жоржета

Ах!

Жоржета

Право, я без сил.

Ален

Я умер!

Арнольф

Я в поту — мне нужно отдышаться.
Пойти, проветриться немного, прогуляться.
Да, мог ли думать я, когда он был дитя,
Зачем он вырастет? Я болен не шутя!
Не попытаться ли, орудуя умело,
Из самых уст ее узнать, как было дело?
Попробуем смирить порыв досады злой.
Ты, сердце, не стучи: покой, покой, покой.

[*Алену и Жоржете*]

Встать! и Агнесе вмиг велеть ко мне спуститься.
Постойте!

[*В сторону*]

Если так, она не удивится:
Ее предупредят о ревности моей;
Мне лучше самому отправиться за ней.

[*Алену и Жоржете*]

Дождитесь здесь меня!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ален, Жоржета

Жоржета

Ах, бог мой! Как ужасно!
Как я боюсь его! С ним час пробыть опасно!
Где сыщется такой дрянной христианин?

Ален

Я говорил тебе: виной тот господин.

Жоржета

Но, чорт его возьми, к чему ж он так хлопочет?
Зачем он барышню держать под стражей хочет,
От света целого упечь ее в тюрьму,
Где близко подойти нельзя к ней никому?

Ален

Всё дело в ревности: она его тревожит.

Жоржета

Но как же вздор такой его тревожить может?

Ален

Всё дело в том, что он... что очень он ревнив.

Жоржета

Ну да, но отчего? И так несправедлив?

Ален

Затем, что в ревности... вот видишь ли, Жоржета,
Какая штука здесь: противней нет предмета...
На месте, кто ревнив, никак не усидит.
Всю эту мысль тебе сравненье объяснит,
Для пущей ясности пример хороший нужен:
Скажи, не правда ли, как сядешь ты за ужин
И станет кто-нибудь твою похлебку есть,
Такую дерзость ты захочешь вряд ли снесть?

Жоржета

Так, понимаю.

Ален

Здесь такие же причины.
Ведь женщина и есть похлебка для мужчины,
И ежели наш брат сумеет угадать,
Что пальцы думают в нее друзья макать,
Тотчас же злится он и лезть готов из кожи.

Жоржета

Так, так; да на него не все же ведь похожи.
Как поглядишь кругом, — довольны и мужья,
Что завелись у жен красавчики-друзья.

Ален

Не всякий же такой влюбленный объедало,
Что хочет всё себе.

Жоржета

В глазах ли замелькало,
Иль он идет назад?

Ален

Глаза не лгут: идет.

Жоржета

Смотри, как хмурится.

Ален

Да, от больших забот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арнольф, Агнеса, Ален, Жоржета

Арнольф

Сам Август некогда — так говорит преданье —
Ог грека-мудреца услышал назиданье,
Что, если гнев начнет на сердце накипать,
Полезно азбуку сначала прочитать,
Чтоб желчь умерилась, и улеглась досада,
И чтоб не сделать нам того, чего не надо.
Его урок и я сегодня применил:
Сюда умышленно Агнесу пригласил,
Как будто для того, чтоб только прогуляться;
Чтобы сомненьями мне больше не терзаться,
Ее на разговор искуснее навесть
И, тайну выведав, всё разъяснить, как есть.

(*Агнесе*)

Прошу!

(*Алену и Жоржете*)

Домой!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арнольф, Агнеса

Арнольф

Ведь вам гулять не будет скучно?

Агнеса

О, нет!

Арнольф

Прекрасный день.

Агнеса

Да!

Арнольф

Всё благополучно?

Агнеса

Котенок мой издох.

Арнольф

Конечно, жаль; но что ж?
Всем надо умереть, и мертвых не спасешь.
Здесь не было дождя, пока я не был дома?

Агнеса

Нет.

Арнольф

Вы скучали?

Агнеса

Нет, мне скука не знакома.

Арнольф

Но что ж вы делали все десять дней одна?

Агнеса

Я сшила шесть рубах и колпаки сполна.

Арнольф (*после некоторого раздумья*)

У света, милый друг, есть странностей немало.
Его злословие кого не задевало?
Конечно, это всё пустая болтовня,
Что некий здесь бывал мужчина без меня,
Что с ним какие-то вели вы разговоры.
Но не поверил я: всё это, верно, вздоры,
И в этом я готов побиться об заклад.

Агнеса

И проиграете: вам правду говорят!

Арнольф

Как — правду? С вами, здесь?

Агнеса

Конечно, что ж такого?
С утра до вечера сидел, даю вам слово.

Арнольф (*в сторону*)

Я откровенности не ожидал такой!
Но это добрый знак, знак простоты большой.

(*Громко*)

Однако, помнится, при нашем расставаньи
Я строго запретил вам всякие свиданья.

Агнеса

Но этой встречи вы предвидеть не могли,
Клянусь, и вы себя не иначе б вели.

Арнольф

Пусть так. Скажите же мне обо всем пространно.

Агнеса

Вы не поверите, как всё случилось странно.
Однажды на балкон присела я с шитьем,
Как вдруг увидела: под ближним деревцом —
Красивый господин; он взор мой, видно, встретил
И тут же вежливым поклоном мне ответил,
И я, невежливой прослыть не захотев,
Ответила ему, почтительно присев.
А после нового учтивого поклона
Вторично отвечать пришлось и мне с балкона;
Затем последовал и третий в тот же час;
Ответила и я, не медля, в третий раз.
Он ходит взад, вперед; и лишь подходит ближе,
Всё кланяется мне, и с каждым разом ниже;
И я — мой взгляд за ним внимательно следил —
Тотчас же кланялась, когда он проходил;
И, если б темнота ночная не настала,
Я б верно без конца всё то же продолжала.
И не сдалась бы, нет, а то, избави бог,
Невежливей себя меня почесть он мог!

Арнольф

Так, так.

Агнеса

Наутро же, едва я дверь открыла,
Ко мне какая-то старушка подступила,
Шепча: «Дитя мое, пусть бог вас оградит
И вашу красоту надолго сохранит!
Не для того господь вас сотворил прелестной,
Чтоб зла виновником был дар его небесный;
Да, надо вам узнать: вы причинили зло,
Вы в сердце ранили кого-то тяжело».

Арнольф (*в сторону*)

О, чтоб ко всем чертям мерзавка провалилась!

Агнеса

«Я в сердце ранила?» — я страх как удивилась!
«Да, — говорит она, — вы ранили как раз
Того, кто был вчера здесь, невдали от вас».
«Ума не приложу, — старушке я сказала, —
Уж не с балкона ль что тяжелое упало?»
«Нет, — говорит она, — глаза всему виной;
От взгляда вашего страдает наш больной».
«Как! — изумилась я, — о боже! Зло от глаза!
Откуда же взялась в глазах моих зараза?»
«Да, — говорит, — они всю пагубу таят,
В них есть, дитя мое, вам неизвестный яд.
Бедняжке не шутя опасность угрожает,
И если, — добрая старушка продолжает, —
Откажете ему вы в помощи своей,
То будет он в гробу на этих днях, ей-ей».
«О боже, — говорю, — коль так, и я страдаю,
Но чем ему помочь — никак не угадаю».
«Его, — сказала та, — не трудно излечить:
Он хочет видеть вас и с вами говорить,
Чтобы от гибели его предохранили
Те самые глаза, что горе причинили».
«Ну, — говорю, — коль так, я помогу всегда;
Он может хоть сейчас придти ко мне сюда».

Арнольф (*в сторону*)

Ах, ведьма гнусная! разносчица отравы!
За эти происки дождись в аду расправы!

Агнеса

Так он пришел ко мне, и хворь с него сошла.
Ну, в чем, скажите мне, вина моя была?
И как, по совести, могла я согласиться
Дать умереть ему и не помочь лечиться,
Когда мне жалко всех, кто горе перенес:
Цыпленок ли умрет — и то не скрою слез.

Арнольф (*в сторону*)

В ее невинности сомненья невозможны;
Виною мой отъезд, увы, неосторожный.
Она без помощи оставлена была
В добычу хитрости и всем соблазнам зла.
Повеса же, боюсь, готов на что угодно.
Как знать, не слишком ли он вел себя свободно?

Агнеса

Что с вами? Сердитесь вы на мои слова?
Или, по-вашему, была я не права?

Арнольф

Нет. Но скажите мне о том, что дальше было,
Как вел себя ваш гость, как время проходило.

Агнеса

О, если б знали вы, как счастлив стал он вдруг,
Как с первого же дня прошел его недуг,
Какую мне поднес шкатулку из эбена,
Как деньгами дарил Жоржету и Алена, —
Вы полюбили бы его не меньше нас.

Арнольф

Но что же делал он, когда бывал у вас?

Агнеса

Он клялся мне в любви, в любви великой силы,
И говорил слова, и все мне были милы,
Так милы, что ни с чем их не могу сравнить.
Бывало, лишь начнет об этом говорить,
Как что-то сладкое щекочет, задевает,
Сама не знаю что, но сердце так и тает.

Арнольф (*в сторону*)

О тягостный допрос о тайне роковой,
Когда допросчик сам томится в пытке злой!
(*Агнесе*)
Но, эти нежные рассказывая сказки,
Не пробовал ли он начать с тобою ласки?

Агнеса

О да! он у меня охотно руки брал
И их без устали все время целовал.

Арнольф

Ну, а не брал ли он у вас чего другого?
(*Заметив, что она смущена*)
Уф!

Агнеса

Он...

Арнольф

Что?

Агнеса

Взял...

Арнольф

Ну-ну?

Агнеса

Мою...

Арнольф

Что ж?

Агнеса

Нет, ни слова!..
Своим рассказом вас я, верно, рассержу...

Арнольф

Нет.

Агнеса

Да.

Арнольф

О боже, нет!

Агнеса

Клянитесь, — я скажу.

Арнольф

Ну, так и быть, клянусь.

Агнеса

Он взял... Вам будет больно.

Арнольф

Нет.

Агнеса

Да.

Арнольф

Нет, нет, нет, нет! Чорт, право, тайн довольно.
Ну, что он взял у вас?

Агнеса

Он...

Арнольф (*в сторону*)

Как в огне стою.

Агнеса

Он как-то у меня взял ленточку мою;
То был подарок ваш, но я не отказала.

Арнольф (*переводя дух*)

Оставим ленточку. Скажите мне сначала:
Он руки целовал и больше ничего?

Агнеса

Как? Разве делают и более того?

Арнольф

Да нет... но, может быть, чтоб исцелить недуги,
От вас он требовал еще другой услуги?

Агнеса

Нет. Если б чем-нибудь полезной я была,
Я б отказать ему, конечно, не могла.

Арнольф (*в сторону*)

Ну, слава богу, сух на этот раз я выйду,
А больше — ей-же-ей — не дам себя в обиду.
(*Агнесе*)
Да, что̀ невинны вы, я тут же присягну.
Что было — кончено; я вас не упрекну;
Но можно ли словам любезника вверяться?
Он мог вас обмануть, а после насмеяться!

Агнеса

О, нет: он повторял всё это столько раз!

Арнольф

Повесы клятвами обманывают вас,
Но знайте: принимать шкатулки благосклонно,
Внимать красавчикам в их трескотне влюбленной
Или позволить им, стесняясь отказать,
То руки целовать, то сердце щекотать —
Всё это смертный грех, караемый сурово.

Агнеса

Грех, говорите вы? Но что же здесь дурного?

Арнольф

Что? Что бы ни было, но приговор гласит,
Что виноватых гнев небесный поразит.

Агнеса

Гнев? Что здесь гневаться? Мне это непонятно.
Всё это, право же, так сладко, так приятно,
Я в восхищении от этого всего,
А до сих пор совсем не знала ничего!

Арнольф

Да, в этих нежностях немало наслажденья:
И сладкие слова, и ласка в обхожденьи;
Но быть должна душа, вкушая их, честна:
Одним замужеством снимается вина.

Агнеса

А для замужней в том уж нет греха, скажите?

Арнольф

Нет.

Агнеса

Так с замужеством моим вы поспешите!

Арнольф

Когда согласны вы, согласен я всегда.
Для брака этого и прибыл я сюда.

Агнеса

Возможно ль это?

Арнольф

Да.

Агнеса

О, как я буду рада!

Арнольф

Не сомневаюсь я: свершить обряд нам надо.

Агнеса

Итак, обоих нас?..

Арнольф

Сомненья бросьте — да.

Агнеса

Как приласкаю вас за это я тогда!

Арнольф

Ну, что до этого — я тоже не отстану.

Агнеса

Не кроется ли здесь насмешки иль обману?
И вы не шутите?

Арнольф

Слова мои — кремень.

Агнеса

Я буду замужем?

Арнольф

Да.

Агнеса

Скоро?

Арнольф

В сей же день.

Агнеса (*смеясь*)

Как!

Арнольф

Нынче ж вечером; вам этот срок годится?

Агнеса

Да.

Арнольф

Рад вам угодить и буду торопиться.

Агнеса

Как благодарна я, как вы полны забот!
Какое счастье с ним меня отныне ждет!

Арнольф

Как? с кем?

Агнеса

Ну... с тем...

Арнольф

Ах, с тем?.. Ну, нет, дружок, шалите!
Супруга выбирать вы чересчур спешите.
Нет, вашу участь я совсем не так решу.
А с тем — покончено. Покорно вас прошу
(Достоин смерти он за эти похожденья),
Вы с ним должны прервать немедленно сношенья,
И, если сунется любезничать теперь,
Вы под носом ему должны захлопнуть дверь,
А если не уйдет — в окошко камень бросьте;
Посмотрим, как потом пожалует он в гости!
Агнеса, слышите? Я спрячусь в уголок
И послежу, как вы запомнили урок.

Агнеса

Он так красив! Ужель...

Арнольф

Подумать! не согласна!

Агнеса

Не хватит духу, нет!

Арнольф

Вы ноете напрасно.
Ступайте!

Агнеса

Да, но вы...

Арнольф

Довольно обсуждать.
Я в праве требовать и послушанья ждать.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арнольф, Агнеса, Ален, Жоржета

Арнольф

Всё чудно кончилось, я радуюсь по праву:
Мои приказы вы исполнили на славу,
Красавца хитрого сумели пристыдить.
Что значит юностью умно руководить!
Агнеса, вы спаслись от участи ужасной;
Да, вашей чистоте грозил удел опасный,
И если бы не я — могли вы соскользнуть
На тот погибельный, ведущий к аду путь.
Всех этих щеголей повадка вечно та же:
Кафтаны пышные, и ленты, и плюмажи,
Их кудри, блеск зубов и сладкий звук речей —
За этим всем легко не разглядеть когтей;
Но это — дьяволы: отбросят вмиг личину,
Погубят женщину и увлекут в пучину.
Но, повторяю вновь: хотя не без труда,
Вы миновали все засады без стыда.
Сей камень, кинутый рукою вашей смело,
Лишив его надежд на окончанье дела,
Склоняет и меня сильнее поспешить
И брак задуманный, не медля, совершить.
Но вам, я думаю, полезно для вступленья
Прослушать речь мою и в ней — нравоученье.

(*Жоржете и Алену*)

Сюда подайте стул! И если вы хоть раз...

Жоржета

Мы будем помнить всё, что слышали от вас;
Тот господин всегда нас уверял, положим,
Но...

Ален

С тем покончено, мы в том ручаться можем.
Да и хорош же он: червонцы нам дает,
А веса полного в иных недостает.

Арнольф

Так приготовьте же, какой велел я, ужин.
Затем, как я сказал, контракт нам брачный нужен.
Пусть кто-нибудь из вас пойдет и позовет
Нотариуса мне, что на углу живет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арнольф, Агнеса

Арнольф (*сидя*)

Агнеса, в сторону работу отложите
И слушайте меня; головку поверните,
Смотрите вот сюда, пока я речь держу.
Запоминайте всё, до слова, что скажу.
Я выбрал в жены вас — и вы должны стократно
Благословлять удел, для вас благоприятный,
И, помня о своей прошедшей нищете,
Моей неслыханной дивиться доброте.
Не я ли вас лишил ничтожества крестьянки,
Возвел до степени почтенной горожанки
И, ласки вам суля, веду на ложе вас,
Хотя вступить и мог в супружество не раз?
Но счастья я ни с кем доселе не устроил
И этой чести вас впервые удостоил.
Сообразите же, чем быть бы вам пришлось,

Когда б судьбу со мной связать не удалось;
Умейте оценить, как должно, всей душою
Вы состояние, дарованное мною,
И, помня это всё, признайте, что вполне
Поступком таковым хвалиться можно мне.
Агнеса, знайте, брак — не шуточное дело.
Суровый долг лежит на женщине всецело.
Для счастья нашего придется вам, мой друг,
И волю обуздать, и сократить досуг.
Ваш пол — таков закон — рожден повиноваться;
Нам, с бородой, дана и власть распоряжаться.
Хоть половины две в себе вмещает свет,
Меж половинами равенства всё же нет:
Одна — верховная, другая — ей покорна,
Во всем послушна той, чье первенство бесспорно.
Солдат, усвоивший обязанность свою,
Конечно, подчинен начальнику в строю,
Слуга — хозяину, отцу — дитя родное,
Иль брату старшему — брат, что моложе вдвое;
Но это всё не то почтенье до конца,
Повиновением сковавшее сердца,
Какого от жены желает неуклонно
Супруг, ее глава и властелин законный.
Лишь только на нее сурово поглядит —
Ей опустить глаза тотчас же надлежит,
А на него смотреть тогда лишь ей пристало,
Когда его лицо улыбкой заблистало.
Не всё вы встретите у нынешней жены,
Но вы примерами смущаться не должны.
Кокеткам нет числа: бегите их заразы;
Недаром целый свет поет про их проказы.
Расставлены везде и западни льстецов:
Не слушайте речей кудрявых молодцов.
Я избираю вас женой, а вы поймите, —
Пора уметь и вам урок для жен прочесть, —
Что я вручил вам честь, что вы ее храните,
Что эта честь нежна, кольнет ее пустяк,

Что в деле столь большом играть нельзя никак,
И что в аду, в котлах, назначено вариться
Тем женам, что, живя, не захотят смириться.
И это не мечты: карается порок!
Всем сердцем вы должны мой воспринять урок.
Кокетства избежав, последовав за мною,
Душа украсится лилейной белизною,
Но, своротив с пути и чести не верна,
Как уголь в тот же час окажется черна;
Тогда вы станете для всех противней гада
И в день назначенный — прямой добычей ада
На веки вечные отправитесь кипеть, —
Чего не дай вам бог, конечно, претерпеть.
Довольно, кланяйтесь. Как часослов черницы,
Читают наизусть, страницу за страницей, —
В кармане у меня и руководство есть,

[*Встает*]

Где жен обязанность изложена исправно.
Не знаю автора, но верно малый славный.
Вот собеседник вам на каждый день и час.
Теперь читайте вслух — я буду слушать вас.

Агнеса (*читает*)

ПРАВИЛА СУПРУЖЕСТВА

или

Обязанности замужней женщины вместе с ее каждодневными упражнениями

Первое правило

Жене, кто по закону, честно
На ложе мужнее идет,
Должно быть хорошо известно, —
Каков бы ни был обиход, —
Что муж, ее беря, лишь для себя берет».

Арнольф

Я после объясню вам этих слов значенье.
Пока читайте сплошь, не прерывая чтенья.

Агнеса (*продолжает*)

Второе правило

Благоразумная жена
И платье надевать должна,
Какое только муж захочет.
Красива ли жена — оценит муж один,
И что одобрил господин,
Пускай хоть целый свет порочит.

Третье правило

Долой искусство делать глазки,
Долой помады, мази, краски
И сотни разных средств для свежести лица:
Для чести снадобья подобные опасны,
И все старанья быть прекрасной
Мужей не трогают сердца.

Четвертое правило

Повсюду меж людей ей будет честь оградой;
Под шляпкой искры глаз она гасить должна;
Чтоб мужу нравилась жена,
Ей нравиться другим не надо.

Пятое правило

За исключеньем тех, кто отдает визит,
Обычай добрый не велит,
Чтоб были у жены приемы;
Любезность будет лишь вредить,
И гость, с одной женой знакомый,
Не может мужу угодить.

Шестое правило

Не может быть женой приличной
Подарок от мужчины взят.
В наш век — вы знаете отлично —
Ничем без цели не дарят.

Седьмое правило

В убранстве комнаты у женщин не нужны
Бумага и перо, чернильница, чернила,
И старина разумно рассудила:
Муж может написать, что нужно для жены.

Восьмое правило

На беспорядочных свиданьях,
В так называемых собраньях
Всечасно портится природа жен, увы!
Политики с умом пресекли б эти сборы,
Где созревают заговоры
Против супруга и главы.

Девятое правило

Жена разумная, кто честью дорожит,
Игры соблазна избежит,
В ней видя черную заразу:
Игры обманчивый исход
Нередко женщину толкнет
На карту всё поставить сразу.

Десятое правило

Поездки за город в возке,
А там привалы на лужке
Запрещены должны быть строго.
Гласит урок разумных душ:
Всегда расплачивался муж,
Когда жена гуляла много.

Одиннадцатое правило

Арнольф

Вы кончите одна, а после как-нибудь
Я этой мудрости вам растолкую суть.
Я вспомнил: надо мне пойти распорядиться,
Так, слова два сказать, и можно воротиться.
Идите, вы должны хранить мою тетрадь;
Придет нотариус — просите подождать.

[*Уходит Агнеса*]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арнольф

Избрав ее женой, я шаг свершу неложный.
Да, лишь такой душой вертеть по воле можно!
Как самый мягкий воск, она в руке моей,
И я могу придать любую форму ей.
Положим, в эти дни, покуда я скитался,
С ее невинностью едва я не попался,
Но лучше во сто крат, — я в этом убежден, —
Чтоб с этой стороны ловили наших жен.
Есть от подобных бед испытанные средства:
Уроки действуют на чистых сердцем с детства,
И если с верного ее пути сманят,
Два слова тот же час вернут ее назад.
Но жены ловкие — другого рода племя;
От их голов одних зависим мы всё время;
Лишь до чего-нибудь дойдут своим умом, —
Учи иль не учи, всё будет нипочем.
Им служит острый ум к подрыву наших правил,
И он же столько раз вины в заслугу ставил
Или, чтоб замысел преступный провести,
Хитрейшего из нас пытался провести.
Удары отражать мы трудимся напрасно:
Ученая жена, как сатана, опасна;

Едва ее каприз успеет произнесть
Для чести приговор — уже погибла честь.
Почтенных множество людей над тем же бьется.
И всё ж мой сумасброд едва ли посмеется.
Пусть пожинает плод своей же болтовни:
Французы тем грехом страдают искони,
И если где-нибудь их счастье ожидает,
Им сохранять секрет всегда надоедает, —
Так привлекает их тщеславья глупый чад;
Скорей повесятся, но только не смолчат.
Да, женщина должна наущена быть бесом,
Чтоб сердце отдавать таким пустым повесам,
И чтоб... Но вот и он... Разумно, не спеша,
Откроем, чем теперь больна его душа.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орас, Арнольф

Орас

Я только что от вас; приходится сознаться,
Что в вашем доме нам не суждено встречаться;
Но я еще не раз визит возобновлю...

Арнольф

О боже! я ни с кем чиниться не люблю,
Пустых учтивостей не выношу обряда;
По мненью моему, их уничтожить надо.
Обычай этот плох; послушные ему,
Две трети времени мы тратим ни к чему.
Давайте попросту. Что ваше приключенье?
Могу ль, сеньёр Орас, узнать его теченье?
Мечтами развлечен я, помню, был в тот час,
Но лишь расстались мы, я размышлял о вас.
Я просто восхищен столь быстрым вашим счастьем!
Чем дело кончилось — послушаю с участьем.

Орас

Увы, с тех самых пор, как вам открылся я,
Несчастием любовь омрачена моя.

Арнольф

О, как же это так?

Орас

Какой-то рок злосчастный
Вернул из странствия опекуна прекрасной.

Арнольф

Вот неудача!

Орас

Да, и — что всего грустней —
Ему открыт секрет моих свиданий с ней.

Арнольф

Каким же чортом он узнал о приключеньи?

Орас

Не знаю, как узнал, но в этом нет сомненья.
Я навестить хотел в обыкновенный срок
Моей красавицы заветный уголок;
Но, преграждая мне привычную дорогу,
Служанка и слуга забили вдруг тревогу,
И восклицая: «прочь!» — они с насмешкой злой
Под самым носом дверь закрыли предо мной.

Арнольф

Под самым носом!

Орас

Да.

Арнольф

Подумать, что́ творится!

Орас

Я с ними через дверь пытался сговориться;
Но, как ни бился я, заладили одно:
«Хозяин так велел, пускать запрещено».

Арнольф

И не открыли?

Орас

Нет. А у окна явилась
Агнеса в тот же миг; несчастье подтвердилось:
Велела мне уйти; весьма суров был тон,
И камнем брошенным запрет сопровожден.

Арнольф

Как, камнем?

Орас

Камнем, да, порядочного веса,
Которым я, как гость, был угощен Агнесой.

Арнольф

Но, значит, чорт возьми, всё было вам не впрок!
Да, как подумаешь, преследует вас рок!

Орас

Да, на беду мою приехал он обратно.

Арнольф

Поверьте мне, за вас мне тоже неприятно.

Орас

Он всё мне портит.

Арнольф

Так; но это не беда,
И зацепиться вновь удастся вам всегда.

Орас

Да, попытаемся; умно и осторожно
Ревнивца зоркий глаз обманем, в чем возможно.

Арнольф

Ведь это вам легко. А главное — она
Вас любит.

Орас

Спору нет.

Арнольф

Задача решена.

Орас

Я сам надеюсь так.

Арнольф

А с камнем приключенье
Лишь с толку сбило вас напрасно.

Орас

Без сомненья.
Я понял в тот же час, что за стеной сидит
Всё тот же опекун и всем руководит.
Но что всего странней, — вам также будет странно, —
Каков был оборот события нежданный.
Свершила смелый шаг красавица моя.
При простоте ее так изумлен был я!
Да, правду говорят: любовь — учитель чудный,
Чем не был никогда — с любовью стать не трудно;
И стоит выслушать ее немой урок —
Переменяешь нрав, и в самый краткий срок.

Любви природные преграды неизвестны;
Порою действия ее почти чудесны.
Ей щедрого создать возможно из скупца,
Из зверя — кроткого, из труса — храбреца;
Она в ленивого живой огонь вселяет
И остроумием невинность наделяет.
Агнеса — вот пример блистательный для вас.
Вот что сказала мне она в прощальный час:
«Уйдите, кончены отныне посещенья,
Я знаю вас и так, и вот вам подтвержденье».
Тут камень полетел, уже известный вам,
А с камнем падает письмо к моим ногам.
О, как я восхищен, найдя соединенье
Поступков таковых и милых слов значенье!
Удивлены теперь, конечно, оба мы:
Но где, когда — любовь не изощрит умы?
Да, если в сердце жар любовный запылает,
Достигнет сердце вмиг всего, чего желает.
Ну, как вам нравится история письма?
Иль не дивитесь вы сей ловкости ума?
И не смешно ли вам, в какой печальной роли
Вдруг очутился мой ревнивец поневоле?
Скажите!

Арнольф

Да, смешно.

Орас

Посмейтесь же со мной!

(*Арнольф принужденно смеется*)

Теперь, вооружась на пыл любовный мой,
Здесь окопался он и камнями кидает,
Как будто приступа на крепость ожидает.
Я вижу: одолел его такой испуг,
Что на борьбу со мной одушевил он слуг
И даже замыслом воинственным морочит
Ее, кого держать в неведении хочет;

И вот, хотя его нечаянный возврат
Не мало создает любви моей преград,
Всё это для меня изрядная потеха.
Как говорить о ней без искреннего смеха?
Иль не забавна вам история моя?

Арнольф (*с принужденным смехом*)

Как видите, смеюсь, по мере сил, и я.

Орас

Вы — друг мой; вам письмо ее прочту я смело.
Что сердце чувствует, она сказать сумела;
Как речь ее полна особой доброты,
Чистейшей нежности, сердечной простоты,
Как трогателен слог, которым без обмана
Отражена в словах любви невинной рана!

Арнольф (*тихо*)

Вот, тварь негодная, вот грамотности плод!
Она — всегда я знал — к добру не приведет.

Орас (*читает*)

«Я хочу писать вам и не знаю, как за это взяться. У меня много разных мыслей, и я хотела бы, чтобы вы их знали, но не знаю, как передать их вам, а на слова свои не надеюсь. Начиная понимать, что меня всегда держали в неведении, я боюсь сделать что-нибудь недолжное или сказать больше, чем следует. Говоря по правде, я не знаю, что́ вы со мной сделали, но чувствую, что мне до-смерти противно всё, что́ меня заставляют делать против вас, что мне стоило бы величайшего труда расстаться с вами и было бы очень хорошо, если бы я была ваша. Может быть, не следует этого говорить, но я не могу удержаться от этих слов и хотела бы, чтобы всё произошло само собой. Мне говорят, что все молодые люди — обманщики, что не надо их слушать и что вы говорите лишь для того,

чтобы обмануть меня. Но уверяю вас: я не допускаю этой мысли, а ваши слова настолько меня трогают, что я никак не могу поверить, будто они лживы. Скажите мне откровенно всю правду; ведь обмануть меня при моей простоте вам было бы очень грешно, а я наверно умерла бы тогда от горя».

Арнольф

Ах, сука!

Орас

Что?

Арнольф

Нет, так, — закашлялся немного.

Орас

Ну, где встречали вы такую прелесть слога?
Как ни гнела ее неправедная власть,
С какою простотой здесь выражена страсть!
Не преступленье ли — рукою самовластной
Стараться отравить родник души прекрасной,
Глушить неведеньем, духовной слепотой
Ум, изумляющий прозрачной чистотой?
Любовь завесы все, конечно, уничтожит.
И если мне звезда счастливая поможет,
Я, кажется, могу надеяться теперь,
Что этот гад, палач, мерзавец, дикий зверь...

Арнольф

Прощайте.

Орас

Как, уже?

Арнольф

Нельзя мне оставаться.
Есть дело спешное, я должен им заняться.

Орас

Но посоветуйте, — вы и сосед притом, —
Каким бы способом проникнуть в этот дом?
Я с вами не чинюсь, но это и понятно:
Друг другу услужить друзьям всегда приятно.
А я лишь издали туда смотреть могу;
Положим, знаю я служанку и слугу,
Но, как ни пробовал я подойти к ним снова,
Они попрежнему глядят весьма сурово.
Старушка тут была для этих дел одна,
Нечеловечески, поистине, умна;
Ее-то я имел, конечно, на примете,
Но вот четыре дня, как нет ее на свете.
Так не поможете ль? Хоть укажите путь!

Арнольф

Не знаю, без меня найдите как-нибудь.

Орас

Прощайте ж. Видите, я всё вам открываю.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арнольф

Какую муку я при нем переживаю!
Досаду жгучую как тяжело мне скрыть!
Простушка ли могла так ловко поступить?
Свой нрав обманщица передо мной таила!
Иль бесом вселена в нее такая сила?
Проклятое письмо терзает сердце мне:

Предатель овладел ее душой вполне,
Связался крепко с ней, убив мое значенье:
Вот что мне — острый нож и смертное мученье!
Надежду потеряв, вдвойне страдаю я.
Не меньше, чем любовь, задета честь моя.
Бешусь я, чувствуя: соперник мой опасен;
Бешусь и оттого, что мой надзор напрасен.
За своеволие и наказать легко:
Пускай сама зайдет, как хочет, далеко —
Я буду отомщен, когда себя погубит,
Но кто без горечи теряет то, что любит?
Я философствовал, идя на этот брак,
А в прелести ее влюбился, как дурак!
Ну, что в ней? сирота, без денег, без защиты, —
И вот, мои труды и доброта забыты,
А я, обманщицу без памяти любя,
Любовью горестной терзаю сам себя.
Не стыдно ли, глупец! Нет, не стерплю я доле;
Я по щекам хлестать готов себя до боли!
Я лишь на миг войду, лишь только поглядеть,
Сумеет ли собой преступница владеть.
О небо, сохрани мой лоб от злой напасти!
А если суждено мне быть в сей лютой части,
Пошли, по крайности, мне для подобных дел
Спокойствие души, разумнейших удел.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арнольф

Признаться, мне никак на месте не сидится.
От тысячи забот всё голова кружится.
Не знаю, где и как порядок навести,
Чтоб волокиту сбить с надежного пути.
Как выдержать мой взгляд обманщица умела!
Она не смущена, свершив дурное дело,
И, право, кажется: умри я перед ней —
Она б не тронулась и гибелью моей.
Чем более она спокойный вид хранила,
Тем больше желчь меня, я чувствовал, томила;
Но и кипучий гнев, и пламенный порыв
Удвоить лишь могли моей любви прилив.
Пусть был я зол, сердит, пусть мучился напрасно —
Ни разу не была она такой прекрасной,
Ни разу взор ее так сердца не пронзал,
Ни разу я ее так страстно не желал;
И вот, я чувствую, что если всё пропало,
То вгонит прямо в гроб меня моя опала.
Как! воспитанием ее руководить,
За нею с нежностью, с заботами следить,
Ей с детства дать и кров, и пищу, и одежду,
Лелеять в ней свою нежнейшую надежду,
С волненьем созерцать ее красы расцвет
И для себя беречь ее тринадцать лет, —

Чтоб сердце отдала она молокососу,
Чтоб он ее украл, едва не из-под носу,
В то время как почти свершен меж нами брак!
Нет, чорт возьми вас, нет! Я не такой дурак.
Нет, вы повертитесь! Я потружусь порядком,
Но не оставлю вас в мечтаньи вашем сладком
И больше над собой смеяться я не дам.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нотариус, Арнольф

Нотариус

Ах, вот он! Здравствуйте. Я направляюсь к вам
Для заключения контракта самолично.

Арнольф (*не видя его*)

Как к делу приступить?

Нотариус

По форме, как обычно.

Арнольф (*не видя его*)

Предосторожности должны меня спасти.

Нотариус

Ваш интерес во всем намерен я блюсти.

Арнольф (*не видя его*)

Нужны гарантии, ведь может всё случиться.

Нотариус

Всецело на меня должны вы положиться.
А если могут вас сомнения страшить,
Один вам дам совет: с распиской не спешить.

Арнольф *(не видя его)*

А главное — боюсь, чтоб не было огласки:
Болтуньи в городе тотчас наскажут сказки.

Нотариус

Огласка может быть легко устранена,
Где церемония секретно свершена.

Арнольф *(не видя его)*

Но что мне делать с ней и как помочь несчастью?

Нотариус

Она приданое умножит вдовьей частью.

Арнольф *(не видя его)*

Любовь к ней — вот в чем суть мученья моего.

Нотариус

Так завещание составьте сверх того.

Арнольф *(не видя его)*

Как обращаться с ней мне, не теряя чести?

Нотариус

Хоть причитается, по правилам, невесте
Лишь треть приданого, — но это не беда:
Вы при желании прибавите всегда.

Арнольф *(не видя его)*

А если...

Нотариус *(в то время как Арнольф замечает его)*

Здесь закон толкуется свободно.
Я повторяю вам, вы вправе что угодно
Невесте выделить.

Арнольф

А?

Нотариус

Вправе завещать,
Особую любовь желая доказать.
Есть много способов: условное наследство,
Когда, по смерти жен, вдовцам отходят средства;
А безвозвратные — наследникам жены;
Иль по обычаю — где вы решать вольны;
Иль по дарению — формально самый трудный;
Два вида могут быть: простой и обоюдный.
Вы сомневаетесь? Но я не новичок;
Контрактов формы все я знаю на зубок.
Кто знает лучше? Нет таких во всей округе.
Не прав ли я, что, в брак вступив, начнут супруги
Владеть недвижимым и движимым тотчас,
И нужен новый акт, чтоб закрепить отказ,
Что треть приданого невесты не дробится
Меж мужем и женой?..

Арнольф

Не трудно согласиться:
Вы это знаете; но кто вам возражал?

Нотариус

Вы — недоверие весь вид ваш выражал;
То плечи вздернете, то усмехнетесь гордо!

Арнольф [*в сторону*]

Чтоб чорт его побрал с его собачьей мордой!
[*Нотариусу*]
Прощайте: видно, вам не кончить никогда.

Нотариус

Не для контракта ли я приглашен сюда?

Арнольф

Ну, да, я вас позвал, но это всё не срочно.
За вами я пришлю, когда назначу точно.
[*В сторону*]
Ну, что за человек! До чорта рассердил!

Нотариус

Он не в своем уме иль лишнего хватил.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нотариус, Ален, Жоржета, Арнольф

Нотариус

Не вы ль к хозяину меня сегодня звали?

Ален

Да.

Нотариус

Ваше мнение узнаю я едва ли,
Но только от меня сказать прошу я вас,
Что он осел ослом.
[*Уходит*]

Жоржета

Передадим тотчас.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ален, Жоржета, Арнольф

Ален

Нам поручил...

Арнольф

Сюда; я верю в верность вашу;
Друзьями вас назвав, я правды не украшу.

Ален

Нотариус...

Арнольф

Нет, нет! Важнее дело есть.
Мне угрожает враг, моя задета честь;
Стыдом покрылись бы и вы со мною вместе,
О дети, если б я своей лишился чести!
Куда покажетесь, презренные, тогда?
Вас каждый заклеймит, сгорите от стыда.
А если мне и вам грозит опасность та же,
То, значит, вы должны всё время быть на страже,
Чтоб с этих пор никак любезник наш не мог...

Жоржета

Мы с вами давеча твердили наш урок.

Арнольф

Не вздумайте его речами обольщаться.

Ален

Ну, вот еще!

Жоржета

Уж мы сумеем защищаться.

Арнольф

А если ласково начнет: «Ален, мой друг,
Ты можешь мне помочь, спасти от тяжких мук»...

Ален

Дурак!

Арнольф

Так, хорошо.

(*Жоржете*)

«Голубушка Жоржета,
Ты добрая душа, так докажи мне это».

Жоржета

Волван!

Арнольф

Так, хорошо.

(*Алену*)

«Но в чем моя вина?
Я добродетелен, любовь моя честна!»

Ален

Плут!

Арнольф

Очень хорошо.

(*Жоржете*)

«Погибну я, конечно,
Когда не сжалишься над мукою сердечной».

Жоржета

Вездельник, олух!

Арнольф

Так, отлично. «Но, друзья,
Ведь даровых услуг просить не стану я;
За службу заплачу я чистою монетой.
На первый раз, Ален, возьми на чай вот это,
Жоржета, а тебе — на юбку это вот.

(*Оба протягивают руки и берут деньги*)

Но это пустяки, лишь крохи от щедрот,

А вас обременю я просьбой небольшою:
Хочу увидеться я с вашей госпожою».

Жоржета (*толкая его*)

Не суйтесь!

Арнольф

Хорошо.

Ален (*толкая его*)

Прочь!

Арнольф

Хорошо!

Жоржета (*толкая его*)

Не сметь!

Арнольф

Довольно! Хорошо!

Жоржета

Вот так его огреть?

Ален

Вот так хотите вы, чтобы его встречали?

Арнольф

Всё хорошо, но вы напрасно деньги брали.

Жоржета

А нам и невдомек, что деньги брать не след.

Ален

Угодно приказать? Мы повторим.

Арнольф

Ну, нет,
Довольно; марш домой.

Ален

Мы живо — прикажите.

Арнольф

Нет, говорю я вам, достаточно! Идите.
Я деньги вам дарю. Ступайте; я — сейчас,
А вы попомните: мне зоркий нужен глаз.

[*Уходят Ален и Жоржета*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арнольф

Давно я думаю о самом верном средстве —
Нанять лазутчика; есть чеботарь в соседстве,
Попробую его в свой дом переселить
Для глаза верного; а пуще — удалить
Всех продавщиц платков, шиньонщиц, завивальщиц,
Торговок лентами, перчаточниц, вязальщиц,
Весь этот подлый сброд, готовый каждый миг
Служить любовникам для всяческих интриг.
Я тоже видел свет, и эти знаю тайны.
Мой малый должен быть хитрец необычайный,
Когда записочка хотя одна дойдет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Орас, Арнольф

Орас

На встречи с вами здесь мне истинно везет.
Случиться новости за этот час успели;
Расставшись с вами здесь, я шел без всякой цели,

Но вновь с Агнесою судьба меня свела:
На воздух, на балкон как раз она пришла,
Вмиг подала мне знак, спустилась незаметно
И дверь из сада в дом открыла мне секретно.
Но только в комнате остались мы сам-друг,
Она услышала шагов ревнивца стук;
Осталось ей одно в подобном злоключеньи:
Меня запрятать в шкаф на время посещенья.
Тотчас же входит он, невидный мне никак:
Я только слышать мог его тяжелый шаг,
Да вздохи громкие его тоски ревнивой,
Да кулаком об стол удар нетерпеливый;
Щенка с дороги прочь отбрасывал ногой,
Пожитки разные швырял перед собой;
Две вазы (ими был камин ее украшен)
Он вдребезги разбил — так гнев его был страшен.
Итак, до этого рогатого козла
Уже история недавняя дошла!
Затем, набегавшись едва не до упаду
Кругом по комнате и разрядив досаду,
Ревнивец бедный мой, ни слова не сказав,
Покинул комнату, а я покинул шкаф.
Чтоб люди в комнату опять не заглянули,
Свиданье продолжать мы с нею не рискнули
Из осторожности; но должен в эту ночь
Я к ней тайком войти; она должна помочь;
Я трижды кашляну, и это всё устроит:
Услышав мой сигнал, она окно откроет,
А дальше — лестница, Агнеса и любовь
Помогут подступить к твердыне этой вновь.
Как другу лучшему, я вам готов открыться.
Весельем сердца мы всегда хотим делиться,
И сколько б ни был кто из нас вполне счастлив,
Он счастию не рад, его не разделив.
Я знаю, вам близка моей души тревога;
Прощайте; мне теперь обдумать надо много.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арнольф

И так, моей судьбы несчастная звезда
И дух перевести не даст мне никогда?
Как быть? За шагом шаг, лукавцы то и дело
Мой бдительный надзор обманывают смело;
Глядишь — и разобьют мой опыт в пух и прах
Простушка юная и юный вертопрах.
Ведь целых двадцать лет философом угрюмым
Об участи мужей я предавался думам
И, видя, как в беду ввергал их мудрый рок,
Из этих случаев я извлекал урок.
Чужие бедствия себе на ус мотая,
Я верных средств искал, жениться сам мечтая,
Чтоб не коснулась лба злосчастная судьба,
Чтоб отличаться мог он от любого лба.
И, мне казалось, цель преследуя такую,
Науку хитрости я превзошел людскую;
Но, словно для того, чтоб подтвердить закон,
Что каждый участи подобной обречен, —
Я, многоопытный и многопросвещенный,
И даже в тонкостях, казалось, изощренный,
За двадцать слишком лет постигнувший давно,
Как не попасть впросак, ведя себя умно, —
От остальных мужей стеной отгородился
Лишь для того, чтоб сам в их роли очутился.
Но нет, я не сдаюсь, ты лжешь, проклятый рок!
Еще в моих руках ваш лакомый кусок;
Пусть сердце отдала красавчику-злодею,
Всем остальным за то один лишь я владею;
Для новых нежностей назначили вы час,
Но эта ночь пройдет не весело для вас!
Одна отрада мне в моей судьбе несчастной,
Что я предупрежден о западне опасной,
Что этот сумасброд, мне ставший на пути,
Умел в сопернике наперсника найти.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кризальд, Арнольф

Кризальд

Перед прогулкою поужинать не худо.

Арнольф

Нет, нынче я пощусь.

Кризальд

Забавная причуда.

Арнольф

Прошу простить меня: не оберусь хлопот.

Кризальд

Ну, как с женитьбою? Иль дело не пойдет?

Арнольф

В чужие-то дела мешаться вряд ли стоит.

Кризальд

Ого, как сердится! Но что вас беспокоит?
Признайтесь, куманек: наверно, вашу страсть
Постигла некая внезапная напасть?
По вашему лицу мне это стало ясно.

Арнольф

Что б ни было со мной, хвалюсь я не напрасно
Одним: никто меня с мужьями не сравнит,
Которые терпеть согласны волокит.

Кризальд

Мне удивительно, как можно в ваши лета
Тревогу создавать из этого предмета.
Как будто на земле одно лишь благо есть!

Как будто лишь в одном заключена вся честь!
Быть плутом, скрягою, бесчестным, злым и грубым —
Вам кажется ничем, а тот позор — сугубым,
И как бы кто ни жил, хотя бы впал в разврат,
Он может быть в чести, лишь не был бы рогат.
И, если вдуматься, правдоподобно ль, право,
Что от случайности зависит наша слава?
Кто благороден сам, заслужит ли упрек
В несчастьи, помешать которому не мог?
Зачем вы женщинам хотите предоставить
Возможность полную нас славить и бесславить?
Зачем страшилища мы создавать должны,
Когда расстроены неверностью жены?
Могу заверить вас, что человек достойный
Способен и рога носить вполне спокойно:
Уверясь, что удар судьбы неотстраним,
Он с равнодушием относится и к ним.
Поймите же, что зло — как ни мудрят об этом —
Есть отношение особое к предметам.
Не страшны трудности, лишь надобно одно:
Отвергнуть крайности, опасные равно.
Бывают простаки: когда беда случится,
Готовы тот же час едва ли не кичиться,
Любовников жены, где можно, назовут
И все таланты их по пальцам перечтут,
Окажут им при всех особое вниманье,
Всегда напросятся на ужин, на гулянье
И вызовут во всех естественный вопрос:
Что за охота им совать повсюду нос?
Мужья подобные несносны мне и многим;
Но к крайности другой я буду столь же строгим.
Я не мирюсь душой с друзьями волокит,
Но буйство варваров не меньше мне претит:
Их неразумный гнев, шумящий бестолково,
В свидетели созвать хоть целый свет готовый,
Как будто им ничуть огласка не в укор
И рады напоказ свой выставить убор.

Меж этих двух путей возможна середина;
Благоразумные пойдут по ней единой,
И этот средний путь избравший человек,
Женой обиженный, не покраснеет ввек.
Поймите, наконец, обдумав всё бесстрастно,
Что и носить рога — совсем не так ужасно;
Как я сказал уже, всё дело только в том,
Чтоб в каждом случае вести себя с умом.

Арнольф

Честная братия, прослушав речь такую,
Должна вам выразить признательность большую,
И лестно каждому, кто выслушал ее,
Что в славной армии он станет под ружье.

Кризальд

Я говорил не то, хвалить их не намерен;
Но если жребий нам в женитьбе нам неверен,
С игрою в кости я могу его сравнить,
Где может счастие всечасно изменить,
А ловкость — выручить; лишь надо со смиреньем
Случайность поправлять достойным поведеньем.

Арнольф

Итак, по-вашему, спокойно спать и есть?
А это пустяки, что пострадала честь?

Кризальд

Изволите шутить; но я готов сознаться,
Что нужно многого сильнее опасаться,
Что в жизни многое печальнее стократ,
Чем происшествия, какие вас страшат.
И если выбирать могли бы мы по воле,
Я примирился бы скорей с подобной долей,
Чем мужем быть жены, каких немало есть,
Готовых на стену из-за безделиц лезть;
Сих перлов честности, сих фурий безупречных,

Чья верность — лишь предлог для оправданий вечных,
Как будто им даны за верность их права
На мужа сверху вниз глядеть едва-едва,
И если верными слывут они для света,
Мы всё обязаны переносить за это!
Хочу вам, милый кум, совет последний дать:
Мы можем из рогов и то, и се создать;
Бывают случаи, когда желать их надо
И в них окажется немалая отрада.

Арнольф

Они вам по душе? Ну, что же, я молчу,
Но сам их примерять нисколько не хочу,
Не допущу никак и тут же рад поклясться...

Кризальд

Клянетесь? Боже мой, вы можете попасться.
И если рок судил, бесцелен весь ваш труд:
Желаний ваших — *там*, поверьте, не учтут.

Арнольф

Как? Мне — носить рога?

Кризальд

Вы сердитесь напрасно!
Их носят тысячи — вы знаете прекрасно —
Людей, чье сердце, ум, богатство, красота
Известны каждому, и вы им не чета.

Арнольф

Прошу не сравнивать; что мне до них за дело!
Но эта болтовня мне, право, надоела;
Оставим лучше спор.

Кризальд

Он раздражает вас;
Увидим отчего. Прощайте. Но не раз

Урок женам

Придется вам мои припоминать советы;
И знайте, что рога уже почти надеты
На тех, кто истово клянется их не знать.

Арнольф

Но я еще клянусь, лишь надо не зевать;
И я полезных мер никак не отлагаю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ален, Жоржета, Арнольф

Арнольф

Я с просьбой к вам, друзья, сегодня прибегаю.
Известна ваша мне усердная любовь,
Но случай настает ей проявиться вновь.
Вы только услужить сумейте мне, как надо, —
Вам обеспечена хорошая награда.
Известный человек (зачем нам называть?)
Готов, как я узнал, меня ошельмовать:
Пробраться хочет он сегодня в ночь к Агнесе;
Но все втроем должны мы помешать повесе.
Вы припасете две дубинки поплотней;
Он с лестницей придет, полезет вверх по ней
(Я вам, открыв окно, подам сигнал для боя),
А вы попотчуйте предателя-героя,
Да так, чтоб помнила спина его всегда,
Что настрого ему заказан путь сюда;
Но только чур: отнюдь меня не называйте;
Что буду возле вас — и виду не подайте.
Ну что ж, сумеете злодею отомстить?

Ален

Коли задача в том, чтоб только колотить,
Я справлюсь хорошо: рука моя привычна.

Жоржета

Моя рука слабей, но тоже бьет отлично,
И не придется мне — увидите — отстать.

Арнольф

Ступайте же домой; смотрите — не болтать.
Да, вот на первый раз урок небесполезный!
И если каждый муж такой прием любезный
Любовнику жены окажет в добрый час,
Число рогатых вмиг убавится у нас.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ален, Жоржета, Арнольф

Арнольф

Злодеи гнусные! ну, что вы натворили!

Ален

Мы вас послушались: вы сами говорили.

Арнольф

Оставьте выдумки, к чему душой кривить?
Я вам приказывал побить, а не убить,
Бить по спине велел, и не было ни слова,
Чтобы по голове дубасить бестолково.
В какие бедствия я ввергнут, о творец!
Что делать мне теперь, когда мой враг — мертвец?
Ступайте же домой и будьте осторожны:
Ни слова никому про тот приказ ничтожный.
Как только рассветет, я поискать пойду
Совета мудрого, чтобы избыть беду.
Увы, что мне грозит! и что я в оправданье
Скажу его отцу при первом же свиданьи!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орас, Арнольф

Орас [*в сторону*]

Никак не разберу, кто это может быть.

Арнольф [*думая, что он один*]

Кто ж думал...

[*Заметив Ораса*]

Кто идет, и чем могу служить?

Орас

Сеньёр Арнольф?

Арнольф

А вы?

Орас

Орас. Мое почтенье.
Я к вам хотел идти просить об одолженьи.
Встаете рано вы!

Арнольф (*тихо*)

Его, его черты!
Не наважденье ли? Не страшные ль мечты?

Орас

По правде говоря, я был в беде немалой,
И небо милость мне особую послало,
Что с вами встретился я в этот самый миг.
Я вам могу сказать, что я всего достиг,
О чем и не мечтал в надежде самой смелой;
Но тот же случай мог и погубить всё дело.
Не знаю, кто узнал, — моей тут нет вины, —
Что мы с Агнесою увидеться должны,
Но в час, когда я был почти у самой цели,
Ко мне какие-то буяны подлетели,
Их палок первый взмах меня врасплох застал,
Вмиг оступился я и с лестницы упал.
Но этим спасся я; иначе не ушибы —

Удары палками мне угрожать могли бы;
Но те — ревнивец мой меж них, конечно, был —
Решили, что удар меня на землю сбил;
А так как долго я не мог от сильной боли
Ни встать, ни двинуться и замер поневоле,
Они подумали, что насмерть я убит,
И в страхе поняли, что им беда грозит.
До слуха моего слова их долетали;
Друг друга упрекать они в убийстве стали
И в полной темноте, судьбу свою кляня,
Пощупать подошли — не жив ли я — меня.
Представьте, как лежал я в темноте полночной,
Фигуру мертвеца изображая точно!
Они тотчас ушли, испуга не тая;
Но только что уйти подумывал и я,
Агнеса, вне себя от этой смерти мнимой,
Уже спешит ко мне в тоске неудержимой,
Затем что, спор людей услышав из окна,
Словами их была встревожена она;
А так как в суете забыли о надзоре,
Она легко могла ко мне спуститься вскоре;
Когда ж увидела, что я и жив, и цел,
Восторг ее душой великий овладел.
Что ж было всех ее волнений завершеньем?
Она вняла вполне своей любви внушеньям,
Решила навсегда оставить прежний дом
И мне доверила судьбу свою во всем.
Судите ж, оценив поступок сей невинный,
На что́ ее толкал безумца гнев бесчинный,
Какой опасный путь в тот час ей угрожал,
Когда бы я ее не столько обожал!
Но слишком чистый жар в моей душе пылает:
Кто любит — милой зла вовек не пожелает;
Достойны прелести ее судьбы иной,
И разлучит теперь ее лишь смерть со мной.
Отец союзом тем, быть может, возмутится;
Но, верно, гнев его со временем смягчится:

Столь нежным прелестям уступит и отец
И согласится сам смириться наконец.
Так не окажете ль мне тайную услугу:
Нельзя ли вам вручить прекрасную подругу?
Вы одолжили бы поистине меня,
Ей дав пристанище хотя бы на два дня.
Во-первых, надо скрыть ее побег от света,
Врагам настойчивым не открывать секрета;
Затем, в глазах людей — нельзя и то забыть —
С мужчиной молодым девице можно ль быть?
Другое дело вы: вы — человек почтенный;
Я вам и так во всем признался откровенно.
Мой благородный друг, я вам, и только вам,
Любви сокровище без страха передам.

Арнольф

Я вам готов служить, отбросьте все сомненья.

Орас

Вы мне окажете такое одолженье?

Арнольф

С охотой! Как я рад, — не в силах и сказать, —
Что мне возможно вам услугу оказать.
Благодарю судьбу за то, что посылает
Она душе всё то, чего душа желает.

Орас

Как вашей доброте обязан я, как рад!
Я с вашей стороны бояться мог преград;
Но с вашим опытом, с душою справедливой,
Вы извините мой жар нетерпеливый.
Она с моим слугой стоит за тем углом.

Арнольф

Но как нам поступить? Вести ее в мой дом
Теперь, когда светло, — пожалуй, невозможно;

Придете вы ко мне — и то неосторожно:
Начнется болтовня. Не будет ли верней
Отвесть ее пока туда, где потемней,
Хотя бы в этот сад? Аллеи безопасны.

Орас

Предосторожности подобные прекрасны.
А я, лишь только вам Агнесу приведу,
Как, незамеченный, немедленно уйду.

[*Уходит*]

Арнольф

Фортуна! если ты мне вновь благоприятна,
Исправь, что сделала по прихоти превратной.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агнеса, Арнольф, Орас

Орас

Не бойтесь ничего и следуйте за мной.
Здесь как за каменной вы будете стеной.
Мы, вместе поселясь, вновь вызвали б разлуку.
Войдите в этот сад и дайте другу руку.

(*Арнольф берет ее за руку; она не узнает его*)

Агнеса

Так вы покинете меня?

Орас

Что делать! да.

Агнеса

Но только поскорей вернитесь вновь сюда.

Орас

Я сам, горя душой, свиданья миг приближу.

Агнеса

Мне так невесело, когда я вас не вижу.

Орас

Вдали от вас и я печали полон весь.

Агнеса

Ах, если б было так, остались бы вы здесь!

Орас

Как, вы не верите любви моей безмерной?

Агнеса

Нет, так любить, как я, не в силах вы наверно.
(*Арнольф тянет ее*)
Как сильно тянет он!

Орас

Затем, что могут нас,
Агнеса милая, вдвоем застать в сей час;
И вас наш верный друг торопит не напрасно,
Желая избежать всего, что нам опасно.

Агнеса

Но мне он незнаком...

Орас

Не бойтесь ничего.
Вам быть в таких руках — надежнее всего.

Агнеса

В руках Ораса быть мне было бы милее.

Орас

И я...

Агнеса [*Арнольфу, который держит ее*]
Постойте же.

Орас
Прощайте: всё светлее.

Агнеса
Когда ж увижу вас?

Орас
Я скоро ворочусь.

Агнеса
Как будет скучно мне, пока я вас дождусь.

Орас
О, слава небесам, мое блаженство прочно!
Теперь спокоен я, теперь я счастлив точно.
[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арнольф, Агнеса

Арнольф (*закрыв лицо плащом*)
За мной ступайте, я не здесь вас помещу:
Я вам убежище подалее сыщу,
В надежном месте вас укрыть предполагаю.
Узнали вы меня?

Агнеса (*узнав его*)
Ах!

Арнольф
Так! Я вас пугаю,
Плутовка? Вам лицо мое не по нутру,

И встреча самая со мной не ко двору?
Она любовные затеи потревожит!

(*Агнеса смотрит, не видно ли Ораса*)

Напрасно смотрите: любезник не поможет;
Он слишком далеко ушел, чтобы помочь.
Так молода еще, и вот — хитрить не прочь!
Давно ль она, полна невиннейшего духа,
Не знала, точно ли детей родят из уха;
И вот, уже в ночных свиданиях сильна
И вслед любезнику скрывается одна!
А разговор-то с ним! стрекочет, как сорока!
Да, здесь не обошлось без доброго урока.
Скажите, чорт возьми, кто школил вашу речь?
А с привиденьями уже не страшно встреч?
Что значит завести с любезником знакомство!
О хитрая! пойти на это вероломство,
Забывши всё добро, какое сделал я!
О, на груди моей согретая змея,
Кого коварный нрав — чуть ожила — толкает
Ужалить побольней тех, кто ее ласкает!

Агнеса

Зачем бранить меня?

Арнольф

Уж не меня ль бранить?

Агнеса

Ни в чем не можете меня вы обвинить.

Арнольф

Побег с любовником вас, видно, не порочит?

Агнеса

Но этот человек на мне жениться хочет.
Вы сами столько раз старались мне внушить,
Что, выйдя замуж, мы перестаем грешить.

Арнольф

Да. Но жениться сам я был на вас намерен.
Забыть вы не могли об этом, я уверен.

Агнеса

Да. Но признаться вам готова я вполне,
Что он для этого подходит лучше мне.
Брак, если верить вам, — какой-то труд тяжелый;
Меня пугали вы картиной невеселой;
Но с ним исполнен брак приятностей таких,
Что так и хочется скорей изведать их.

Арнольф

Вы любите его! злодейка!

Агнеса

Всей душою.

Арнольф

И не скрываетесь ничуть передо мною!

Агнеса

Я правду говорю; что ж недовольны вы?

Арнольф

Как вы осмелились любить его?

Агнеса

Увы!
Моя ль вина, что с ним сильнее сердце бьется?
Я и не думала, как дело обернется.

Арнольф

Мечты влюбленные вам надо было гнать.

Агнеса

Легко ли сердцу в том, что мило, отказать?

Арнольф

И не подумали, что это мне не мило?

Агнеса

Нет. Никакого зла я вам не причинила.

Арнольф

Утешили меня вы раз и навсегда!
Так вы меня совсем не любите?

Агнеса

Вас?

Арнольф

Да.

Агнеса

О, нет!

Арнольф

Как нет?

Агнеса

Солгать? Вы этого хотите?

Арнольф

Но отчего же — нет? Бесстыдница, скажите!

Агнеса

О боже! Не меня вы порицать должны;
Вы были, как и он, внушать любовь вольны,
На это, помнится, вам не было запрета.

Арнольф

Я все старания употребил на это —
И вот, за все труды, я слышу лишь отказ.

Агнеса

Да, в этом сведущ он, как видно, больше вас.
Внушить любовь — ему труда не составляло.

Арнольф

Ах, дрянь! каков ответ! как рассуждать-то стала!
Пред ней и моднице хвалиться нет причин!
Я ль мало знал ее, иль лучших из мужчин
Оспорит дурочка, когда дойдет до чувства?
Но если рассуждать постигли вы искусство,
О дева мудрая, ответьте, для кого
Я тратился на вас? ужели для него?

Агнеса

Нет. Он вам до гроша, что надо, отсчитает.

Арнольф

От этих дерзких слов досада возрастает.
Никто, негодница, мне не вернет, о нет,
Благодеяний всех моих за столько лет!

Агнеса

Вы слишком цените свои благодеянья.

Арнольф

Неблагодарная! кто дал вам воспитанье?

Агнеса

О, что́ до этого, придется заключить,
Сумели вы меня отлично обучить:
Я, право, не слепа, одарена не скупо
И рассудить могу, что выращена глупой;
Я не дитя давно, и для меня — позор,
Что я простушкою слыла до этих пор.

Арнольф

Презрев неведенье, в опасное ученье
К красавчику идти хотите?

Агнеса

Без сомненья:
Не мало он помог и сердцу, и уму;
Я более, чем вам, обязана ему.

Арнольф

Не знаю, для чего я трачу время даром
И не закончу спор хорошеньким ударом.
С ума сведет меня ее насмешек лед,
А хлопну раза два, — и сердце отойдет.

Агнеса

Что ж, бейте, если вам так поступать приятно.

Арнольф

Ее ответ и взгляд влияют благодатно,
Смиряя в сердце гнев; прилив любви былой
Стирает черноту ее измены злой.
О странности любви! изменницам в угоду
Теряем силу мы и отдаем свободу.
Известно каждому, как много между них
Нелепых выдумщиц и ветрениц пустых;
Коварны мысли их, сердца непостоянны,
В решениях слабы, в желаниях престранны,
Чужда им честь — и всё ж их любит целый свет,
Как будто лучше их на свете зверя нет.
Ну, ладно! мир — так мир. Я всё тебе прощаю,
Тебе, изменница, всю нежность возвращаю.
Суди по этому, как я люблю тебя,
И ты меня любить за то заставь себя.

Агнеса

Всем сердцем, верьте, вам я б угодить желала,
И — если бы могла — чиниться бы не стала.

Арнольф

Лишь стоит захотеть, голубушка моя!
(*Вздыхает*)
Ты слышишь ли мой вздох? так полон страсти!
Ты видишь тусклый взор? я обливаюсь кровью:
Покинь же сопляка со всей его любовью.
Тебя приворожил его недобрый глаз,
Но будешь ты со мной счастливей во сто раз.
Всегда любила ты красивые наряды —
Со мною все тебе достанутся отрады,
Тебя и день, и ночь я буду баловать,
Ласкать, и миловать, и крепко целовать,
И будешь делать ты всё, что тебе угодно!
Не знаю, как сказать, но будет превосходно.
[*В сторону*]
Подумать, до чего людей доводит страсть!
Любовь уже взяла всего меня во власть.
[*Агнесе*]
Чем доказать тебе, как я люблю глубоко?
Заплакать пред тобой? избить себя жестоко?
Иль вырвать клок волос? или, без дальних слов,
Убить себя? Скажи! О, я на всё готов,
Чтоб ты, коварная, мой пламень понимала.

Агнеса

Не трогает меня вся ваша речь нимало,
Меж тем как с первых слов пленил меня Орас.

Арнольф

Нет, полно дерзости мне выносить от вас!
И если речи вас мои не обуздали,
То я вас вытряхну немедленно подале.
Меня отвергли вы, не внемлете добру —
Я в монастырскую упрячу вас дыру!
[*Уходит Агнеса*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ален, Арнольф

Ален

Не знаю, как и быть; такие, сударь, вести:
Сбежала барышня, и с мертвым телом вместе.

Арнольф

Агнеса здесь. В мой дом свести ее скорей:
Туда, я думаю, он не придет за ней.
А через полчаса всё дело я устрою.
О, я теперь ее в надежном месте скрою.
Пойду нанять возок. Запритесь сей же час,
А главное — ее вы не спускайте с глаз.
Быть может, нужно ей отсюда удалиться,
Чтоб от своей любви суметь освободиться.

[*Уходит Ален*]

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Арнольф, Орас

Орас

Ах, я опять бедой нежданной удручен,
Опять, сеньёр Арнольф, мой жребий омрачен,
И роковой удар моей судьбы злосчастной
Вновь хочет разлучить меня с моей прекрасной.
Вы знаете, сюда сбирался мой отец,
И вот, сегодня он приехал наконец,
Преследуя свои особенные цели,
Мне неизвестные, как помните, доселе:
Женитьбой он моей заочно поспешил,
И свадьбу праздновать здесь именно решил.
Судите же теперь, как сильно я встревожен,
Когда мой замысел едва не уничтожен.
Помянутый вчера Энрик виной всему;

Он прямо на пути стал счастью моему;
Совместный их приезд мою беду упрочит:
На дочери своей меня женить он хочет.
Я с первых же их слов чуть не лишился сил;
Весь этот разговор с трудом я выносил
И, зная, что отец вас посетить собрался,
Предупредить его я в страхе постарался.
Я о любви моей прошу вас умолчать:
Зачем родителя мне сразу огорчать?
Но помогите мне — он ценит ваше слово —
Отговорить его от этой свадьбы новой.

Арнольф

Охотно.

Орас

Дав совет женитьбу отложить,
Вы можете меня душевно одолжить.

Арнольф

Отлично.

Орас

Я на вас надеюсь безусловно.

Арнольф

Пожалуйста.

Орас

Вы мне — как самый близкий кровный.
Скажите: возраст мой... Ах, вот они идут!
Возьмите ж на себя моей защиты труд.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Энрик, Оронт, Кризальд, Орас, Арнольф

Энрик (*Кризальду*)

Едва увидев вас, тотчас, без разъяснений,
Я угадал, кто вы, — здесь не было сомнений;

Вы мне являете черты сестры своей,
С которой некогда связал нас Гименей.
О, если б взятую по воле парки злобной,
Супругу возвратить из области загробной,
Чтоб, горести забыв, утешилась со мной
В кругу семейственном счастливой тишиной!
Но если жребия неумолимой силой
Мы лишены навек свиданья с тенью милой,
Должны мы рады быть, тоску свою смирив,
Что плод любви моей, на счастье наше, жив.
Но он и вам не чужд, и ваше одобренье
Необходимо мне для должного решенья.
Ораса женихом достойным нахожу,
Но вашим мнением я тоже дорожу.

Кризальд

Как человек, во всем разумно мыслить склонный,
Могу ли осуждать ваш выбор, столь законный?

Арнольф (*Орасу*)

Теперь вмешаться мне удобнее всего.

Орас

Постойте, миг один...

Арнольф

Не бойтесь ничего.

Оронт (*Арнольфу*)

Как нежности полны взаимные лобзанья!

Арнольф

Какое для меня счастливое свиданье!

Оронт

Сюда приехал я...

Арнольф

Не нужен мне рассказ;
Я знаю вашу цель.

Оронт

Предупредили вас?

Арнольф

Да.

Оронт

Хорошо.

Арнольф

Ваш сын, я знаю, не согласен,
Заране для него такой союз ужасен;
Он вас через меня хотел разубедить,
Но я советую иначе рассудить:
Отнюдь не отлагать решенного обряда,
Родительскую власть употребить вам надо;
Причуды юношей она смирять должна,
Им снисходительность излишняя вредна.

Орас

Злодей!

Кризальд

Когда ему не по душе невеста,
Насилье было бы здесь вовсе не у места,
И в этом, думаю, мой брат — союзник мой.

Арнольф

Как? сыну разрешит он управлять собой?
Возможно ль слабости отцов не удивляться,
Когда им молодежь начнет сопротивляться?
Иль времена и впрямь такие настают,
Что подчиненные законы издают?

Нет, нет, мой близкий друг не совершит дурного:
Он слово чести дал — и сдержит это слово.
Он должен образец железной воли дать
И сына своего пристойно обуздать.

Оронт

Приятно мне, что друг со мной единодушен.
Могу ручаться вам: мне будет сын послушен.

Кризальд (*Арнольфу*)

Мне удивительно, что горячитесь так
Вы, вновь задуманный отстаивая брак,
Как будто в нем для вас особая отрада.

Арнольф

Мне это лучше знать: я говорю, что надо.

Оронт

Так, так, сеньёр Арнольф...

Кризальд

Он имя изменил
И стал теперь Ласуш; я вас предупредил.

Арнольф

Неважно.

Орас

Боже мой!

Арнольф

Да, объяснилась тайна.
Вы поняли, что я старался не случайно!

Орас

В каком смятении...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Жоржета, Энрик, Оронт, Кризальд, Орас, Арнольф.

Жоржета

Осмелюсь доложить,
Что очень мудрено Агнесу сторожить.
Она уже не раз от нас удрать хотела:
Как выпрыгнет в окно — наделает нам дела!

Арнольф

Позвать ее сюда; от этих всех тревог
Я увезу ее; не гневайтесь, дружок:
Счастливый человек способен возгордиться;
У каждого своя звезда, как говорится.

Орас

О небо! с чем могу сравнить беду мою!
У края бездны я в отчаяньи стою.

Арнольф (*Оронту*)

Без промедления свяжите их обетом:
Я с вами всей душой; я сам прошу об этом.

Оронт

Мы так и думаем.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Агнеса, Ален, Жоржета, Оронт, Энрик, Арнольф, Орас, Кризальд

Арнольф (*Агнесе*)

Пожалуйте сюда,
Вы, укротить кого не мог я никогда!
Вот и любезник ваш, но больше вы не вместе.
Почтительный поклон ему теперь отвесьте.

Прощайте. Мне ваш пыл придется охладить,
Но можно ли на всех влюбленных угодить?

Агнеса

И вы допустите, Орас, со мной разлуку?

Орас

Я право сам не свой, терпя такую муку.

Арнольф

Идем, болтунья!

Агнеса

Нет, хочу остаться я.

Оронт

Но расскажите же, всей правды не тая,
Что происходит здесь: мы в полном затрудненьи.

Арнольф

Мне нынче недосуг, прошу у вас прощенья;
Когда-нибудь потом.

Оронт

Зачем же так спешить?
Вы все сомнения должны нам разрешить.

Арнольф

Я подал вам совет: жените сына смело,
Хотя бы он роптал...

Оронт

Да. Но, кончая дело,
Должны мы пояснить, что речь была сейчас
О той, которая находится у вас.
Девицы этой мать, мы знаем, — Анжелика;
Супругой тайною она была Энрика.
Но я не мог понять, о чем был спор веден.

Кризальд

Его поступками я тоже удивлен.

Арнольф

Что?..

Кризальд

Дочь, рожденную сестрой в союзе тайном,
Сокрыли от семьи стараньем чрезвычайным.

Оронт

И втайне ото всех была затем она
На воспитание в деревню отдана.

Кризальд

Отцу в те дни пришлось недобрый жребий вынуть,
И был он вынужден отечество покинуть.

Оронт

И к новым бедствиям, в незнаемой земле,
За дальние моря отплыть на корабле.

Кризальд

И снова приобресть упорными трудами,
Что̀ было отнято на родине врагами.

Оронт

Прибыв во Францию, сыскал тотчас же он
Ту женщину, кому младенец был вручен.

Кризальд

Крестьянка же ему всё, не таясь, открыла,
Что вам она дитя в те годы уступила.

Оронт

Что ваши милости и крайняя нужда
На этот шаг ее подвинули тогда.

Кризальд

Надежда сладкая тотчас им овладела:
Он вместе с женщиной приехал кончить дело.

Оронт

И в скором времени сюда придет она,
И будет тайна вся для всех разъяснена.

Кризальд [*Арнольфу*]

Что̀ мучит вас, теперь, мне кажется, понятно;
Но вам, по-моему, судьба благоприятна:
Рога считали вы несчастием таким,
Что вам верней всего остаться холостым.

Арнольф (*уходит в возмущении, не в силах сказать слова*)

О!

Оронт

Что же он бежит безмолвно?

Орас

Этой тайны
Я растолкую вам весь смысл необычайный.
По воле случая уже совершено,
Что вашей мудростью заране решено:
Взаимной склонности сладчайший жар и страстный
Меня соединил с подругою прекрасной,
И вот, я огорчил своим отказом вас,
Не зная, что за ней явились вы как раз.

Энрик

Я понял, кто она, при первом появленьи.
Теперь не в силах я сдержать души волненья:
Ко мне, о дочь моя! Тебя обнять я рад!

Кризальд

Охотно взял бы с вас и я пример, мой брат;
Но оставаться здесь едва ли нам удобно;
Войдемте в дом и там обсудим всё подробно;
Отплатим за добро приятелю добром
И благости небес молитву вознесем.

КРИТИКА «УРОКА ЖЕНАМ»

La Critique de l'Ecole des Femmes

Перевод Василия Гиппиуса

КОРОЛЕВЕ-МАТЕРИ

Ваше величество!

Я знаю хорошо, что наши посвящения не нужны вашему величеству и что если дарами нашими мы тщимся — как об этом принято изящно говорить — платить вашему величеству дань нашей преданности, то, говоря по правде, от этой дани вы нас охотно бы уволили. И все же я беру на себя смелость посвятить вашему величеству *Критику Урока женам*; я не мог отказаться от этого ничтожного способа выразить мою радость по случаю счастливого выздоровления вашего величества, возвратившего нам величайшую и лучшую в мире государыню и обещающего нам долгие годы ее полного здравия. Поскольку всякому свойственно рассматривать предмет со стороны ему близкой, и я, среди всеобщего веселия, радуюсь возможности иметь честь развлечь ваше величество, чей пример показывает, что истинное благочестие не враждебно благопристойным развлечениям; кто с высоты своих мыслей и важных своих занятий столь человечно снисходит к удовольствиям наших представлений и изволит смеяться теми же самыми устами, какими столь усердно молится богу. Я льщу себя надеждой на эту славу; я ожидаю минуты ее с величайшим нетерпением, и насладиться ею будет величайшей радостью, какую может получить

вашего величества
всенижайший, всепокорнейший
и всепреданнейший слуга и подданный

Ж.-Б.-П. Мольер

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

У р а н и я.
Э л и з а.
К л и м е н а.
Г а л о п е н, лакей.
М а р к и з.
Д о р а н т, или Ш е в а л ь е.
Л и з и д а с, поэт.

Действие происходит в Париже, в доме Урании

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Урания, Элиза

Урания

Что это? Кузина, разве никто не приезжал?

Элиза

Решительно никто.

Урания

Поистине удивительно, что весь нынешний день мы провели одни.

Элиза

Это и мне удивительно: мы к этому не привыкли, а дом ваш, слава богу, всегда привлекал придворных бездельников.

Урания

По правде говоря, послеобеденное время показалось мне отменно длинным.

Элиза

А я нашла его отменно коротким.

Урания

Конечно, кузина: умным людям любезно одиночество.

Элиза

Ах, увольте меня от этой чести: вы знаете, что я на нее не имею притязаний.

Урания

Я же, признаюсь, люблю общество.

Элиза

И я люблю, но избранное; а множество глупых гостей, которых надобно терпеть в числе других, нередко заставляет меня предпочитать одиночество.

Урания

Нужно быть слишком взыскательной, чтобы мириться лишь с отборными людьми.

Элиза

Нужно быть слишком снисходительной, чтобы равно мириться с кем попало.

Урания

Я наслаждаюсь людьми рассудительными и отворачиваюсь от чудаков.

Элиза

Честное слово, чудаки в конце концов надоедают: большинство их при второй же встрече уже не забавно. Но, кстати, о чудаках: не поможете ли мне отделаться от вашего несносного маркиза? Или вы думаете, я буду с ним вечно носиться, буду терпеть его бесконечные тюрлюпинады?

Урания

Этот язык теперь в моде; при дворе тоже говорят им ради шутки.

Элиза

Тем хуже для тех, кто говорит и, говоря, сам страдает от этого непонятного жаргона. Велика заслуга: в Лувре вплетать в разговор каламбуры, подобранные в грязи базаров и площадей Мобер! Прекрасные шутки для придворных: как остроумен тот, кто говорит: «Сударыня, вы на Королевской площади, но все на вас смотрят с расстояния трех миль от Парижа, потому что смотрят на вас de bon oeil», — дело в том, что Бонейль — деревня в трех милях отсюда. Не правда ли, как изысканно-вежливо и как остроумно? И разве изобретатели этих замечательных совпадений не вправе гордиться?

Урания

Это и не выдают за остроумие; большинство тех, кто употребляет подобный язык, само хорошо знает, что он смешон.

Элиза

Еще того хуже! Стараться говорить глупости, умышленно становясь шутником дурного тона! На мой взгляд, это еще менее простительно; и будь я судьей, я знала бы, к чему приговорить всех этих господ тюрлюпенов.

Урания

Оставим этот предмет: он тебя слишком волнует. Не правда ли, Дорант очень запаздывает к ужину?

Элиза

Быть может, он забыл о нем, и...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Галопен, Урания, Элиза

Галопен

Сударыня, к вам госпожа Климена!

Урания

Боже мой! какое посещение!

Элиза

Вы жаловались на одиночество — вот вас и наказывает за это небо.

Урания

Скорей, пусть скажут, что меня нет дома.

Галопен

Уже сказали, что вы дома.

Урания

А какой дурак это сказал?

Галопен

Я, сударыня.

Урания

Чорт побери этого мужика! Я научу вас отвечать без спросу!

Галопен

Сейчас, сударыня, я скажу, что вы собираетесь уйти.

Урания

Стойте, чорт возьми; пусть поднимется, раз глупость уже сделана.

Галопен

Они еще с кем-то говорят на улице.

Урания

Ах, кузина, как меня стесняет это посещение, и особенно теперь.

Элиза

Да, эта дама может стеснить: такая она от природы; у меня всегда было к ней страшное отвращение, и — будь это сказано не в обиду ее званию — это самое глупое животное, какое когда-нибудь пускалось рассуждать.

Урания

Не слишком ли сильный эпитет?

Элиза

Нет, нет, она его заслужила, а говоря по правде, заслужила и кое-что побольше. Разве кто-нибудь с бо́льшим правом может быть назван прециозной в самом худшем значении этого слова?

Урания

Однако она открещивается от этого прозвища.

Элиза

Да, она может откреститься от прозвища, но не от существа дела; она с головы до ног прециозна и, кроме того, величайшая в мире жеманница. Можно подумать, что все ее тело развинчено, что ее бедра, плечи и голова поворачиваются на пружинах. Она всегда говорит томным и наивным голосом и гримасничает, чтобы показать, какой у нее маленький ротик, и таращит глаза, чтобы они казались большими.

Урания

Тише, она может услышать...

Элиза

Нет, нет, она еще не поднимается по лестнице. Мне вспомнился вечер, когда она пожелала увидеть Дамона, наслышавшись о нем и о пьесах, в которых публика

его видела. Вы знаете этого человека и его природную лень, особенно когда нужно поддерживать разговор. Она пригласила его к ужину как остряка, но у него был на редкость глупый вид перед лицом полудюжины людей, которых она угощала новым гостем; они смотрели на него, вытаращив глаза, как на существо, созданное особенным образом. Они-то думали, что он приглашен смешить общество остротами, что из уст его вылетают только необыкновенные слова, что на всякое сказанное слово он будет отзываться экспромтом и попросит пить не иначе, как с каламбуром. Но он разочаровал их своим молчанием, и эта дама осталась так же недовольна им, как я недовольна ею.

Урания

Перестань! Я хочу ее встретить в дверях.

Элиза

Еще два слова. Хорошо бы выдать ее замуж за маркиза, про которого мы говорили; славная была бы парочка: прециозная и тюрлюпен.

Урания

Замолчи же, наконец! Она идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Климена, Урания, Элиза, Галопен

Урания

Как ни поздно...

Климена

О милая моя, сделайте одолжение, прикажите дать мне стул!

Урания

Кресло, и поскорей.

Климена

О боже!

Урания

Что случилось?

Климена

Ах, я не могу...

Урания

Что с вами?

Климена

Сердце замирает...

Урания

Может быть, припадок?

Климена

Нет.

Урания

Не расшнуровать ли вас?

Климена

О боже, нет. Ах!

Урания

Чем же вы больны и давно ли?

Климена

Больше трех часов; я принесла эту болезнь из Пале-Рояля.

Урания

Как?

Климена

За грехи мои мне пришлось увидеть эту ужасную пьесу *Урок женам*. Я до сих пор не могу опомниться от тошноты, которая там на меня напала, и, кажется, не вылечусь и через месяц.

Элиза

Вот как легко заболеть, совсем этого не ожидая!

Урания

Не знаю, какой темперамент у нас с кузиной, но третьего дня мы были на той же самой пьесе и вернулись в добром здоровье.

Климена

Как? Вы ее видели?

Урания

Да, и слышали — от начала до конца.

Климена

И вас не схватили судороги, моя милая?

Урания

Нет, слава богу, я не так нежна; напротив, я нахожу, что эта комедия скорее может вылечить людей, чем сделать их больными.

Климена

Боже мой! Что это вы говорите? Может ли подобное предположение быть защищено хоть одним здравомыслящим человеком? Можно ли так безнаказанно противоречить разуму? И, говоря поистине, найдется ль человек настолько жадный до шуток, что мог бы переварить пошлости, коими комедия приправлена? Я, во всяком случае, не нашла во всем этом ни крупицы

остроумия. «Детей родят из уха» показалось мне отвратительным; от «пирожка» меня начало мутить, и чуть не вырвало, когда дело дошло до «похлебки».

Элиза

Боже, как замечательно это сказано! Мне казалось, что пьеса хороша, но вы говорите с таким убедительным красноречием, выражаетесь так приятно, что волей-неволей присоединяешься к вашему мнению.

Урания

Нет, я не сумею вам угодить: по моему мнению, комедия эта — одна из самых занимательных комедий этого автора.

Климена

Ах, я вас жалею; вы говорите странные вещи, и я возмущена в вас подобной слепотой суждения. Возможно ли, храня добродетель, находить удовольствие в пьесе, которая беспрестанно оскорбляет стыдливость и поминутно грязнит воображение?

Элиза

Прекрасные обороты речи! С вами, сударыня, шутить опасно, и я жалею бедного Мольера, у которого такой сильный враг, как вы.

Климена

Поверьте мне, милая, перемените чистосердечно ваше мнение и, храня свою честь, не говорите в свете, что эта комедия вам понравилась.

Урания

Не могу понять, что̀ вы нашли в ней оскорбляющего стыдливость.

Климена

Увы, всё; и я чувствую, что порядочная женщина не может смотреть ее, не смущаясь, — столько я обнаружила в ней грязи и сальностей.

Урания

Вероятно, вы особенно сведущи по части сальностей. Что касается меня, я ничего такого в ней не увидела.

Климена

Просто, вы не хотите видеть; но вся эта грязь, слава богу, у всех на виду. Она не прикрыта ни малейшим покровом, и самые смелые глаза пугаются ее наготы.

Элиза

Ах!

Климена

Да, да, да.

Урания

Но, пожалуйста, укажите мне хотя одно грязное место.

Климена

Ах, разве надо их указывать?

Урания

Да. Укажите хотя бы одно место, которое вас сильно оскорбило.

Климена

Ну, хотя бы сцена с этой Агнесой, когда она говорит о том, что у нее взяли.

Урания

Ну, так что же! Что вы находите здесь грязного?

Климена

Ах!

Урания

Скажите, сделайте милость.

Климена

Фи!

Урания

Но все-таки?

Климена

Мне нечего вам сказать.

Урания

Я не нахожу здесь ничего дурного.

Климена

Тем хуже для вас.

Урания

Мне кажется, напротив, тем лучше. Я смотрю на вещи с той стороны, с какой мне их показывают, и не переворачиваю их на все лады, чтобы найти в них то, чего не надо.

Климена

Достоинство женщины...

Урания

Достоинство женщины — не в ужимках. Не следует стараться быть благонравнее благонравных. Здесь принужденность хуже, чем где бы то ни было; по-моему, нет ничего смешнее этой щепетильности, которая всё принимает в дурную сторону, придает невиннейшим словам безнравственный смысл и оскорбляется призра-

ком. Поверьте, жеманницы этого рода отнюдь не почитаются достойными. Напротив, их таинственная суровость и их ужимки заставляют общество судить особенно строго их личную жизнь. Все в восторге, если откроется что-нибудь достойное упрека, и вот пример: в тот самый день на этой комедии против нашей ложи сидели женщины, которые во всё продолжение пьесы морщились, отворачивались, закрывали себе лицо и этим заставляли всех говорить об их поведении тысячу разных глупостей, которых иначе бы, конечно, не сказали; даже кто-то из лакеев громко крикнул, что уши их целомудреннее всего остального тела.

Климена

Надо быть ослепленным этой пьесой, чтобы делать вид, что в ней ничего не находишь.

Урания

Не надо стараться разглядывать то, чего в ней нет.

Климена

Ах, я еще раз настаиваю, что сальности в ней бросаются в глаза.

Урания

А я никак не могу с этим согласиться.

Климена

Как? Стыдливость не оскорбляется словами Агнесы в том месте, о котором мы говорили?

Урания

Конечно, нет. Она не говорит ни одного неблагопристойного слова, а если вы в ее словах видите скрытый смысл, значит, вы вносите грязь, а не она: она говорит только о ленточке, которую у нее взяли.

Климена

Ах, о ленточке, так вам угодно понимать! Ну, а слово «моё», на котором она останавливается? Ведь недаром же оно поставлено. Странные мысли вызывает это слово «моё». Это слово ужасно непристойно, и, что бы вы ни говорили, вы не сумеете защитить это неприличное слово «моё».

Элиза

Это правда, кузина, я на стороне вашей гостьи против «моё». «Моё» — до последней степени непристойно, и вы неправы, защищая «моё».

Климена

Обсценность этого слова несносна.

Элиза

Какое слово вы произнесли, сударыня?

Климена

Обсценность, сударыня.

Элиза

О боже! Обсценность! Я не знаю, что это слово значит; но я нахожу его прелестным.

Климена

Видите, ваша родственница принимает мою сторону.

Урания

Ах, боже мой! Эта болтунья никогда не говорит того, что думает. Не слишком доверяйте ей, послушайтесь моего совета.

Элиза

Ах, какая же вы недобрая, если восстанавливаете вашу гостью против меня! Подумайте, каково мне будет, если

она поверит вашим словам? Неужели, сударыня, меня постигнет такое несчастье, как ваше дурное мнение обо мне?

Климена

Нет, нет. Я не придаю значения ее словам и верю в вашу искренность.

Элиза

О, вы совершенно правы, сударыня, и я надеюсь, вы мне поверите, что я считаю вас обаятельнейшей особой, что я вполне вам сочувствую и в восторге от всех выражений, какие исходят из ваших уст.

Климена

Я говорю совершенно непринужденно.

Элиза

Это сразу видно, сударыня: всё в вас естественно. В ваших словах, в выражении вашего голоса, в ваших взглядах, движениях и одежде есть особое достоинство, особое очарование. Я изучаю вас и слухом, и зрением, я так полна вами, что готова передразнивать вас, как обезьяна, и подделываться под вас во всем.

Климена

Вы смеетесь надо мною, сударыня.

Элиза

Простите меня, сударыня. Как можно над вами смеяться?

Климена

Я дурной образец, сударыня.

Элиза

О, что вы, совсем напротив, сударыня!

Климена

Вы мне льстите, сударыня!

Элиза

Нисколько, сударыня.

Климена

Пощадите меня, сударыня.

Элиза

Я и без того щажу вас, сударыня, и не говорю о вас и половины того, что думаю.

Климена

Ах, оставим ради бога этот разговор. Вы меня приводите в ужасное смущение. (*Урании*) Итак, вот мы теперь вдвоем против вас: умным людям упрямство не идет...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маркиз, Климена, Галопен, Урания, Элиза

Галопен

Не извольте входить, сударь.

Маркиз

Ты, вероятно, не знаешь меня.

Галопен

Как можно, знаю-с, только войти вам нельзя.

Маркиз

Подумаешь, какой прыткий!

Галопен

Нехорошо, сударь, идти, когда люди не пускают.

Маркиз

Я хочу видеть твою госпожу.

Галопен

Ее нет дома, смею вас уверить.

Маркиз

Да вот она, в комнате.

Галопен

Да, правда, это она, но ее нет дома.

Урания

Что там такое?

Маркиз

Ваш лакей, сударыня, валяет дурака.

Галопен

Я говорю им, что вас нет дома, а они всё идут.

Урания

Зачем же говорить, что меня нет дома?

Галопен

Да вы меня бранили давеча, когда я сказал, что вы дома.

Урания

Что за нахал! Прошу вас, маркиз, не верьте ему. Этот бестолковый малый принял вас за другого.

Маркиз

Я это сразу понял, и если бы не уважение к вам, я научил бы его, как узнавать порядочных людей.

Элиза

Кузина вам очень обязана за ваше снисхождение.

Урания

Стул сюда, невежа!

Галопен

А разве там нет стула?

Урания

Подвиньте его.

(*Лакей грубо толкает стул*)

Маркиз

Ваш лакей меня не жалует.

Элиза

Он очень провинился сегодня.

Маркиз

Возможно потому, что я не блещу красотою, хе-хе-хе-хе.

Элиза

Со временем он научится отличать порядочных людей.

Маркиз

О чем вы говорили, когда я прервал вас?

Урания

О комедии *Урок женам.*

Маркиз

Я только что ее видел.

Климена

Ну, и что же, скажите, пожалуйста, какого вы о ней мнения, сударь?

Маркиз

Совершенное неприличие.

Климена

Ах, как это мне приятно!

Маркиз

Просто из рук вон! Чорт побери, я едва мог найти место; меня чуть не задавили в дверях и то и дело наступали мне на ноги. Полюбуйтесь, пожалуйста, на что стали похожи мои каноны и ленты.

Элиза

Да, этого достаточно, чтобы ополчиться на *Урок женам*. Вы совершенно правы, осуждая пьесу.

Маркиз

Думаю, что такой ужасной комедии никто никогда не видывал.

Урания

А, вот и Дорант! Мы давно его ждем.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, Маркиз, Климена, Элиза, Урания

Дорант

Пожалуйста, не беспокойтесь и продолжайте ваш разговор. Этот предмет уже пятый день обсуждается всем Парижем и вызывает самую неслыханную разноголосицу мнений. Не раз при мне осуждали эту комедию за то же самое, за что другие ее хвалили.

Урания

Вот, например, маркиз отзывается о ней очень сурово.

Маркиз

Да, правда, я ее нахожу противной... Она, чорт возьми, противна до последней степени; противнее противного.

Дорант

А мне, любезный маркиз, противно такое суждение.

Маркиз

Как, шевалье! Ты защищаешь эту пьесу?

Дорант

Да, я готов ее защищать.

Маркиз

Ручаюсь, что я прав, находя ее противной.

Дорант

Вряд ли это надежная порука. Но объясни, маркиз, сделай милость, почему ты об этой комедии такого мнения?

Маркиз

Почему она противна?

Дорант

Да.

Маркиз

Противна потому, что противна.

Дорант

На это нечего возразить: участь комедии решена. Но дай же нам урок и объясни нам ее недостатки.

Маркиз

Почем я знаю? Я, признаться, не слишком внимательно слушал. Я знаю только то, что никогда ничего ужаснее не видел, ей-богу; и Дорилас — я сидел с ним рядом — со мной согласен.

Дорант

Замечательный авторитет; у тебя отличная поддержка.

Маркиз

Стоило послушать эти взрывы смеха в партере: достаточное доказательство, что пьеса никуда не годится.

Дорант

Так значит, ты, маркиз, из числа тех гордых вельмож, которые не допускают у партера здравого смысла и не позволяют себе смеяться вместе с ним, хотя бы и было над чем? Я видел раз в театре одного из наших друзей; он был решительно смешон. Он прослушал всю комедию с самым серьезным и даже мрачным видом и только морщился в тех местах, которые забавляли всех. Когда раздавались взрывы смеха, он пожимал плечами, смотря на партер с сожалением, а иногда и с досадой, и приговаривал «Смейся, партер, смейся». Дурное настроение нашего друга — это была вторая комедия. И он прекрасно разыграл ее перед зрительным залом: все в один голос признали, что лучше сыграть ее невозможно. Пойми, пожалуйста, маркиз, — поймите и вы все, — что в театре не отведено особого места для здравого смысла; что разница между полулуидором и монетой в пятнадцать су не имеет никакого отношения к хорошему вкусу; что стоя и сидя можно одинаково высказать неверное суждение; что, наконец, вообще говоря, я бы не пренебрег одобрением партера, ибо в его среде многие сумеют разобрать пьесу сообразно с правилами, а другие будут судить своим умом и по своим впечатлениям, без слепого предубеждения, без принужденной снисходительности, без смешного жеманства.

Маркиз

Итак, шевалье, ты — защитник партера? Ну что ж, я очень рад и не замедлю довести до его сведения, что ты его друг. Хе-хе-хе, хе-хе-хе!

Дорант

Смейся сколько хочешь. Я сторонник здравого смысла и не выношу причуд наших маркизов Маскарилей. Меня бесят эти люди, которые, унижая свое достоинство, делаются посмешищем; люди, которые смело судят о том, чего не знают; которые, заметив дурное место в комедии, подымают крик, но глазом не моргнут, слушая хорошие места; которые, видя картину или слушая концерт, и хвалят, и хулят, наперекор рассудку; которые, нахватавшись где только можно выражений из области искусства, коверкают их и применяют некстати. Ах, господа, господа! Помолчали бы вы, если бог вам не дал понимания предмета; не заставляйте смеяться над собой; помните, что, не говоря ни слова, вы еще можете прослыть неглупыми людьми.

Маркиз

Чорт возьми, шевалье, ты слишком...

Дорант

Оставь, пожалуйста, маркиз. Я говорю не о тебе. Я говорю о целой дюжине знатных господ, которые только позорят придворных своими выходками и создают впечатление в народе, что мы все похожи друг на друга. Я, по крайней мере, хочу оправдаться поскольку возможно: я буду их высмеивать при каждой встрече; пусть они наконец образумятся.

Маркиз

Как по-твоему, шевалье, Лизандр — умный человек?

Дорант

Несомненно, и даже очень.

Урания

Этого нельзя отрицать.

Маркиз

Спросите-ка, какого он мнения об *Уроке женам*? Вы увидите, он скажет, что комедия ему не нравится.

Дорант

Ах, боже мой! Разве мало людей, которых портит избыток ума, которые видят вещи в дурном свете из-за своей учености, и даже таких, которые готовы оспаривать мнения других из одной только чести — судить самим.

Урания

Это правда. Наш друг несомненно из числа таких людей. Он хочет высказываться первым, чтобы все почтительно ожидали его приговора. Во всякой похвале, опередившей его похвалу, он видит покушение на свои познания и, чтобы пристыдить, начинает противоречить. Он хочет, чтобы с ним советовались по всем серьезным вопросам; если бы автор показал ему комедию перед постановкой, он, я уверена, нашел бы ее превосходной.

Маркиз

А что вы скажете о маркизе Араминте, которая заявляет повсюду, что комедия ужасна и полна непристойностей, с которыми невозможно мириться?

Дорант

Скажу, что это на нее похоже; есть особы, которые вызывают смех своей излишней чопорностью. Она, хоть и умна, но подражает дурному примеру тех женщин, которые на склоне лет желают заменить хоть чем-нибудь то, что теряют, и воображают, что ужимки щепетильной стыдливости заменяют им молодость и красоту. Но эта особа идет дальше всех, изощряясь в открытии сальностей там, где никто их не видит. Говорят, что она разборчива до того, что готова коверкать язык, и что нет

почти ни одного слова, у которого эта суровая дама не предлагала бы отрубить голову или хвост, находя в них неприличные слоги.

Урания

Вы шутите, шевалье.

Маркиз

Ты думаешь, шевалье, что защитишь комедию, если высмеешь тех, кому она не нравится?

Дорант

Нет, но я утверждаю, что у этой дамы нет оснований оскорбляться.

Элиза

Но, может быть, шевалье, найдутся и другие, которые с ней согласятся.

Дорант

Я знаю, во всяком случае, что вы не из их числа; когда вы были в театре...

Элиза

Да, но я изменила мнение, услышав доводы Климены; они были настолько неопровержимы, что я должна была перейти на ее сторону.

Дорант [*Климене*]

Прошу прощения, сударыня; если угодно, я готов из любви к вам отказаться от всего, что я сказал.

Климена

Пусть это будет не из любви ко мне, а из любви к здравому смыслу, ибо пьеса эта, говоря по правде, незащитима, и я не могу понять...

Урания

Ах, вот писатель, господин Лизидас. Он пришел как раз кстати. Господин Лизидас, возьмите, пожалуйста, сами стул и садитесь к нам ближе.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лизидас, Дорант, Маркиз, Элиза, Урания, Климена

Лизидас

Сударыня, я опоздал, но я должен был читать у маркизы мою пьесу, ту, о которой я говорил вам; хвалебные отзывы о пьесе задержали меня на целый лишний час.

Элиза

Конечно, если автор очарован хвалебными отзывами, как ему не задержаться?

Урания

Садитесь, господин Лизидас, после ужина мы прочитаем вашу пьесу.

Лизидас

Все мои слушатели обещали прийти на первое представление и как следует исполнить свою обязанность.

Урания

Охотно верю. Но еще раз прошу вас садиться. Мы говорили здесь о предмете, которого мне не хотелось бы оставить.

Лизидас

Надеюсь, что и вы закажете ложу на этот день.

Урания

Посмотрим. Давайте, пожалуйста, продолжать наш разговор.

Лизидас

Имейте в виду, что почти все уже расписаны.

Урания

Прекрасно. Знаете, вы мне были очень нужны, когда вошли: все были против меня.

Элиза

Да, господин Дорант сначала был на вашей стороне, но теперь, когда он знает, что ваша гостья — во главе враждебной партии, — вам придется искать других союзников.

Климена

Нет, нет, я не хочу мешать ему угождать вашей кузине и позволяю ему примкнуть к партии своего сердца.

Дорант

Итак, с вашего позволения, я возьму на себя смелость защищаться.

Урания

Но сначала узнаем мнение господина Лизидаса.

Лизидас

О чем, сударыня?

Урания

Об *Уроке женам*.

Лизидас

А-а!

Дорант

Что вы скажете?

Лизидас

Ничего не скажу; вы знаете, что мы, сочинители, должны говорить друг о друге с большой осмотрительностью.

Дорант

Но все же, между нами, как вы находите эту комедию?

Лизидас

Я?

Урания

Скажите нам откровенно ваше мнение.

Лизидас

Я нахожу ее превосходной.

Дорант

В самом деле?

Лизидас

В самом деле. Почему бы и нет? Разве это не лучшая в мире комедия?

Дорант

Гм, гм, вы большой хитрец, господин Лизидас, вы говорите не то, что думаете.

Лизидас

Извините.

Дорант

Боже мой! Ведь я вас знаю. Не притворяйтесь.

Лизидас

Почему бы мне притворяться?

Дорант

Я отлично вижу, что вы хвалите эту пьесу не искренне и что в глубине души вы разделяете мнение многих, которым она кажется дурной.

Лизидас

Хе-хе-хе!

Дорант

Признайтесь, что комедия никуда не годится.

Лизидас

Это правда, знатоки ее не одобряют.

Маркиз

Попался, шевалье, честное слово! Вот тебе за твои насмешки! Ха-ха-ха-ха-ха!

Дорант

Атакуй, маркиз, атакуй.

Маркиз

Видишь, ученые на нашей стороне.

Дорант

Да, с мнением господина Лизидаса стоит посчитаться. Но господин Лизидас не потребует, чтобы я из-за этого сдался, и если у меня хватает смелости не соглашаться с госпожой Клименой, он разрешит мне отстаивать собственные мнения.

Элиза

Как? Против вас — госпожа Климена, господин маркиз и господин Лизидас, и вы всё еще упорствуете? Ах! Как это нелюбезно!

Климена

Не могу понять, как рассудительные люди могут так упорно защищать глупости этой пьесы.

Маркиз

Ей-богу, сударыня, она ничего не стоит, от первой страницы до последней.

Дорант

Вы слишком торопитесь с приговором, маркиз. Нет ничего легче, как рубить таким образом сплеча; перед произволом твоих суждений всё что угодно окажется беззащитным.

Маркиз

Да ведь и все другие актеры, что были в театре, ругали пьесу на чем свет стоит.

Дорант

Что же, я молчу: ты прав, маркиз. Если другие актеры говорят о ней дурно, уж, конечно, им поверят. Всё это просвещенные и беспристрастные люди. К этому нечего прибавить. Сдаюсь.

Климена

Сдаетесь вы или нет, всё равно вы не убедите меня, что можно терпеть нескромности этой пьесы и неучтивую сатиру на женщин.

Урания

Ну, а я остерегусь обижаться и что бы то ни было из сказанного принимать на свой счет. Сатира этого рода осмеивает нравы, и только отраженным образом — личности. Не будем же применять к себе общих суждений и воспользуемся, как можно лучше, уроком, не показывая виду, что речь идет о нас. На смешные сцены, представляемые в театре, все могут смотреть, и

никто не должен смущаться ими. Это — зеркало общества; никогда не следует показывать, что видишь в них себя; оскорбляться при порицании недостатка — не значит ли сознаваться в том же недостатке?

Климена

Что касается меня, я говорю в уверенности, что ко мне это всё относиться никак не может; мой образ жизни в свете позволяет мне не бояться, чтобы искали меня в образе женщины дурного поведения.

Элиза

Разумеется, вас никто не станет искать. Ваше поведение всем известно; есть вещи, о которых никто не спорит!

Урания

Я также не сказала ничего, что относилось бы к вам. Мои слова, как и сатира в комедии, имеют общий характер.

Климена

Я в этом не сомневаюсь. Но оставим это. Я не знаю, как подействовало на вас то место пьесы, где оскорблен наш пол; я же, признаюсь, сильно была разгневана, увидев, что дерзкий сочинитель относит нас к числу *зверей*.

Урания

Как же вы не видите, что слова эти произнесены комическим лицом?

Дорант

Кроме того, сударыни, известно ли вам, что брань влюбленных никогда не оскорбляет, что бывает любовь не только нежная, но и неистовая, и что в подобных обстоятельствах самую ужасную речь — и даже нечто

худшее — те самые, на кого она направлена, считают знаком сильного чувства?

Элиза

Говорите что хотите, но я не могу этого переварить, так же, как «похлебку» и «пирожок», о которых шла недавно речь.

Маркиз

Да, да, как же: «пирожок»! Это я тотчас же заметил. «Пирожок»! Как я вам признателен, сударыня, что вы напомнили мне о «пирожке»! Хватит ли в Нормандии яблок для этого «пирожка»! Пирожок, чорт возьми! «Пирожок»!

Дорант

Что же ты хочешь сказать этим пирожком?

Маркиз

Чорт возьми, шевалье: «пирожок»!

Дорант

Ну, так что ж?

Маркиз

«Пирожок»!

Дорант

Объяснись же!

Маркиз

«Пирожок»!

Урания

Мне кажется, вам следует разъяснить вашу мысль.

Маркиз

«Пирожок», сударыня!

Урания

Что же вы можете против этого возразить?

Маркиз

Я — ничего. «Пирожок!»

Урания

Я отказываюсь вас понять.

Элиза

Маркиз хорошо взялся за дело и ловко прижал вас к стене. Было бы хорошо, если бы господин Лизидас несколькими ударами со своей стороны довершил то, что начал.

Лизидас

Осуждения — не в моих привычках, и я обычно снисходителен к чужим трудам. Тем не менее, не в обиду дружеским чувствам господина шевалье к автору, следует сознаться, что комедия этого рода, собственно говоря, — не комедия, что эти безделки не имеют ничего общего с красотами серьезных пьес. Однако в настоящее время все поддались этому соблазну: все бывают на подобных пьесах; на представлении великих произведений — ужасающая пустота, на глупостях — весь Париж. Смею вас уверить, сердце мое нередко обливается кровью: это позор для Франции.

Климена

В самом деле, вкус общества ужасно испортился, и весь наш век опошлился до чрезвычайности.

Элиза

Как это мило, «опошлился»! Не вы ли изобрели это слово?

Климена

Гм-гм!

Элиза

Я это сразу заподозрила.

Дорант

Так вы полагаете, господин Лизидас, что умны и прекрасны только серьезные произведения и что комические пьесы — безделки, не стоящие внимания?

Урания

Я, по крайней мере, другого мнения. Трагедия прекрасна, конечно, когда она хорошо написана; но есть и в комедии своя прелесть, и, по-моему, создать ее не легче, нежели трагедию.

Дорант

Разумеется, и, может быть, вы не погрешите, сказав вместо «не легче» — «еще труднее». Мне кажется, что гораздо легче парить в области высоких чувств, сражаться в стихах с Фортуной, обвинять судьбу и оскорблять богов, чем вникнуть как следует в смешные стороны человека и дать на сцене приятное изображение общих недостатков. Изображая героев, вы делаете что хотите. Это произвольные портреты, в которых никто не ищет сходства; вам нужно только следить за полетом вашего воображения, которое нередко забывает об истине, предпочитая чудесное. Но изображая людей, вы пишете с натуры. Портреты их должны быть схожи, и вы ничего не достигли, если в них не узнают людей вашего века. Словом, в серьезных пьесах, чтобы избежать порицания, достаточно мыслить разумно и писать хорошо, но в комедии этого не довольно; в них нужно шутить, а это предприятие не легкое — заставить порядочных людей смеяться.

Климена

Я отношу себя к порядочным людям, но во всем, что я видела, я не нашла ни одного забавного слова.

Маркиз

И я тоже ни одного, ей-богу.

Дорант

Что касается тебя, маркиз, это не удивительно: ты не нашел там тюрлюпинад.

Лизидас

Ей-богу, сударь, всё что там есть, — ничуть не лучше; все шутки этой комедии, на мой взгляд, довольно плоски.

Дорант

Двор этого не находит.

Лизидас

Ах, сударь, двор!..

Дорант

Договаривайте, господин Лизидас. Я вижу, вы хотите сказать, что двор не разбирается в этих вопросах; это ваш обычный довод, господа сочинители, когда сочинения ваши не имеют успеха, — обличать несправедливость нашего века и непросвещенность придворных. Запомните, пожалуйста, господин Лизидас, что и у придворных глаза не хуже, чем у других; что можно быть умным человеком в венецианских кружевах и перьях, равно как и в коротком парике и гладких брыжах; что лучшее испытание ваших комедий — суждение двора; что вкус его следует изучать, чтобы овладеть своим искусством; что ни в каком другом месте суждения не бывают столь справедливы; что, даже не говоря о множестве ученых из среды придворных, простой здравый смысл и общение с высшим светом так совершенствуют ум, что судит он несравненно тоньше, чем вся заплесневевшая ученость педантов.

Урания

Да, попав туда и наблюдая всё, что происходит перед глазами, можно приучить себя ко многому, и прежде всего — к уменью отличать дурную шутку от хорошей.

Дорант

Есть и при дворе смешные люди, с этим я согласен, и, как видите, первый готов их осуждать. Но, честное слово, их не мало и среди записных остроумцев; и если осмеивают маркизов, почему бы не осмеять и сочинителей? Было бы весьма забавно вывести на сцену их ученые ужимки, их смехотворные тонкости, их преступное обыкновение убивать всех своих героев, их алчность до похвал, прикрашивание мыслей, торговлю репутациями, наступательные и оборонительные союзы, умственные войны и сражения в прозе и в стихах.

Лизидас

Мольер должен быть очень счастлив, сударь, имея такого горячего покровителя, как вы. Но вернемся к делу; спрашивается, хороша ли пьеса: я готов указать в ней целую сотню явных погрешностей.

Урания

Странное дело, господа сочинители, что вы всегда осуждаете пьесы, на которые сбегаются все, и одобряете только те, на которые никто не ходит. К одним у вас — непобедимая ненависть, к другим — необъяснимая нежность.

Дорант

Они великодушно становятся на сторону обиженных.

Урания

Но, пожалуйста, господин Лизидас, покажите нам эти недостатки, которых я не заметила.

Лизидас

Прежде всего, все, кто знаком с Аристотелем и Горацием, должны сказать, что комедия эта погрешает против всех правил искусства.

Урания

Признаюсь вам, что с этими господами я не имею ничего общего и не знаю правил искусства.

Дорант

Забавны вы с вашими правилами, которыми вы ставите в тупик профанов и то и дело ошеломляете нас! Послушать вас, выходит, что в этих правилах искусства кроются величайшие тайны; на самом же деле это лишь несколько непринужденных наблюдений здравомыслящих людей о том, как не испортить себе удовольствия от этого рода пьес; и тот же здравый смысл, сделавший эти наблюдения во время оно, легко их делает и теперь без помощи Горация и Аристотеля. И разве не величайшее из правил — нравиться? Разве не на верном пути — театральная пьеса, достигшая этой цели? Неужели вся публика ошибается в этих вопросах, и никто не отдает себе отчета в удовольствии, которое получает?

Урания

Я заметила одну странность у этих господ: те, кто больше других говорят о правилах и лучше других их знают, сочиняют комедии, которых не одобряет никто.

Дорант

Это лишь доказывает, сударыня, как мало стоят внимания их запутанные споры. Ибо если пьесы, которые соответствуют правилам, не нравятся, а пьесы, которые нравятся, не соответствуют правилам, то из этого необходимо следует, что правила составлены дурно. Итак, пренебрежем придирчивыми правилами, которым

думают подчинить вкус общества, и будем ценить в комедии лишь действие ее на нас. Доверимся тому, что задевает нас за живое и не будем нарушать удовольствия нашими умствованиями.

Урания

Мне, когда я смотрю комедию, важно одно: по вкусу ли она мне; и если она меня довольно развлекает, я не спрашиваю, права я, или нет и не запрещено ли мне, по правилам Аристотеля, смеяться.

Дорант

Это все равно, что, поев с удовольствием соус, доискиваться, хорош ли он, по рецептам «Французского повара».

Урания

Правда, и я удивляюсь хитросплетениям иных людей в рассуждениях о таких вещах, которые сами мы должны чувствовать.

Дорант

Вы совершенно правы, сударыня, находя странными все эти таинственные хитросплетения. Ибо если они правы, мы должны не доверять себе самим; наши собственные чувства будут не свободны, и даже в пище и питье мы не посмеем ничего одобрять без разрешения господ ценителей.

Лизидас

Итак, сударь, ваш единственный довод — что *Урок женам* имел успех; вы ни мало не заботитесь, соблюдены ли здесь правила, поскольку...

Дорант

Ну, нет, господин Лизидас, я с вами не соглашусь. Я говорю только, что уметь нравиться — великое искус-

ство, и если эта комедия понравилась тем, для кого писана, я думаю, что этого для нее и довольно, и ей нечего заботиться о прочем. Но, сверх того, я утверждаю, что она не грешит ни против одного из ваших правил. Я, слава богу, читал их не хуже кого другого; я бы легко мог доказать, что, может быть, у нас еще не было театральной пьесы правильнее этой.

Элиза

Смелей, господин Лизидас! Мы пропали, если вы сдадитесь.

Лизидас

Как, сударь? А протазис, эпитазис и перипетия?..

Дорант

Ах, господин Лизидас, оставьте нас в покое с вашими громкими словами. Сделайте милость, не напускайте на себя такой учености. Говорите, как люди говорят, и старайтесь быть понятным. Неужели греческое слово придает вашим словам вес? Не находите ли вы, что можно отлично сказать «изложение содержания» вместо «протазиса», «завязка» — вместо «эпитазиса» и «развязка» — вместо «перипетии»!

Лизидас

Всё это — термины искусства, и употреблять их позволительно. Но если слова эти неприятны вашему слуху, я объясню мою мысль иначе и попрошу вас ответить положительно на два-три вопроса. Терпима ли пьеса, погрешающая против самого названия театральных пьес? Ибо название драматического произведения происходит от греческого слова, означающего «действовать», а это показывает, что сущность произведения заключается в действии; в этой же комедии никаких действий не происходит, и вся она состоит из рассказов Агнесы и Ораса.

Маркиз

Ага, шевалье!

Климена

Очень остроумное замечание; вот что называется схватить самую суть.

Лизидас

Что может быть менее остроумного или, лучше сказать, более низкого, чем некоторые выражения, над которыми все смеются, и особенно эти слова про «детей из уха»?

Климена

Отлично сказано.

Элиза

О, да!

Лизидас

А сцена слуги и служанки внутри дома, — разве не правда, что она утомительно длинна и в то же время нелепа?

Маркиз

Правда.

Климена

Разумеется.

Элиза

Он прав.

Лизидас

Разве Арнольф не отдает чересчур легко денег Орасу? И если это — комическое лицо пьесы, допустимо ли было приписывать ему поступок благородного человека?

Маркиз

Хорошо. Тоже удачное замечание.

Климена

Восхитительно.

Элиза

Чудесно.

Лизидас

Разве проповедь и «правила» не смешны, и разве они не оскорбляют уважения к нашим догматам?

Маркиз

Хорошо сказано.

Климена

Вот как нужно говорить.

Элиза

Лучше этого и сказать нельзя.

Лизидас

И наконец, этот господин де-Ласуш, которого выставляют умным человеком и который кажется столь серьезным во многих местах, — разве он не унижен до чего-то чересчур комического и преувеличенного в пятом действии, когда он объясняет Агнесе силу своей любви, причем дико вращает глазами, смешно вздыхает и глупо плачет, потешая всех?

Маркиз

Замечательно, чорт возьми!

Климена

Чудно!

Элиза

Браво, господин Лизидас!

Лизидас

Опасаясь наскучить, я оставлю в стороне много другого.

Маркиз

Так! Плохи твои дела, шевалье.

Дорант

Посмотрим.

Маркиз

Это не тебе чета!

Дорант

Может быть.

Маркиз

Ну-ка, ну-ка, ну-ка, отвечай.

Дорант

С удовольствием. Я...

Маркиз

Отвечай, пожалуйста!

Дорант

Так дай мне ответить. Если...

Маркиз

Ну, нет, ручаюсь, что не ответишь.

Дорант

Да, если ты не замолчишь.

Климена

Дайте ему, пожалуйста, высказаться.

Дорант

Во-первых, неверно, что вся пьеса состоит из рассказов; в ней много действия, происходящего на сцене, и самые рассказы в ней не что иное, как действия, сообразные с построением сюжета, поскольку они простодушно обращены к заинтересованному лицу, а лицо это именно потому внезапно приходит в забавное для зрителей смущение и при каждом известии принимает все возможные меры, чтобы отвратить угрожающее ему несчастье.

Урания

Я нахожу, что вся прелесть сюжета *Урока женам* состоит в этих постоянных признаниях; мне кажется особенно забавным, что умный человек, предупреждаемый простодушной возлюбленной и опрометчивым соперником, всё же не может избежать того, что с ним происходит.

Маркиз

Пустое, пустое.

Климена

Слабый ответ.

Элиза

Плохие доводы.

Дорант

Что касается «детей из уха», они забавны только в отношении к Арнольфу; сочинитель ввел это не в виде остроты, но лишь для того, чтобы характеризовать человека, подчеркнув его чудачество: простая глупость Агнесы кажется ему чем-то превосходным и радует его неизвестно почему.

Маркиз

Неудачный ответ.

Климена

Неудовлетворительно.

Элиза

Бессодержательно.

Дорант

По-вашему, он легко отдает деньги; но разве письмо лучшего друга не достаточное для него ручательство? А затем, разве одно и то же лицо не может быть смешным в одних случаях и благородным в других? И сцена между Аленом и Жоржетой, которую иные находят длинной и холодной, конечно, не лишена смысла: если во время путешествия Арнольф пострадал из-за простоты своей возлюбленной, то и по возвращении он должен долго дожидаться у ворот из-за простоты своих слуг, чтобы всюду быть наказанным тем самым, на чем он строил самые верные свои расчеты.

Маркиз

Некуда негодные доводы.

Климена

Бессмысленные.

Элиза

Жалкие.

Дорант

Что же касается нравоучения, или, по-вашему, проповеди, то люди подлинно благочестивые, выслушав его, конечно, не найдут ничего оскорбительного для догматов; слова об «аде» и «котлах» всецело оправданы чудачеством Арнольфа и невинностью его собеседницы.

Наконец любовный порыв в пятом действии, будто бы преувеличенный и чересчур комический, — разве это не сатира на влюбленных? Разве порядочные и даже самые серьезные люди в подобных случаях не поступают...

Маркиз

Ей-богу, шевалье, ты бы лучше помолчал.

Дорант

Хорошо. Но если мы присмотримся к самим себе когда мы сильно влюблены...

Маркиз

Я и слушать тебя не хочу.

Дорант

Нет, послушай. Разве в пылу страсти...

Маркиз (*поет*)

Ля-ля-ля-ля, ля-ре, ля-ля-ля-ля-ля-ля.

Дорант

Что?

Маркиз

Ля-ля-ля, ля-ре, ля-ля-ля-ля-ля-ля.

Дорант

По-моему...

Маркиз

Ля-ля-ля-ля, ля-ре, ля-ля-ля-ля-ля-ля.

Урания

Мне кажется, что...

Маркиз

Ля-ля-ля, ля-ре, ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля.

Урания

В нашем спюре много забавного. Мне кажется, из него можно было бы сделать небольшую комедию, которая была бы очень кстати для заключения *Урока женам.*

Дорант

Вы правы.

Маркиз

Эге, шевалье, тебе пришлось бы играть в ней незавидную роль.

Дорант

Правда, маркиз.

Климена

И я хотела бы, чтобы пьеса была написана, но с тем, чтобы все было передано так именно, как происходило.

Элиза

Я охотно была бы в ней действующим лицом.

Лизидас

Я бы тоже не отказался.

Урания

Если вы согласны, пусть шевалье сделает запись и отдаст ее Мольеру, с которым он знаком, и тот из этого сделает комедию.

Климена

Вряд ли он согласится; здесь ему не расточали похвал.

Урания

Нет, нет, я его знаю: ему и горя мало, что бранят его пьесы, лишь бы их смотрели.

Дорант

Да. Но какую же придумает он развязку? Ведь здесь не может быть ни свадьбы, ни узнавания, и я, право, не знаю, как можно было бы закончить спор.

Урания

Надо придумать для этого какое-нибудь особенное происшествие.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Галопен, Лизидас, Дорант, Маркиз, Климена, Элиза, Урания

Галопен

Сударыня, кушать подано.

Дорант

Ну, вот, как раз то, что нам нужно для развязки; ничего более натурального нельзя и придумать. Будут сильно и настойчиво спорить с той и с другой стороны, как это было и с нами; никто не захочет уступать; войдет лакей, объявит, что кушать подано, все встанут и пойдут ужинать.

Урания

Превосходный финал комедии; на нем и остановимся.

ВЕРСАЛЬСКИЙ ЭКСПРОМТ

L'Impromptu de Versaille

Перевод В. Чернявского

ИМЕНА ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Мольер, смешной маркиз.
Брекур, знатный человек.
Де-Лагранж, смешной маркиз.
Дюкруази, поэт.
Латорильер, назойливый маркиз.
Бежар, услужливый человек.
Госпожа Дюпарк, маркиза-ломака.
Госпожа Бежар, недотрога.
Госпожа де-Бри, осторожная кокетка.
Госпожа Мольер, остроумная насмешница.
Госпожа Дюкруази, слащавая язва.
Госпожа Эрве, прециозная служанка.

Действие происходит в Версале, в зале Комедии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мольер, Брекур, Лагранж, Дюкруази, госпожа Дюпарк, госпожа Бежар, госпожа де-Брн, госпожа Мольер, госпожа Дюкруази, госпожа Эрве

Мольер

Ну, живей, живей, господа, в насмешку, что ли, вы так копаетесь? Да выйдете ли вы, наконец, чума вас побери? Ну же! Господин де-Брекур!

Брекур

Что?

Мольер

Господин де-Лагранж!

Лагранж

Что такое?

Мольер

Господин Дюкруази!

Дюкруази

Что вы говорите?

Мольер

Госпожа Дюпарк!

Госпожа Дюпарк

Ну, что вам?

Мольер

Госпожа Бежар!

Госпожа Бежа́р

Что случилось?

Мольер

Госпожа де-Бри!

Госпожа де-Бри

Что вам угодно?

Мольер

Госпожа Дюкруази!

Госпожа Дюкруази

В чем дело?

Мольер

Госпожа Эрве!

Госпожа Эрве

Иду!

Мольер

Кажется, я с ума сойду с этими людьми, чорт бы их побрал! Господа, вы хотите меня сегодня взбесить?

Брекур

Что вам от нас нужно? Мы не знаем наших ролей, и это вы нас бесите, заставляя таким образом играть.

Мольер

А? Каково управлять такими животными, как актеры!

Госпожа Бежар

Ну вот, мы здесь. Что вы собираетесь делать?

Госпожа Дюпарк

Что вы придумали?

Госпожа де-Бри

О чем идет речь?

Мольер

Умоляю вас, станьте все сюда. Мы все одеты, а король прибудет только часа через два; воспользуемся этим временем, прорепетируем нашу пьесу и решим, как нам играть сцены.

Лагранж

Как же играть, не зная, в чем дело?

Госпожа Дюпарк

Я заявляю вам прямо, что не помню ни слова из моей роли.

Госпожа де-Бри

А мне, я уверена, придется суфлировать все, от начала до конца.

Госпожа Бежар

А я собираюсь играть с ролью в руках.

Госпожа Мольер

И я.

Госпожа Эрве

У меня, положим, всего несколько слов.

Госпожа Дюкруази

У меня тоже. Но я не могу ручаться, что не собьюсь.

Дюкруази

Я бы отдал десять пистолей, чтобы от этого отделаться.

Брекур

А мне приятней было бы получить двадцать ударов плетью, уверяю вас.

Мольер

Вы, я вижу, весьма расстроены тем, что вам приходится играть такую незавидную роль? А что бы вы делали на моем месте?

Госпожа Бежар

На вашем месте? Ну, вас-то нечего жалеть. Вы сами сочиняли пьесу, значит, вы ее хорошо помните.

Мольер

Как будто только это и страшно! А тревогу за успех, которая лежит на мне одном, вы ни во что не считаете? Вам кажется, что это пустяшное дело — представить комедию перед подобным обществом и заставить смеяться тех, кто внушает нам трепет и смеется только, когда захочет? Есть ли на свете такой автор, который не дрожал бы перед подобным испытанием? И не я ли вправе сказать, что я готов на что угодно в мире, лишь бы от всего этого избавиться?

Госпожа Бежар

Если бы вы действительно так дрожали, вы были бы предусмотрительней и не согласились бы подготовить пьесу в одну неделю, как вы это сделали.

Мольер

Как я мог не согласиться, если мне приказал это сам король?

Госпожа Бежар

Как? Вы могли бы почтительнейше извиниться перед ним, сославшись на невозможность выполнить это в такой короткий срок. И всякий другой на вашем месте, конечно, подумал бы о своей репутации и уберег бы себя от риска, на который вы пошли. Что с вами будет скажите, пожалуйста, если у нас ничего не выйдет? И подумайте, какую пользу извлекут из этого все ваши враги!

Госпожа де-Бри

В самом деле, надо было в почтительных выражениях отказаться перед королем или попросить у него побольше времени.

Мольер

Боже мой! Королям, сударыня, ничто так не нравится, как быстрое повиновение, и они терпеть не могут никаких препятствий. Им приятно все только в то самое время, которое они назначили, и отложить развлечение — это значит лишить его в их глазах всякой прелести. Им хочется только таких удовольствий, которые не заставляют себя ждать, и, чем меньше эти удовольствия подготовлялись, тем они им приятнее. Когда они чего-нибудь от нас требуют, мы не должны заботиться о самих себе: мы существуем только для того, чтобы им угождать, и, если они нам что-нибудь приказывают, мы должны как можно скорее подчиняться их желаниям. Лучше плохо исполнить то, чего они хотят от нас, чем исполнить это с опозданием; и если нам будет стыдно за свою неудачу, мы снискиваем все же честь тем, что мы быстро повинуемся. Прошу вас, однако, начнем репетировать.

Госпожа Бежар

Как же нам начинать, если мы не знаем ролей?

Мольер

Вы их будете знать, ручаюсь вам; и если даже вы их не совсем запомните, неужели вам не поможет ваша находчивость, раз пьеса написана прозой и вам известно, кого вы изображаете?

Госпожа Бежар

Покорно благодарю: проза еще хуже стихов!

Госпожа Мольер

Знаете, что я вам скажу? Вам следовало написать комедию, в которой играли бы вы один.

Мольер

Помолчите, жена моя, вы дура.

Госпожа Мольер

Большое вам спасибо, уважаемый супруг. Вот как меняет людей женитьба: вы не сказали бы мне этого полтора года тому назад.

Мольер

Помолчите, пожалуйста.

Госпожа Мольер

Как странно, что такой коротенький обряд может лишить человека его лучших качеств и что муж и поклонник смотрят на женщину такими глазами!

Мольер

Как много лишних слов!

Госпожа Мольер

Право, если бы я вздумала написать комедию, я бы выбрала именно этот сюжет. Я оправдала бы женщину во многом, что ей ставять в вину, и заставила бы мужей

бояться разницы между их грубыми манерами и любезностью поклонников!

Мольер

Ах, оставим это, наконец. Сейчас не время болтать, у нас есть другое дело!

Госпожа Бежар

Если вам заказали пьесу о критике, направленной против вас, почему вы не сочинили ту комедию об актерах, о которой вы нам давно говорите? Это очень удачная мысль, и она так подошла бы к случаю, тем более, что ваши критики, решив изобразить вас, дали вам повод изобразить их самих; все, написанное вами, с большим правом могло бы прослыть их портретом, чем все, что написали они — вашим портретом. Ведь передразнить актера в комической роли — это не значит нарисовать его самого, это значит нарисовать в его образе тех действующих лиц, которых он играет, и воспользоваться только теми чертами и красками, которые он употребляет, изображая всякие смешные характеры, взятые им с натуры, но передразнивать актера в серьезных ролях — это значит дать его подлинный портрет, со всеми недостатками, свойственными только ему, потому что в этих ролях актер не пользуется ни теми жестами, ни теми смешными оттенками голоса, по которым легко было бы отличить его от других.

Мольер

Все это верно; но у меня есть свои причины этого не делать, и, между нами говоря, едва ли стоит этим заниматься; а кроме того, на все это нужно было больше времени. Они дают свои представления в те же дни, что и мы; поэтому, со времени нашего приезда в Париж, я успел их посмотреть всего раза три-четыре. В манере их читки я уловил только то, что мне сразу бросилось в глаза, и, чтобы написать достаточно похо-

жие портреты, мне пришлось бы еще как следует их изучать.

Госпожа Дюпарк

Но кое-кого из них я все-таки узнала в вашем исполнении.

Госпожа де-Бри

Расскажите мне ее, раз уж вы говорили другим.

Мольер

Нет, сейчас нам некогда.

Госпожа де-Бри

В двух словах.

Мольер

Я задумал комедию, где поэт, которого я хотел играть сам, предлагает свою пьесу труппе, только что приехавшей из провинции. «Есть ли у вас, — спрашивает он, — актеры и актрисы, способные хорошо исполнить мое произведение? Ибо моя пьеса — это такая пьеса, что...» — «Как же, сударь, — отвечают актеры, — у нас есть и мужчины, и женщины, которых находили достойными одобрения всюду, где бы мы ни бывали». — «А кто у вас играет королей?» — «Вот актер, который не раз отличался в таких ролях». — «Кто? Этот стройный молодой человек? Вы шутите! Король должен быть толстым, жирным за четверых, королю подобает иметь большое брюхо обширного объема, чорт возьми, чтобы ему было чем как следует заполнить трон. Хорош король с такой изящной фигурой! Это уже огромный недостаток. Но недурно бы послушать, как он прочитает десяток стихов». И вот, актер читает ему... ну, хотя бы несколько стихов из роли короля в *Никомеде*:

Что мне сказать, Арасп? Он верно мне служил,
И мощь моя росла...

читает их самым естественным образом. Но поэт восклицает: «Как! Это вы называете читать стихи? Это же насмешка: такие вещи надо произносить патетически. Послушайте меня!

(*Подражая Монфлери, первому актеру Бургундского отеля*)

Что мне сказать, Арасп?

и т. д.

Вы видите эту позу? Запомните ее хорошенько. И, главное, делайте подобающие ударения на последнем стихе: вот что нравится публике и вызывает бури восторга». — «Но, сударь, — отвечает актер, — мне кажется, что король, беседующий наедине со своим военачальником, говорит более по-человечески и не вопит, как бесноватый». — «Вы ничего не понимаете. Ступайте, декламируйте по-своему, вы увидите, удастся ли вам вызвать хоть одно «ах!». Но посмотрим теперь какую-нибудь любовную сцену». В ответ на это актер и актриса начинают играть сцену Камиллы и Куриация:

И ты пойдешь, мой друг? Столь пагубную честь
Ты счастью нашему решаешь предпочесть?
Увы! Я вижу все...

и т. д.

и играют ее, как и предыдущий актер, насколько могут просто. А поэт опять: «Вы насмехаетесь! Вы ничего не понимаете! Вот как нужно это читать:

(*Подражая госпоже Бошато, актрисе Бургундского отеля*)

И ты пойдешь, мой друг?..

и т. д.

Нет, не поверю я...

и т. д.

Вы слышите, как это правдиво и страстно? Посмотрите на эту радостную улыбку, которую хранит лицо Камиллы в минуты самой тяжкой скорби?» Вот в чем

моя мысль: поэт должен пересмотреть таким образом всех актеров и актрис.

Госпожа де-Бри

Мысль довольно забавная. Я с первого стиха угадала кого вы имеете в виду. Пожалуйста, продолжайте...

Мольер *(подражая Бошато, актеру Бургундского отеля, читающему стансы из «Сида»)*

Я потрясен до глубины души...
и т. д.

А узнаете ли вы вот этого — в роли Помпея из *Сертория*?

(Подражает Отрошу, актеру той же труппы)

Та ненависть, — увы, — что разделила вас,
Вам славы не придаст...
и т. д.

Госпожа де-Бри

Кажется, я его немножко узнаю...

Мольер

А этого?

(Подражая де-Вилье, актеру той же труппы)

О царь! Полибий мертв...
и т. д.

Госпожа де-Бри

Знаю и этого; но есть между ними такие, которых вам все-таки трудно передразнить...

Мольер

Ах, уверяю вас, у всякого можно уловить какую-нибудь черточку, если приглядеться как следует. Но вы заставляете меня терять дорогое время. Давайте

думать о нас самих и не будем больше болтать, умоляю вас. *(Лагранжу)* Вас я прошу постараться как можно лучше сыграть в сцене со мной роль маркиза.

Госпожа Мольер

Опять маркизы!

Мольер

Да, опять маркизы! Какую же еще роль можно найти, чтоб она была так приятна на сцене? В наше время маркиз — самое комическое лицо в пьесе; и как во всех старых комедиях можно всегда найти веселого слугу, который заставляет зрителя хохотать, так в нынешних пьесах для всеобщего развлечения нужен смешной маркиз.

Госпожа Бежар

Это верно, без них не обойтись.

Мольер

Ну, а вы, сударыня...

Госпожа Дюпарк

Ах, боже мой, что я? Я сыграю прескверно. Не знаю, зачем вы мне дали эту роль ломаки.

Мольер

Помилуйте, сударыня! Ведь вы то же самое говорили, когда вам дали роль в *Критике на Урок женам*, а справились вы с ней превосходно, и все единогласно решили, что невозможно сыграть ее лучше. Поверьте мне — так будет и сейчас, и сыграете вы лучше, чем думаете.

Госпожа Дюпарк

Как это может быть? Я ломаюсь меньше, чем кто бы то ни было.

Мольер

Это верно. И вы только доказываете этим, что вы превосходная актриса, потому что вы хорошо изображаете лицо, совершенно противоположное вашему складу. Постарайтесь понять как следует характер ваших ролей и представить себе, что вы и есть те самые лица, которых вы изображаете. (*Дюкруази*) Вы играете поэта. Вы должны слиться с этим образом, подчеркнуть эти черты педантизма, которые так еще живы в светских беседах, этот поучительный тон, эту точность произношения с ударением на всех гласных, не пропуская ни одной буквы и соблюдая самые строгие правила орфографии. (*Брекуру*) Вы играете придворного, честного человека, как делали это в *Критике на Урок женам*: это значит, что вы должны держать себя очень спокойно, говорить естественным голосом и как можно меньше жестикулировать. (*Лагранжу*) Ну, вам мне нечего сказать. (*Госпоже Бежар*) Вам? Вы изображаете женщину, которая думает, что если за ней нет любовных грешков, то все остальное ей позволено; женщину, которая, гордо прикрываясь своей недоступностью, смотрит на каждого человека сверху вниз и считает, что все лучшие качества окружающих — ничто перед ее жалкой честью, до которой никому и дела нет. Все время имейте этот образ перед глазами, чтобы вернее передать присущие ему ужимки. (*Госпоже де-Бри*) Вы играете одну из тех женщин, которые мнят себя самыми добродетельными существами в мире только потому, что они умеют прятать концы в воду, женщину, которая считает, что грех лишь там, где есть огласка, которая старается потихоньку устраивать свои делишки под видом чистой привязанности, называя друзьями тех, кого обычно называют любовниками. Постарайтесь хорошенько вникнуть в этот характер. (*Госпоже Мольер*) У вас роль та же, что и в *Критике*, и мне нечего вам сказать, как и госпоже Дюпарк. (*Госпоже Дюкраузи*) Что касается вас, вам

надо изобразить особу, которая сладким голосом говорит всем приятные вещи, но каждого старается мимоходом уколоть, и ужасно злится, когда при ней хорошо отзываются о ближних. Я уверен, что вы неплохо справитесь с этой ролью. (*Госпоже Эрве*) И, наконец, вы, вы — служанка прециозной дамы, которая то и дело вмешивается в разговор и перенимает как умеет все выражения своей госпожи. Я разъясняю вам характер каждой роли, чтобы они покрепче запечатлелись в вашем уме. Теперь начнем репетировать и посмотрим, как пойдет дело. Ах! Как раз идет докучник! Только этого недоставало.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Латорпльер, Мольер и пр.

Латорильер

Приветствую вас, господин Мольер.

Мольер

К вашим услугам, сударь! [*В сторону*] Чтоб ему пусто было!

Латорпльер

Как поживаете?

Мольер

Прекрасно, благодарю вас. Сударыни, прошу вас, не...

Латорильер

Я только что из одного дома, где много говорил о ваших достоинствах.

Мольер

Чрезвычайно вам обязан. [*В сторону*] Чтоб чорт тебя побрал! [*Актерам*] Позаботьтесь о том, чтобы...

Латорильер

Вы играете сегодня новую пьесу?

Мольер

Да, сударь. Не забудьте о том, чтобы...

Латорильер

Вам заказал ее король?

Мольер

Да, сударь. Пожалуйста, подумайте о..

Латорильер

А как ее название?

Мольер

Да, сударь.

Латорильер

Я спрашиваю, как называется пьеса?

Мольер

Ах, право, не знаю. Необходимо, чтобы вы...

Латорильер

В каких вы будете костюмах?

Мольер

В тех, что вы видите. Прошу вас...

Латорильер

А когда вы начнете?

Мольер

Когда прибудет король. [*В сторону*] Чтоб он провалился с его вопросами!

Латорильер

А когда вы его ожидаете?

Мольер

Убей меня гром, сударь, если я знаю.

Латорильер

Так-таки и не знаете?..

Мольер

Послушайте, сударь. Я самый непросвещенный человек в мире; я не знаю ничего, о чем бы вы меня ни спросили. [*В сторону*] Я в бешенстве! Этот палач с самым спокойным видом задает вопросы и не думает о том, что головы у нас заняты совсем другим.

Латорильер

Ваш слуга, сударыни!

Мольер [*в сторону*]

Ну, вот, теперь принимается за других...

Латорильер (*госпоже Дюкруази*)

Вы прекрасны, как ангелочек. Так вы обе играете сегодня? (*Поглядывает на госпожу Эрве.*)

Госпожа Дюкруази

Да, сударь.

Латорильер

О, без вас комедия не многого бы стоила!

Мольер [*тихо актрисам*]

Не можете ли вы спровадить этого человека?

Госпожа де-Бри

Нам, сударь, надо бы здесь кое-что сообща прорепетировать...

Латорильер

Ах, чорт возьми, я не хочу мешать вам. Продолжайте, пожалуйста.

Госпожа де-Бри

Но...

Латорильер

Нет, нет, я терпеть не могу причинять неудобства. Вы можете свободно делать все, что вам надо.

Госпожа де-Бри

Да, но...

Латорильер

Право, я не любитель церемоний, вы можете репетировать все, что вам хочется.

Мольер

Сударь, эти особы стесняются сказать вам, что им хотелось бы, чтобы никто не присутствовал на этой репетиции.

Латорильер

Почему? Для меня тут нет никакой опасности!

Мольер

Так у нас принято, сударь; и вам самому доставит больше удовольствия увидеть потом нечто неожиданное.

Латорильер

Ну, так я пойду сказать, что вы готовы.

Мольер

Вовсе не готовы, сударь; не торопитесь, сделайте одолжение.

[*Уходит Латорильер*]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мольер, Лагранж и др.

Мольер

Ах, как много нахалов на свете! Ну, однако, начнем. Прежде всего, вообразите, что действие происходит в приемной короля; это место, где каждый день случаются довольно забавные вещи. Туда очень удобно заставить прийти всех, кого хочешь, и можно даже найти повод для появления женщин, которых я вывожу в пьесе. Комедия начинается встречей двух маркизов. [*Лагранжу*] Помните хорошенько, что вы должны войти, как я уже говорил, с видом так называемого светского щеголя, расчесывая свой парик и мурлыча сквозь зубы песенку: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля». А вы, прочие, посторонитесь: двум маркизам нужно побольше места: это такие особы, которым не развернуться в маленьком пространстве. [*Лагранжу*] Ну, начинайте.

Лагранж

«Здравствуй, маркиз».

Мольер

Ах, боже мой, это совсем не тон маркиза. Надо говорить более сухо; и большинство этих господ усвоили особую манеру разговаривать, чтобы отличаться от простых смертных: «Здравствуй, маркиз». Начните снова.

Лагранж

«Здравствуй, маркиз».

Мольер

«А, маркиз, я к твоим услугам».

Лагранж

«Ты что здесь делаешь?»

Мольер

«Чорт побери! Ты видишь: выжидаю, пока все эти господа перестанут закупоривать дверь, чтобы я мог показать в ней мое лицо».

Лагранж

«Ах, чорт! Какая толпа! У меня нет никакой охоты тереться между ними. Я предпочитаю войти одним из последних».

Мольер

«Тут, по крайней мере, человек двадцать, которые прекрасно знают, что их не впустят, а все-таки теснятся и заполняют собой всю дверь».

Лагранж

«Назовем погромче наши имена привратнику, чтобы он нас вызвал».

Мольер

«Ну, тебе это, может быть, и годится; а я не хочу, чтобы меня вывел на подмостках Мольер».

Лагранж

«А я таки думаю, маркиз, что это тебя он изобразил в *Критике*».

Мольер

«Меня? Слуга покорный! Да это же ты, ты сам, собственной персоной».

Лагранж

«О! Право, это любезно с твоей стороны приписывать мне свое изображение!»

Мольер

«Чорт возьми, ты, я вижу, шутник, если отдаешь мне то, что принадлежит тебе самому».

Лагранж

«Ха-ха-ха, это презабавно!»

Мольер

Ха-ха-ха, это уморительно!»

Лагранж

«Как! Ты будешь утверждать, что это не тебя разыграли в роли маркиза из *Критики*?»

Мольер

«Ну, конечно, меня. «Она, чорт возьми, противна! Противнее противного! Пирожок!» Конечно, это я! Несомненно, это я!»

Лагранж

«Ну, да, чорт побери это ты; тебе только и остается посмеиваться. Хочешь, побьемся об заклад и поглядим, кто из нас прав».

Мольер

«А что ты поставишь?»

Лагранж

«Ставлю сто пистолей, что это ты».

Мольер

«А я — сто пистолей, что это ты».

Лагранж

«Сто пистолей чистоганом».

Мольер

«Чистоганом: девяносто за счет Аминта и десять пистолей наличными!»

Лагранж

«Идет».

Мольер

«Решено».

Лагранж

«Ты сильно рискуешь».

Мольер

«Твой карман в большей опасности».

Лагранж

«Кого бы нам взять в свидетели?»

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мольер, Брекур, Лагранж и пр.

Мольер

«Вот кто нас рассудит. Шевалье!»

Брекур

«Что вам угодно?»

Мольер

Ну, вот! И этот говорит тоном маркиза. Разве я не сказал вам, что вы играете роль, в которой надо говорить просто?

Брекур

Верно.

Мольер

Начинайте снова: «Шевалье!»

Лагранж

«Будь судьей в нашем споре».

Брекур

«В каком именно?»

Мольер

«Мы спорим, кого из нас имел в виду Мольер в своей *Критике*: он бьется об заклад, что меня, а я бьюсь об заклад, что его».

Брекур

«Ну, а я как судья скажу вам: ни того ни другого. Надо быть помешанным, чтобы искать в комедии своих двойников. Я слышал недавно, как жаловался Мольер, говоря с людьми, обвинявшими его в том же, в чем его обвиняете и вы. Он говорил, что больше всего его огорчает, когда в его пьесах ищут чьих-нибудь портретов; что он — художник, рисующий нравы и не желающий касаться личностей; что все изображаемые им лица созданы из воздуха, что это видения, которые он по своей прихоти облекает плотью для забавы зрителей; что он был бы очень разгневан на самого себя, если бы очернил кого бы то ни было, и единственное, что может внушить ему отвращение к работе над комедиями, — это вечные поиски сходства, на которые злостно стараются навести людей его враги, чтобы испортить его отношения с теми, о ком он вовсе и не думал. И я нахожу, что он прав. Почему, скажите, надо непременно приписывать кому-то все эти жесты и выражения и ссорить его с людьми, заявляя во всеуслышание: «Он играет такого-то», когда все это может быть подмечено у сотни разных лиц? Если задача комедии — изображать человеческие недостатки вообще и главным образом недостатки наших современников, то Мольеру невозможно создать характер, кото-

рый не напоминал бы кого-нибудь из окружающих; и если обвинять его в том, что он имеет в виду всех, в ком можно найти рисуемые им недостатки, то надо вообще запретить ему писать комедии».

Мольер

«Чорт побери, шевалье, ты хочешь оправдать Мольера и выгородить вот этого нашего приятеля».

Лагранж

«Нисколько. Это тебя он выгораживает; но мы найдем другого судью».

Мольер

«Ну, допустим. Но, скажи мне, шевалье, не кажется ли тебе, что твой Мольер выдохся и что ему не найти больше материала для...»

Брекур

«Не найти материала? Эх, бедный мой маркиз, мы всегда будем доставлять ему достаточно материала; мы и не стараемся поумнеть, что бы он ни говорил и что бы он ни делал».

Мольер

Постойте! Это место надо подчеркнуть как можно сильнее. Послушайте, как я его прочту: «и что ему не найти больше материала для...» — «Не найти материала? Эх, бедный мой маркиз, мы всегда будем доставлять ему достаточно материала; мы и не стараемся поумнеть, что бы он ни говорил и что бы он ни делал. Ты думаешь, что он исчерпал в своих комедиях все, что есть смешного в людях? И разве, даже не выходя из придворного круга, не найдет он еще десятка два характеров, которых совсем еще не касался? Разве не найдется тут таких, которые притворяются лучшими друзьями в мире, а отвернувшись друг от друга, горят

желанием разорвать один другого в клочки? Разве нет здесь этих непомерных обожателей, этих глупых льстецов, которые даже не приправляют свои хвалы никакой солью, вследствие чего их лесть становится приторной и вызывает тошноту у тех, к кому она обращена? Разве нет здесь этих подлых прихвостней успеха, этих вероломных поклонников фортуны, которые кадят вам в дни удачи и бросают вас, когда вы в немилости? Разве не найдется здесь таких, которые вечно недовольны двором, бесполезных царедворцев, назойливых прихлебателей, словом, людей, вся служба которых состоит в том, что они надоедают, и которые ищут награды только за то, что они десять лет подряд докучали королю? Разве нет таких, которые одинаково ласковы со всеми, рассыпают свои любезности направо и налево и бегут к первому встречному с теми же объятиями и изъявлениями дружбы: «Милостивый государь, я весь к вашим услугам». — «Любезнейший, считайте меня своим человеком». — «Приказывайте мне, сударь, как самому пламенному из ваших друзей». — «Сударь, я в восторге, что могу прижать вас к сердцу». — «Ах, сударь, как давно я вас не видел. Сделайте одолжение, распоряжайтесь мною. Будьте уверены, что я весь ваш. Вы тот, кого я уважаю больше всех на свете. Никого я так не почитаю, как вас. Не сомневайтесь в этом, умоляю. Ваш слуга. Ваш нижайший раб». Да, да, маркиз, у Мольера всегда будет избыток сюжетов. И все, чего он касался до сих пор, — это пустяки в сравнении с тем, что осталось». Вот, приблизительно, как надо тут играть.

Брекур

Понятно.

Мольер

Продолжайте.

Брекур

«Вот Климена и Элиза».

Мольер [*госпожам Дюпарк и Мольер*]

При этих словах вы обе входите. (*Госпоже Дюпарк*) Смотрите, не забывайте изгибаться как следует и как можно больше ломайтесь. Вот это будет немножко трудно, но что делать, приходится иногда принуждать себя!

Госпожа Мольер

«Ну, конечно, я еще издали узнала вас, сударыня, и по всему вашему виду решила, что это можете быть только вы».

Госпожа Дюпарк

«Видите ли, я пришла сюда, чтобы дождаться выхода одного человека, к которому у меня есть дело».

Госпожа Мольер

«И я тоже».

Мольер

Вот ящики, которые могут служить вам креслами.

Госпожа Дюпарк

«Прошу вас, сударыня, присядьте, пожалуйста».

Госпожа Мольер

«После вас, сударыня».

Мольер

Хорошо. После разных безмолвных церемоний все усаживаются и разговаривают сидя, кроме маркизов, которые то садятся, то вскакивают, соответственно их беспокойному настроению. «Чорт побери, шевалье, ты бы лучше полечил свои каноны».

Брекур

«Это почему?»

Мольер

«У них прескверный вид».

Брекур

«Нечего сказать, хороша тюрлюпинада!»

Госпожа Мольер

«Боже мой, сударыня, какая, я замечаю, у вас ослепительно белая кожа и как пылает цвет ваших губ!»

Госпожа Дюпарк

«Ах, что вы, сударыня! Не смотрите на меня, я сегодня отвратительно выгляжу».

Госпожа Мольер

«О сударыня, откиньте немного ваш чепец».

Госпожа Дюпарк

«Фи! Уверяю вас, у меня невозможный вид, мне самой страшно на себя смотреть».

Госпожа Мольер

«Вы так прекрасны».

Госпожа Дюпарк

«Нисколько, нисколько».

Госпожа Мольер

«Ну, покажитесь».

Госпожа Дюпарк

«Ах, что вы, перестаньте».

Госпожа Мольер

«Умоляю вас».

Госпожа Дюпарк

«Ради бога, не надо».

Госпожа Мольер

«А если все-таки...»

Госпожа Дюпарк

«Вы меня убиваете».

Госпожа Мольер

«На одну минутку».

Госпожа Дюпарк

«Ах!»

Госпожа Мольер

«В самом деле, вы должны мне показаться. Невозможно лишить себя счастья взглянуть на вас».

Госпожа Дюпарк

«Боже мой, какая вы странная! Вы безумно настойчивы в ваших желаниях».

Госпожа Мольер

«Ах, сударыня, право, вам нечего бояться дневного света. И злые языки еще смеют уверять, что вы притираетесь! Ну, теперь я сумею разоблачить их ложь».

Госпожа Дюпарк

«Увы! Я даже не понимаю, что это значит — притираться. Но куда идут эти дамы?»

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Госпожа де-Бри, госпожа Дюпарк и пр.

Госпожа де-Бри

«Позвольте, сударыня, сообщить вам мимоходом приятнейшую новость: господин Лизидас только что сказал

нам, что против Мольера написана пьеса, которую будут играть известные актеры».

Мольер

«Это верно, мне собирались прочесть ее. Ее написал некий Бр... Бру... Броссо».

Дюкруази

«Под именем Бурсо, сударь, она только появилась на афише. Но, по секрету сказать, к ней приложили руку очень многие, и появления ее на сцене ждут с большим нетерпением. Мы все сообща заключили союз для разоблачения Мольера, потому что все авторы и все актеры видят в нем своего злейшего врага. Каждый из нас наложил свой мазок на его портрет, но мы, однако, поостереглись подписать свои имена. Чересчур лестно было бы для него — пасть на глазах у света под напором целого Парнаса; и чтобы сделать его поражение особенно позорным, нам нарочно хотелось выбрать автора без всякой репутации».

Госпожа Дюпарк

«Признаюсь, я этому бесконечно рада».

Мольер

«И я тоже. Ага! Чорт побери, насмешник будет высмеян. Ну, и достанется же ему на орехи!»

Госпожа Дюпарк

«Это научит его, как над всеми издеваться. Как! Этот наглец не согласен, что у женщин есть разум! Он критикует наш изысканный слог и хочет, чтобы мы говорили на площадном языке!»

Госпожа де-Бри

«Что слог! Он осуждает все наши привычки, даже самые невинные. Если его послушать, то иметь наши

достоинства — это значит быть какими-то преступницами!»

Госпожа Дюкруази

«Это невыносимо. Женщине теперь шагу ступить нельзя. Зачем он нарушает покой наших мужей, открывая им глаза и предостерегая их от вещей, о которых они сами и не догадываются?»

Госпожа Бежар

«Ну, это куда ни шло. Но он вышучивает и добродетельнейших женщин; этот злобный шут называет их безупречными фуриями».

Госпожа Мольер

«Это просто нахал. Надо, чтоб его как следует отделали!»

Дюкруази

«Представление этой комедии нуждается в поддержке, и актеры Бургундского отеля...»

Госпожа Дюпарк

«Бог мой, чего им опасаться? Я головой ручаюсь за успех этого спектакля».

Госпожа Мольер

«Вы правы, сударыня. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы ее признали превосходной. Подумайте сами, неужели все, кто считает себя осмеянным Мольером, не воспользуются случаем отомстить за себя, аплодируя этой комедии?»

Брекур [*насмешливо*]

«Без сомнения. Я лично отвечаю за дюжину маркизов, полдюжины модниц, двадцать кокеток и тридцать

рогоносцев, которые с удовольствием будут отбивать себе ладони».

Госпожа Мольер

«И справедливо. Зачем было их обижать, особенно рогоносцев, этих милейших людей в мире?»

Мольер

«Чорт побери! Мне сказали, что его славно высекут, и его, и его комедии, и что все авторы и актеры, от первого до последнего, чертовски обозлены на него».

Госпожа Мольер

«В самом деле! Зачем он сочиняет злые пьесы, на которые сбегается весь Париж и где люди изображены таким образом, что каждый может узнать самого себя? Почему он не пишет свои комедии, как господин Лизидас? Никто бы не сердился на него, и все авторы отзывались бы о нем хорошо. Правда, такие пьесы не очень-то привлекают публику; но зато они всегда хорошо написаны, а против них ничего не пишут, и все, кто их смотрит, умирают от желания признать их прекрасными».

Дюкруази

«Да, действительно, мое преимущество в том, что я не создаю себе врагов и что все мои сочинения одобрены учеными».

Госпожа Мольер

«Вы хорошо делаете, что довольны сами собой: это гораздо важнее, чем аплодисменты публики и все те деньги, которые можно нажить на мольеровских пьесах. Какое вам дело, ходят ли люди смотреть ваши комедии; важно, чтобы их одобряли ваши почтенные собратья».

Лагранж

«А когда же пойдет *Портрет живописца*?»

Дюкруази

«Не знаю. Но я уже готовлюсь занять место в первых рядах, чтобы крикнуть: «Вот это прекрасно!»

Лагранж

«И я, да поможет мне бог!»

Госпожа Дюпарк

«И я тоже готова вся отдаться этому делу. Я ручаюсь вам за такую бурю восторга, которая разгромит наших противников. Поддержать похвалами защитника наших интересов — это самое меньшее, что мы обязаны сделать».

Госпожа Мольер

«Великолепно сказано».

Госпожа де-Бри

«И это наш общий долг».

Госпожа Бежар

«Разумеется».

Госпожа Дюкруази

«Несомненно».

Госпожа Эрбе

«Никакой пощады этому передразнивателю».

Мольер

«Ну, шевалье, друг любезный, твоему Мольеру остается только спрятаться».

Брекур

«Ему-то? Ручаюсь тебе, маркиз, что он тоже собирается идти в театр, посмеяться вместе со всеми над портретом, который с него нарисовали».

Мольер

«Ну, в таком случае его смех будет очень невеселым».

Брекур

«Полно, полно, он, вероятно, найдет больше поводов посмеяться, чем ты думаешь. Мне показывали пьесу; и так как самое хорошее в ней, оказывается, взято напрокат у того же Мольера, то несомненно, что удовольствие, которое он получит, не оставит места дурному настроению. Что касается тех сцен, где пытаются очернить самого Мольера, то будь я самый наивный человек в мире, если кто-нибудь признает их справедливыми. А когда стараются восстановить против него людей, убеждая их в том, что он рисует с них слишком схожие портреты, то, помимо недобросовестности, я нахожу, что это и смешно, и неудачно придумано. И я до сих пор еще не слышал, чтобы чересчур точное изображение человеческих недостатков было позором для автора комедии».

Лагранж

«Актеры говорили мне, что они ждут от него ответа и что...»

Брекур

«Ответа? Честное слово, надо быть сумасшедшим, чтобы утруждать себя ответом на их ругань. Все отлично знают, из какого источника она исходит. И лучшим ответом с его стороны была бы новая комедия, которая имела бы такой же успех, как и все прежние. Вот верный способ хорошо отомстить им; я знаю их нрав и уверен, что новая пьеса, которая отобьет у них публику, обозлит их гораздо больше, чем все сатиры, которые можно написать на них».

Мольер

«Но, шевалье...»

Госпожа Бежар

Позвольте мне на минуту прервать репетицию. Знаете, что я вам скажу? Будь я на вашем месте, я повела бы дело иначе. Все ждут от вас резкого ответа, и, судя по тому, как обошлись с вами в этой комедии, вы имеете право обрушиться на ее исполнителей, никого не щадя.

Мольер

Меня бесит то, что вы говорите: вот истинно женский взгляд на вещи. Вам хочется, чтобы я сразу открыл против них огонь и по их примеру разразился бранью и оскорблениями? Подумаешь, какая высокая честь для меня и какое великое поражение для них! Да разве они не стремятся к этому сами? Когда они, боясь отпора, обсуждали, играть ли им *Портрет живописца*, не говорил ли кое-кто из них: «Пусть он нам отвечает какой угодно бранью, лишь бы нам собрать побольше денег?» Не в этом ли признак их чувствительной совести? И хорошая ли это будет месть, если я подарю им то, что они сами хотят получить?

Госпожа де-Бри

Они, однако, жаловались на те два-три словца, которые вы сказали о них в *Критике* и в *Модницах*.

Мольер

Правда, эти два-три словца были очень обидны, и они имеют все основания на них ссылаться. Но нет, не в этом дело. Самое большое зло, которое я им причинил, это то, что я имел счастье понравиться публике немножко больше, чем им хотелось; и по всему их поведению, с тех пор как мы в Париже, заметно, что́ именно их задевает. Но пусть они делают все, что хотят; их замыслы меня не тревожат. Они критикуют мои пьесы? Тем лучше; и боже меня сохрани писать так, чтобы им нравилось! Это было бы для меня несчастьем.

Госпожа де-Бри

Но все-таки не особенно приятно видеть, как искажают ваши произведения.

Мольер

А что мне за дело? Не получил ли я от моей пьесы все, что хотел, если она имела счастье понравиться высочайшим особам, которым я особенно стараюсь угодить? Не вправе ли я быть доволен ее судьбой, и не чересчур ли запоздала вся эта критика? Как может это теперь меня касаться, скажите на милость? Нападать на пьесу, имевшую успех, — не значит ли это, скорее, бороться с мнением тех, кто ее одобрил, чем с искусством ее автора?

Госпожа де-Бри

Честное слово, я с удовольствием изобразила бы на сцене этого сочинителишку, который берется выступать против людей, не имеющих о нем и понятия.

Мольер

Вы с ума сошли! Хорошенький сюжет для придворного развлеченья — этот господин Брусо! Я хотел бы знать, каким образом можно сделать его менее скучным и удастся ли ему вызвать смех у зрителей, если его и выволокут на подмостки? Слишком большая честь для него — быть выведенным на сцену перед высоким собранием: он бы лучшего не желал; ведь для того он и набрасывается на меня так яростно, чтобы хоть чем-нибудь приобрести известность. Это человек, которому нечего терять, и актеры натравили его на меня, чтобы вызвать меня на дурацкую войну и отвлечь при помощи этой хитрости от работы над новыми пьесами; а вы так просты, что готовы попасться на эту удочку. Но обо всем этом я собираюсь поговорить публично. Я не намерен никак отвечать на все их критики и антикритики. Пусть они говорят о моих пьесах какие угодно гадости —

я на это согласен. Пусть они донашивают их после нас, пусть выворачивают, как платье, чтобы приспособить к своему театру, пусть они стараются извлечь из них кое-какую пользу и украсть частицу моего успеха — я не возражаю: им это нужно, и я рад поддержать их существование; только бы они довольствовались тем, что я им уделяю, и не нарушали благопристойности. Учтивость должна иметь границы; и есть вещи, которые не заставят смеяться ни зрителей, ни того, о ком говорят. Я охотно предоставляю им мои сочинения, мою наружность, мои жесты, мои выражения, тон моего голоса, мою манеру говорить, — и пускай они делают с этим все, что хотят, если им это может быть выгодно; я совсем не против этого и буду счастлив, если это может позабавить общество. Но если я им все это предоставляю, то и они должны оказать мне любезность — не касаться остального и не затрагивать вещей, по поводу которых они, как говорят, нападают на меня в своих комедиях. Вот о чем я буду вежливым образом просить почтенного господина, который берется писать в их защиту комедии, и вот весь ответ, какой они от меня получат.

Госпожа Бежар

Но, наконец...

Мольер

Но, наконец, вы меня сведете с ума. Не будем больше говорить об этом. Мы забавляемся разговорами вместо того, чтобы репетировать нашу пьесу. На чем мы остановились? Я уж не помню...

Госпожа де-Бри

Вы остановились на том месте...

Мольер

Боже мой! Я слышу какой-то шум: это наверно прибыл король, и я вижу, что нам не удастся уже про-

должать. Вот что значит заниматься болтовней. Ну, все равно, только играйте все дальнейшее как можно лучше!

Госпожа Бежар

Честное слово, я боюсь; я не смогу играть мою роль, если не прорепетирую все целиком.

Мольер

Что? Вы не можете играть?

Госпожа Бежар

Нет.

Госпожа Дюпарк

И я не могу.

Госпожа Мольер

И я.

Госпожа Эрве

И я.

Госпожа Дюкруази

И я.

Мольер

Что же вы хотите делать? Вы смеетесь надо мной!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бежар, Мольер и пр.

Бежар

Господа, я пришел известить вас, что король прибыл и ждет, чтобы вы начали.

Мольер

Ах, сударь, вы видите меня в величайшем затруднении; я говорю сейчас с вами, будучи в полном отчаянии!

Эти женщины в страхе, они говорят, что им необходимо до начала спектакля прорепетировать еще свои роли. Мы умоляем дать нам еще немного времени. Король добр, он знает, как мы торопились с этой пьесой! Ради бога, постарайтесь успокоиться: побольше смелости, прошу вас.

Госпожа Дюпарк

Вы должны пойти извиниться.

Мольер

Как — извиниться?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Посланец, Мольер, госпожа Бежар и пр.

Посланец

Господа, начинайте же.

Мольер

Сейчас, сударь. Я, кажется, от всего этого потеряю голову и...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Второй посланец, Мольер, госпожа Бежар и пр.

Второй посланец

Господа, начинайте же!

Мольер

Одну минутку, сударь. Что ж это? Вы хотите меня опозорить?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Третий посланец, Мольер, госпожа Бежар и пр.

Третий посланец

Господа, начинайте же.

Мольер

Да, сударь, мы сейчас выходим. Ах, сколько людей рады случаю прийти сказать: «Начинайте», хотя король им вовсе и не приказывал!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Четвертый посланец, Мольер, госпожа Бежар и пр.

Четвертый посланец

Господа, начинайте же.

Мольер

Все готово, сударь. Ну, что же? Значит, я осрамлюсь?..

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Бежар, Мольер и пр.

Мольер

Сударь, вы пришли сказать нам, чтобы мы начинали, но...

Бежар

Нет, господа, я пришел сказать вам, что королю доложили, в каком вы затруднении, и что он, по своей крайней доброте, откладывает вашу новую комедию до другого раза и удовольствуется сегодня любой пьесой, которую вы можете сыграть.

Мольер

Ах, сударь, вы возвращаете мне жизнь! Король оказывает нам величайшую милость, давая нам время для исполнения его желания; и все мы идем его благодарить за безграничную доброту к нам.

БРАК ПО ПРИНУЖДЕНЬЮ

Le Mariage forcé

Брак по принужденью (*Le Mariage forcé*) — второй по счету опыт Мольера в новом жанре комедии-балета. Еще в обращении к читателю в *Докучных* Мольер обещал вернуться к этому жанру и разработать его с большей тщательностью. Случай к этому представился в самом начале 1664 г.

Известно, что в это время сближение между Людовиком XIV и Мольером было особенно сильным. Покровительство короля создавало Мольеру реальную возможность открыто, перед лицом всего двора, не только отражать удары противников, но и самому переходить в наступление (вспомним *Версальский экспромт*, поставленный всего за три месяца до *Брака по принужденью*).

Мольер старался отвечать на благоволение короля сочинением новых пьес, непосредственно предназначенных для увеселения короля. Первой из таких пьес явился «королевский балет» * *Брак по принужденью*, поставленный впервые 29 января 1664 г. в Лувре и в том же году изданный Робертом Баллардом.

При дворе эта комедия-балет имела значительный успех и была повторена еще четыре раза. 15 февраля Мольер дал ее в своем театре «с балетом и всеми украшениями». Но городская публика встретила комедию гораздо сдержаннее. Если первые представления еще дали высокие сборы (1200—1500 ливров), то выручка последних колебалась между 200 и 400 ливрами. Между тем расходы по постановке были довольно велики. Одни костюмы обошлись в 330 ливров, а постановка балета — в 550 лив-

---

* «Королевский» потому, что в нем участвовал сам король, танцовавший одного из цыган. Помимо короля в *Браке по принужденью* танцовали герцог Сент-Эньян, герцог Энгиенский, граф д'Арманьяк, маркизы Вильруа, Рассан и др.

ров. Поэтому после двенадцати публичных представлений *Брак по принужденью* был снят с репертуара до 1668 г.

Если по своей тематике эта комедия дает сравнительно мало нового, зато она сыграла большую роль в формировании того жанра комедии-балета, к которому Мольер впоследствии систематически обращался.

Мольеру впервые удалось здесь достигнуть органического единства комедии, балета и музыки. Все руководство всей постановкой было сосредоточено в его руках, и балетмейстер Бошан и композитор Люлли были подчинены его режиссуре. В результате, все балетные номера утратили присущий им в других постановках внешний, орнаментальный характер и клочкообразность, разорванность композиции, присущую еще *Докучным*. Они были втянуты в фарсовый сюжет и поэтому сами приобрели внутреннюю связанность и реалистическую окраску.

Мольер исключил всякую мифологию и удачно нашел способ преодоления условности балетных аллегорий. Так, например, рассказ Красоты и два выхода балета в конце первого акта поданы им как фантастические сновидения Сганареля, развивающие сюжет комедии.

Большую сюжетную нагрузку несут также четвертый выход, вызывающий резкий перелом в поведении Сганареля, и восьмой, заключительный, подтверждающий основательность его опасений насчет своего супружества. Остальные балетные сцены имеют совершенно правдоподобный характер, а некоторые даже сдобрены фарсовым натурализмом (третий выход — цыгане, четвертый — кудесник и демоны, седьмой — шутовской карнавал).

В 1668 г. Мольер переработал первоначально трехактный балет в одноактную комедию. * Все изменения в пьесе пошли по линии насыщения ее бо́льшим реализмом, внесения в развитие действия большей мотивированности, а в психологию главного персонажа — большего правдоподобия. Так, третье антре цыган было заменено развернутым диалогом Сганареля с гадалками; сцена с кудесником и демонами была совсем выброшена,

* Поставлена 24 февраля 1668 г., а затем была еще восемь раз играна вместе с *Амфитрионом*.

а вместо нее введена небольшая сцена встречи Доримены с ее любовником Ликастом и подслушивания их разговора Сганарелем. Все эти переделки усилили бытовой элемент пьесы и лучше мотивировали поведение Сганареля.

В основе комедии лежит традиционная фарсовая ситуация, в которой фигурируют: старик, влюбленный в молодую девушку; сосед, добрый советчик; семья, в которой отец и сын пытаются сбыть с рук дочь. Как правильно замечает Мишо, * это был весьма необычный для придворного дивертисмента материал.

Но непосредственная фабула пьесы могла быть заимствована из ряда французских и итальянских произведений. Таковы:

Во-первых, третья книга *Пантагрюэля* Рабле; брачные планы Панурга, его путешествие в поисках совета по поводу брака и семейной жизни, мечты Панурга о счастливом и плодовитом супружестве, мотив сновидения, беседа Панурга с пирронистом Труйоганом: все это находит аналогии в *Браке по принуждению*, и есть даже места, совпадающие с текстом Рабле почти дословно.

Во-вторых, комедия Жилле де-ла-Тессоннери *Le déniaigé* (1652). Герой этой комедии, Жодле, хочет узнать о том, какова будет его супружеская жизнь, и обращается, подобно Мольеровскому Сганарелю, к педанту Панкрасу. Панкрас фигурирует также в комедии Сомеза *Le procès des précieuses* (1660), но только в качестве «профессора прециозного языка». Беседа Панкраса со Сганарелем, в котором первый предлагает второму разговаривать поочередно на двенадцати языках, почерпнута, повидимому, из аналогичной сцены между Пантагрюэлем и Панургом у Рабле.

В-третьих, комедия Доримона *Школа рогоносцев* (1661). Здесь капитан ищет советников по поводу своей будущей семейной жизни.

---

* *Les luttes de Molière*, Paris, 1925, p. 10. Вообще, критика Мишо теории Абеля Лефрана, Лафенестра и Донне об автобиографизме *Брака по принуждению*, а также версии о приключении графа де-Граммона как об основе развязки комедии, совершенно правильна.

В-четвертых, комедия *Boniface et le Pédant* (1633) — французская переделка комедии Джордано Бруно *Светильник* (*Il candelaio*), из которой Мольер заимствовал образ Мамфуриуса, переделав его имя на Марфуриус и превратив его в скептика. Впрочем, все основное в Мольеровском образе пиррониста содержится уже у Рабле, который кроме диалогов Труйогана приводит имя Марфуриуса как автора бессмысленного трактата, хранящегося в библиотеке Сен-Виктор.

В то же время Панкрас и Марфуриус являются вариантами традиционной маски Доктора из commedia dell'arte. Мольер уже раньше пользовался этим типажом (Метафраст в *Любовной досаде*, а до этого — доктор в юношеской утраченной комедии *Ревность Барбуле*). Но в *Браке по принужденью* он значительно ослабил итальянский колорит этих образов и всячески стремился перевести их в фарсовый план. Односторонние преувеличения, подчеркнутое дублирование каждого поворота диалога, буффонность «страстей» (гнев Панкраса), обыгрывание каждой комической ситуации с целью выкристаллизовать весь содержащийся в ней комизм, грубоватость и примитивность юмористических эффектов (например, избиение Марфуриуса или автоматическая болтовня Панкраса) — из таких слагаемых образуются типы философов в нашей комедии.

Но фарсовое заострение этих образов имеет также и более глубокий смысл. Это не традиционные маски, в которых стерлась некогда присущая им сатирическая окраска. Мольер восстанавливает полемическую направленность этих образов, придавая свежесть и злободневность своей насмешке. Панкрас и Марфуриус — конкретные философские пародии на официальную университетскую схоластику и декартовский универсальный скептицизм. Вопиющий формализм, интеллектуальное уродство, бездарность и беспомощность последователя Аристотеля разоблачаются Мольером чисто практически, точно так же, как и принцип универсального сомнения последователя Декарта. И характерно, что в качестве орудия этого разоблачения выступает Сганарель, сам являющийся объектом критики. Автор хочет, повидимому, подчеркнуть, что даже самый несуразный и достойный насмешки буржуа своим житейским практицизмом значительно

превосходит всяких ученых педантов, исковерканных своей псевдонаукой и утративших всякие следы здравого смысла.

Особенности стиля комедии свидетельствуют о ее фарсовой природе. Диалоги часто приобретают здесь характер клоунады, в которой игривость нередко превалирует над смыслом (особенно в первой беседе Сганареля с Жеронимо и в сценах с философами). Даже метод характеристики персонажей — чисто фарсовый (напр., способ выяснения возраста Сганареля в разговоре его с Жеронимо). Но Мольер этим не ограничился. Он делает попытку психологизации образов. Сганарель, Жеронимо, Доримена — уже не маски, а «характеры». Внешняя буффонада оказывается движимой психологическими мотивами. Сганарель мечтает о буржуазном счастье — это дает толчок фабуле. Но он начинает сомневаться в нем, причем сомнение появляется не столько из-за поступков Доримены (которые еще впереди), сколько из-за характера, и это вызывает резкий перелом в развитии фабулы. Наконец, развязка подготовлена также поведением отца и брата Доримены, равно как и трусливым характером Сганареля.

Углубление пьесы шло также и по линии ее тематики. Тема *Брака по принужденью* — проблема семьи и брака. Если в комедиях *Урок мужьям* и *Урок женам* эта проблема разрешалась утверждением свободы естественного чувства и независимости личности, оправданием любви как законного проявления разумной природы, то в *Браке по принужденью* то же, по существу, решение проблемы дано, в новом варианте, с некоторыми уточнениями.

Сганарель тоже испытывает влечение к Доримене. Однако в комедии оно не только не оправдывается, но даже наказывается, потому что для Мольера эта страсть Сганареля относится к разряду «неестественных». Здесь любовь утрачивает свою законность, ибо переступает границу разумного.

Сганарель смешон именно потому, что он несет в себе самом залог несчастья своего будущего супружества. То, что должно было бы случиться со Сганарелем из *Урока мужьям*, если бы ему удалось жениться на Изабелле, наверняка случится со Сганарелем из *Брака по принужденью*, ибо Доримена еще до брака — законченная кокетка, а Сганарель развивает такие грубо-собствен-

нические воззрения на жену, которые предвещают в нем несносного ревнивца.

Но в пьесе есть и новый момент. «Вина» Сганареля и извращенность его «инстинкта» усугубляются тем, что его выбор пал на Доримену, известную «щеголиху», по определению Жеронимо, стремящуюся сделать нормой своего поведения испорченные нравы светского общества. Семья Доримены вообще относится к тем кругам, которые пытаются подражать дворянским нравам и манерам.

Итак, несмотря на фарсовую конструкцию, *Брак по принужденью*, по своей теме, безусловно является продолжением той линии, которая определяется *Уроком мужьям* и *Уроком женам*. Но комедия была все же написана для придворного спектакля по окончании жестокой полемики вокруг *Урока женам* и накануне выпуска *Тартюфа*, сулившего еще бо́льшие бои. Естественно поэтому, что Мольер не хотел озлоблять своих великосветских противников колкостями недостаточно принципиального характера. Это наложило определенный отпечаток на идейную композицию пьесы.

Развязка приносит торжество Доримене и ее родственникам. Сганарель вынужден из предложенной ему дилеммы — драться на поединке или жениться — выбрать последнее, т. е. поступиться велениями здравого смысла в пользу ложно понятого принципа чести. Правда, он заслуживает наказания, но, наказывая его, Мольер как бы заставляет буржуазный кодекс отступить назад перед господствующим дворянским кодексом. Ведь рисовка Алькантора и Альсида под дворян нисколько не высмеивается в пьесе. Наоборот, их победа могла в действительности означать издевку над неосуществленным идеалом Сганареля, содержащим все же добродетельную буржуазную мечту о продолжении рода, о радости обладания потомством, о семейном счастье.

Если в *Жорже Дандене*, на ряду с критикой буржуазии, Мольер развернет и социальную сатиру на аристократию, то в *Браке по принужденью* момент критики дворянства еще несколько затушеван (хотя он имеется и здесь: торжество победителей Сганареля свидетельствует и против их), и критика буржуазии выдвинута на первый план.

Это почти поняли современники Мольера: недаром двор и город встретили комедию по-разному. Это, повидимому, чувствовал и сам Мольер, не пожелавший удерживать свою пьесу на сцене Пале-Рояля после мая 1664 г. Великий комедиограф стремился поскорее перейти к более непосредственным ударам по порокам господствующих классов в своих великих сатирических комедиях.

Е. Михлин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сганарель.
Жеронимо.
Доримена, юная ветреница, невеста Сганареля.
Алькантор, отец Доримены.
Альсид, брат Доримены.
Ликаст, влюбленный в Доримену.
Две цыганки.
Панкрас, философ-перипатетик.
Марфуриус, философ-скептик.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Жеронимо

Сганарель [*выйдя из дому и обращаясь к людям, находящимся внутри*]

Я ухожу на одну минуту. Охраняйте дом и смотрите, чтоб все было как следует. Если принесут мне деньги, то пусть живо сбегают за мною в дом сеньора Жеронимо; а если придут за деньгами, так скажите, что я вышел и не вернусь до ночи.

Жеронимо [*услыхав последние слова Сганареля*]

Вот благоразумное распоряжение.

Сганарель

А! Господин Жеронимо! Вы весьма кстати. А я шел к вам.

Жеронимо

А на какой предмет, дозвольте узнать?

Сганарель

Чтобы сообщить вам об одном деле, мною задуманном, и спросить вашего совета.

Жеронимо

Я к вашим услугам. Душевно радуюсь нашей встрече. Мы здесь можем беседовать совершенно свободно.

Сганарель

Пожалуйста, наденьте шляпу. Речь идет о важном деле, которое мне предлагают, и неразумно было бы что-либо предпринять, не посоветовавшись с друзьями.

Жеронимо

Очень вам признателен за то, что вы на мне остановили свой выбор. Можете прямо рассказать мне, в чем дело.

Сганарель

Но, прежде всего, заклинаю вас нисколько мне не льстить и чистосердечно высказать свое мнение.

Жеронимо

Я так и сделаю, раз вы того желаете.

Сганарель

По-моему, никто не заслуживает большего осуждения, чем неоткровенный друг.

Жеронимо

Вы совершенно правы.

Сганарель

Но в наш век мало находишь искренних друзей.

Жеронимо

И то правда.

Сганарель

Так обещайте же мне, господин Жеронимо, говорить с полной откровенностью.

Жеронимо

Обещаю.

Сганарель

Поклянитесь честью.

Жеронимо

Даю вам честное слово друга. Расскажите только, в чем дело.

Сганарель

Дело в том, что я хотел бы узнать от вас, хорошо ли я сделаю, если женюсь.

Жеронимо

Кто? Вы?

Сганарель

Да. Я сам, собственной персоной. Каково ваше мнение на этот счет?

Жеронимо

Прежде всего, прошу ответить мне на один вопрос.

Сганарель

На какой?

Жеронимо

Сколько вам примерно лет от роду?

Сганарель

Мне?

Жеронимо

Да.

Сганарель

Честное слово, не знаю. Но я совершенно здоров.

Жеронимо

Как? Вы даже приблизительно не знаете своего возраста?

Сганарель

Нет, не знаю. Кто же о таких вещах думает?

Жеронимо

Ну, так скажите же мне, пожалуйста, сколько вам было лет, когда мы познакомились.

Сганарель

Пожалуй, мне в ту пору было не более двадцати.

Жеронимо

Как долго мы с вами прожили в Риме?

Сганарель

Восемь лет.

Жеронимо

Сколько лет вы провели в Англии?

Сганарель

Семь.

Жеронимо

А в Голландии, где вы потом обосновались?

Сганарель

Пять с половиной.

Жеронимо

А как давно вы возвратились сюда?

Сганарель

Я вернулся в пятьдесят втором.

Жеронимо

От пятьдесят второго по шестьдесят четвертый прошло, очевидно, двенадцать лет; да пять в Голландии — это семнадцать; да семь в Англии — двадцать четыре; да восемь лет нашего совместного пребывания в Риме — тридцать два; да двадцать лет вам было, когда мы познакомились. В общей сложности получается ровнешенько пятьдесят два. Таким образом, по собственному вашему признанию, господин Сганарель, вам теперь пошел пятьдесят второй или пятьдесят третий год.

Сганарель

Кому? Мне? Не может быть!

Жеронимо

Что делать? Счет верен. И посему скажу вам откровенно и по-дружески, согласно обещанию, которого вы от меня потребовали, что женитьба для вас — не дело. Это такой шаг, который и молодой человек должен предварительно зрело обсудить, а старому вовсе не следует об этом думать. И ежели говорится, что величайшее безумие — это женитьба, то, по-моему, уже совсем негоже впадать в это безумие в том возрасте, когда нам надлежит стать мудрее. Одним словом, я высказываю вам свое мнение без обиняков: не советую вам думать о браке и я сам счел бы вас самым смешным человеком на свете, если бы вы, сохранив до сих пор полную свободу, вдруг вздумали сковать себя тягчайшею из цепей.

Сганарель

А я вам говорю, что решил жениться и что ничего во мне не будет смешного, если я обвенчаюсь с той девушкой, к которой сватаюсь.

Жеронимо

Ах, это другое дело. Что же вы раньше не сказали?

Сганарель

Эта девушка мне нравится, и я люблю ее всей душой.

Жеронимо

Вы любите ее всей душой?

Сганарель

Несомненно. И я уже просил у отца ее руки.

Жеронимо

Вы просили ее руки?

Сганарель

Да, свадьба должна состояться нынче вечером. Я дал слово.

Жеронимо

О! В таком случае, женитесь. Я ни слова не скажу.

Сганарель

Мне — отказаться от своего намерения? Да неужели, сеньёр Жеронимо, вы полагаете, что я уже неспособен думать о жене? Не будем говорить о том, сколько мне может быть лет, а лучше взгляните на вещи открытыми глазами. Да разве кто-нибудь в тридцать лет выглядит таким же свежим и крепким, как я? Разве все мои движения не так же легки, как прежде? Видно ли по мне, чтобы я нуждался для передвижения в карете или портшезе? Разве не целы у меня во рту великолепнейшие зубы все до единого? [*Показывает зубы.*] Или я не ем, как миленький, ровно четыре раза в день? Есть ли у кого-нибудь желудок выносливее моего? [*Кашляет.*] Кхи, кхи, кхи. Ну, что скажете?

Жеронимо

Вы правы. Я ошибся. Вы хорошо сделаете, если женитесь.

Сганарель

В прежнее время я сам упирался. Но теперь у меня есть веские причины. Помимо удовольствия обладать красавицей-женой, которая будет осыпать меня всяческими ласками, которая будет меня покоить, ублажать меня, когда я вернусь усталым, — помимо этих радостей, говорю я, необходимо принять в соображение и то, что, пребывая в нынешнем своем холостом состоянии, я обрекаю на гибель род Сганарелей, в то время как, вступив в брак, я, быть может, увижу себя возродившимся в своих подобиях и с радостью буду смотреть на существа, мною порожденные, рожицы, похожие на меня, как две капли воды, которые все время будут резвиться у меня в доме, называть меня папочкой, когда я буду возвращаться из города, и болтать самую прелестную чепуху. Право слово, мне уже кажется, что все готово и что вокруг меня уже прыгает полдюжины детишек.

Жеронимо

Нет на свете ничего приятнее, и советую вам жениться возможно скорее.

Сганарель

Вы в самом деле советуете?

Жеронимо

Разумеется. Лучше вы и поступить не можете.

Сганарель

Я, право, в восторге оттого, что вы посоветовали мне, как истинный друг.

Жеронимо

А кто же, дозвольте узнать, та особа, на которой вы собираетесь жениться?

Сганарель

Доримена.

Жеронимо

Юная Доримена, эта изящная щеголиха?

Сганарель

Она самая.

Жеронимо

Дочка господина Алькантора?

Сганарель

Совершенно верно.

Жеронимо

И сестра некоего Альсида, который как будто служит в войсках?

Сганарель

Вот именно.

Жеронимо

Вот так-так!

Сганарель

Что скажете?

Жеронимо

Отличная партия. Женитесь поскорее.

Сганарель

Ну, что? Хорошо я выбрал?

Жеронимо

Без сомнения. Ах, какой хороший брак! Поторопитесь в него вступить.

Сганарель

Я несказанно обрадован вашими словами. Благодарю за совет и приглашаю вас нынче вечером на свадьбу.

Жеронимо

Не премину быть и в знак вящшего уважения приду в маске.

Сганарель

Честь имею кланяться.

Жеронимо [*в сторону*]

Молоденькая Доримена, дочь сеньёра Алькантора, выходит за сеньёра Сганареля, которому всего-навсего пятьдесят три годка. Вот так свадьба! Вот так дивная свадьба!

[*Уходит, повторив несколько раз эти слова*]

Сганарель

Брак, повидимому, будет счастливым, потому что все ему рады: кому бы я о нем ни рассказал, всякий смеется. Я теперь — счастливейший из смертных.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Доримена, Сганарель

Доримена [*в глубине сцены, обращаясь к следующему за нею мальчику-лакею*]

Смотри, мальчишка, хорошо неси мой шлейф и не глазей по сторонам.

Сганарель [*про себя, заметив Доримену*]

Вот идет моя владычица. Ах, как она миловидна! Что за облик, что за стан! Есть ли в мире человек, кото-

рому при виде ее не приспичило бы жениться? [*Доримене*] Куда вы идете, душечка миленькая, будущая женушка будущего муженька?

Доримена

Иду за покупками.

Сганарель

Ну, вот, красавица моя, теперь-то мы с вами заживем душа в душу. Вы уже больше не вправе будете мне ни в чем отказывать; я смогу делать с вами все, что угодно, без всякого зазора. Вы будете моей с головы до ног, и я буду хозяином всего: ваших живых глазок, вашего проказливого носика, ваших лакомых губок, вашего обольстительного ушка, вашего миловидного подбородочка, ваших округленьких персей, вашей... Словом, вся ваша особа будет в моей власти, и вольно мне будет ласкать вас на все лады. Ну, разве же вы не довольны нашей свадьбой, разлюбезная моя крошечка?

Доримена

Чрезвычайно довольна, клянусь вам. Право же, строгость моего родителя держала меня до сих пор в тягостнейшей неволе. Уж бог знает как давно я в бешенстве от того, как мало он дает мне свободы; сто раз уже молила судьбу, чтобы он выдал меня замуж и чтобы мне поскорее освободиться от стеснения, в котором я живу подле него, и начать действовать по своей воле. Слава создателю, вы подоспели как раз кстати, и отныне я собираюсь доставлять себе кое-какие развлечения, дабы как следует наверстать потерянное время. Вы человек вполне светский и умеете пожить, а потому мне кажется, что мы с вами великолепно поладим и что вы не окажетесь одним из тех неудобных мужей, которые заставляют жену жить нелюдимкой. Признаюсь вам, что на это бы я не согласилась и что одиночество приво-

дит меня в отчаяние. Я люблю игру, визиты, ассамблеи, празднества, прогулки — одним словом все, что доставляет удовольствие; и вы должны быть счастливы, обладая женой с моим характером. Мы никогда не будем ссориться; я ни в чем не буду стеснять ваших поступков, как и вы, надеюсь, не станете стеснять моих. Ибо мое мнение таково, что надо быть взаимно уступчивыми и не стоит жениться для того, чтобы бесить друг друга. Словом сказать, мы в супружестве заживем, как светские люди. Ни единое ревнивое подозрение не затуманит наших мозгов: довольно того, что вы будете убеждены в моей верности, как и я в вашей. Но что с вами? Я вижу, вы в лице переменились.

Сганарель

У меня вдруг разболелась голова.

Доримена

Эта хворь теперь на многих нападает; но наша женитьба от всего такого вас излечит. До свидания. Мне уже не терпится обзавестись приличными платьями и поскорее выскочить из этих лохмотьев. Я сейчас же пойду и накуплю всего, что мне нужно, а купцов пришлю к вам.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронимо, Сганарель

Жеронимо

А, господин Сганарель! Очень рад, что еще застал вас здесь. Я повстречал ювелира, который, прослышав о вашем желании подарить своей супруге бриллиантовое кольцо покрасивее, очень просил меня отрекомен-

довать его вам и передать, что у него имеется на продажу отменнейший перстень.

Сганарель

О боже мой, это не к спеху.

Жеронимо

Как? Что это значит? Куда девался ваш недавний пыл?

Сганарель

Несколько минут тому назад мне взбрели в голову кое-какие сомнения касательно женитьбы. Прежде чем зайти слишком далеко, я хотел бы поглубже обсудить вопрос и услыхать от кого-нибудь истолкование сна, который привиделся мне нынче ночью и только что снова всплыл в памяти. Вам известно, что сны бывают, как зеркала, в которых порою открывается нам будущее. Мне же приснилось, будто я плыву на корабле по бурному-бурному морю, и будто бы...

Жеронимо

Господин Сганарель, у меня тут есть небольшое дельце, не разрешающее мне вас выслушать. Я ровно ничего не смыслю в сновидениях. А что до рассуждений о браке, — так ведь у вас под рукой два соседа-философа, как раз подходящие люди, чтобы выложить вам все, что можно сказать об этом предмете. Поскольку они принадлежат к двум различным школам, вы можете сравнить их мнения на этот счет. Я же ограничиваюсь тем, что сказал вам прежде, и имею честь оставаться вашим покорным слугой.

(*Уходит*)

Сганарель

Он прав. Необходимо мне при такой неуверенности посоветоваться с этими людьми.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Панкрас, Сганарель

Панкрас [*оборачиваясь в ту сторону, откуда он пришел, и не замечая Сганареля*]

Верьте мне, друг мой: вы невежда, человек, чуждый всякой истинной науке, подлежащий изгнанию из республики ученых.

Сганарель

Отлично. Вот один из них. Как нельзя кстати.

Панкрас

Да, я докажу тебе ясными доводами, я установлю на основании Аристотеля, философа из философов, что ты еси неуч, неученый, неучившийся, неучиссимус во всех возможных падежах и наклонениях...

Сганарель

Он на кого-то сердится. Эй, сударь...

Панкрас [*как прежде, не видя Сганареля*]

Туда же суешься рассуждать, а сам не знаешь элементов рассуждения...

Сганарель [*про себя*]

Гнев мешает ему меня увидеть. [*Панкрасу*] Сударь...

Панкрас [*все так же, не видя Сганареля*]

Это положение заслуживает осуждения во всех обиталищах философии.

Сганарель [*про себя*]

Видно, здорово его рассердили. [*Панкрасу*] Я...

Панкрас [*все так же*]

Toto coelo, tota via aberras.

Сганарель

Целую руки ученейшему доктору.

Панкрас

К услугам вашим.

Сганарель

Дозволено ли будет...

Панкрас [*снова оборачиваясь в ту сторону, откуда пришел*]

Да знаешь ли ты, несчастный, во что впадаешь? Ты впадаешь в... Остолопиев силлогизм.

Сганарель

Прошу...

Панкрас [*так же*]

Бо́льшая предпосылка его нелепа, меньшая — невежественна, а заключение — смехотворно.

Сганарель

Я...

Панкрас [*так же*]

Прежде сдохну, чем признаю то, что ты доказываешь, и буду твердо стоять на своем до последней капли чернил.

Сганарель

Можно мне...

Панкрас [*все так же*

Да, я буду защищать это положение pugnis et calcibus, unguibus et rostro.

Сганарель

Господин Аристотель! Можно узнать, что вас так прогневило?

Панкрас

Повод к тому — самый законный.

Сганарель

Что же, все-таки?

Панкрас

Некий невежда вздумал доказывать мне положение бездоказательное, положение возмутительное, отвратительное, омерзительное.

Сганарель

Можно спросить, в чем суть дела?

Панкрас

Ах, господин Сганарель! Все нынче пошло шиворот-навыворот, и весь мир окончательно развратился. Повсюду царит ужасающая распущенность, и лицам, поставленным блюсти порядок в нашем государстве, надлежало бы краснеть от стыда за то, что они терпят то безобразие, о котором я говорю.

Сганарель

Что случилось?

Панкрас

Разве это не ужасное, не вопиющее к небу дело, что дозволяется публично говорить «форма шляпы»?

Сганарель

Почему?

Панкрас

Я утверждаю, что следует говорить «фасон шляпы», а не «форма», поскольку между формой и фасоном наличествует та разница, что форма есть внешний облик

тел одушевленных, а фасон — внешний облик тел неодушевленных; а поскольку шляпа есть тело неодушевленное, надлежит говорить «фасон шляпы», а не «форма». [*Снова оборачиваясь назад*] Да, неуч вы этакий, вот как надо разговаривать, и таковы подлинные слова Аристотеля в главе «О качестве».

Сганарель [*в сторону*]

А я уж думал, что весь свет провалился. [*Панкрасу*] Господин доктор, бросьте думать об этом. Я...

Панкрас

Я взбешен, я сам не свой.

Сганарель

Оставьте вы в покое и форму и шляпу. Я должен сообщить вам кое-что. Я...

Панкрас

Невежда отпетый!

Сганарель

Успокойтесь, ради бога. Я...

Панкрас

Неуч!

Сганарель

О господи! Я...

Панкрас

Осмеливается доказывать мне такое положение!

Сганарель

Он неправ. Я...

Панкрас

Положение, осужденное Аристотелем...

Сганарель

Это верно. Я...

Панкрас

...в недвусмысленных выражениях.

Сганарель

Вы правы. [*Обращаясь в сторону, откуда явился Панкрас*] Да, вы дурак и бесстыдник: как вы осмеливаетесь спорить против ученого мужа, умеющего читать и писать? Ну, вот, все в порядке. Теперь прошу вас меня выслушать. Я пришел к вам за советом по затруднительному делу. Я вознамерился обзавестись женой, чтоб она помогала мне по хозяйству. Особа эта пригожа и хорошо сложена. Она мне очень нравится и в восторге от того, что выходит за меня замуж. Отец дал согласие на брак. Но я слегка побаиваюсь... этого самого... вы знаете... Ну, словом невзгоды, не вызывающей ни в ком сожаления. И мне хотелось попросить вас как философа сообщить мне свое мнение на этот счет. Ну, что вы об этом думаете?

Панкрас

Прежде чем признать, что следует говорить «форма шляпы», я признаю, что datur vacuum in rerum natura, или что я — осел.

Сганарель [*в сторону*]

Язва ему в бок! [*Панкрасу*] Эй, господин доктор! Послушайте-ка, что люди вам говорят. Уже битый час я к вам обращаюсь, а вы ни слова не отвечаете.

Панкрас

Прошу прощенья. Справедливый гнев заполонил мой разум.

Сганарель

Ах, бросьте все это и потрудитесь меня выслушать.

Панкрас

Хорошо. Что вам угодно мне сообщить?

Сганарель

Я хочу поговорить с вами об одном предмете.

Панкрас

А каким языком вы желаете пользоваться в разговоре со мной?

Сганарель

Каким языком?

Панкрас

Ну, да.

Сганарель

Что за чертовщина? Разумеется, тем, который у меня во рту. Уж, конечно, не пойду занимать у соседа.

Панкрас

Я спрашиваю, на каком наречии, на каком диалекте?

Сганарель

А, это дело другое.

Панкрас

Хотите говорить со мною по-итальянски?

Сганарель

Нет.

Панкрас

Может быть, по-испански?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-немецки?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-английски?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-латыни?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-гречески?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-еврейски?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-сирийски?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-турецки?

Сганарель

Нет.

Панкрас

По-арабски?

Сганарель

Нет, нет! По-французски, по-французски, по-французски!

Панкрас

А, по-французски?

Сганарель

Вот именно.

Панкрас

Так перейдите на другую сторону, ибо это ухо предназначено для языков научных и иностранных, а то — для простонародного и отечественного.

Сганарель [*про себя*]

С этого рода людьми не оберешься церемоний.

Панкрас

Что вам угодно?

Сганарель

Посоветоваться с вами касательно небольшого затруднения.

Панкрас

Затруднения философского, конечно?

Сганарель

Простите. Я...

Панкрас

Вы, без сомнения, желаете знать, являются ли термины «субстанция» и «акциденция» синонимическими или двусмысленными в отношении бытия?

Сганарель

Вовсе нет. Я...

Панкрас

Является ли логика наукой или искусством?

Сганарель

Совсем не то. Я...

Панкрас

Служат ли ей предметом все три мыслительных процесса или же только третий?

Сганарель

Нет. Я...

Панкрас

Имеется ли десять категорий или всего одна?

Сганарель

Отнюдь нет. Я...

Панкрас

Принадлежит ли заключение к существу силлогизма?

Сганарель

Ничего подобного. Я...

Панкрас

Заключается ли сущность добра в желанном или в дозволенном?

Сганарель

Да нет же. Я...

Панкрас

Совпадает ли добро с конечной целью?

Сганарель

Ох, не то. Я...

Панкрас

Побуждает ли нас конечная цель своей реальной или же своей интенциональной сущностью?

Сганарель

Да нет же. Тысяча чертей! Нет, нет, нет, нет!

Панкрас

Так изъясните вашу мысль: я же не могу ее угадать.

Сганарель

Я же и хочу изъяснить; да только нужно, чтобы вы слушали. [*Тут Панкрас тоже начинает говорить.*] Дело, о котором я хочу с вами говорить, состоит в том, что мне захотелось жениться на молодой и пригожей девице. Я очень ее люблю и попросил ее руки у отца. Но так как я опасаюсь...

Панкрас [*говорит одновременно со Сганарелем, не слушая его*]

Речь дана человеку для изъяснения мыслей; и подобно тому, как мысли суть изображения вещей, так и наши слова суть изображения наших мыслей. [*Сганарель, потеряв терпение, несколько раз пытается закрыть рукою рот философа, но тот снова начинает говорить, как только Сганарель отнимает руку.*] Но эти изображения от прочих изображений отличаются тем, что другие во всяком месте отделимы от своих оригиналов, речь же постоянно содержит свой оригинал

в себе, поскольку она есть не что иное, как мысль, выраженная внешним знаком. Отсюда вытекает, что хорошо мыслящие являются одновременно и лучше всех говорящими. Так изъясните же мне свою мысль словами, которые являются самыми вразумительными из знаков.

Сганарель (*вталкивает философа в его дом и придерживает дверь, чтобы тот не вышел*)

Язва ему в бок!

Панкрас (*в доме*)

Да, речь есть animi index et speculum. Это — толмач сердца, образ души. (*Показывается в верхнем окне и продолжает, после чего Сганарель отходит от двери.*) Это — зеркало, чистосердечно показывающее нам сокровеннейшие тайны нашего существа. А посему, если вы обладаете способностью одновременно говорить и мыслить, то что мешает вам воспользоваться даром речи, чтобы дать мне уразуметь вашу мысль?

Сганарель

Так я же и хочу это сделать; да только вы не желаете меня выслушать.

Панкрас

Говорите. Я слушаю.

Сганарель

Итак, господин доктор, я говорю...

Панкрас

Главное, покороче.

Сганарель

Я буду краток.

Панкрас

Избегайте многословия.

Сганарель

Эй, госпо...

Панкрас

Постройте свою речь наподобие лаконической апофегмы.

Сганарель

Я вам...

Панкрас

Никаких обиняков, никаких иносказаний. (*Сганарель с досады, что тот не дает ему слова сказать, поднимает камень, собираясь запустить им в голову философа.*) Как? Вы сердитесь вместо того, чтобы объясниться? Ну, так знайте же, что вы еще больший невежда, чем тот, который утверждал, будто надо говорить «форма шляпы». И я докажу вам, при всех условиях, наглядными и убедительными доводами, аргументами in barbara, что вы есте и всегда будете жалким дурнем, а я есмь и пребуду вечно in utraque jure доктором Панкрасом...

Сганарель

Анафемский болтун!

Панкрас [*снова выходит из дома*]

...человеком книжным, человеком образованным.

Сганарель

Как? Еще не кончил?

Панкрас

...человеком значительным, человеком способным, (*уходя*) человеком искушенным во всех науках естествен-

ных, общественных и моральных, (*возвращаясь*) человеком ученым, наиученейшим per omnes modos et casus, (*уходя*) человеком, в превосходной степени знающим эпос, мифологию, историю, (*возвращаясь*) грамматику, поэтику, риторику, диалектику и софистику, (*уходя*) математику, арифметику, оптику, оннейрокритику, физику и математику, (*возвращаясь*) космометрию, геометрию, архитектуру, гадание по зеркалу и гадание по небу, (*уходя*) медицину, астрономию, астрологию, физиогномику, метопоскопию, хиромантию, геомантию, и прочая, и прочая.

[*Уходит*]

Сганарель

К дьяволу всех ученых, не желающих слушать, что им толкуют. Правду мне говорили, что его наставник Аристотель был просто пустомелей. Надо мне пойти ко второму философу: тот и степеннее его, и благоразумнее. Эй! Вы дома?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марфуриус, Сганарель

Марфуриус

Что вам от меня нужно, господин Сганарель?

Сганарель

Мне, господин доктор, нужен ваш совет в одном дельце, ради которого я и пришел к вам. [*В сторону*] Вот это хорошо. Этот, по крайности, выслушивает человека.

Марфуриус

Прошу вас, господин Сганарель, исправить ваши выражения. Наша доктрина предписывает не выносить ни по какому делу окончательного приговора, обо всем

говорить неуверенно, всегда откладывать решение. А посему вам следует говорить не «я пришел», а «мне кажется, будто я пришел».

Сганарель

Мне кажется?

Марфуриус

Да.

Сганарель

Что за чорт! Поневоле покажется, раз так и есть.

Марфуриус

Этот вывод не обязателен: вам может казаться и то, чего нет.

Сганарель

Как? Значит неправда, что я пришел?

Марфуриус

Это недостоверно: мы должны сомневаться во всем.

Сганарель

Как? Меня здесь нет, и вы со мною не говорите?

Марфуриус

Мне представляется, будто вы здесь, мне кажется, что я с вами говорю; но далеко не достоверно, что так и есть в действительности.

Сганарель

Какого чорта! Да вы смеетесь надо мной? Вот стою я, а вот совершенно явственно стоите вы, и никого «кажется» тут нет. Оставимте, пожалуйста, эти тонкости и поговорим о моем деле. Я пришел сказать вам, что хочу жениться.

Марфуриус

Не знаю.

Сганарель

Так я же вам говорю.

Марфуриус

Возможно.

Сганарель

Девушка, которую я собираюсь за себя взять, очень молода и очень красива.

Марфуриус

Ничего невозможного в этом нет.

Сганарель

Хорошо или плохо я поступлю, женившись на ней?

Марфуриус

И так, и этак.

Сганарель [*в сторону*]

Ага! У этого — другого рода музыка. [*Марфуриусу*] Я вас спрашиваю, хорошо ли я поступлю, если женюсь на этой девушке?

Марфуриус

Смотря по обстоятельствам.

Сганарель

Поступлю ли я дурно?

Марфуриус

Как случится.

Сганарель

Ради бога, отвечайте мне как следует.

Марфуриус

Это и входит в мои намерения.

Сганарель

Я очень расположен к этой девушке.

Марфуриус

Возможно.

Сганарель

Отец дал согласие.

Марфуриус

Может быть.

Сганарель

Но боюсь, как бы мне, женившись, не нажить рогов.

Марфуриус

Это бывает.

Сганарель

Что вы об этом думаете?

Марфуриус

Невозможность здесь не наличествует.

Сганарель

Но как бы вы сами поступили на моем месте?

Марфуриус

Не знаю.

Сганарель

Что вы мне советуете делать?

Марфуриус

Что вам угодно.

Сганарель

Прямо взбеситься можно!

Марфуриус

Умываю руки.

Сганарель

Как это чорт не возьмет старого сумасброда!

Марфуриус

Возьмет, если сможет.

Сганарель [*про себя*]

Вот мучитель! Задави его чума! Погоди, я заставлю тебя запеть по-иному, философ бесноватый!

[*Бьет Марфуриуса палкой*]

Марфуриус

Ай-ай-ай!

Сганарель

Вот тебе сполна за всю твою галиматью. По крайности, душу отвел.

Марфуриус

Что такое! Какая дерзость! Оскорбить меня таким образом! Осмелиться побить такого философа, как я!

Сганарель

Исправьте, пожалуйста, ваши выражения. Ведь мы должны сомневаться, и, следовательно, вы не можете

утверждать, что я вас побил, а только — что вам кажется, будто я вас побил.

Марфуриус

О! Я подам жалобу квартальному надзирателю о полученных мною ударах.

Сганарель

Умываю руки.

Марфуриус

У меня знаки на теле.

Сганарель

Возможно.

Марфуриус

Это ты меня так отделал.

Сганарель

Невозможность здесь не наличествует.

Марфуриус

Я добьюсь решения против тебя.

Сганарель

Не знаю.

Марфуриус

И суд тебя покарает.

Сганарель

Покарает, если сможет.

Марфуриус

Дай мне только взяться за дело.

[*Уходит*]

Сганарель

Вот тебе раз! Ни одного дельного слова не вытянешь из этой собаки, и под конец разговора я не стал умнее, чем был в начале. Что мне делать? Как решить сомнения касательно последствий моего брака? Вовек никто не бывал в более затруднительном положении. Ага! Вот идут цыганки. Пусть они мне погадают.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Две цыганки, Сганарель

[Цыганки с бубнами входят, напевая и приплясывая]

Сганарель

Да они пребойкие! Эй, послушайте, вы! Можете мне погадать?

Первая цыганка

Да, добрый господин. Мы вдвоем тебе погадаем.

Вторая цыганка

Дай нам только руку с крестовичком на ладони, и мы скажем тебе словечко на счастье.

Сганарель

Вот вам обе руки, а в них и то, что вам требуется.

Первая цыганка

У тебя хорошее лицо, добрый господин, хорошее лицо.

Вторая цыганка

Да, хорошее лицо, лицо человека, который когда-нибудь кем-то будет.

Первая цыганка

Ты скоро женишься, добрый господин, скоро женишься.

Вторая цыганка

Возьмешь миленькую женку, миленькую женку.

Первая цыганка

Жену, которую все будут любить и обожать.

Вторая цыганка

Жену, которая доставит тебе много друзей, добрый господин, много друзей.

Первая цыганка

Жену, которая притянет к тебе в дом большие достатки.

Вторая цыганка

Жену, из-за которой о тебе разнесется громкая молва.

Первая цыганка

Из-за нее тебя будут уважать, добрый господин, будут уважать.

Сганарель

Все это отлично. Но скажите, грозит ли мне участь рогача?

Вторая цыганка

Рогача?

Сганарель

Да.

Первая цыганка

Рогача?

Сганарель

Да, грозит ли мне участь рогача?

[*Цыганки поют и пляшут*]

Сганарель

Какого чорта! Разве это ответ? Пойдите-ка сюда. Я вас обеих спрашиваю, вырастут ли у меня рога?

Вторая цыганка

Рога? У вас?

Сганарель

Да, рога, у меня.

Первая цыганка

Рога? У вас?

Сганарель

Ну, конечно. Да или нет?

[*Цыганки уходят, напевая и приплясывая*]

Сганарель

Задави чума мерзавок, оставивших меня в таком треволнении! Мне необходимо узнать, как сложится моя брачная жизнь. Пойду-ка я за этим к тому великому чернокнижнику, чье имя у всех на устах, который якобы своим дивным искусством может показать вам все, что угодно. Однакоже, мне как будто незачем ходить к волшебнику: вот нечто, отвечающее на все мои вопросы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Доримена, Ликаст, Сганарель [*отошедший в угол сцены и не замечаемый остальными*]

Ликаст

Как, прелестная Доримена? Вы не шутите?

Доримена

Не шучу.

Ликаст

Вы в самом деле выходите замуж?

Доримена

В самом деле выхожу.

Ликаст

И свадьба будет нынче вечером?

Доримена

Нынче вечером.

Ликаст

И вы, жестокосердная, могли забыть о любви моей к вам и о лестных обещаниях, которые вы мне дали?

Доримена

Я? Ничуть не бывало. Я все так же вас ценю, и мое замужество не должно вас беспокоить. Я за этого человека не по любви выхожу, и только его деньги понуждают меня принять предложение. У меня ничего нет, у вас — тоже; а вы знаете, что без этого в свете хорошо не проживешь и что надо добиваться богатства любой ценой. Я воспользовалась случаем, чтобы себя обеспечить; а сделала я это в надежде, что незамедлительно избавлюсь от своего хрыча. Этот человек скоро ноги протянет: больше шести месяцев не проскрипит. Будьте покойны, в означенный срок он будет покойником: недолго мне придется молить бога о счастливом вдовстве. (*Увидев Сганареля, обращается к нему*) Ах! Мы как раз о вас говорили, и притом все самое хорошее, что только можно сказать.

Ликаст

Так это и есть господин?..

Доримена

Да, это тот господин, который на мне женится.

Ликаст

Прошу вас, сударь, принять мои поздравления по случаю бракосочетания и выражение полной моей готовности к услугам. Смею вас уверить, что вы женитесь на особе, достойной всяческого уважения. Равным образом, позвольте вместе с вами, сударыня, порадоваться вашему выбору. Лучше вы не могли бы найти: нареченный ваш являет облик отличнейшего супруга. Да, сударь, мне хотелось бы с вами подружиться и проводить время во взаимных посещениях и совместных развлечениях.

Доримена

Вы оказываете нам слишком много чести. Но пойдем. Время не терпит. Мы еще успеем побеседовать на досуге.

[*Уходят Доримена и Ликаст*]

Сганарель

Вот теперь мне окончательно опротивела женитьба. И сдается мне, что я недурно сделаю, если возьму свое слово обратно. Все это уже стоило мне немалую толику денег. Но лучше уж это потерять, нежели подвергать себя кое-чему похуже. Постараемся половчее избавиться от этого дела. Отворите!

[*Стучится в дверь к Алькантору*]

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Алькантор, Сганарель

Алькантор

А! Добро пожаловать, зятек.

Сганарель

К услугам вашим, сударь.

Алькантор

Вы пришли оформить брачный контракт?

Сганарель

Простите.

Алькантор

Смею вас уверить, что мне так же не терпится, как и вам.

Сганарель

Я пришел по другому делу.

Алькантор

Я уже распорядился всем необходимым для празднества.

Сганарель

Не о том речь.

Алькантор

Скрипачи приглашены, ужин заказан, и дочь моя нарядилась, чтобы вас принять.

Сганарель

Не это привело меня к вам.

Алькантор

Одним словом, вы будете довольны, и ничто уже не отсрочит вашего блаженства.

Сганарель

Господи! Не в том суть.

Алькантор

Так входите же, зять дорогой.

Сганарель

Я должен сказать вам два слова.

Алькантор

Ах, боже мой! Отбросим всякие церемонии. Войдите, пожалуйста.

Сганарель

Да нет же, говорят вам. Я сперва хочу с вами побеседовать.

Алькантор

Вы хотите мне что-нибудь сообщить?

Сганарель

Да.

Алькантор

Что же именно?

Сганарель

Господин Алькантор! Я, правда, просил руки вашей дочери, и вы дали согласие. Но я, повидимому, для нее недостаточно молод и вряд ли ей подхожу.

Алькантор

Виноват, моей дочери вы нравитесь в нынешнем вашем возрасте, и я уверен, что она заживет с вами в полном довольстве.

Сганарель

Вовсе нет. У меня порою бывают ужасные причуды и ей пришлось бы тяжко страдать от моих вспышек.

Алькантор

У дочери моей покладистый нрав, и вы увидите, что она сумеет отлично к вам примениться.

Сганарель

Я страдаю кое-какими телесными недостатками, которые могут вызвать у нее отвращение.

Алькантор

Это пустяки. У честной женщины никогда не бывает отвращения к мужу.

Сганарель

Одним словом, хотите, я вам скажу прямо? Не советую вам выдавать ее за меня.

Алькантор

Вы шутите? Я лучше умру, чем изменю слову.

Сганарель

Ах, боже мой! Я вас от него освобождаю, и...

Алькантор

Ни за что. Я обещал ее вам, и вам она достанется, кто бы на нее ни зарился.

Сганарель [*про себя*]

Ах ты, чорт возьми!

Алькантор

Я, видите ли, вас особенно люблю и уважаю и отказал бы принцу, лишь бы выдать дочку за вас.

Сганарель

Господин Алькантор, я очень признателен вам за оказанную честь, но заявляю вам, что не собираюсь жениться.

Алькантор

Кто? Вы?

Сганарель

Да, я.

Алькантор

А в чем причина?

Сганарель

Причина? Причина в том, что я не чувствую себя способным к брачной жизни и хочу пойти по стопам своего отца и всех своих предков, которые никогда не женились.

Алькантор

Послушайте. Вольному — воля, а я не такой человек, чтобы тянуть кого-нибудь силой. Вы дали мне слово жениться на моей дочери, и все готово к свадьбе. Но если вы хотите от этого своего слова отказаться, то я подумаю, как мне поступить, и вы скоро обо мне услышите.

(*Уходит*)

Сганарель

Однако он благоразумнее, чем я ожидал. Я думал, мне труднее будет с ним развязаться. Право, если поразмыслить, так я мудро поступил, выпутавшись из этого дела; а ведь чуть-было не совершил шага, в котором бы долго каялся. Но вот и сын; видно, он принес мне ответ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Альсид, Сганарель

Альсид (*слащавым тоном*)

Я, сударь, покорнейший ваш слуга.

Сганарель

Я, сударь, предан вам всей душой.

Альсид [*тем же тоном*]

Отец сказал мне, сударь, что вы явились, чтобы взять обратно данное слово.

Сганарель

Да, сударь, искренне сожалею, но...

Альсид

О сударь, тут нет никакой беды.

Сганарель

Уверяю вас, я душевно огорчен и хотел бы...

Альсид

Да это же пустяки, говорю вам. (*Протягивает Сганарелю две шпаги*) Потрудитесь, сударь, выбрать, которую вам будет благоугодно.

Сганарель

Из этих шпаг?

Альсид

Да, сделайте милость.

Сганарель

Зачем?

Альсид

Поскольку, сударь, вы, давши слово, отказываетесь жениться на моей сестре, вы, надеюсь, не найдете неуместным то краткое приветствие, с которым я к вам обратился.

Сганарель

Что такое?

Альсид

Другие подняли бы крик, рассердились бы на вас; но мы любим улаживать дела полюбовно. И я вежливенько говорю вам, что нам, если позволите, необходимо перерезать друг другу горло.

Сганарель

Довольно нескладно выраженное приветствие.

Альсид

Ну же, сударь, выбирайте, пожалуйста.

Сганарель

Слуга покорный, у меня нет лишнего горла. [*В сторону*] Что за противная манера разговаривать!

Альсид

Это, сударь, с вашего дозволения, необходимо.

Сганарель

Прошу вас, сударь, всуньте ваше приветствие обратно в ножны.

Альсид

Покончим скорее, милостивый государь. Меня тут одно дельце ждет.

Сганарель

Да мне вовсе не хочется, уверяю вас.

Альсид

Вы не хотите драться?

Сганарель

Да ей-богу же, нет.

Альсид

Это вы серьезно?

Сганарель

Совершенно серьезно.

Альсид [*отвесив ему несколько палочных ударов*]

Ну, по крайней мере, жаловаться вам не приходится. Как видите, я поступаю по всем правилам. Вы нарушаете слово, я хочу с вами драться; вы отказываетесь драться, я бью вас палкой — это точно по кодексу. Вы слишком благовоспитанный человек, чтобы не одобрить моего образа действий.

Сганарель [*про себя*]

Прямо дьявол, а не человек.

Альсид [*снова протягивая ему шпаги*]

Ну же, государь мой, действуйте как светский человек: не заставляйте себя упрашивать.

Сганарель

Вы все за то же?

Альсид

Я, сударь, никого не принуждаю. Но вы должны либо драться, либо жениться на моей сестре.

Сганарель

Уверяю вас, сударь, я не могу сделать ни того, ни другого.

Альсид

Наверное?

Сганарель

Наверное.

Альсид

Итак, с вашего позволения...

[*Бьет его палкой*]

Сганарель

Ай-ай-ай!

Альсид

От души сожалею, милостивый государь, что вынужден так с вами обойтись; но, с вашего разрешения, я не перестану до тех пор, пока вы не пообещаете либо драться, либо жениться на моей сестре.

[*Снова замахивается палкой*]

Сганарель

В таком случае, женюсь! Женюсь!

Альсид

Я в восторге, сударь, что вы одумались и что дело улаживается полюбовно. Ибо, клянусь вам, я в сущности уважаю вас больше всех на свете. Я был бы в отчаянии, если бы вы вынудили меня обойтись с вами нехорошо. Пойду позову отца и сообщу ему, что все в порядке.

[*Стучит в дверь к Алькантору*]

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алькантор, Доримена, Альсид, Сганарель

Альсид

Вот, батюшка, господин Сганарель и образумился. Он добровольно на все согласился, и вы можете отдать за него сестрицу.

Алькантор

Вот, сударь, ее рука. Вам остается только протянуть свою. Слава тебе господи! Я от нее избавился, и с нынешнего дня на вас падает забота о ее поведении. Пойдем же веселиться и отпразднуем счастливую свадьбу.

БРАК ПО ПРИНУЖДЕНЬЮ

БАЛЕТ

СОДЕРЖАНИЕ

Так как на свете нет ничего обычнее, нежели брак, и так как в этом деле люди бывают смешными более, чем в каком-либо другом, то не удивительно, что он оказывается сюжетом наибольшей части комедий, равно как и балетов, которые суть не что иное, как комедии без речей; вот что и послужило поводом к сочинению этой маскарадной комедии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель спрашивает совета у господина Жеронимо, следует ему жениться или нет. Этот друг откровенно говорит ему, что женитьба — дело неподходящее для человека пятидесяти лет, на что Сганарель отвечает ему, что он решил жениться; тогда тот, видя такое чудачество, что человек, принявший решение, после этого обращается за советом, — твердо советует ему жениться и уходит смеясь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Приходит возлюбленная Сганареля и говорит ему, что она в восторге от предстоящего брака с ним, потому что это сразу избавит ее от опеки отца и позволит ей делать все, что ей вздумается; и она ему рассказывает, каким образом собирается жить с ним, являя простодушную картину совершенной кокетки. Сганарель остается один, весьма пораженный; он жалуется, после этих речей, на ужасную тяжесть в голове и, прилегши в углу сцены, чтобы вздремнуть, видит во сне женщину, роль которой исполняет госпожа Илер. Она поет следующее:

Поет Красота

Пусть, если уж любви жестокой вы подвластны,
Лишь обольстительный предмет внушит вам страсть;
Пусть будут цепи хоть прекрасны,
Коль в сладостном плену вам суждено пропасть.

Но если та, кого вы любите напрасно,
Вас недостойна, — прочь скорей гоните страсть:
Пусть будут цепи
и т. д.

Первый выход балета

Ревность, Печали и Подозрения

Второй выход балета

Четыре Забавника или Насмешника

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Господин Жеронимо разбудил Сганареля, и тот хочет рассказать ему сон, который только что видел; но господин Жеронимо отвечает ему, что он ничего не понимает в снах; пусть лучше по вопросу о браке он обратится к двум ученым, знакомым его, из которых один — последователь философии Аристотеля, а другой — пирронианец.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сганарель находит первого, который оглушает его болтовней, не давая ему сказать ни слова, вследствие чего Сганарелю приходится его поколотить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Затем он встречает второго, который, согласно своей доктрине, отвечает ему лишь в выражениях, которые ничего не объясняют; Сганарель, рассердившись, прогоняет его, и тут появляются два цыгана и четыре цыганки.

Третий выход балета

Два цыгана и четыре цыганки

У Сганареля является желание, чтобы ему погадали, и, встретив двух цыганок, он спрашивает у них, будет ли счастлив в браке. Вместо ответа они начинают плясать, насмехаясь над ним, и тогда ему приходится обратиться к Волшебнику.

Поет Волшебник

Эй! Эй!
Поскорей
Отвечай, что за нужда
Привела тебя сюда?

(*Сганарель говорит:* «Брак»)

Не тайна ли природы
Дела такого рода?

(*Сганарель говорит:* «Судьба»)

Четыре демона, покинув ада тьму,
Придут по слову моему.

(*Сганарель говорит:* «Эти особы...»)

Отбросьте всякий страх, прошу:
Я безобразья их лишу.

(*Сганарель говорит:* «Не пугайте»)

Издавна силою небесной
Поражены на век все бесы немотой;
Но знаком демон бессловесный
Ответит на вопрос любой.

Четвертый выход балета

На зов Волшебника появляются четыре Демона Сганарель вопрошает их; они отвечают ему знаками и уходят, показывая ему пальцами рога.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, испуганный этим предсказанием, решает пойти к отцу невесты и отказаться от брака; тот, выслушав его, заявляет, что не имеет ничего сказать ему, но что вскоре пришлет ему ответ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ответ этот — приятнейший в обхождении головорез, его сынок, который вежливенько подходит к Сганарелю и любезно предлагает, чтобы он и Сганарель перерезали друг другу горло. Так как Сганарель отказывается, сынок наивежливейшим образом бьет его палкой, каковые палочные удары возвращают Сганареля к готовности вступить с девицею в брак.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сганарель пожимает руки девице.

Пятый выход балета

Учитель танцев, роль которого исполняет господин Доливе, обучает Сганареля куранте.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Господин Жеронимо радуется со своим другом и сообщает ему, что городская молодежь устроила маскарад в честь его свадьбы.

Испанский концерт

Ciego me tienes, Belisa,
Mas bien tus rigores veo,
Porque es tu desdén tan claro
Que pueden verle los ciegos.

Aunque mi amor es tan grande,
Come mi dolor no es menos,
Si calla el uno dormido,
Sé que ya es el otro despierto.

Favores tuyos, Belisa,
Tuvieralos ya secretos;
Mas ya de dolores mios
No puedo hacer lo que quiero. *

Шестой выход балета

Два испанца и две испанки

* *Перевод:*

Ослеплен тобой, Белиса,
Но твою холодность вижу:
Ты мной так пренебрегаешь,
Что увидит и слепой.

Хоть любовь моя безмерна,
Но тоска моя — не меньше,
И едва любовь утихнет —
Пробуждается тоска.

Про любовь мою, Белиса,
Никому б я не поведал,
Но с своей тоскою сладить
И хочу, да не могу.

Седьмой выход балета

Шутовская потеха.

Восьмой выход балета

Четверо поклонников, ухаживающих за женой Сганареля

ПРИНЦЕССА ЭЛИДЫ

La Princesse d'Elide

Перевод В. Морица

Принцесса Элиды (*La Princesse d'Elide*) — «галантная комедия с музыкой и балетными антре» — была представлена в первый раз 8 мая 1664 г. в Версале, на второй день грандиозного, феерического празднества *Увеселения волшебного острова*, длившегося с 7 по 13 мая 1664 г. В ноябре того же года *Принцесса Элиды* была показана в Париже. Успех в городе был значительно меньшим, чем при дворе. Тем не менее, и в Париже пьеса выдержала 25 представлений. Ее неоднократно возобновляли после смерти Мольера, каждый раз с большей удачей при дворе, чем в городе. Причину тому надо искать в обстановочном великолепии *Принцессы Элиды*, присущем парадному придворному спектаклю, с которым городские театры, разумеется, не могли состязаться. Дальнейшая сценическая судьба *Принцессы Элиды* отмечена сравнительной недолговечностью; последние ее представления датируются 1757 годом.

Самый факт сценического забвения *Принцессы Элиды* вряд ли может быть расценен как несправедливый. *Принцесса Элиды* отнюдь не шедевр Мольера и, прежде всего, носит на себе следы явной спешки. Так, лишь первый акт и начало второго написаны стихами, ибо предписание короля, который торопил, вынудило Мольера закончить все остальное прозой.

Но дело не только в том, что Мольер писал *Принцессу Элиды* второпях, пришпориваемый королевскими посланцами. Самый жанр придворной комедии-балета на галантно-мифологические темы, ориентирующийся сплошь на аристократическую публику, предъявлял Мольеру требования, далекие от исповедуемых им принципов реализма. В этом разрезе поучительно сопоставить *Принцессу Элиды* с ее первоисточником, комедией испанского драматурга Агустина Морето-и-Кавана (1618—1669) — *Пренебрежение за пренебрежение* (*El desdén con el desdén*). В обеих пьесах герой

хочет завоевать сердце юной мизогинистки-героини с помощью сначала притворного равнодушия, а затем — искусно вызванной ревности. Но пьеса Морето, по типу принадлежащая к комедиям «плаща и шпаги», развертывает достаточно сложную интригу на вполне реалистическом фоне. Действие происходит в Барселоне. Донья Диана — основной образ комедии — очаровательная молодая фантазерка, начитавшаяся книг; ее взбалмошному и живому темпераменту претендент на ее руку — дон Карлос де-Урхель — противопоставляет методическую хитрость. Упрямица попадается в сети: при упоминании имени мнимой соперницы Цинтии она выходит из себя, топает ногами и проявляет ревность в формах, немыслимых в условиях версальского этикета.

В *Принцессе Элиды* общий колорит — совершенно иной. Действие перенесено из конкретной исторической Каталонии в условную антично-мифологическую обстановку. Интрига сокращена. Характеры потеряли рельефность очертаний. Принцесса, утеряв живость и страстность своего испанского прототипа, стала отвлеченной оперно-балетной героиней, в духе Артемиды, с луком и колчаном, охотящейся в декоративных лесах. В стилистике диалогов преобладает куртуазность французского придворного общества. Ведутся пространные дискуссии о любви (д. 3-е, явл. 4-е), где излагаются взгляды, почерпнутые из феодально-рыцарских или ранневозрожденческих теорий. Действие развертывается медленно, в темпе паваны или дворцовой сарабанды; оно перебивается интермедиями, где фигурируют поющая вступительную речь богиня Аврора, музыканты, охотники, бутафорский медведь, сатир, выступающий в амплуа учителя пения, пастушки и пастухи. Комедия заканчивается апофеозом: из большого люка на сцену появляется машина с водруженным на ней деревом, где расселись шестнадцать фавнов; восемь из них играют на флейтах, восемь других — на скрипках. Из оркестра им отвечают тридцать скрипачей и шесть музыкантов, играющих на теорбах и клавесинах. Музыку к *Принцессе Элиды* написал прославленный Люлли.

Среди изысканных персонажей *Принцессы Элиды*, пожалуй, единственной гротескно-выпуклой фигурой является шут принцессы и поверенный Эвриала Морон, чью роль с большим мастерством и сценическим обаянием играл сам Мольер. Этот

образ также существует и в комедии Морето как обязательный «грасиосо» — комический персонаж в известной мере аналогичный шуту в шекспировских пьесах. Только у Морето он является слугой Карлоса, по имени Полилья; помогая своему господину, он переодевается врачом и рекомендует донье Диане безошибочные снадобья против любовных увлечений. У Мольера его роль также сокращена: это остроумный и хлесткий забавник, распевающий песенки и всегда комикующий в интермедиях; из них особенно примечательна третья, являющаяся недвусмысленной пародией на придворную пасторали. Конечно, сравнивать Морона с шекспировским Фальстафом, как это делает Эмиль Фаге,* было бы в корне ошибочно. Напротив, подобно «умным» шутам шекспировских комедий, это — типичный представитель народа, здравый смысл, непосредственность и юмор которого ярко противопоставлены придворной чопорности и жеманству. Безусловно, это наиболее колоритный персонаж пьесы, отлично ее оживляющий.

Огромное большинство мольеристов склонно расценивать *Принцессу Элиды* весьма невысоко, обнаруживая при этом даже некоторую пристрастность. Конечно, это не *Тартюф* и даже не *Проделки Скапена*, это вообще не пьеса для чтения и не законченное литературное произведение. За вычетом роли Морона, это только канва для великолепного зрелища, для пышного театрального дивертисмента. Вне музыки, хореографии, аттракционов *Принцесса Элиды* имеет еще меньшее значение, чем либретто оперы или балетный сценарий. И, разумеется, театральный успех был обеспечен *Принцессе Элиды* только на версальском фестивале, где ее предварили парадной увертюрой, танцовальными антре пастушек, охотников и фавнов, снабдили инструментальными ритурнелями, хорами, трио, песенками, речитативами и т. д. Будучи вынута из атмосферы фейерверочного празднества, *Принцесса Элиды* блекнет. И это не вследствие творческой неудачи, но в силу исторического омертвения самого жанра. Ибо в *Принцессе Элиды* Мольер отдал придворно-аристократической эстетике, пожалуй, наибольшую дань.

И. Соллертинский

* E. Faguet. *En lisant Molière*, P., 1914, p. 37.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ПРОЛОГА

Аврора.
Лисискас, ловчий.
Трое поющих ловчих.
Трое танцующих ловчих.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Принцесса Элиды.
Аглаита, двоюродная сестра принцессы.
Цинтия, двоюродная сестра принцессы.
Филида, служанка принцессы.
Ифитас, отец принцессы.
Эвриал, принц Итаки.
Аристомен, принц Мессены.
Теокл, принц Пилоса.
Арбат, воспитатель принца Итаки.
Морон, шут принцессы.
Ликас, слуга Ифитаса.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ИНТЕРМЕДИЙ

Первая интермедия

Морон.
Танцующие охотники

Вторая интермедия

Филида.
Морон.

Поющий сатир.
Танцующие сатиры.

Третья интермедия

Филида.
Тирсис, поющий пастух.
Морон.

Четвертая интермедия

Принцесса.
Филида.
Климена.

Пятая интермедия

Поющие пастухи, пастушки.
Танцующие пастухи и пастушки.

Действие происходит в Элиде.

ПРОЛОГ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аврора; *лежащие на траве и спящие* Лисискас *и несколько* ловчих

Аврора *(поет)*

Коль у любви для вас есть выбор на примете,
Красавицы, не прекословьте ей.
Пусть скажут: спесь — вам щит, — нет правды в том совете,
Вы неприступность бросьте поскорей.
Когда прелестны вы, на свете
Нет ничего любви милей.
К тому, кто верен вам, любовь скрывать напрасно,
Не слушайте хулящих вас речей:
Клад — сердце нежное; жестокой быть опасно,
Не заслужить тем похвалы ничьей,
В те дни, когда вы так прекрасны,
Нет ничего любви милей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лисискас *и другие спящие* ловчие

Трое ловчих *(пробужденные Авророй, поют вместе)*

Эй, эй! Вставай, пора, пора, пора.
К охоте все готовь, как вэлено вчэра.
Эй, эй! Живей вставай, пора.

Первый

Повсюду день проник, и тени улетели.

Второй

Цветы покрыты жемчугом утра.

Третий

Уже везде согласным хором трели
Выводят соловьи, настала их пора.

Трое ловчих (*вместе*

Да ну, живей вставай, пора.

(*Спящему Лисискасу*)

Что ж это, Лисискас? Храпеть ты кончишь скоро?
Не ты ли обещал опередить Аврору?
Эй, ты, живей вставай, пора.
К охоте все готовь, как велено вчера.
Живей вставай, поторопись, пора.

Лисискас (*просыпаясь*)

Чорт побери, ну и горлопаны же вы все, деретe глотку ни свет ни заря.

Трое ловчих (*вместе*)

Взгляни: все залил день струями серебра.
Ну, полно, Лисискас, вставай, пора.

Лисискас

Дайте же мне еще поспать немного, заклинаю вас.

Трое (*вместе*)

Нет, Лисискас, вставай, пора, пора.

Лисискас

Я прошу у вас всего четверть часика.

Трое (*вместе*)

Нет, нет, пора, живей вставай, пора.

Лисискас

Ну, молю вас.

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Одну минутку!

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Пожалуйста!

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Эх!

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Я...

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Я тотчас встану.

Трое (*вместе*)

Нет, Лисискас, вставай, пора, пора.
К охоте все готовь, как велено вчера.
Живей вставай, поторопись, пора.

Лисискас

Ладно, отстаньте, сейчас встану. Чудаки вы, что так мучаете меня! По вашей вине я весь день буду не в своей тарелке, ибо уверяю вас, сон необходим человеку, и, если не доспишь, получается... что... не...

[*Он снова засыпает*]

Первый

Лисискас!

Второй

Лисискас!

Третий

Лисискас!

Трое (*вместе*)

Лисискас!

Лисискас

Чортовы горлопаны! Хотел бы я, чтоб у вас глотки были изрядно набиты горячей кашей.

Трое (*вместе*)

Пора, пора;
Живей вставай, поторопись, пора.

Лисискас

Всласть не поспишь — и день денской хандра!

Первый

О-го-го!

Второй

О-го-го!

Третий

О-го-го!

Трое (*вместе*

О-го-го-го-го-го.

Лисискас

Го-го! Чорт бы побрал людей с их мерзким воем! Я буду не я, если не укокошу вас. Посмотрите, пожалуйста, с каким проклятым упорством они поют мне над самым ухом. Я...

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Опять!

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас

Убирайтесь к чорту!

Трое (*вместе*)

Пора.

Лисискас (*поднимаясь*)

Как, все еще? Виданная ли вещь — подобная страсть к пению? Ей-богу, я вне себя! Раз уж я разбужен, надо мне разбудить остальных и помучить их, как мучили меня. Эй, вставайте, господа, живо, пора,

пора; довольно поспали. Я подниму всюду дьявольский шум. (*Кричит изо всей силы*) Пора, пора, пора! Ну, живо, го-го-го! Пора, пора! К охоте все готовь, как велено вчера! Пора, пора, эй, Лисискас, пора! О-го-го-го-го-го-го!

Слышатся звуки нескольких охотничьих рогов и труб: ловчие, разбуженные Лисискасом, начинают танец]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эвриал, Арбат

Арбат

Грусть молчаливая, что каждое мгновенье
Велит вам, государь, искать уединенья,
И вздохи частые, что слишком глубоки,
И взор задумчивый, исполненный тоски,
Всем много говорят в немолодые годы,
И, мнится, понял, принц, я эту речь природы,
Но объяснить ее, чтоб не разгневать вас,
Решиться я могу, лишь получив приказ.

Эвриал

О, объясни, Арбат, о, объясни, как надо,
Значенье скрытое молчанья, вздохов, взгляда;
Скажи мне, что теперь любви узнал я гнет
И надо мной она смеется в свой черед.
Согласен также я принять твои укоры,
Что сердце слабое сдалось, увы, так скоро.

Арбат

За чувства нежные мне ль, принц, вас осуждать,
Когда причину их сумел я отгадать?
Скорбь дряхлых дней моих не получила власти
Родить в душе вражду к восторгам сладким страсти,
И, хоть моя судьба уже близка к концу,

Скажу я, что любовь подобным вам — к лицу;
Что дань, платимая чертам лица прекрасным,
Душевной красоты залогом служит ясным,
Что, если никогда принц не бывал влюблен,
Не будет милостив, велик не будет он.
Мне это качество любезно во владыке;
В сердечной нежности я вижу знак великий,
Что не напрасно мы от принца много ждем,
Коль склонная к любви душа заметна в нем.
Способна эта страсть, которая всех краше,
Ста добродетелям дать доступ в души наши;
Деяний доблестных она бывает мать,
И всем героям пыл ее пришлось узнать.
Я ваших детских лет был, государь, свидетель,
И на моих глазах в вас зрела добродетель,
Я знал в вас качества, достойные похвал,
В которых кровь отцов я ваших узнавал;
Глубокого ума я видел в ней истоки,
Ценил ваш нрав прямой, осанку, дух высокий;
Вы сердцем, ловкостью блистали каждый час,
И был встревожен я, любви не видя в вас.
Но этой раны боль — знак неопровержимый,
Что стрелами ее вы тоже уязвимы.
Я радуюсь, восторг наполнил сердце мне:
Теперь свой сан носить достойны вы вполне.

Эвриал

За то, что мне смешна любви казалась сила,
Увы, теперь, Арбат, она мне отомстила.
И, знай ты глубину моих сердечных мук,
Ты не желал бы мне любовь изведать, друг.
Ах, что сулит мне рок? Как приподнять завесу?
Я пламенно люблю Элидскую принцессу!
Под внешней прелестью все чувства с юных дней
Спесь против нежности вооружила в ней,
На этом празднестве она, его царица,
Бежит всех жаждущих ее любви добиться.

Неверно, будто все, что нравиться должно,
Нам стоит лишь узреть, как нас пленит оно;
И будто первый взгляд разжечь способен пламя,
Заложенное в нас с рожденья небесами.
Когда здесь шел мой путь из Аргоса домой,
Принцесса первый раз предстала предо мной;
Впервые лицезрел я красоту такую,
Но на нее взирал, как смотрят на статую.
Блеск юности ее был мною оценен,
Но тайной склонности в душе не вызвал он,
И вновь спокойно зрел Итаки берега я,
Два года образа ее не вспоминая.
Но вот разнесся слух о том, каким она
К любви презрением прославленным полна,
О том, что ненависть в душе ее надменной
К супружеству живет и крепнет неизменно,
Что, за спиной колчан и лук всегда в руках,
Дианой новою она — весь день в лесах,
Охоту лишь любя, и юношам Эллады,
О ней вздыхающим, напрасно ждать пощады.
Не восхищен ли ты: вот сходство душ, вот рок!
И то, что сделать вид красавицы не мог, —
Слух о надменности родил; необычаен
Восторг моей души, ему я не хозяин.
Прославленная спесь, таинственно маня,
Принцессу вспоминать заставила меня,
И взор мой мысленный, но с прежними несходный,
Воссоздал образ мне столь дивный, благородный
И столь пленительным представил мой удел.
Когда б я холодность ее преодолел,
Что я, блистательной победе той в угоду,
Вмиг сердца своего пожертвовал свободу.
Хоть силилось оно приманку эту клясть,
Она приобрела над ним такую власть,
Что, увлекаемый какой-то тайной силой,
Сюда спешил приплыть я из Итаки милой.
Желанья страстные помог мне скрыть от всех

Предлог участвовать в геройских играх тех,
К которым Ифитас, отец принцессы славный,
Всей Греции владык к себе созвал недавно.

Арбат

Какая, государь, стараний этих цель?
Зачем настойчиво вам страсть скрывать досель?
Принцессу полюбив, — сказать, вам вторя, смею, —
Намерены блеснуть вы ловкостью пред нею, —
И ни единый взор, и ни единый звук
Ей не открыл еще сердечных ваших мук?
Мне непонятен смысл такого поведенья,
Что сердцу не велит добиться объясненья.
По-моему, любовь не может ждать плода,
Коль явной стать она не хочет никогда.

Эвриал

Страданья ей открыв, поверь мне, несомненно
Презренья лишь добьюсь я от души надменной
И окажусь в ряду тех царственных рабов,
Чье чувство ей велит в них видеть лишь врагов.
Пример властителей Мессены, Пила ярок:
Ей тщетно принесли они сердца в подарок
И добродетелей напрасно высотой
Стремились подкрепить упорный пламень свой;
Они отвергнуты, и грустное молчанье
Скрывает потому моей любви страданья;
Мою судьбу решил соперников позор:
В презренье к ним я свой читаю приговор.

Арбат

Нет, на презренье к ним смотрите, принц, иначе:
В надменности ее для вас — залог удачи.
Вам сердце победить позволено судьбой,
Что лишь холодностью ограждено одной.
Чтоб отразить ту страсть, которой вы палимы,
Нет в нем к кому-нибудь любви непобедимой.

Коль сердце занято, бороться трудно с ним;
Свободное — всегда скорей мы победим;
И пусть оно полно холодности надменной, —
Терпенье верх над ним одержит непременно.
Так не скрывайте же вы власть ее очей,
Пусть ярко пламень ваш пылает перед ней,
Пусть вас пример других не только не тревожит,
Но силы вашего желанья приумножит.
Возможно, путь к ее суровой красоте
Найдете вы: его не знали принцы те.
И, если спесь ее захочет своенравно
Не даровать и вам над ней победы славной,
Утешить вас должно сознанье в грустный миг,
Что и соперников такой удел постиг.

Эвриал

Признанья торопя, не согласясь со мною,
Большую радость мне доставил ты, не скрою;
Я выведать хотел, ведя беседу так,
Уже мной сделанный одобришь ли ты шаг.
Но раз его таить нет больше основанья,
Узнай: ей объяснить должны мое молчанье,
И, может быть, пока я здесь с тобою был,
Ей сердца моего открыли тайный пыл.
Скрываясь от толпы поклонников, с рассвета
Она охотится, и выбрал время это,
Чтоб страсть мою открыть ей за меня, Морон.

Арбат

Морон, мой государь?..

Эвриал

Ты этим удивлен?
То, что он шут, поверь, мой выбор не порочит;
Он не такой дурак, каким казаться хочет,
И, вопреки всему, он разумом своим
Нередко выше тех, глумится кто над ним.

Принцессе все его дурачества по нраву,
Ее развеселить умеет он наславу
И может говорить тогда отважно то,
Что никогда бы ей не смел сказать никто.
Уверен, словом, я, что выбор мой удачен.
Желаньем доказать мне дружбу он охвачен
И, будучи к тому ж рожден в моей стране,
В ущерб соперникам в любви поможет мне.
Немного золота усердью для подкрепы[1]...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эвриал, Арбат, Морон

Морон (*за сценой*)

Ко мне, ко мне скорей, грозит мне зверь свирепый.

Эвриал

То не его ли крик?

Морон (*за сценой*)

Ах, ни души кругом!

Эвриал

Впрямь он. Куда бежит он в ужасе таком?

Морон (*появляясь; никого не замечает*)

От вепря улизну ль? В великой я тревоге.
От яростных клыков меня избавьте, боги.
И за спасенье вам я обещать готов
Три фунта ладана и жирных двух тельцов.

(*Наталкивается на Эвриала и принимает его в страхе за вепря, от которого спасался*)

Погиб я!

Эвриал

Что с тобой?

Морон

Я принял вас сначала
За зверя страшного, чья пасть мне угрожала,
И ужас, государь, еще владеет мной.

Эвриал

Но что произошло?

Морон

Ах, этому виной
Принцессы странный нрав. Изволь, охоться с нею!
А как не проклинать дурацкую затею?
Ну, что за радость быть охотником, когда
Везде, чорт побери, вас сторожит беда?
Согласен, так и быть, — охотиться приятно
На зайцев, кроликов, на ланей, и понятно:
Вся тварь подобная всегда кротка весьма
И, лишь завидит нас, скрывается сама.
Но если мы травить зверьё такое будем,
В котором никогда нет уваженья к людям
И, хоть вы от него, оно за вами вслед,
То к глупостям таким во мне охоты нет.

Эвриал

В чем дело, объясни.

Морон

В работе той суровой,
Что прихоть госпожи преподнесла нам снова,
Я поручиться б мог, что так произойдет:
Назначен нынче был бег колесниц, и вот
Пришлось охотиться, чтоб было основанье
Ей не присутствовать на этом состязаньи
И показать... но цыц... окончу свой рассказ
И возвращусь к тому, о чем вел речь сейчас.
О чем я говорил?

Эвриал

О трудностях охоты.

Морон

Ах, да. Не избежав ужасной сей работы
(Охотник хоть куда, я, значит, был одет
Как полагается и на ногах чуть свет),
Отстал я от других, — во всем нужна повадка, —
И, место отыскав, соснуть где можно сладко,
Разлегся славно так, избрав благую часть;
И только похрапеть намеревался всласть,
Как слышу — грозный звук, все ближе и все чаще
Он повторяется, и вот из темной чащи
Огромнейший кабан выскакивает вдруг...

Эвриал

Что это?

Морон

Ничего. Напрасен ваш испуг.
Но между вами встать мне лучше разрешите:
Так я не упущу скорей рассказа нити.
Итак, передо мной травимый вепрь стоит,
Он ощетинился зловеще, — страшный вид, —
Глаза горят, грозят вас растерзать на части,
А из уродливой его разверстой пасти,
Покрытой пеною, на страх его врагам,
Торчат клыки... Ясна теперь картина вам?
Я за оружье вмиг, что близ меня лежало,
Но зверь предательский, тем не смутясь нимало,
Направился ко мне, хоть я не звал его.

Арбат

Отважно встречи с ним ты ждал?

Морон

Еще чего!
Я тотчас бросил все и наутёк пустился.

Арбат

Ты был вооружен — и вепря устрашился?
Где ж честь твоя, Морон?

Морон

Пускай страдает честь,
Но здравый смысл зато в поступке этом есть.

Арбат

Мы только подвигом достигнем славы вечной.

Морон

Слуга покорный ваш! Я предпочту беспечно,
Чтоб говорили: «Здесь улепетнул Морон
От вепря злобного, и этим спасся он»,
Чем если б прославлять так это место стали:
«Бесстрашие и честь Морона здесь блистали,
Когда пред кабаном не дрогнул он, храбрец,
И от клыков обрел печальный свой конец».

Эвриал

Отменно.

Морон

Да. По мне, дороже день на свете,
Чем — славе не во гнев — в преданьях пять столетий.

Эвриал

Конечно, смертью скорбь ты вызвал бы в друзьях;
Но, если наконец преодолел ты страх,
Скажи: про мой огонь, который так безмерен...

Морон

Скрыть правду, государь, от вас я не намерен;
Не мог я улучить минуту до сих пор,
Чтоб с нею завести об этом разговор.
Мне преимущества шута даются званьем,

Но много ставится преград моим стараньям;
О вашей страсти речь начать не просто с ней;
Дел государственных то для нее важней.
Известно, как она горда и как всецело
Ее головкою премудрость овладела,
Которая врагом своим считает брак
И божеством любовь не признает никак.
Чтоб не разгневалась в ней спящая тигрица,
Умело говорить мне надо изловчиться;
С владыками всегда веди с опаской речь —
Не то от них себя потом не уберечь.
Коль я потороплюсь, ошибку вы простите ль?
Пыл рвенья моего безмерен. Вы ж властитель
Страны моей родной, но крепость уз других
Поможет также мне в стараниях моих.
Когда-то мать моя красавицей считалась,
Жестокостью большой притом не отличалась;
Покойный ваш отец, наш добрый государь,
В делах сердечных слыл весьма опасным встарь,
И Эльпинор (его отцом моим звал всякий
Затем, что с матерью моею был он в браке)
Рассказывал не раз, на зависть пастухам,
Что прежде государь являлся часто к нам
И что в те времена, полны к нему почтенья,
Раскланивались с ним все жители селенья.
Довольно. Я хочу, чтоб доказал мой труд...
Но вот с ней ваши два соперника идут.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принцесса, Агланта, Цинтия, Аристомен, Теокл, Эвриал, Филида, Арбат, Морон

Аристомен

Принцесса, нас корить вы будете ужели
За то, что от беды мы вас спасти посмели?
Я думал, что сразить отважно кабана,

Чья злоба против вас была обращена, —
Удача (кто же знал, что мы нарушим травлю?)
И за нее судьбу благую я прославлю;
Но, видя холод ваш, так ясно понял я,
Что не возликовать должна душа моя,
А горько возроптать на власть слепую рока,
Мне повелевшую вас оскорбить жестоко.

Теокл

По мне, принцесса, я блаженством в праве счесть
Поступок свой, что мне внушили страсть и честь,
И я свою судьбу, хоть слышу ваши пени,
За происшедшее не обвиню в измене.
Кто ненавистен нам — всегда нам всем не мил;
Но, если б в вас я гнев и больший пробудил,
Пусть: счастью меры нет, когда, любя безмерно,
Любимую спасем мы от угрозы верной.

Принцесса

Вы думаете, принц, — спросить должна я вас, —
Что я в большой беде и впрямь была сейчас?
Что лук мой и копье, хоть мне весьма любезны,
В моих руках — оплот пустой и бесполезный?
Что, наконец, затем знаком мне с давних пор
Здесь каждый уголок лесов, долин и гор,
Чтоб я, охотясь тут, надеяться не смела
Сама своею быть защитницею смелой?
Прибегнуть бы пришлось бесспорно мне тогда
К заботливости той, которой я горда,
Когда моя рука мне изменить могла бы
И в этой схватке верх зверь одержал бы слабый.
Пусть ваш удар верней, пусть в большинстве своем
Мы в этом первенство всегда вам отдаем, —
Не откажите все ж мне, принцы, в большей славе
И верьте оба мне (не верить вы не в праве),
Что, как бы ни был вепрь сегодня разъярен,
Без вас сражала я других, страшней чем он.

Теокл

Но...

Принцесса

Хорошо, пусть так. Я вижу в вас стремленье
Уверить, что одной мне не было б спасенья;
Согласна. Да, без вас конец моим бы дням;
За помощь всей душой я благодарна вам
И тотчас же иду к отцу, ему открою,
Как вы добры ко мне, чему любовь виною.

[*Уходят: Принцесса, Аглаита, Цикгия, Аристомен, Теокл и Филида.*]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эвриал, Арбат, Морон

Морон

Такой суровый нрав встречался где едва ль.
Что этот мерзкий вепрь преставился, ей жаль.
А я б не отказал тому в награде славной,
Кто от него меня избавил бы недавно.

Арбат (*Эвриалу*)

Убиты, вижу, вы надменностью ее;
Но нет причин менять решенье вам свое.
Настанет час ее — и вам, возможно, будет
Честь суждена стать тем, кто чувство в ней пробудит.

Морон

До игр ей следует о вашем знать огне,
И я...

Эвриал

Нет, этого не надо больше мне.
Я буду действовать, а ты безмолвствуй строго.
Решенье принял я пойти другой дорогой.

Уверился я в том, что чувства глубина,
Ей посвященного, упорно ей смешна;
И бог, по воле чьей я страстью пламенею,
Мне способ вдруг открыл власть обрести над нею.
Да, от него порыв внезапный мой идет
И обещает мне счастливый он исход.

Арбат

Какой вы, государь, надеетесь победой...

Эвриал

Увидишь сам. Молчи. Теперь за мной последуй.

[*Уходят Эвриал и Арбат*]

ПЕРВАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Морон (*один*)

До свиданья; я останусь здесь и побеседую немного с этими деревьями и скалами.

Лес, луг, цветы, ручей, пред вами лик мой бледный;
Коль неизвестно вам, скажу: люблю я, бедный.
Филида чудная мое
На привязь сердце посадила;
Влюбился я тогда в нее,
Когда она коров доила.
Рукой, что молока сто раз белей, сама
Она сосок сжимать умеет бесподобно.
Уф! Эта мысль свести способна
Меня, несчастного, с ума.
Ах, Филида! Филида! Филида!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Морон, Эхо

Эхо

Филида!

Морон

Ах!

Эхо

Ах!

Морон

Хем!

Эхо

Хем!

Морон

Ха, ха!

Эхо

Ха!

Морон

Хи, хи!

Эхо

Хи!

Морон

Хо!

Эхо

Хо!

Морон

Хо!

Эхо

Хо!

Морон

Вот эхо! Прямо дуралей!

Эхо

Эй!

Морон

Хон!

Эхо

Хон!

Морон

Ха!

Эхо

Ха!

Морон

Хе!

Эхо

Хе!

Морон

Вот эхо! Прямо дуралей!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Морон (*один, замечает направляющегося к нему медведя*)

А, господин медведь, ваш всепокорнейший слуга. Пожалуйста, пощадите меня. Уверяю вас, что я совсем не гожусь в пищу, во мне лишь кожа да кости; а вон

там я вижу кое-кого, кто вполне отвечает вашему вкусу. Ну, ну, сударь, спокойнее, будьте добры. Ла, (*он гладит медведя, дрожа от страха*) ла-ла-ла. Ах, сударь как ваша светлость красивы и хорошо сложены. У вас очень изящный вид и самая тонкая в мире талия. Ах, какая прекрасная шерсть, какая прекрасная голова, какие прекрасные блестящие глаза, какой красивый у них разрез. Ах, какой прелестный носик, прелестный ротик, хорошенькие зубки. Ах, какая прекрасная шейка! Лапки! Хорошенькие ноготки! (*Медведь встает на задние лапы*) На помощь! Спасите! Я погиб! Смилуйтесь! Бедный Морон! Ах, боже мой! Эй, скорей ко мне, я погиб.

(*Морон влезает на дерево*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Морон, охотники

Морон (*взобравшийся на дерево, охотникам*)

Ах, господа, сжальтесь надо мной. (*Охотники идут на медведя.*) Так, господа, укокошьте-ка это мерзкое животное. О небо, помоги им. Так! Вот он бежит. Вот он остановился и бросился на них. Так! Вот один нанес ему удар в морду. Вот они окружили его. Смелей! Хорошенько нападайте, друзья мои! Так, сильней, сильней, еще! Ах, вот он свалился, готов, издох. Теперь спустимся, чтобы хорошенько угостить его. (*Морон слезает с дерева*) Слуга ваш покорный, господа. Приношу вам благодарность за то, что вы меня избавили от этого зверя. Теперь, когда он убит вами, я его прикончу и вместе с вами отпраздную победу над ним.

(*Морон наносит множество ударов мертвому медведю*)

Выход балета

Охотники танцуют, выражая радость по случаю одержанной победы

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принцесса, Агланта, Цинтия, Филида

Принцесса

Да, в этой тишине мне дорог каждый час.
Нет ничего кругом, что не пленяло б глаз;
И роскошь всех дворцов, их залы, башни, своды —
Ничто пред скромными красотами природы.
Деревьев, скал, полян и этих свежих вод
Пленяться прелестью душа не устает.

Агланта

Мне дорог, как и вам, такой приют покойный,
Где не тревожит нас шум города нестройный.
Куда ни посмотри, здесь все полно отрад,
И удивляешься, что близ Элидских врат
Стремленье от толпы бежать к усладе мирной
Для одиночества нашло приют обширный.
Но в эти дни, когда все в сборе к торжествам,
Не подобает здесь уединяться вам.
Пренебрегаете вы пышностью, которой
На играх каждый принц блеснуть намерен скоро;
Но бега колесниц великолепный вид
Узреть вам надлежит, — он взор ваш усладит.

Принцесса

Там встреч со мной желать — кто дал им это право?
А эта пышность их — на что она мне, право!

Меня поработить — вот цель всех их забот,
Моя любовь — вот приз, который их влечет.
Пусть утешительной надеждой каждый льстится,
Ни одному из них победы не добиться.

Цинтия

Доколе зажигать вам будет гневом кровь
Желанье скромное в вас пробудить любовь?
Вниманье к вам зачем рассматривать вы склонны
Как посягательство на вас и честь короны?
Я знаю, что любовь здесь защищать нельзя, —
К немилости ведет подобная стезя;
Но узы кровные дают мне смелость снова
Вам посоветовать не быть всегда суровой;
И расточать хвалы я стала бы зачем
Решенью вашему любви не знать совсем?
Что̀ с чистым пламенем, достоинств высотою
В нас зажигаемым, сравнится красотою?
И разве смертные могли бы счастье знать,
Когда б они любовь осмелились изгнать?
Нет, нет, все радости дарит любовь земная,
Еще не значит жить, коль жить, любви не зная.

Агланта

Я, со своей стороны, считаю, что в жизни нет ничего приятнее этой страсти; что для того, чтобы жить счастливо, необходимо любить и что все удовольствия пресны, если к ним не примешано немного любви.

Принцесса

Как можете вы обе, будучи тем, кто вы есть, произносить подобные слова? И вам не совестно защищать страсть, которая представляет собою не что иное, как заблуждение, слабость и минутный порыв, и исступление которой совсем несовместимо со славой нашего пола? Я намерена поддерживать честь его до послед-

него мгновения моей жизни и совсем не желаю доверяться людям, прикидывающимся нашими рабами для того, чтобы стать в один прекрасный день нашими тиранами. Все эти слезы, все эти вздохи, все эти изъявления нежных чувств, вся эта дань уважения — только ловушки, расставляемые нашему сердцу и часто побуждающие его к малодушию. Что касается меня, то когда я смотрю на некоторые примеры и на ужасающие низости, до которых опускаются люди по вине этой страсти, распространяющей на них свое могущество, — я чувствую, как возмущается мое сердце; и я не выношу, когда душа, обладающая хоть малой толикой гордости, не понимает, сколь невероятно постыдны подобные слабости.

Цинтия

Но, сударыня, бывают совсем не позорные слабости, и даже на высших ступенях славы прекрасно иметь их. Я надеюсь, что когда-нибудь вы измените мнение; и если небу будет угодно, мы скоро увидим, как ваше сердце...

Принцесса

Довольно. Не заканчивайте это странное пожелание. Слишком непобедимо мое отвращение к такого рода унижениям; и если бы я была способна когда-либо опуститься до них, я, несомненно, никогда не простила бы этого себе.

Агланта

Остерегайтесь, сударыня, любовь умеет мстить за презрение, которое выказывают ей; и, может быть...

Принцесса

Нет, нет, я презираю все ее стрелы; и великая власть, приписываемая ей, — лишь плод воображения

и отговорка слабых сердец, изображающих ее непобедимой для того, чтобы оправдать свою слабость.

Цинтия

Но ведь весь мир признает ее могущество, и вы видите, что сами боги подчинены ее власти. Утверждают, что Юпитер любил не раз и что даже Диана, примеру которой вы оказываете такое предпочтение, не стыдилась вздыхать от любви.

Принцесса

Общественные верования всегда смешаны с заблуждениями. Боги совсем не таковы, какими их изображает простонародье; и приписывать им человеческие слабости значит не питать к ним достаточного уважения.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Принцесса, Агланта, Цинтия, Филида, Морон

Агланта

Подойди-ка сюда, Морон, помоги нам защитить любовь от нападок принцессы.

Принцесса

Теперь ваша сторона получила сильную подмогу.

Морон

Ей-богу, сударыня, мне кажется, что после моего примера — нечего сказать и не следует подвергать сомнениям власть любви. Я долго не придавал значения ее оружию и трунил над ней, как многие другие; но наконец моя спесь поджала хвост, и вот вам предательница *(показывает на Филиду)*, по милости которой

я стал кротче ягненка. После этого можно любить без всякого зазрения совести; а раз уж я претерпел это, то, значит, могут претерпеть и другие.

Цинтия

Как, и Морон влюбился тоже?

Морон

Очень просто.

Цинтия

И хочет быть любимым?

Морон

А почему же нет? Разве мы не достаточно привлекательны для этого? По-моему, это лицо довольно сносно, а уж изяществом манер мы, слава богу, никому не уступим.

Цинтия

Еще бы! Еще бы!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принцесса, Агланта, Цинтия, Филида, Морон, Ликас

Ликас

Сударыня, король, ваш отец, направляется к вам сюда и ведет с собою принцев Пилоса, Итак, а также и Мессены.

Принцесса

О небо! С каким намерением ведет он их сюда? Ужели им решена моя погибель, и он хочет принудить меня избрать одного из них?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ифитас, Эвриал, Аристомен, Теокл, принцесса, Агланта, Цинтия, Филида, Морон

Принцесса (*Ифитасу*)

Государь, я прошу у вас разрешения сказать два слова, прежде чем вы откроете мне ваши намерения. Существуют две истины, государь, из которых одна столь же несомненна, как другая, и в справедливости которых я одинаково могу уверить вас: первая — это то, что ваша власть надо мной безгранична и что вы не могли бы приказать мне ничего такого, на что я не ответила бы тотчас слепым повиновением; вторая — что я смотрю на супружество, как на кончину, и что я не могу преодолеть это природное отвращение. Дать мне мужа и обречь меня на смерть — одно и то же; но ваша воля превыше всего, а мое повиновение мне дороже жизни. Теперь говорите, государь; свободно высказывайте то, что вам угодно.

Ифитас

Дочь моя, напрасно ты так встревожилась; и я недоволен тем, что ты можешь допускать мысль, будто я такой плохой отец, что пожелаю насиловать твои чувства и тиранически воспользоваться властью, которую небо мне дало над тобой. Я, в самом деле, желаю, чтобы твое сердце кого-нибудь полюбило. Если бы это могло случиться, мое высшее желание было бы исполнено: и я назначил празднества и игры, происходящие здесь, лишь для того, чтобы привлечь на них все, что есть знатного в Греции, и чтобы ты могла, наконец, встретить среди этой благородной молодежи кого-нибудь, на ком остановился бы твой взор и кого избрали бы мысли твои. Я не прошу, говорю я, у неба другого счастья, как видеть тебя избравшей супруга. Еще сегодня утром я принес жертву Венере, чтобы обрести эту милость; и, если я умею правильно толковать язык богов,

мне обещано чудо. Но что бы там ни было, я намерен действовать по отношению к тебе как отец, обожающий свою дочь. Если ты найдешь, на кого направить желания, твой выбор будет и моим, и я не посчитаюсь ни с выгодами государства, ни с преимуществами брака, если твое сердце останется бесчувственным, я не подумаю неволить его; по крайней мере, будь снисходительна к тем любезностям, которые тебе оказываются, и не вынуждай меня приносить извинения за твою холодность. Проявляй в обращении с этими принцами должное уважение, принимай с благодарностью выражения их преданности, приди посмотреть на ристания, где проявится их ловкость.

Теокл (*принцессе*)

Все приложат усилия к тому, чтобы получить награду на этих состязаниях. Но, по правде говоря, я равнодушен к победе, потому что не из-за вашего сердца будет там идти борьба.

Аристомен

Что касается меня, сударыня, вы — единственная награда, которой я домогаюсь. Мне кажется, что лишь ради вас я участвую в этих состязаниях в ловкости, и я жажду теперь одержать победу в беге колесниц лишь для того, чтобы достичь той славы, которая помогла бы мне приблизиться к вашему сердцу.

Эвриал

Что касается меня, сударыня, я отправляюсь туда совсем не с такою мыслью. Так как я взял себе за правило всю свою жизнь ничего не любить, меня совсем не привлекает то, к чему стремятся другие. У меня нет никаких поползновений на ваше сердце, и честь победы на состязаниях — вот единственное, к чему я стремлюсь.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Принцесса, Агланта, Цинтия, Филида, Морон

Принцесса

Откуда эта надменность, там, где ее никак нельзя было ожидать? Принцессы, что вы скажете об этом молодом принце? Вы обратили внимание на тон, каким это было произнесено?

Агланта

Пожалуй, немного высокомерно.

Морон (*в сторону*)

Ну, и здорово он озадачил ее!

Принцесса

Не находите ли вы, что было бы приятно сбить с него спесь и обуздать немного это сердце, которое так кичится?

Цинтия

Так как вы привыкли к преклонению и обожанию со стороны всех, подобная любезность в самом деле должна вас поражать.

Принцесса

Признаюсь, что это взволновало меня и что я очень желала бы найти способ наказать подобную надменность. У меня не было большого желания присутствовать на этом состязании; но я отправлюсь туда нарочно и приму все меры, чтобы зажечь в нем любовь.

Цинтия

Остерегайтесь, сударыня. Это опасный замысел, ибо когда мы хотим внушить любовь, мы рискуем полюбить сами.

Принцесса

Ах, пожалуйста, не бойтесь. Идемте, я ручаюсь за себя.

[*Уходят принцесса, Аглаита и Филида*]

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филида, Морон

Морон

Филида, побудь здесь.

Филида

Нет, пусти, я пойду со всеми.

Морон

Ах, жестокая! Если бы тебя просил Тирсис, ты сразу согласилась бы остаться.

Филида

Возможно, и я согласна с тем, что с одним мне приятнее, чем с другим; ибо он доставляет мне удовольствие своим голосом, а ты оглушаешь своей болтовней. Когда ты будешь петь так же хорошо, как он, я обещаю выслушать тебя.

Морон

Ну, побудь немного.

Филида

Не могу.

Морон

Пожалуйста.

Филида

Нет.

Морон (*удерживая Филиду*)

Я не пущу тебя...

Филида

Ах, какие церемонии!

Морон

Позволь только минутку побыть с тобою.

Филида

Ну, ладно, я останусь, если ты мне обещаешь одну вещь.

Морон

Что именно?

Филида

Ничего не говорить мне.

Морон

Но, Филида...

Филида

Только в этом случае я останусь.

Морон

Ты намерена меня...

Филида

Пусти.

Морон

Пусть будет так, останься. Я не скажу тебе ни слова.

Филида

Только, берегись, потому что при первом слове я убегу.

Морон

Хорошо. (*После мимической сцены*) Ах, Филида!.. Но... Она убегает, и я не могу ее поймать. Вот не угодно ли? Если бы я умел петь, мои дела шли бы гораздо лучше. Большинство женщин теперь позволяет побеждать себя при посредстве ушей; по их вине все занялись музыкой, и добиться успеха у них можно только песенками и стишками, которые они выслушивают. Надо мне научиться петь, чтобы поступать как другие. Отлично, вот тот, кто мне нужен.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сатир, Морон

Сатир (*поет*)

Ла-ла-ла.

Морон

Ах, сатир, друг мой, ты ведь знаешь, что ты давно мне обещал; пожалуйста, научи меня петь.

Сатир

Охотно; но сначала выслушай песню, которую я только что сочинил.

Морон (*тихо, в сторону*)

Он так привык петь, что не умеет иначе разговаривать. (*Громко*) Ладно, пой, я слушаю.

Сатир (*поет*)

Я несу...

Морон

Песенку, говоришь ты?

Сатир

Я не...

Морон

Песенку для пения.

Сатир

Я не...

Морон

Любовную песенку! Чорт побери!

Сатир

Я несу однажды в клетке
Двух воробушков домой.
Вдруг Хлориды молодой
Там, где в роще густы ветки,
Засиял передо мной
Красоты цветочек редкий.
«Увы», промолвил я, сраженный силой глаз,
Которые всегда удар наносят тяжкий,
«Утешьтесь, бедненькие пташки:
Страдает сам в сетях, поймавший в сети вас».

(*Морон требует от сатира более пылкой песни и просит его спеть ту, которую он слыхал несколько дней перед этим*)

Сатир (*поет*)

В песенке своей,
Пташки, вы прекрасной
Спойте о моей
Муке ежечасной.
Если ж гнев напрасный
Лишь пробудит в ней
Повесть об ужасной
Этой скорби сердца страстной,
Смолкните скорей.

Морон

Ах, какая хорошая песня! Научи меня петь ее.

Сатир

Ла-ла-ла-ла.

Морон

Ла-ла-ла-ла.

Сатир

Фа-фа-фа-фа.

Морон

Сам ты фат!

ВЫХОД БАЛЕТА

Разгневанный сатир грозит Морону, а несколько сатиров танцуют забавный балетный выход.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принцесса, Агланта, Цинтия, Филида

Цинтия

Правда, сударыня, что этот молодой принц проявил изрядную ловкость и весь вид его представлял собой нечто необычайное. Он вышел победителем из этого состязания. Но я сильно сомневаюсь в том, что он вышел с таким же сердцем, с каким туда явился, потому что вы пустили в него стрелы, от которых трудно защититься; я не говорю уж о всем прочем, — грация вашего танца и нежность вашего голоса были сегодня полны обаяния, способного тронуть людей самых бесчувственных.

Принцесса

Вот он беседует с Мороном; хорошо бы узнать, о чем он ему говорит. Не будем прерывать еще их разговора и пойдем этой дорогой, чтобы встретиться с ними на обратном пути.

[*Уходят*]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эвриал, Арбат, Морон

Эвриал

Ах, Морон, признаюсь тебе, я был в восторге; и никогда еще столько прелестей не поражало одновре-

менно мой взор и мой слух. Правда, она восхитительна всегда; но это мгновение превзошло все остальные, и новые очарования удвоили блеск ее красоты. Никогда лицо ее не украшалось более живыми красками, ее глаза никогда не бывали вооружены более живыми и более пронизывающими стрелами. Нежность ее голоса пожелала проявиться в прелестной арии, которую она соблаговолила спеть; и чудесные звуки, порожденные ею, проникали в самую глубину моей души и преисполняли все мои чувства таким восторгом, что мне было трудно придти в себя. Она проявила затем совершенно божественные способности, и ее возлюбленные ножки чертили на эмали нежного газона милые узоры, приводившие меня в восторг, и связывали меня незримыми узами с мягкими и точными движениями, которыми все ее тело сопровождало движения мелодии. Одним словом, никогда ни одна душа не испытывала более сильных волнений, чем моя; и больше двадцати раз я готов был забыть свое решение, хотел броситься к ее ногам и открыть ей искреннюю пламенность своего чувства к ней.

Морон

Остерегитесь этого, государь, если вам угодно мне поверить. Вы нашли самый что ни на есть лучший способ, и я очень ошибусь, если он вам не удастся. Женщины — это животные странного нрава; мы их портим нашей мягкостью; и по-моему, право, они бегали бы за нами, если бы мужчины не баловали их всеми этими знаками уважения и покорности.

Арбат

Государь, вот принцесса, удалившаяся от своей свиты.

Морон

Во всяком случае, твердо держитесь избранного вами пути. Посмотрим, что она мне скажет. Тем временем

прогуливайтесь здесь по дорожкам, отнюдь не проявляя желания подойти к ней; а если вы встретитесь, оставайтесь с ней как можно меньше.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принцесса, Морон

Принцесса

Так ты, Морон, на короткой ноге с принцем Итаки?

Морон

О сударыня, мы уже давно знакомы.

Принцесса

Почему он не пошел сюда, а свернул той дорогой, увидав меня?

Морон

Он чудак, и любит беседовать лишь со своими мыслями.

Принцесса

Ты был свидетелем того, как он приветствовал меня?

Морон

Да, сударыня, был; и я нашел его приветствие несколько дерзким, да простит мне ваша светлость.

Принцесса

Признаюсь, Морон, это бегство меня оскорбило, и меня разбирает охота влюбить его в себя, чтобы сбить слегка с него спесь.

Морон

Ей-богу, сударыня, вы поступили бы не плохо; он вполне заслуживает этого; но, по правде говоря, я сильно сомневаюсь, что это вам удастся.

Принцесса

Почему?

Морон

Почему? Это самый противный гордец, какого вы когда-либо видали. Он воображает, что он выше всех в мире и что земля недостойна носить его.

Принцесса

А не беседовал он с тобою обо мне?

Морон

Он? Нет.

Принцесса

Он ничего не говорил тебе о моем голосе или о моем танце?

Морон

Ни слова.

Принцесса

Право, это презрение оскорбительно, и я не могу потерпеть такой странной надменности, не уважающей ничего.

Морон

Он уважает и любит только себя.

Принцесса

Я готова все сделать, чтобы вполне покорить его.

Морон

В наших горах нет мрамора, который был бы тверже и бесчувственней, чем он.

Принцесса

Вот он.

Морон

Вы видите, как он проходит, не обращая внимания на вас?

Принцесса

Пожалуйста, Морон, пойди, сообщи ему, что я здесь, и заставь его приблизиться ко мне.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принцесса, Морон, Эвриал

Морон (*идет навстречу Эвриалу и шепчет ему*)

Государь, сообщаю вам, что все идет отлично. Принцесса желает, чтобы вы подошли к ней; но хорошенько продолжайте свою роль и, чтобы не забыть ее, не оставайтесь долго с принцессой.

Принцесса

Вы в полном одиночестве, сударь; что за необычайный у вас нрав, заставляющий вас отказываться от нашего пола и, в ваши годы, бежать тех любезничаний, которыми похваляются все вам подобные!

Эвриал

Этот нрав, сударыня, совсем не так необычен, чтобы надо было далеко ходить за примером, и вы не могли бы осудить принятое мною решение никогда ничего не любить, не осудив также и свои чувства.

Принцесса

Здесь большая разница; и то, что подобает одному полу, не подобает другому. Хорошо, когда женщина

бесчувственна и сохраняет свое сердце чуждым любовного пламени; но то, что в ней — добродетель, становится преступлением в мужчине; и так как красота есть принадлежность нашего пола, вы не можете уклониться от любви к нам, не лишая нас того поклонения, которое вы обязаны воздавать нам, и не нанося нам оскорбления, очень чувствительного для всех нас.

Эвриал

По-моему, сударыня, тех, которые не хотят любить, не должны никак затрагивать подобные оскорбления.

Принцесса

Это не причина, сударь; если и не желаешь любить, всегда очень приятно быть любимой.

Эвриал

Я другого мнения; и, решив никого не любить, я огорчился бы, если бы меня полюбили.

Принцесса

Почему?

Эвриал

Потому что у нас всегда есть обязательства по отношению к тем, кто нас любит, и потому что мне неприятно быть неблагодарным.

Принцесса

Значит для того, чтобы не быть неблагодарным, вы полюбили бы того, кто полюбил бы вас?

Эвриал

Я, сударыня? Нисколько. Да, я говорю, что мне неприятно быть неблагодарным; но я решился бы скорей на это, чем на любовь.

Принцесса

Может быть вас полюбила бы та, которую ваше сердце...

Эвриал

Нет, сударыня. Ничто не способно тронуть мое сердце. Моя свобода — единственная возлюбленная, которой посвящены все мои помыслы; и если бы даже небо употребило все свои старания на то, чтобы создать совершенную красавицу, если бы оно соединило в ней все самые дивные достоинства тела и души, словом, если бы оно явило моим взорам чудо ума, изящества и красоты и если бы эта особа любила меня с величайшей нежностью, какую только можно представить, — откровенно признаюсь вам, я не полюбил бы ее.

Принцесса (*в сторону*)

Видали ли вы когда-нибудь нечто подобное?

Морон (*принцессе*)

К чорту этого грубиянишку! Я охотно дал бы ему тумака!

Принцесса (*в сторону*)

Эта надменность меня возмущает, и моя досада так велика, что я не владею собой.

Морон (*тихо принцу*)

Смелей, государь! Все идет как по маслу.

Эвриал (*тихо Морону*)

Ах, Морон, я не в силах продолжать! Я делаю над собой необычайные усилия!

Принцесса (*Эвриалу*)

Надо быть весьма бесчувственным, чтобы говорить так, как вы.

Эвриал

Небо не наделило меня иным характером. Но, сударыня, я прервал вашу прогулку, а моя почтительность должна напомнить мне о том, что вы любите одиночество.

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Принцесса, Морон

Морон

В черствости сердца, сударыня, он нисколько не уступает вам.

Принцесса

Я охотно отдала бы все, что у меня есть на свете, лишь бы получить преимущество порадоваться победе над ним.

Морон

Я думаю.

Принцесса

Не мог ли бы ты, Морон, помочь мне в этом?

Морон

Вы знаете, сударыня, что я весь к вашим услугам.

Принцесса

Говори ему обо мне почаще; искусно хвали ему меня и мою родовитость и постарайся поколебать его чувства, подав ему сладостную надежду. Я разрешаю тебе говорить все, что тебе заблагорассудится, чтобы постараться увлечь его мною.

Морон

Положитесь на меня.

Принцесса

Это задело меня за живое. Я страстно желаю, чтобы он полюбил меня.

Морон

Да, он недурен, этот молодчик; славная наружность, славное лицо; и я полагаю, он был бы парой молодой принцессе.

Принцесса

Словом, ты можешь получить от меня все, что пожелаешь, если только сумеешь зажечь в его сердце чувство ко мне.

Морон

На свете нет ничего невозможного. Но, сударыня, скажите мне, если бы он полюбил вас, как поступили бы вы?

Принцесса

О! Тогда я насладилась бы полным торжеством над его высокомерием, своею холодностью я наказала бы его за презрение и проявила бы к нему такую жестокость, какую только могла бы изобрести.

Морон

Он не покорится никогда.

Принцесса

Ах, Морон, надо сделать так, чтобы он покорился.

Морон

Нет, ничего не выйдет. Я его знаю; мои старания будут напрасны.

Принцесса

Тем не менее надо испробовать все и испытать, полне ли бесчувственна его душа. Идем. Я хочу пого-

ворить с ним и привести в исполнение одну мысль, которая пришла мне в голову.

[*Уходят*]

ТРЕТЬЯ ИНТЕРМЕДИЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филида, Тирсис

Филида

Поди сюда, Тирсис. Пускай они идут себе, а ты расскажи мне о своих муках так, как умеешь это делать. Твои взоры уже давно мне говорят об этом, но я предпочитаю слышать твой голос.

Тирсис (*поет*)

Ты внемлешь голосу страданья моего,
Но нет, красавица, мне облегченья,
И раню слух твой каждый день я,
Не раня сердца твоего.

Филида

Ну, ну, тревожить слух — это уже кое-что, а со временем придет и все остальное. Спой-ка мне еще какую-нибудь новую жалобу, сочиненную тобой для меня.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Морон, Филида, Тирсис

Морон

Так, так, я вас накрыл, жестокая! Вы удаляетесь от остальных, чтобы внимать моему сопернику!

Филида

Да, я удаляюсь для этого. Еще раз говорю тебе, мне приятно с ним; ведь охотно слушаешь влюбленных,

когда они сетуют так сладостно, как это делает он. Почему ты не умеешь петь, как он? Я с удовольствием слушала бы тебя.

Морон

Пусть я не умею петь, зато я умею кое-что другое; и когда...

Филида

Замолчи. Я хочу слушать его. Говори, Тирсис, все что тебе угодно.

Морон

Ах, жестокая..

Филида

Тише, говорю я, не то я рассержусь.

Тирсис (*поет*)

Роскошный луг, густых деревьев ряд,
Зимою отнятый прекрасный ваш наряд
Вам снова возвращен весною.
Как зелень ваша хороша!
Но не вернет себе душа
Восторга, что утрачен мною.

Морон

Чорт возьми, зачем у меня нет голоса! Ах, мачеха-природа, почему ты не наделила меня, как других, тем, чем можно петь!

Филида

В самом деле, Тирсис, нет ничего приятнее; и ты одерживаешь верх над всеми своими соперниками.

Морон

Но почему я не могу петь? Разве у меня нет живота, глотки и языка, как у других? Ну-ка, попробуем, я тоже

спою тебе и докажу, что любовь способна заставить сделать все, что угодно. Вот песенка, сочиненная мною для тебя.

Филида

Ладно, спой. Я охотно послушаю тебя, это редкий случай.

Морон

Смелей, Морон! Все дело — в храбрости!

(*Поет*)

Твоя суровость так сильна,
Что сердце губит мне она.
Мой друг, спаси меня скорее
Иль я умру, тебя виня.
Ужели станешь ты жирнее,
Когда уморишь ты меня?

Ура, Морон!

Филида

Вот это очаровательно. Но, Морон, мне очень хотелось бы прославиться тем, что один из вздыхателей умер из-за меня. Этого удовольствия я еще не испытала; и я полагаю, что всем сердцем полюбила бы человека, который умер бы от любви ко мне.

Морон

Ты полюбила бы человека, который убил бы себя из-за тебя?

Филида

Да.

Морон

Больше ничего не требуется, чтобы понравиться тебе?

Филида

Нет.

Морон

Идет. Я докажу тебе, что могу убить себя, когда захочу.

Тирсис (*поет*)

Ах, ничего нет слаще смерти
За то, что любим мы, поверьте.

Морон (*Тирсису*)

Это удовольствие вы можете доставить себе, когда вам заблагорассудится.

Тирсис (*поет*)

Смелей, Морон. Умри скорей
Ты в честь любви своей.

Морон (*Тирсису*)

Прошу вас заниматься своими делами, и позвольте мне покончить с собою по своему усмотрению. Ладно, я утру нос всем вздыхателям. (*Филиде*) Слушай, я не из тех, кто ломается. Видишь этот кинжал? Я пронжу им сердце, только держись. Слуга ваш покорный! Нашли простачка!

Филида

Пойдем, Тирсис, ты мне повторишь то, что ты мне сейчас пел.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принцесса, Эвриал, Морон

Принцесса

Принц, так как до сего времени мы проявляли сходство в чувствах и так как небо как будто вложило в нас одинаковую привязанность к нашей свободе и одинаковое отвращение к любви, мне приятно открыть вам сердце и признаться в перемене, которая вас удивит. Я всегда смотрела на брак, как на нечто ужасное, и дала клятву расстаться скорее с жизнью, чем решиться когда-нибудь потерять ту свободу, к которой питала такую большую нежность; но вот, одно мгновенье рассеяло все эти решения. Достоинства одного принца поразили сегодня мой взор, и моя душа, словно чудом, внезапно уязвлена стрелами той страсти, которую я всегда презирала. Я прежде всего отыскала причины для объяснения подобной перемены и могу оправдать ее своим намерением откликнуться на пламенные просьбы отца и желания всего государства; но, по правде говоря, меня беспокоит, каково будет ваше мнение обо мне, и мне хотелось бы знать, осудите вы или нет мое решение взять себе супруга.

Эвриал

Какой бы выбор вы ни сделали, сударыня, я, конечно, одобрю его.

Принцесса

Кого, по-вашему, намерена я выбрать?

Эвриал

Если бы я находился в вашем сердце, я мог бы это сказать; но так как меня там нет, я остерегусь ответить вам.

Принцесса

Попробуйте отгадать и назовите кого-нибудь.

Эвриал

Я слишком боюсь ошибиться.

Принцесса

Но, все-таки, за кого хотелось бы вам, чтобы я высказалась?

Эвриал

По правде говоря, я знаю за кого; но прежде чем объясниться, я должен знать вашу мысль.

Принцесса

Хорошо, принц, я охотно открою вам ее. Я уверена, что вы одобрите мой выбор; и чтобы не оставлять вас больше в неизвестности, признаюсь, что принц Мессены — тот, чьи достоинства пленили меня.

Эвриал (*в сторону*)

О небо!

Принцесса (*тихо Морону*)

Мой замысел удался, Морон. Он смущен.

Морон (*принцессе*)

Хорошо, сударыня. (*Принцу*) Мужайтесь, государь. (*Принцессе*) Он попался. (*Принцу*) Не смущайтесь.

Принцесса (*Эвриалу*)

Не находите ль вы, что я права и что этот принц обладает всеми возможными достоинствами?

Морон (*тихо принцу*)

Придите в себя и отвечайте.

Принцесса

Почему, принц, вы не говорите ни слова и у вас смущенный вид?

Эвриал

Я в самом деле смущен; и восторгаюсь тем, сударыня, что небо могло создать души столь сходные во всем, как наши две души, в которых оказалось полнейшее тождество чувств, в которых одновременно вспыхнуло решение пренебрегать стрелами любви и которые в один и тот же миг с одинаковой легкостью расстались с наименованием бесчувственных. Ибо, сударыня, раз ваш пример дает мне на это право, я без притворства скажу вам, что любовь овладела сегодня моим сердцем и что одна из принцесс, ваших кузин, прелестная и прекрасная Агланта, одним взором разрушила все планы моей гордости. Я в восторге, сударыня, что благодаря такому одинаковому поражению нам не в чем упрекнуть друг друга; и я не сомневаюсь, что, так как я бесконечно хвалю ваш выбор, вы одобрите и мой. Надо, чтобы это чудо стало всем известно, и мы должны, не мешкая, каждый создать свое счастье. Что касается меня, сударыня, то я прошу вас помочь мне получить ту, к которой стремятся мои желания, и вы согласитесь с моим намерением немедленно идти просить ее руки у вашего батюшки.

Морон (*тихо Эвриалу*)

О достойное, о мужественное сердце!

[*Уходит Эвриал*]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Принцесса, Морон

Принцесса

Ах, Морон, я не могу больше; этот неожиданный удар сломил всю мою твердость.

Морон

Удар, правда, изумительный; а сначала мне показалось, что ваша хитрость произвела свое действие.

Принцесса

Ах, я прихожу в отчаяние от досады, что другая добилась победы над сердцем, которое я хотела покорить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Принцесса, Агланта, Морон

Принцесса

Принцесса, я хочу просить вас об одной вещи, которую вы непременно должны исполнить. Принц Итаки любит вас и хочет просить вашей руки у моего отца.

Агланта

Принц Итаки, сударыня?

Принцесса

Он только что признался мне в этом и просил меня помочь ему получить вас; но я вас заклинаю отвергнуть это предложение и не слушать того, что он станет вам говорить.

Агланта

Но, сударыня, если верно, что этот принц меня действительно любит, то почему, отнюдь не имея намерения вступить в брак, вы не желали бы...

Принцесса

Нет, Агланта. Прошу вас. Доставьте, пожалуйста, мне это удовольствие и отнеситесь сочувственно к тому, что, не добившись победы над ним, я лишу его радости получить вас.

Агланта

Сударыня, я должна подчиниться вам; но мне казалось, что покорить такое сердце — это победа, которою не следует пренебрегать.

Принцесса

Нет, нет, пусть он не изведает радости полного пренебрежения мною.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принцесса, Аристомен, Агланта, Морон

Аристомен

Сударыня, я прихожу у ваших ног возблагодарить любовь и выразить вам, вместе с моим восторгом, то, чем преисполнили меня необычайные милости, которыми вы соблаговолили осчастливить самого покорного из ваших рабов.

Принцесса

Что это значит?

Аристомен

Итакийский принц, сударыня, сообщил мне сейчас, что ваше сердце великодушно высказалось в мою пользу, когда вы произвели знаменитый выбор, ожидаемый всей Грецией.

Принцесса

Он сказал вам, что слышал это из моих уст?

Аристомен

Да, сударыня.

Принцесса

Он вертопрах, а вы слишком доверчивы, принц, так поспешно приняв за правду то, что̀ он вам сказал. Подобное известие, по-моему, заслуживало того, чтобы к нему относились некоторое время с сомнением, и вы могли бы вполне поверить этому только в том случае, если бы я вам сказала это сама.

Аристомен

Сударыня, если я проявил чрезмерную поспешность, поверив...

Принцесса

Пожалуйста, принц, прекратим этот разговор; и если вы хотите доставить мне удовольствие, дайте мне возможность побыть немного одной.

[*Уходит Аристомен*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Принцесса, Агланта, Морон

Принцесса

Ах, какую необычайную суровость проявляет небо ко мне в этом происшествии! Принцесса, помните, по крайней мере, мою просьбу.

Агланта

Я уже сказала, сударыня, что должна вам повиноваться.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Принцесса, Морон

Морон

Но, сударыня, если бы он вас полюбил, вы отвергли бы его; и тем не менее вы не желаете, чтобы он принадлежал другой. Это значит быть собакой на сене.

Принцесса

Нет, я не потерплю, чтобы он был счастлив с другой; и, если бы так случилось, мне кажется, я умерла бы с досады.

Морон

Давайте-ка, сударыня, посмотрим правде в глаза. Вам хочется, чтобы он принадлежал вам; и по всем вашим поступкам легко заметить, что вы любите этого молодого принца.

Принцесса

Я люблю его? О небо! Я его люблю? И у вас хватает дерзости произнести эти слова! Скройтесь с глаз моих, бессовестный, и чтобы я никогда больше не видела вас.

Морон

Сударыня...

Принцесса

Удалитесь отсюда, говорю я вам, или я заставлю вас удалиться другим способом.

Морон (*тихо, в сторону*)

Ей-богу, ее сердце попалось на удочку; и...

(*Он встречает взгляд принцессы, заставляющий его удалиться*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Принцесса (*одна*)

Какое неведомое волнение охватило мое сердце? И какое тайное смятение нарушило внезапно мой душевный покой? Не правда ли то, что мне сейчас сказали? И, сама того не зная, не полюбила ли я этого молодого принца? Ах, если бы это случилось, я пришла бы в отчаяние. Но это немыслимо, и я прекрасно вижу, что не могу его любить. Как, я была бы способна на такую низость? С величайшим в мире равнодушием взирала я на всех у своих ног; уважение, поклонение, преданность никогда не могли тронуть моей души, — а гордость и пренебрежение восторжествуют над ней? Я презирала всех, кто любил меня, — и полюблю того единственного, кто меня презирает? Нет, нет, я отлично знаю, что не люблю его. На это нет никаких оснований. Но если то, что я теперь чувствую, не любовь, что же это может быть? И откуда взялся яд, струящийся по всем моим жилам и не дающий мне покоя? Кто бы ты ни был, враг, скрывающийся в моем сердце, выйди оттуда. Нападай на меня открыто и превратись в моих глазах в самого страшного зверя наших лесов, дабы мой дротик и стрелы могли защитить меня от тебя. О вы, прелестницы, владеющие искусством смирять самые докучные тревоги нежностью вашего пения, приблизьтесь, прошу вас, и постарайтесь музыкой прогнать овладевшую мною печаль.

ЧЕТВЕРТАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Принцесса, Климена, Филида

Климена (*поет*)

Что про любовь, мой друг, сказать ты можешь мне?

Филида (*поет*)

А ты что про нее мне скажешь, дорогая?

Климена

Жестокость ястреба, слыхать, в ее огне,
И стоит полюбить — погибнешь ты, страдая.

Филида

Слыхать, не может с ней сравниться страсть другая,
И счастье лишь в любви мы познаем вполне.

Климена

Как нам узнать, что̀ истинно, что̀ ложно?

Филида

Уверенность гдѐ в этом почерпнуть?

Обе (*вместе*)

Полюбим! Вот бесспорный путь
Узнать, чему поверить можно.

Филида

Та прелестям любви везде хвалы поет.

Климена

Та заливается, ее кляня, слезами.

Филида

Коль сердцу от нее лишь мук бессчетных гнет,
Зачем охотно так сдаемся ей мы сами?

Климена

Коль только радость нам любви дарует пламя,
Зачем для нас она всегда запретный плод?

Филида

Как нам узнать, что̀ истинно, что̀ ложно?

Климена

Уверенность где в этом почерпнуть?

Обе (*вместе*)

Полюбим! Вот бесспорный путь
Узнать, чему поверить можно.

Принцесса

Заканчивайте одни, если хотите. Я не могу успокоиться; и как ни приятно ваше пенье, оно лишь усилило мою тревогу.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ифитас, Эврнал, Агланта, Цинтия, Морон

Морон (*Ифитасу*)

Да, государь, это совсем не шутка; я, что называется, впал в немилость. Мне пришлось задать стрекача, и вы никогда еще не видали такого гнева, какой овладел ею.

Ифитас (*Эвриалу*)

Ах, принц, как я был бы признателен этой любовной уловке, если бы с ее помощью мне удалось найти секрет тронуть сердце принцессы!

Эвриал

То, что вам сообщили, государь, еще не позволяет мне льстить себя этой сладостной надеждой; но если с моей стороны не будет чрезмерной смелостью желать чести вступить в родственную связь с вами, если моя особа и мое государство...

Ифитас

Принц, не будем рассыпаться друг перед другом в любезностях. Я нахожу в вас все, что вполне отвечает желаниям отца, и, если вам принадлежит сердце моей дочери, у вас есть все, что вам надо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Принцесса, Ифитас, Эвриал, Агланта, Цинтия, Морон

Принцесса

О небо! Что вижу я!

Ифитас (*Эвриалу*)

Да, честь родственной связи с вами мне очень дорога, и я охотно соглашаюсь удовлетворить вашу просьбу.

Принцесса (*Ифитасу*)

Государь, я падаю перед вами на колени, чтобы просить вас об одной милости. Вы всегда проявляли ко мне нежнейшую любовь, и, мне кажется, я гораздо больше обязана вам за вашу постоянную доброту, чем за то, что вы дали мне жизнь. Но если вы питали когда-либо ко мне расположение, я прошу у вас сегодня в том самое очевидное доказательство, какое вы только можете мне дать: не внемлите, государь, просьбе этого принца и не давайте согласия на то, чтобы принцесса Агланта соединилась с ним узами брака.

Ифитас

Почему же, дочь моя, намерена ты противиться этому союзу?

Принцесса

Потому что я ненавижу этого принца и хочу, если только могу, разрушить его планы.

Ифитас

Ты ненавидишь его, дочь моя?

Принцесса

Да, всем сердцем, признаюсь вам.

Ифитас

Что же он сделал тебе?

Принцесса

Он выказал презрение ко мне.

Ифитас

Каким же образом?

Принцесса

Он не нашел меня достаточно привлекательной, чтобы просить моей руки.

Ифитас

Почему же это оскорбляет тебя? Ты ни к кому не проявляешь благосклонности.

Принцесса

Все равно. Он должен был полюбить меня, как другие, и доставить мне, по крайней мере, удовольствие отказать ему. Его признание оскорбляет меня; и для меня великий позор, что на глазах у меня и среди ваших приближенных он избрал другую.

Ифитас

Но почему же он привлекает твое внимание?

Принцесса

Потому что, государь, я желаю отомстить ему за презрение; и так как мне хорошо известно, что он пламенно любит Агланту, я хочу помешать, с вашего позволения, его счастью с ней.

Ифитас

Значит, ты приняла это близко к сердцу?

Принцесса

Да, государь, конечно; и если он получит то, о чем просит, я умру у вас на глазах.

Ифитас

Полно, полно, дочь моя, признайся откровенно: достоинства этого принца открыли тебе глаза, и — что там ни говори — ты, наконец, полюбила его.

Принцесса

Я, государь?

Ифитас

Да, ты любишь его.

Принцесса

Я люблю его, говорите вы? И вы обвиняете меня в подобной низости? О небо! Какое горе! Могу ли я слышать подобные слова и не умереть! Ужель меня постигло такое несчастье, что меня заподозрили в любви? Ах, если бы не вы, государь, а кто-нибудь другой говорил мне такие речи, не знаю, что сделала бы я.

Ифитас

Ну, хорошо, ты его не любишь. Ты его ненавидишь, согласен, и я охотно иду на то, чтобы для твоего удовлетворения он не женился на принцессе Агланте.

Принцесса

Ах, государь, вы мне возвращаете жизнь.

Ифитас

Но чтобы помешать ему когда-либо соединиться с ней, тебе надо выйти за него.

Принцесса

Вы смеетесь надо мной, государь, он не этого просит.

Эвриал

Простите меня, сударыня, я достаточно смел для этого, и я беру в свидетели государя, вашего отца, что я просил у него вашей руки. Довольно держать вас в заблуждении, надо снять маску, и, хотя бы это дало вам возможность восторжествовать надо мной, я должен открыть вам истинные чувства моего сердца. Я никогда никого не любил, кроме вас, и никогда не буду любить никого другого. Вы, сударыня, лишили меня холодности, которою я всегда гордился; и все, что я вам говорил, было лишь уловкой, которая была внушена мне тайным порывом и к которой я прибегнул не без огромных усилий над собой. Конечно, мое притворство должно было скоро обнаружиться, и я удивляюсь тому, что мог выдержать его даже полдня; ибо, верьте мне, я умирал и пламя сжигало мне душу, когда я скрывал от вас свои чувства; никогда ни одно сердце не испытывало принуждения, подобного этому. Если в этой хитрости, сударыня, есть что-либо оскорбительное для вас, я готов сейчас же умереть, чтобы отомстить за вас; стоит вам приказать — и моя рука почтет за честь немедленно привести в исполнение произнесенный вами приговор.

Принцесса

Нет, нет, принц, я не гневаюсь на ваш обман; и я предпочитаю, чтобы все, что вы говорили, было скорее хитростью, нежели правдой.

Ифитас

Итак, дочь моя, ты согласна получить этого принца в супруги?

Принцесса

Государь, я еще не вполне знаю, чего хочу. Дайте, пожалуйста, мне время поразмыслить и помогите мне придти в себя от смущения, в котором я нахожусь.

Ифитас

Рассудите, принц, что это означает, и можете полагаться на это.

Эвриал

Я буду ждать сколько вы пожелаете, сударыня, решения моей судьбы; и, если оно окажется для меня смертным приговором, я безропотно подчинюсь ему.

Ифитас

Поди сюда, Морон. Нынче день мира, и я верну тебе милость принцессы.

Морон

Государь, другой раз я буду более умелым придворным и остерегусь говорить то, что думаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аристомен, Теокл, Ифитас, принцесса, Эвриал, Агланта, Цинтия, Морон

Ифитас (*принцам Мессены и Пилоса*)

Я боюсь, принцы, что выбор моей дочери не в вашу пользу, но вот две принцессы, которые вполне могут утешить вас в этом маленьком несчастье.

Аристомен

Государь, мы умеем покоряться своему жребию, и если эти прелестные принцессы не питают презрения к отвергнутым сердцам, мы можем благодаря им все же обрести честь родственной связи с вами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ифитас, принцесса, Агланта, Цинтия, Филида, Эвриал, Аристомен, Теокл, Морон

Филида *(Ифитасу)*

Государь, богиня Венера сейчас объявила повсюду о перемене, происшедшей в сердце принцессы. Все пастухи и пастушки выражают по этому случаю свою радость танцами и песнями; и если вы не презираете такое зрелище, вы здесь будете свидетелем всеобщего ликования.

ПЯТАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Пастухи и пастушки

(Четыре пастуха и две пастушки поют вперемежку с хором)

Девы гордые, пленяйте.
Вашим чарам нет конца.
О пастушки, страсть узнайте,
Нам затем даны сердца.
Тщетно думать о защите,
Час любви пробьет для всех;
Вы, как все, не избежите
Сладостных ее утех.
С юных дней познайте радость
Власти милого лица.
Лишь любви изведав сладость,
Начинают жить сердца.
Тщетно думать о защите,
Час любви пробьет для всех;
Вы, как все, не избежите
Сладостных ее утех.

Выход балета

(Четыре пастуха и четыре пастушки танцуют под пение хора)

ТАРТЮФ, ИЛИ ОБМАНЩИК

Le Tartuffe, ou L'imposteur

Перевод **М.** *Лозинского*

Знаменитая сатирическая комедия Мольера *Тартюф, или Обманщик* (*Le Tartuffe, ou L'imposteur*) имеет длинную и запутанную историю. Ни одна пьеса Мольера не вызвала более ожесточенной борьбы вокруг ее постановки. Мольеру пришлось дважды переделывать ее, пока ему не удалось провести ее на сцену Пале-Рояля. Существующая печатная редакция комедии является третьей по счету. Две первые редакции утрачены, и только из отзывов современников и некоторых полемических писаний можно составить себе представление о них.

В своей первой редакции комедия имела всего три акта и называлась *Тартюф, или Лицемер* (*Le Tartuffe, ou L'hypocrite*). Она изображала похождения рясоносного плута, вкравшегося в семью богатого благочестивого буржуа Оргона и под маской благочестия пытавшегося обольстить его жену. Несмотря на то, что Тартюф был пойман на месте преступления сыном Оргона Дамисом, донесшим на него отцу, Тартюфу удавалось выкрутиться, изобразив себя несправедливо оклеветанным. В результате глупый Оргон прогонял сына, Тартюфа же оставлял у себя в доме, давая ему возможность и дальше водить себя за нос.

Таким образом комедия кончалась торжеством Тартюфа. Глупец Оргон оставался в конце пьесы в таком же состоянии, в каком мы заставали его в начале (ср. комедии *Жорж Данден*, *Мещанин во дворянстве*, *Мнимый больной*). Торжество Тартюфа только сильнее подчеркивало опасность и вред ханжества. Обличение религиозного лицемерия и являлось единственной задачей первой редакции *Тартюфа*.

Актуальность этой темы видна из того, что двор Людовика XIV кишел ханжами разного калибра во главе с королевой-матерью Анной Австрийской. Эти святоши имели определенную организацию, называвшуюся Обществом святых даров.

Основной целью общества было — поднятие религиозного чувства в массах и борьба со всеми врагами католицизма, еретиками и безбожниками. Под покровом благотворительности общество выполняло функции тайной церковно-политической полиции. Оно вело негласный надзор за населением, для чего направляло своих агентов в «подозрительные» дома, ставило перед ними задачу втираться в доверие и накоплять компрометирующий их материал. Когда материал был накоплен, преступников передавали в руки духовных или светских властей.

Влияние общества на общественную жизнь Франции было очень сильно, хотя Мазарини, а затем Людовик XIV преследовали эту самочинную организацию. 10 декабря 1660 г. парижский парламент издал особый акт, запрещавший всякие «незаконные собрания, братства, сообщества и конгрегации как в городе Париже, так и во всех других местах без именного разрешения короля»... Этот акт должен был нанести обществу смертельный удар, но так как президент парламента Ламуаньон был членом общества, то оно не умерло, а только усилило конспирацию. Знал ли об обществе Людовик XIV? Вероятно, знал, но вынужден был смотреть на него сквозь пальцы, так как обществу покровительствовала его мать. Однако антипатию свою к нему король не скрывал и отнесся с сочувствием к замыслу Мольера высмеять общество и его агентов в *Тартюфе*.

Мольеру удалось действительно метко зарисовать профиль члена общества в образе нечистоплотного проходимца Тартюфа. Узнав о написании им комедии против ханжества, общество заволновалось и попыталось воспрепятствовать ее постановке. Но из этого ничего не вышло, и 12 мая 1664 г. комедия в ее первой редакции была поставлена в Версале на шестой день празднества *Увеселения волшебного острова*. Однако после праздника общество повлияло на короля через Анну Австрийскую и парижского архиепископа Перефикса. Король не выдержал и запретил публичные представления *Тартюфа*, чтобы не раздражать «непримиримых» святош. Но запрет этот был временный, что король и объяснил Мольеру.

Некоторое время Мольер утешался чтением комедии в домах аристократов и ее исполнением в закрытых спектаклях. Осенью

1664 г. Мольер обратился к королю с первым «прошением» (placet), в котором смело заявил: «Тартюфам удалось ловко втереться в доверие вашего величества, и оригиналы добились запрещения копии». Вслед за тем Мольер парировал нападки на него попа-фанатика Пьера Рулле, настоятеля церкви св. Варфоломея и доктора Сорбонны, который в своей книжке *Славный король на свете* (*Le Roi glorieux au monde*) сочетал рабскую лесть по адресу короля с гнусными инсинуациями по адресу Мольера, которого он называл «демоном в телесной оболочке и в человеческом образе», самым отъявленным безбожником и вольнодумцем, какие только появлялись в течение ряда веков. В своем фанатическом исступлении Рулле доходил до того, что признавал Мольера достойным сожжения на костре, что должно было явиться для него «предвестием ожидающего его адского огня».

«Прошение» Мольера не имело тех результатов, на которые он рассчитывал. Король не снял запрещения с *Тартюфа*, но он, повидимому, не одобрил книги Рулле, потому что, несколько месяцев спустя, Рулле публично каялся (в предисловии к своей новой книге *Дофин*) в допущенных им «по невежеству» ошибках, заявляя, что у него не было даже «малейшего желания повредить кому-либо».

Урок, полученный Рулле, пошел на пользу всему «заговору святош» (как называли в просторечии Общество святых даров). После книжки Рулле не появилось ни одной печатной строчки против *Тартюфа*. Это кажется особенно удивительным при сопоставлении с той огромной полемической литературой, которую незадолго до того вызвал *Урок женам*. На этот раз враги Мольера сочли благоразумным замолчать, удовлетворившись запрещением ненавистной комедии.

Но заговор молчания против *Тартюфа* Обществу святых даров не удался. Мольер то и дело напоминал о своей комедии ее чтениями и закрытыми представлениями. В то же время он продолжал над ней работать, расширяя и углубляя ее центральный образ. Уже 29 ноября 1664 г. на закрытом спектакле в загородном дворце принцессы Палатинской в Ренси комедия имела не три, а пять актов, и, следовательно, выводила Тартюфа за пределы семьи Оргона, в которой он исключительно действовал

в первой редакции комедии, и вскрывала его связи с полицией, судом и придворными сферами. Благодаря таким дополнениям, образ Тартюфа все больше напоминал физиономию агента Общества святых даров и полнее изображал нечистоплотную деятельность общества.

В 1666 г. положение сильно изменилось в пользу *Тартюфа*. Прежде всего, скончалась ханжа Анна Австрийская. Далее, король был особенно зол на придворных святош, из коих один (Гондрен, архиепископ Санский) осмелился читать ему нравоучения по поводу его любовных связей с девицей Лавальер и маркизой Монтеспан. И, наконец, за *Тартюфа* энергично вступилась невестка короля, так называемая Madame, принцесса Орлеанская, которой и удалось, наконец, добиться разрешения на постановку *Тартюфа*. Это разрешение было дано королем накануне его отъезда на фронт во Фландрию.

Премьера комедии в Пале-Рояле состоялась 5 августа 1667 г. с громадным материальным (кассовая выручка в 1690 ливров) и художественным успехом. Комедия имела теперь пять актов и называлась просто *Обманщик* (*L'imposteur*). Главный герой пьесы переменил свое, ставшее нарицательным и одиозным клерикальной клике, имя *Тартюф* на *Панюльф*.* Одновременно он сбросил с себя церковную сутану и надел костюм светского человека с кружевами, большим воротником, шпагой и небольшой черной шляпой. Целый ряд подробностей в тексте комедии подчеркивал теперь, что Панюльф — разорившийся дворянин.

Кроме того Мольер смягчил во второй редакции комедии несколько особенно резких сатирических пассажей первой редакции. Так, в 7-м явлении 3-го акта слова Панюльфа по адресу разоблачившего его Дамиса: «Господь, прости ему его слепую злобу» заменили прежнюю реплику Тартюфа: «Господь, прости ему, как я ему прощаю», которая могла быть воспринята как пародия соответствующего пассажа из молитвы «Отче наш»

---

* Имя Тартюф, чрезвычайно удачно созданное Мольером, происходит от старофранцузского слова *truffe*, или *truffle* (*обман, плутня*) и, следовательно, означает, по точному этимологическому значению, *плут, обманщик*.

(«И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим»). Тем же стремлением смягчить некоторую резкость первой редакции объяснялось подчеркивание Мольером в речах резонера комедии, Клеанта, что существует-де на свете немало подлинно благочестивых людей, которых он называл по именам (разумеется, вымышленным) — Аристон, Периандр, Альсидамас, явно намекая на реальных лиц. Старуха-ханжа, госпожа Пернель, мать Оргона, с ее безграничным доверием к Панюльфу, даже после того как его разоблачили, была обрисована ярче во второй редакции комедии, чем в первой.

Если в первой редакции комедии еще отсутствовало сватовство Тартюфа к дочери Оргона Мариане (невозможное, поскольку Тартюф был духовного звания) и, кажется, даже отсутствовала сама Мариана, то во второй редакции появились и Мариана, и сватовство к ней Тартюфа, и все ее сцены с Оргоном, Дориной и Валером, вызванные этим сватовством. Второй акт комедии кончался семейным советом, решавшим поручить Эльмире ходатайствовать перед Тартюфом за Мариану и ее брак с Валером.

В финале комедии вторая редакция уже давала известную нам панегирическую характеристику Людовика XIV, но только вносила в эту характеристику некоторые отпавшие впоследствии черточки. «Мы живем, — говорил здесь посланный монархом полицейский, — под сенью такого правительства, где ничто не может укрыться от мудрости государя, где клевета пристыжена уже одним его появлением, а ханжество столь же ненавистно ему, сколь любезно его подданным».

Все эти детали, относящиеся ко второй редакции *Тартюфа*, известны нам, главным образом, из пересказа содержания комедии в анонимном апологетическом сочинении, озаглавленном *Письмо по поводу комедии Обманщик* (*Lettre sur la comédie L'imposteur*) и принадлежащем перу кого-то из друзей Мольера.

В этой второй редакции комедия прошла всего один раз. На следующий же день после премьеры она была снята по распоряжению президента парламента Ламуаньона, который, в отсутствие короля, пользовался полнотой гражданской власти в Париже. Тщетно Мольер жаловался своей покровительнице принцессе

Орлеанской: ее попытка воздействовать на Ламуаньона через посредство своего приближенного, некоего Делано, кончилась неудачей. Не больше успеха имело и личное ходатайство Мольера, отправившегося к Ламуаньону вместе с Буало. Президент любезно принял Мольера, но указал ему на то, что «вовсе не дело актеров наставлять людей по вопросам христианской религии и морали и театр — не место для проповеди евангелия».

Мольер даже не подозревал, что Ламуаньон — член Общества святых даров. Он увидел в его поведении только рачительность осторожного чиновника. Вся ненависть Мольера устремилась зато против парижского архиепископа Перефикса, который, на самом деле, вовсе не принадлежал к обществу и только бессознательно являлся орудием в его руках.

Оставалось только снова апеллировать к монарху, что Мольер и сделал во втором «прошении», которое отвезли в королевскую ставку актеры мольеровской труппы Лагранж и Латорильер. Это второе «прошение» написано еще резче первого. Мольер упрекал здесь своих врагов, что они оскорблены в *Тартюфе* не нападками на религию, до которой им очень мало дела, а нападками на них самих. Эта мысль, открыто подчеркивавшая, что комедия направлена против Общества святых даров, была повторена Мольером также два года спустя в предисловии к печатному изданию *Тартюфа* (1669). Второе прошение завершалось самым сильным из заготовленных Мольером аргументов — угрозой вовсе прекратить писание комедий, если король его не защитит.

Делегация труппы была любезно принята в ставке. Король велел передать Мольеру, что, по возвращении в Париж, он велит снова рассмотреть *Тартюфа* и разрешит его к постановке. С такой надеждой делегация труппы возвратилась в Париж 10 августа. Но здесь Мольера ожидал новый страшный удар, нанесенный Обществом святых даров: 11 августа парижский архиепископ выпустил пастырское послание, в котором под угрозой отлучения от церкви запретил «всем лицам нашей епархии исполнять, читать или слушать комедию *Обманщик* как публично, так и частным образом, под каким бы то ни было заглавием или предлогом».

Удар, нанесенный Мольеру этим пастырским посланием, был особенно чувствителен потому, что теперь в дело вмешалась уже церковная власть, против которой король, считавший себя первым прихожанином парижской епархии, был бессилен. Запрещение, исходившее от парижского архиепископа, король должен был признать для себя морально обязательным. И Людовик так и поступил, потому что не хотел ссориться с церковью. Он вторично предал своего любимого комедиографа.

Все описанные события подействовали на Мольера крайне угнетающе. Он прекратил работу своего театра на целые семь недель. Враги Мольера могли теперь торжествовать: он лишился всякого желания работать. Но эта депрессия скоро кончилась. Повидимому, король снова обнадежил Мольера обещаниями и всякими другими знаками внимания. И действительно, в сезоне 1667-1668 г. труппа Мольера четырежды вызывалась для представлений ко двору. А 20 сентября 1668 г. знаменитый полководец Конде дерзнул даже, нарушая запрет архиепископа, поставить *Тартюфа* в своем дворце в Шантильи (правда, Шантильи находилось за пределами парижской епархии).

Однако мытарства *Тартюфа* близились к концу. В октябре 1668 г. папа Климент IX прислал буллу, установившую «церковный мир» между католиками и янсенистами. Этот церковный мир прекратил, по крайней мере на время, религиозные распри и начал эру своеобразного либерализма в религиозной политике Людовика XIV.

Естественно, что 1669 г. ознаменовал поворот также и в отношении к *Тартюфу*. Воспользовавшись примирением клерикальных кругов, король разрешил, наконец, Мольеру 5 февраля 1669 г. играть *Тартюфа*. Вне себя от радости, Мольер обратился к королю в тот же день с шутливым третьим «прошением», в котором просил для своего врача должности каноника королевской капеллы в Вепсенне. И в тот же день он анонсировал долгожданную премьеру — уже не *Обманщика*, а *Тартюфа* в его третьей, и последней, редакции.

Эта третья редакция известна всем, так как в том же году она была напечатана и выдержала в течение трех месяцев два издания. Она была снабжена длинным предисловием, в котором

Мольер изложил историю всех испытанных его комедией мытарств.

Премьера *Тартюфа* состоялась в Пале-Рояле 9 февраля. Это был совершенно беспримерный в истории мирового театра триумф. Газетный хроникер Робине в своем отчете о премьере сообщает:

«Поистине, любопытство было на самом деле так велико, что оно, боясь, подобно природе, пустоты, не оставило в театре ни одного свободного местечка. Многих чуть не задавили в тесноте. Со всех сторон слышались крики: «Мне дурно... Я больше не в силах... Увы, господин Тартюф, неужели желание увидеть вас будет мне стоить жизни!» Однако никто не погиб, и дело ограничилось тем, что у нескольких человек помяли бока и порвали плащи».

Робине добавляет, что образ Тартюфа показался всем зрителям обрисованным с необычайным искусством, тонкостью и вкусом и что все роли в пьесе были весьма удачно распределены и превосходно исполнены. «Никогда ни одна комедия не вызывала столько аплодисментов», — кончает Робине свой отчет о премьере.

Мольер использовал для исполнения долгожданной комедии все лучшие силы своей труппы, постаравшись показать каждого из своих актеров в роли, наиболее соответствовавшей его внешним и внутренним данным. Это и обеспечило *Тартюфу* бесспорный сценический успех, закрепивший и дополнивший общественно-политический и литературный интерес, вызванный этой комедией. С самого начала своей сценической жизни пьеса стала одной из любимейших и чаще всего исполняемых из всего мольеровского репертуара.

Что представляет собой знаменитая комедия Мольера в жанровом отношении? Как и большинство других пьес Мольера, она решительно разбивает школьно-педантическую классификацию комедийных жанров, объединяя в себе элементы и фарса, и комедии интриги, и бытовой комедии (комедии нравов), и, наконец, «высокой» комедии, комедии характеров.

С традицией фарса *Тартюфа* связывает пропитывающая всю пьесу, с начала до конца, сочная буффонада. Эта буффонада использует такие излюбленные приемы внешнего комического

воздействия, как пощечины, палочные удары (подчас задуманные, но не реализованные, вроде тех, которыми собирается наградить Оргон Дамиса, д. 3-е, явл. 6-е, или Дорина Лояля, д. 5-е, явл. 4-е), перебивание одним персонажем другого, беготня и т. п. С традицией фарса связано то, что Мольер наделил служанку госпожи Пернель именем Флипоты, которое носила в жизни исполнявшая эту роль второстепенная актриса. Оттуда же пришло наименование судебного пристава Лоялем (от слова *loyal—законник*), которое вызывает игру слов Дорины: «А у законника пребеззаконный вид». Фарсовая манера подчеркивалась актерским исполнением ряда ролей, в особенности Оргона (Мольер) и госпожи Пернель (Луи Бежар).

С комедией интриги *Тартюфа* связывает большое внимание, обращенное Мольером на отдельные детали интриги. Сюда относится, прежде всего, история шкатулки с компрометирующими Оргона документами, посредством которых Тартюф задумал погубить его. Сюда же относится история проникновения Тартюфа в дом Оргона, а также его одновременное ухаживание за Эльмирой и Марианой. Смышленая и ловкая служанка Дорина — типичная «интриганка» в театральном (не бытовом!) смысле этого слова. С традицией же комедии интриги связана вся сцена «любовной досады», необоснованной ревности Валера к Мариане, их ссоры и примирения (д. 2-е, явл. 4-е).

Но вся интрига *Тартюфа* сделана Мольером основой бытовой комедии, раскрывающей в мельчайших деталях нравы французской семьи середины XVII века. Мы видим здесь целую серию сочных бытовых сцен, вроде показа ссоры госпожи Пернель с ее снохой и внуками; вроде объяснения Марианы с отцом, предписывающим ей, под страхом заточения в монастырь, расстаться с ее женихом Валером и выйти замуж за Тартюфа; вроде сцены, в которой Оргон, возмущенный поведением Дамиса по отношению к Тартюфу, выгоняет сына из дома. Вне условий французской буржуазной жизни этой эпохи непонятно, например, вольное обхождение с хозяевами Дорины, давно живущей в доме Оргона служанки, ставшей почти членом его семьи и заменившей его детям рано умершую мать. Чисто бытовые черты, наконец, мы находим в образах самого Тартюфа

и господина Лояля, этих двух вариантов типа ханжи-интригана XVII века, связанных с Обществом святых даров.

Отсюда не следует, однако, что можно утверждать портретность центрального образа комедии и искать для него бытовых прототипов, чем так усиленно занимались многие мольеристы (у нас в особенности — Алексей Веселовский *). В итоге появился длинный список развратных ханжей, лицемеров и предателей, по преимуществу поповского звания: аббат Рокетт, авантюрист Шарпи, бордосский монах-кордельер Итье, бывший агент Конде — Гурвиль, аббат Понс, капуцин Жозеф и другие. То, что отдельные черточки поведения Тартюфа засвидетельствованы у различных его современников, показывает только, что Мольер отправлялся от бытового материала и кроме того стремился наделить своего Тартюфа действительно типическими чертами. Но свести Тартюфа к одному из его бытовых прототипов так же точно невозможно, как и вывести его полностью из его литературных прототипов, которых тоже немало. Монтюфар в новелле Скаррона *Лицемеры* (*Les hypocrites*), комедия Аретино *Лицемер* (*Lo ipocrito*), сценарий commedia dell'arte Фламинио Скала *Педант*, роман Сореля *Полиандр*, третья новелла восьмого дня *Декамерона* — вот важнейшие литературные источники *Тартюфа*, которые Мольер использовал по тому же методу, как и бытовые источники, т. е. извлек из каждого из них ряд интересных и типичных черточек, которые затем свел воедино в своем гениальном образе Тартюфа.

Этот образ подан в классицистически абстрагированном, обобщенном виде. Он превращен в типическое выражение лицемерия, его ходячее воплощение, демонстрирующее социальную опасность этого порока. Тартюф — это прежде всего социальный тип, социальный характер громадной обобщающей силы. Потому-то его имя стало едва ли не с момента появления комедии нарицательным. Такое свойство вообще присуще персонажам «высокой» классической комедии, каковой является *Тартюф* в первую очередь.

От «высокой» комедии *Тартюф* унаследовал также явственный

---

* См. его книгу: *Этюды о Мольере. Тартюф, история типа и пьесы*. М. 1879.

трагический элемент. В последнем акте *Тартюфа*, когда раскрылась во всю глубь и ширь вся мера гнусности и предательства Тартюфа, зритель уже почти перестает смеяться над глупым Оргоном и готов сочувствовать этому жестоко пострадавшему за свою доверчивость человеку.

Так, сочетая разнообразные жанры комического театра и используя различные приемы воздействия на зрителя, от грубой буффонады до гневного социального обличения, Мольер построил свою замечательную комедию. Поскольку основной задачей Мольера в ней, как показала история создания пьесы, являлась социально-политическая сатира, постольку *Тартюф* правильнее всего назвать сатирической комедией, направленной против конкретного политического явления, нашедшего себе столь яркое выражение в деятельности реакционно-клерикального Общества святых даров. Как сатирическая комедия *Тартюф* начинает новую полосу в жизни и творчестве Мольера. Он открывает собой его великую сатирическую «трилогию», в состав которой входят написанные и поставленные в пору пятилетних мытарств *Тартюфа* пьесы *Дон-Жуан* и *Мизантроп*.

Но то обстоятельство, что *Тартюф* направлен против определенной группы клерикалов-реакционеров, нисколько не снимает вопроса об его более глубоком, философском значении. Обличая гнусную практику Общества святых даров, Мольер тем самым обличал также реакционную роль религии во французской частной и общественной жизни XVII века.

Мольер показал те опустошения, которые вносит религия, затемняющая сознание, парализующая волю, отупляющая ум человека, превращая его в глупого и жестокого эгоиста, которым орудует отъявленный мошенник.

Если сопоставить в этом отношении первую редакцию комедии с третьей, то нетрудно заметить явственное заострение сатирического замысла Мольера. В первой редакции, в которой Тартюф еще был человеком духовного звания, он воздействовал на сознание Оргона главным образом с помощью того неотразимого авторитета, который имеет у каждого обывателя самая персона служителя культа. Естественно поэтому, что комедия имела на этом этапе преимущественно антиклерикальный

характер. В позднейших редакциях, в которых Тартюф перестал быть духовным лицом, антиклерикальный элемент отступил на второй план перед антирелигиозным. Разоблачая Тартюфа, Мольер взял под обстрел не только развратное поведение духовенства, которое больше всего интересовало антиклерикальных писателей, но и самую сущность христианского вероучения — его аскетизм, учение о благодати, о любви к ближнему, о милосердии, нестяжании, предпочтении небесных благ земным. Все эти существенные для христианской морали принципы искажаются, втаптываются в грязь Тартюфом, становятся орудием своекорыстия, обмана, предательства, всяческой человеческой и политической гнусности.

И не следует думать, что все это сделано Мольером только с самокритической целью и что, обличая негодяя Тартюфа Мольер тем самым утверждает подлинное, непритворное благочестие и религиозность. Искажению религиозной практики у негодяя Тартюфа и глупца Оргона он не противопоставил ни одного верующего положительного персонажа. Его Клеант только для отвода глаз говорит об «истинных праведниках» и о «подлинном благочестии». В целом же мораль Клеанта, как и мораль других, не ослепленных религией персонажей пьесы, совершенно арелигиозна. Она основана на эпикурейском, материалистическом учении о следовании «природе», о признании инстинктов надежными руководителями человеческой жизни.

Такое учение, воспринятое Мольером от его учителей, писателей и мыслителей Ренессанса — Рабле, Монтеня, Шаррона — и их последователя, великого философа-материалиста Гассенди, по существу непримиримо с христианством. Оно не оставляет места религии, ибо видит в ней тормоз развитию автономной человеческой личности.

В комедии *Тартюф* эти положения были проведены достаточно четко и определенно. На этом покоится громадное историческое значение этой подлинно вольнодумной пьесы. Этим же объясняется и изложенная нами бешеная борьба вокруг ее постановки, проведенная реакционными клерикалами против пробуждавшейся во Франции XVII века материалистической мысли.

С. Мокульский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот комедия, о которой много шумели, которую долгое время преследовали; и люди, которые в ней выведены, ясно показали, что во Франции они помогущественнее всех тех, кого я до сих пор выводил. Маркизы, Модницы, Рогоносцы и Врачи кротко сносили, что их представляют, и делали вид, будто написанные с них портреты забавляют их не меньше, чем остальных; но Лицемеры насмешек не потерпели; они сразу же всполошились и нашли невероятным, что я осмелился изобразить их ужимки и пожелал опорочить ремесло, которым промышляет столько почтенных людей. Такого преступления они мне не могли простить; и все они с ужасающей яростью ополчились на мою комедию. Обрушились они не на то, что в ней их задело: для этого они слишком политичны и достаточно опытны, чтобы не обнажать тайников своей души. Следуя своему похвальному обыкновению, они прикрыли свои интересы божьим делом; и *Тартюф*, по их словам, — пьеса, оскорбляющая благочестие. Она от начала до конца полна мерзости, и все, что в ней есть, заслуживает костра. Каждый слог ее безбожен; самые жесты в ней преступны; и за малейшим взглядом, за малейшим кивком, за малейшим шагом вправо или влево в ней кроются тайны, которые они умудряются истолковывать мне во вред. Напрасно я представлял ее на суд моих друзей, на рассмотрение света: исправления, которые я в нее внес, отзыв короля и королевы, которые ее видели, одобрение принцев крови и господ

министров, которые открыто почтили ее своим присутствием, свидетельство уважаемых лиц, которые нашли ее полезной, — все это не послужило ни к чему. Они в нее вцепились; и до сих пор, что ни день, они выпускают вопить всенародно словоохотливых ревнителей, которые благочестиво меня поносят и милосердно меня проклинают.

Меня весьма мало заботило бы все то, что они могут сказать, если бы они не ухитрялись создавать мне врагов, которых я чту, и привлекать на свою сторону истинно добродетельных людей, обойденных в своем прямодушии, которые, горячо ревнуя о небе, легко поддаются внушаемым впечатлениям. Вот что обязывает меня защищаться. Именно перед подлинно верующими хочу я повсеместно оправдать цели моей комедии; и я от всего сердца заклинаю их не осуждать заглазно, откинуть всякое предубеждение и не служить страстям людей, которые их бесчестят своими ужимками.

Если взять на себя труд добросовестно рассмотреть мою комедию, то станет очевидно, что мои намерения в ней повсюду невинны и что она нисколько не стремится выпучивать то, чему подобает уважение; что я работал над нею со всей осмотрительностью, которой требовала щекотливость предмета, и что все мое искусство и все мои старания я приложил к тому, чтобы отличить образ Лицемера от образа истинно верующего. Поэтому я целых два акта употребил на то, чтобы подготовить появление моего негодяя. Он ни одной минуты не держит слушателя в сомнении; его сразу же узнают по тем приметам, которые я ему дал; и от начала до конца он не произносит ни одного слова, не совершает ни одного поступка, которые не живописали бы зрителям дурного человека и не оттеняли бы подлинно честного человека, которого я ему противопоставляю.

Я знаю, что вместо ответа эти господа стараются внушить, будто не театру рассуждать о подобных вещах; но я их спрашиваю, с их дозволения, на чем они

основывают это превосходное правило. Это положение они выдвигают, но никоим образом его не доказывают; и нетрудно было бы им напомнить, что у древних комедия возникла из религии и входила в состав их мистерий; что у испанцев, наших соседей, ни один праздник не обходится без комедии; и что даже у нас она обязана своим происхождением стараниям братства, доныне владеющего Бургундским отелем, что это место было ему подарено, чтобы там представлять главнейшие мистерии нашего вероучения; что сохранились его комедии, напечатанные готическими буквами, под именем некоего доктора Сорбонны; и — дабы не искать так далеко — что и в наше время игрались духовные пьесы господина де-Корнеля, вызвавшие восхищение всей Франции.

Если назначение комедии состоит в том, чтобы исправлять человеческие пороки, то я не вижу оснований, почему некоторые из них должны пользоваться привилегиями. Из всех пороков этот порок особенно опасен для государства; а мы видели, что театр обладает великой исправительной силой. Лучшие образцы серьезной морали обычно менее могущественны, чем сатира; и ничто так не действует на большинство людей, как изображение их недостатков. Мы наносим порокам тяжелый удар, выставляя их на всеобщее посмеяние. Порицание люди сносят легко, но насмешки они не выносят. Быть дурными они согласны, но быть смешными они не хотят.

Мне ставят в упрек, что я в уста моего Обманщика вложил благочестивые слова. Но мог ли я поступить иначе, изображая именно лицемера? Мне кажется достаточным, что я разоблачаю те преступные побуждения, по которым он говорит, и что я устранил из его речей освященные выражения, которые неприятно было бы слышать произносимыми с недолжной целью. Но в четвертом действии он проповедует зловредную мораль. Однако разве эта мораль не прожужжала давно всем

уши? Разве в моей комедии она нова? И разве есть повод бояться, что мысли, столь ненавистные всем, могут произвести какое-либо впечатление на умы, что они станут опасными, если я выведу их на подмостки, что они приобретут какой-то вес в устах негодяя? Все это совершенно неправдоподобно; и надо либо одобрить комедию *Тартюф*, либо вообще осудить все комедии.

Этого и добиваются неистово с некоторых пор, и никогда еще так не обрушивались на театр. Я не могу отрицать, что были отцы церкви, осуждавшие комедию; но нельзя отрицать и того, что некоторые из них относились к ней немного мягче. Таким образом авторитет, которым думают подкрепить осуждение, разрушается этим разногласием; и единственный вывод, который можно сделать из этого разномыслия умов, озаренных одним и тем же светом, будет тот, что они относились к комедии по-разному и что одни рассматривали ее в ее чистоте, тогда как другие видели ее в ее испорченности и смешивали ее со всеми теми мерзкими зрелищами, которые справедливо были названы зрелищами срама.

И действительно, так как рассуждать следует о предметах, а не о словах, и так как большая часть пререканий происходит от того, что люди друг друга не понимают и облекают в одно и то же слово противоположные предметы, то надо только совлечь покров двусмысленности и посмотреть, что такое комедия сама по себе, дабы увидеть, подлежит ли она осуждению. Нельзя будет не признать, что так как она не что иное, как остроумная поэма, занимательными поучениями обличающая человеческие недостатки, то было бы несправедливо ее осуждать. И если мы захотим услышать об этом свидетельство древности, то она нам скажет, что знаменитейшие ее философы воздавали хвалу комедии, философы, исповедывавшие столь суровую мудрость и неумолчно восставшие против пороков своего века; она покажет нам, что Аристотель посвящал свои бдения театру и взял

на себя труд изложить в виде правил искусство писать комедии; она нам сообщит, что величайшие из ее людей и первейшие по своему положению гордились тем, что сочиняют их сами, и что иные из них не гнушались читать публично сочиненные ими комедии; что Греция выразила свое уважение к этому искусству, почтив его славными наградами и великолепными театрами, и что, наконец, в Риме это самое искусство снискало также необычайные почести: я говорю не о развратном Риме распутных императоров, а о строгом Риме мудрых консулов во времена мощи римской доблести.

Я признаю, что бывали времена, когда комедия извращалась. Но чего на свете не извращают каждый день? Нет такой невинной вещи, которую бы люди не сделали преступной, нет такого полезного искусства, целей которого они не сумели бы исказить, нет ничего доброго самого по себе, чего бы они не обратили в дурную сторону. Медицина — благое искусство, и все ее чтут, как одно из лучших наших достояний; а между тем бывали времена, когда она становилась ненавистной, и нередко из нее делали искусство отравлять людей. Философия — небесный дар; она нам дана, чтобы возносить наши умы к познанию бога через созерцание чудес природы; однакоже известно, что нередко ее отвлекали от ее назначения и всенародно поручали ей поддерживать неверие. И даже наиболее священное не ограждено от извращения людьми; и мы видим негодяев, которые вседневно злоупотребляют благочестием и низко пользуются им для величайших преступлений. Но все это не мешает проводить различие там, где следует; никто не смешивает, в едином ложном выводе, благих свойств того, что извращается, со злой волей извратителей; намерения искусства всегда будут отличены от недолжного его использования; и подобно тому, как никому не вздумается запрещать медицину на том основании, что она была изгнана из Рима, или философию по той причине, что она была всенародно осуждена в Афинах, точно

так же нельзя домогаться запрещения комедии потому только, что бывали времена, когда ее порицали. Для такого порицания были причины, которых больше нет; оно относилось к тому, что оно перед собой видело; и нам не следует выводить его за те пределы, которые оно себе ставило, распространять его шире, чем нужно, и охватывать им невинного вместе с виновным. Комедия, против которой оно было направлено, совсем не та комедия, которую мы защищаем. Их ни в коем случае нельзя смешивать. Это две особы вполне противоположных нравов; у них нет ничего общего, кроме сходства имен; и было бы ужасающей несправедливостью осудить Олимпию, честную женщину, потому лишь, что была Олимпия — распутница. Подобные приговоры произвели бы несомненно великий беспорядок в мире. Ничто не избежало бы осуждения; и так как ко множеству вещей, которыми ежедневно злоупотребляют, никто с такой суровостью не относится, то эту же милость надо оказать и комедии и одобрить театральные пьесы, в которых царят назидательность и пристойность.

Я знаю, есть умы настолько тонкие, что они вообще не выносят никакой комедии и утверждают, что самые пристойные из них наиболее опасны, что изображенные в них страсти тем трогательнее, чем они добродетельнее, и что души умиляются такого рода представлениями. Я не думаю, чтобы так уж преступно было умиляться при виде пристойной страсти; и уж очень высокий ярус добродетели — эта полная бесчувственность, до которой они хотят поднять нашу душу. Я сомневаюсь, чтобы столь великое совершенство было по силам человеческой природе; и я не знаю, не лучше ли стараться исправлять и смягчать людские страсти, чем стремиться совершенно их отсечь. Я согласен, что есть места, посещать которые лучше, чем театр; и уж если хулить все то, что не относится прямо к богу и к нашему спасению, то несомненно сюда должна быть отнесена и комедия, и я не вижу ничего плохого в том, чтобы и ее осудили

заодно со всем прочим. Но если допустить, — а так оно и есть, — что упражнения благочестия допускают перерывы и что людям необходимо развлечение, то я утверждаю, что для них не найти развлечения более невинного, чем комедия. Я слишком распространился. Закончим словами одного великого принца о комедии *Тартюф*.

Неделю после того, как она была запрещена, при дворе сыграли пьесу под названием *Скарамуш-отшельник*; и король, выходя, сказал этому великому принцу, которого я имею в виду: «Хотел бы я знать, почему это люди, которых так возмущает комедия Мольера, ни слова не говорят о *Скарамуше*». На что принц ответил: «Это потому, что комедия о Скарамуше высмеивает небо и религию, до которых этим господам нет никакого дела; а комедия Мольера высмеивает их самих; этого они перенести не могут».

ПЕРВОЕ ПРОШЕНИЕ,

принесенное королю по поводу комедии *Тартюф*

Сир!

Так как обязанность комедии состоит в том, чтобы исправлять людей, забавляя их, то я полагал, что, по роду моих занятий, лучшее, что я могу делать, — это обличать в смешных изображениях пороки моего века; и так как лицемерие — несомненно один из самых распространенных, самых несносных и самых опасных пороков, то мне казалось, сир, что я окажу немалую услугу всем честным людям в вашем королевстве, если напишу комедию, которая осмеяла бы лицемеров и выставила бы как следует напоказ все заученные ужимки этих донельзя добродетельных людей, все тайные плутни этих фальшивомонетчиков благочестия, старающихся обмануть других притворным рвением и поддельной благостью.

Я и написал, сир, эту комедию, со всем тщанием, как мне кажется, и со всей осторожностью, которых требовала щекотливость предмета; и дабы лучше оградить почет и уважение, подобающие истинно верующим, я отличил от них, насколько мог, изображаемый мною характер; я нигде не оставил двусмысленности, я устранил все, что могло бы смешать добро со злом, и пользовался для этой картины одними лишь резкими красками и существенными чертами, по которым сразу можно распознать подлинного и несомненного лицемера.

Но все мои предосторожности оказались тщетны. Кое-кто воспользовался, сир, чувствительностью вашей души к делам веры и сумел задеть в вас то единственное место, которое можно задеть, а именно — уважение к святыне. Тартюфы под рукой изловчились войти в милость к вашему величеству, и оригиналы добились устранения копии, сколь невинной она ни была и сколь похожей ее ни находили.

Хотя запрещение этого сочинения было для меня чувствительным ударом, однако мое несчастие было смягчено тем, что ваше величество по этому поводу высказали; и я полагал, сир, что ваше величество лишаете меня всякого основания жаловаться, потому что вам угодно было заявить, что вы ничего не имеете против этой комедии, которую вы мне запрещаете исполнять публично.

Но не взирая на это достославное заявление величайшего и просвещеннейшего из земных королей, не взирая также на одобрение господина легата и большинства наших прелатов, которые все, когда я им частным образом читал мое сочинение, разделили мнение вашего величества, не взирая на все это, говорю я, появляется книга, написанная кюре, которая громогласно отвергает все эти высокие свидетельства. Что бы ни говорило ваше величество и каково бы ни было суждение господина легата и господ прелатов, моя комедия, даже заглазно,—дьявольская и мозг мой—дьявольский; я—демон, облеченный плотью и переодетый человеком, вольнодумец, нечестивец, заслуживающий примерной казни. Мало, чтобы огонь всенародно искупил мой грех, этим я отделался бы слишком дешево; милосердое рвение этого доброго праведника на этом не останавливается; он не желает, чтобы бог меня помиловал, он непременно хочет, чтобы я был проклят, это дело решенное.

Книга эта, сир, была поднесена вашему величеству; и, я думаю, ваше величество сами понимаете, как неприятно мне подвергаться ежедневным оскорблениям этих господ, как подобные наветы могут повредить мне

в мнении света, если надо, чтобы я их терпел, и насколько для меня важно очиститься, наконец, от этой клеветы и доказать всем, что моя комедия — отнюдь не то, что из нее хотят сделать. Я не стану, сир, говорить о том, чего я желал бы для моей репутации и для того, чтобы удостоверить перед всеми невинность моего сочинения: просвещенные короли, подобные вам, не нуждаются в том, чтобы им указывали, чего от них ждут; они, как бог, сами видят, что̀ нам надо, и знают лучше нашего, что̀ им следует для нас сделать. Мне достаточно передать мои интересы в руки вашего величества, и я почтительно жду от него все, что ему благоугодно будет по этому поводу повелеть.

ВТОРОЕ ПРОШЕНИЕ,

принесенное королю в его лагере перед городом Лилем во Фландрии

Сир!

С моей стороны весьма дерзко докучать великому монарху посреди его славных завоеваний; но в положении, в котором я очутился, где мне найти, сир, защиту, как не там, куда я за ней обращаюсь? И к кому мне воззвать против угнетающей меня власти, как не к источнику власти и могущества, к справедливому подателю непререкаемых велений, верховному судье и властелину всего?

Моей комедии, сир, не пришлось воспользоваться здесь милостями вашего величества. Хоть я и поставил ее под названием *Обманщик* и перерядил героя в светскую одежду; хоть я и снабдил его маленькой шляпой, длинными волосами, большим воротником, шпагой и кружевами по всему платью, ввел кое-где смягчения и тщательно устранил все, что могло бы подать малейший повод знаменитым оригиналам задуманного мною пор-

трета, — все это оказалось напрасно. Шайка встрепенулась от одних лишь предположений, которые у нее возникли. Они нашли способы воздействовать на умы, которые, во всех других случаях, заявляют во всеуслышание, что не поддаются ничьим воздействиям. Не успела моя комедия появиться, как ее тут же испепелил гром власти, которая не может не внушать почтения; и все, что я мог сделать в этих обстоятельствах, чтобы самому спастись от грозы, это было сказать, что вашему величеству угодно было разрешить мне представление этой комедии и что я не считал нужным испрашивать на то разрешения у других, потому что единственно ваше величество мне ее запретило.

Я не сомневаюсь, сир, что люди, которых я изображаю в моей комедии, приведут в действие немало пружин вокруг вашего величества и привлекут на свою сторону, как это уже бывало, подлинно честных людей, которых тем легче обмануть, что о других они судят по себе. Они умеют окрашивать в наилучшие цвета все свои намерения; какой бы вид они на себя ни напускали, заботятся они отнюдь не о божьем деле; это они в достаточной мере показали, допуская без всяких возражений публичное исполнение комедий, так много раз игравшихся. Те задевали только благочестие и веру, до которых им очень мало дела; а эта задевает и осмеивает их самих, и этого они снести не могут. Они ни за что не простили бы мне разоблачения их обманов перед целым светом. И вашему величеству, вероятно, не преминут заявить, что все были возмущены моей комедией. А истинная правда, сир, та, что весь Париж был возмущен только ее запрещением, что самые разборчивые признали ее представление полезным и что все удивлялись, как это лица столь известной честности проявили столь великую снисходительность к людям, которые должны бы вызывать всеобщее отвращение и которые так далеки от истинного благочестия, коим они кичатся.

Я почтительно жду решения, которое вашему величеству благоугодно будет вынести по этому делу; но не подлежит сомнению, сир, что мне нечего больше и думать писать комедии, если Тартюфы возьмут верх, что это даст им право преследовать меня пуще прежнего и они будут придираться к самым невинным вещам, которые выйдут из-под моего пера.

Ваши милости, сир, да оградят меня от их ядовитой ярости, дабы я мог, по возвращении вашего величества из столь славного похода, доставить ему отдохновение от побед, развлечь его невинными забавами после столь благородных трудов и вызвать смех монарха, перед которым трепещет вся Европа!

ТРЕТЬЕ ПРОШЕНИЕ,

принесенное королю

Сир!

Один весьма почтенный врач, пациентом коего я имею честь быть, обещает мне и согласен выдать нотариальное обязательство, что поможет мне прожить еще тридцать лет, если я испрошу для него одну милость у вашего величества. На его обещание я ему ответил, что столького я у него не прошу и буду удовлетворен, если он обяжется меня не уморить. Милость эта, сир,— место каноника вашей королевской часовни в Венсенне, освободившееся за смертью.

Смею ли я просить ваше величество еще и об этой милости в самый день великого воскресения *Тартюфа*, восставшего из мертвых по вашей доброте? Первая из этих милостей примирила меня со святошами; а вторая примирила бы меня с врачами. Для меня это, конечно, слишком много благодеяний зараз; но, быть может, это не слишком много для вашего величества; и я не без почтительной надежды ожидаю ответа на мое прошение.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Госпожа Пернель, мать Оргона.
Оргон, муж Эльмиры.
Эльмира, жена Оргона.
Дамис, сын Оргона.
Мариана, дочь Оргона, влюбленная в Валера.
Валер, влюбленный в Мариану.
Клеант, шурин Оргона.
Тартюф, святоша.
Дорина, служанка Марианы.
Господин Лояль, судебный пристав
Офицер.
Флипот, служанка госпожи Пернель.

Действие происходит в Париже, в доме Оргона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Госпожа Пернель, Эльмира, Мариана, Дамис, Клеант, Дорина Флипот

Госпожа Пернель

Идем, Флипот, идем. Уйти считаю благом.

Эльмира

Мне даже не поспеть за вашим быстрым шагом.

Госпожа Пернель

Сноха, останьтесь здесь. Я выйду и сама.
Мне вовсе не нужна вся эта кутерьма.

Эльмира

То, что мы делаем, прямая должность наша.
Но почему вы так торопитесь, мамаша?

Госпожа Пернель

А потому что мне несносен этот дом,
И я внимания не вижу здесь ни в ком.
Я ухожу от вас обиженная кровно:
Все, что я ни скажу, встречают прекословно,
Почтенья ни на грош, не помолчит никто,
Ну, прямо, я скажу, двор короля Пето.

Дорина

Я...

Госпожа Пернель

Для прислужницы у вас, моя красотка,
Не в меру дерзок нрав и громковата глотка.
Поверьте, и без вас я знаю, что и как.

Дамис

Но..

Госпожа Пернель

Мой любезный внук, вы попросту дурак;
Вам это говорит не кто, как бабка ваша;
И мной уже сто раз мой сын, и ваш папаша,
Предупрежден, что вы последний сорванец,
С которым он еще измучится вконец.

Мариана

Ведь...

Госпожа Пернель

Мы, его сестра, мы никого не тронем,
Скромнее скромного, пример всем потихоням;
Но только хуже нет, чем сонная вода,
И вы, небось, тайком, девица хоть куда.

Эльмира

Но разве же...

Госпожа Пернель

Сноха, сказать вам не обидно,
Но вы себя во всем ведете препостыдно.
Вам надлежало бы пример им подавать,
Как то и делала покойная их мать.
Вы расточительны; нельзя смотреть без гнева,
Когда вы рядитесь, как будто королева.
Кто хочет нравиться супругу своему,
Тому столь пышные уборы ни к чему.

Клеант

Но все ж, сударыня...

Госпожа Пернель

Вас, сударь, — не скрываю, —
Я всячески ценю, люблю и уважаю;
А все ж, будь я мой сын, я бы с большим трудом
Такого шурина к себе пускала в дом.
Вы проповедывать изволите начала,
Которых бы весьма стеречься надлежало.
Я прямо говорю; я, сударь, такова
И в сердце не таю правдивые слова.

Дамис

Ваш господин Тартюф устроился завидно...

Госпожа Пернель

Он — чистая душа, его не слушать — стыдно;
И я чужой жалеть не стану головы,
Когда его чернит такой глупец, как вы.

Дамис

А я изволь терпеть, чтобы ханжа несчастный
Царил у нас в дому, как деспот своевластный,
И чтобы мы ничем развлечься не могли,
Пока сей господин на то не снизошли?

Дорина

Когда послушаешь его нравоученье,
То, как ни поступи, все будет преступленье;
Он все, как есть, блюдет, сей преусердный муж.

Госпожа Пернель

И все, что он блюдет, блюдомо к пользе душ.
На путь спасения он хочет всех направить,
И сын мой должен вас в любви к нему наставить.

Дамис

Нет, бабушка, никто, будь он моим отцом,
Меня не примирит с подобным молодцом;
Я бы кривил душой, играя с вами в прятки;
Я видеть не могу, не злясь, его повадки
И знаю наперед, что этого ханжу
В один прекрасный день на место посажу.

Дорина

И всякий бы другой, наверно, возмутился,
Увидя, как пришлец в семействе воцарился,
Как нищий, что сюда явился худ и бос
И платьишка с собой на шесть грошей принес,
Забылся до того, что, выходя из чина,
Указывает всем и корчит господина.

Госпожа Пернель

И все бы лучше шло, бог мне судья, у вас,
Когда бы правил всем его святой наказ.

Дорина

Вот, вы его святым считаете упорно;
А только, верьте мне, все это в нем притворно.

Госпожа Пернель

Вот язычок!

Дорина

Его, как и его слугу,
Без поручительства принять я не могу.

Госпожа Пернель

Каков его слуга, мне это неизвестно;
Но за хозяина я вам ручаюсь честно.
Вы недовольны им, он потому вас злит,
Что правду вам в глаза открыто говорит.

Он противу греха душой пылает гневной
И мысли о творце исполнен повседневной.

Дорина

Да; только почему он с некоторых пор
Желает, чтоб никто к нам не ступал на двор?
Ужели грех такой, когда приходят гости,
Чтоб подымать содом и клокотать от злости?
Вы знаете, о чем я думала уже:
[*Указывая на Эльмиру*]
Мне кажется, что он ревнует к госпоже.

Госпожа Пернель

Молчите! Мыслимы ль такие рассужденья!
Не он один сердит на эти посещенья.
Весь этот с грохотом снующий к вам народ,
И вечный строй карет, торчащих у ворот,
И шумным сборищем толпящиеся слуги
Досадную молву разносят по округе.
Быть может, ничего плохого тут и нет;
Но люди говорят, а говорить не след.

Клеант

Так вам хотелось бы, чтоб все кругом молчали?
Была бы наша жизнь исполнена печали,
Когда б мы начали скрываться от друзей
Из страха перед тем, что скажет ротозей.
И даже если б мы отважились на это,
Как можно помешать, чтобы шептались где-то?
От злоязычия себя не уберечь.
Так лучше сплетнями и вовсе пренебречь;
Стараться будем жить и мыслить благородно —
И пусть себе болтун судачит как угодно.

Дорина

Едва ли кто другой, как Дафна с муженьком,
Соседи милые, порочат нас тайком.

Кто поведения особенно смешного,
Те всюду первые злословят про другого;
Они вам выследят в наикратчайший срок
На чью-либо приязнь ничтожнейший намек
И тотчас весть о том распространяют дружно,
Придав ей оборот такой, какой им нужно.
Делами ближнего, подкрасив их под стать,
Они свои дела стремятся оправдать,
Чтоб, в ложном чаянье спасительного сходства,
Облечь свои грешки личиной благородства,
Переметнув к другим две или три стрелы
На них направленной общественной хулы.

Госпожа Пернель

Все эти доводы нисколько не уместны.
Ведь добродетели Оранты всем известны:
Святая женщина; а говорят, она
Тем, что творится здесь, весьма возмущена.

Дорина

Пример чудеснейший, и хороша особа!
Я верю, что она не согрешит до гроба;
Все это рвение внушили ей лета,
И — хочет или нет — она теперь свята.
Пока пленять сердца в ней обитала сила,
Она своих красот нимало не таила;
Но видя, что в очах былого блеска нет,
Решает позабыть ей изменивший свет
И пышной ризою молитвенности строгой
Увядших прелестей прикрыть закат убогий.
Всегда так водится у старых щеголих.
Им видеть нелегко, что все ушли от них.
Осиротелые, полны глухой тревоги,
С тоски, они спешат постричься в недотроги;
И неподкупный суд благочестивых жен
Все покарать готов, на все вооружен;
Они чужую жизнь поносят беспощадно,

Но не из жалости, а просто им досадно,
Что вот другие, мол, вкушают от услад,
Которых старости не залучить назад.

Госпожа Пернель [*Эльмире*]

Вот благоглупости, которые вам милы.
Да тут у вас, сноха, и рта раскрыть нет силы:
Их милость хоть кого утопит в трескотне.
Но все-таки сказать кой-что пора и мне:
Скажу вам, что мой сын был истинно счастливец,
Когда им найден был такой благочестивец;
Что этот человек был небом послан вам,
Чтоб указать стезю заблудшимся умам;
Что вы ему должны внимать беспрекословно
И что лишь то грехом зовет он, что греховно.
Все эти ужины, беседы, вечера —
Все это сатаны лукавая игра.
Там не услышите душеполезной речи:
Все шутки, песенки да суетные встречи;
А если попадет им ближний на зубок,
Там уж отделают и вдоль, и поперек.
И кто степеннее, и разумом зрелее,
Тот просто угорит в подобной ассамблее.
Там сплетен целый воз в единый миг готов,
И, как сказал один ученый богослов,
Столпотворение бывает, как в дни оны,
И каждый языком разводит вавилоны;
И тут же вспомнил он при этом заодно...

[*Указывая на Клеанта*]

Вам, сударь, вижу я, как будто бы смешно?
Шутов ищите вы себе с другого краю,
И ежели...

[*Эльмире*]

Сноха, прощайте. Я смолкаю.
Отныне здешний дом я ставлю в полцены,
И вы меня к себе не скоро ждать должны.

(*Давая Флипоту оплеуху*)

Ты что? Сомлела, что ль? Ишь, рада бить баклуши!
Гром божий! Я тебе еще нагрею уши.
Пошли, карга, пошли!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеант, Дорина

Клеант

Я с ними не пойду,
А то ведь долго ли опять нажить беду
С такой старухою...

Дорина

Ах, я жалеть готова,
Что этого сейчас она не слышит слова:
Вам показали бы, чего достоин тот,
Кто женщин, как она, старухами зовет.

Клеант

Как из-за пустяков она рассвирепела!
И как про своего Тартюфа сладко пела!

Дорина

И все-таки она еще не то, что сын.
Вы посмотрели бы, чем стал наш господин!
В дни смуты он себя держал, как муж совета,
И храбро королю служил в былые лета;
Но только он совсем как будто одурел
С тех пор, как в голову ему Тартюф засел;
Тот для него — что брат, милее всех на свете,
Стократ любезнее, чем мать, жена и дети.
Он учинил его наперсником своим,
Во всех своих делах он им руководим;
Его лелеет он, целует, и едва ли
Такими ласками красавиц увивали;

За стол сажает он его вперед других
И радостен, когда тот ест за шестерых;
Все лучшие куски ему, конечно, тоже;
И, если тот рыгнет, он: «Помоги вам боже!»

(*Это говорит служанка*)

Он, словом, бредит им; Тартюф — герой, кумир;
Его достоинствам дивиться должен мир;
Его малейшие деяния — чудесны,
И что ни скажет он, есть приговор небесный.
А тот, увидевши такого простеца,
Его своей игрой морочит без конца;
Святоша отыскал вседневный ключ наживы
И нас готовится учить, пока мы живы.
И даже молодец, что у него слугой,
Нам, что ни день, урок преподает благой;
Влетает, как гроза, и на пол мечет рьяно
Все наши кружева, и мушки, и румяна.
Намедни этот плут нам изодрал — трах-трах —
Платок, который был заложен в житиях,
За то, что смели мы, в затменьи безобразном,
Святыню сочетать с диавольским соблазном.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эльмира, Мариана, Дамис, Клеант, Дорина

Эльмира [*Клеанту*]

Вы мудры, что себя решили поберечь
И слушать не пришли напутственную речь.
Сейчас подъехал муж; мой брат, я вас покину
И ждать его пройду на нашу половину.

Клеант

А я, для скорости, с ним повидаюсь тут
И побеседую хоть несколько минут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеант, Дамис, Дорина

Дамис

Поговорите с ним о свадьбе Марианы.
Боюсь, не ставит ли Тартюф и здесь капканы,
Советуя отцу тянуть день ото дня;
А это может ведь коснуться и меня.
Как молодой Валер пленен моей сестрою,
Так мне его сестра милее всех, не скрою;
И если...

Дорина

Он идет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оргон, Клеант, Дорина

Оргон

А, шурин, в добрый час!

Клеант

Я думал уходить и рад, что встретил вас.
Небось, соскучились в деревне не на шутку?

Оргон

Дорина...

[*Клеанту*]

Милый друг, останьтесь на минутку
И, чтобы у меня забота отлегла,
Позвольте разузнать про здешние дела.

[*Дорине*]

Ну, что здесь за два дня случилось? Как вы? Что вы?
Кто что поделывал? И все ль у нас здоровы?

Дорина

Да вот у барыни позавчера весь день
Был очень сильный жар и страшная мигрень.

Оргон

Ну, а Тартюф?

Дорина

Тартюф? И спрашивать излишне:
Дороден, свеж лицом, и губы словно вишни.

Оргон

Ах, бедный!

Дорина

Вечером у ней была тоска,
За ужином она не съела ни куска —
Все из-за головной невыносимой боли.

Оргон

Ну, а Тартюф?

Дорина

Он сел откушать, поневоле,
Один против нее и, потупляя взгляд,
Две куропатки съел и съел бараний зад.

Оргон

Ах, бедный!

Дорина

Барыня совсем и не уснула:
Легла, но даже глаз ни разу не сомкнула:
То ей озноб мешал, то жар всего нутра,
И нам пришлось при ней дежурить до утра.

Оргон

Ну, а Тартюф?

Дорина

Тартюф? Томим дремотой сладкой,
Он, встав из-за стола, прошел к себе украдкой
И в теплую постель без промедленья лег,
Где и проспал всю ночь, не ведая тревог.

Оргон

Ах, бедный!

Дорина

Наконец, ее уговорили:
Она пошла на то, чтобы ей кровь пустили,
И облегчение настало в тот же миг.

Оргон

Ну, а Тартюф?

Дорина

Тартюф? Он духом был велик:
Желая против мук держаться наготове
И дабы возместить ущерб хозяйской крови,
За завтраком бутыль он осушил до дна.

Оргон

Ах, бедный!

Дорина

Но теперь окрепла и она;
И я бегу скорей, чтоб ей сказать два слова
О том, как рады вы, что барыня здорова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оргон, Клеант

Клеант

Она же вам в глаза смеется, милый зять!
И, не желая вас нисколько раздражать,
Я прямо вам скажу, что это по заслугам.
Ну, позволительно ль страдать таким недугом?
Ведь не сидит же в нем и вправду колдовство,
Что вы все на земле забыли для него,
Что, дав ему у вас разжиться на покое,
Вы собираетесь...

Оргон

Нет, это все пустое.
Да вы его, к тому ж, не знаете совсем.

Клеант

Допустим я его не знаю, но затем,
Чтоб человека знать, мне кажется, едва ли...

Оргон

Ах, шурин, если б вы и впрямь его узнали,
Вы в восхищении остались бы навек!
Вот это человек... который... человек!
Кто следует ему, вкушает мир блаженный,
И мерзость для него все твари во вселенной.
Я становлюсь другим от этих с ним бесед;
Он всех мирских прилеп во мне стирает след
И делает меня чужим всему на свете;
Пусть у меня умрут брат, мать, жена и дети,
Мне это станется не более, чем вот.

Клеант

Как человечно то, что он преподает!

Оргон

Ах, если б так, как мне, его пришлось вам встретить,
Вы не могли б его любовью не отметить!
Он в церковь приходил вседнесно, тих, смирен,
Молился близ меня и не вставал с колен.
Он привлекал к себе все взоры понемногу,
Так пламенна была его молитва богу;
Он простирался ниц, и воздыхал в тиши,
И землю лобызал от полноты души;
Когда я выходил, он поспешал ко входу,
Чтоб своеручно мне подать святую воду.
Из уст его слуги, который был как он,
Узнав, кто он такой, что он всего лишен,
Я стал его кой-чем дарить; но каждократно
Меня он умолял частицу взять обратно.
«Нет, — говорил он мне, — довольно мне и треть;
Не стою я того, чтобы меня жалеть».
Когда ему на то я отвечал отказом,
Он тут же к нищим шел и раздавал все разом.
Тогда, вняв небесам, его к себе я ввел,
И с той поры мой дом поистине процвел.
Здесь он за всем следит, и я доволен очень,
Что и моей женой он кровно озабочен:
Он сообщает мне, кто строит ей глаза,
И чуть ли не меня ревнивей в три раза.
Но до чего свое он простирает рвенье!
Себе он сущий вздор вменяет в преступленье;
Скорбит о пустяке, как бы он ни был мал.
Намедни он себя жестоко упрекал
За то, что изловил блоху, когда молился,
И, щелкая ее, не в меру горячился.

Клеант

Да вы с ума сошли, ей-богу, мой родной!
Или вы попросту смеетесь надо мной?
Вы полагаете, что этаким безумством...

Оргон

Мой шурин, ваш ответ проникнут вольнодумством:
Оно и вообще в душе сидит у вас;
И, как я вам уже предсказывал не раз,
Вы на себя еще накличете напасти.

Клеант

Вот так витийствуют все люди вашей масти:
Вам нужно лишь таких, как сами вы, слепцов,
И вольнодумец тот, кто зрением здоров;
А кто не умилен притворным обезьянством,
Тот не щадит святынь и дышит окаянством.
Оставьте! Ваших слов не испугаюсь я;
Я смело говорю — и небо мне судья.
Меня не проведет какой-нибудь кривляка.
Притворный праведник — что показной вояка;
И как не видим мы, чтоб в час отважных дел
Доподлинный храбрец всех более шумел,
Так истый праведник, чья жизнь примерна, тоже
Не тот, кто напоказ гуляет с постной рожей.
Как? Неужели вы не видите того,
Где благочестие и где лишь ханжество?
Ужель вы мерите их мерою единой,
Не зная разницы меж ликом и личиной,
Чистосердечие отождествив с игрой,
Смешав действительность с обманчивой марой,
Не отличая плоть от оболочки лживой
И полноценную монету от фальшивой?
Как странно, право же, устроен человек!
Естественным его не видим мы вовек;
Пределы разума ему тесней темницы;
Он силится во всем переступать границы;
И наилучшие из всех своих даров
Преувеличеньем он исказить готов.
Все это просто так вы к сведенью примите.

Оргон

Еще бы! Ведь вы всех ученых знаменитей:
Познанья всей земли ваш разум совместил;
Вы наших дней мудрец, светило из светил,
Оракул и Катон, единый на примете;
И, с вами коль сравнить, все дураки на свете.

Клеант

Нет, я ученостью отнюдь не знаменит,
Познаний всей земли мой разум не хранит.
Но, если то назвать наукою возможно,
Умею отличить, что истинно, что ложно.
И как, по-моему, из всех героев тот
Достойнее хвалы, кто праведно живет,
И нет возвышенней и чище поученья,
Чем подлинный огонь спасительного рвенья, —
Так ничего гнусней и мерзостнее нет,
Чем рвенья ложного поддельно яркий цвет,
Чем эти ловкачи, продажные святоши,
Которые, наряд напялив скомороший,
Играют, не страшась на свете ничего,
Тем, что́ для смертного священнее всего,
Чем люди, полные своекорыстным жаром,
Которые, кормясь молитвой как товаром,
И славу и почет купить себе хотят
Ценой умильных глаз и вздохов напрокат,
Чем люди, говорю, которые со страстью
Небесною стезей бегут к земному счастью,
Канючат каждый день, взор возведя горе,
К пустынножительству взывают при дворе,
Умеют святостью прикрыть свои пороки,
Проворны, мстительны, бессовестны, жестоки
И, чтобы погубить другого́, рады вплесть
Небесный промысел в свою слепую месть;
Тем боле страшные в пылу неукротимом,
Что борются они оружьем, всеми чтимым,
Что их неистовство, дабы сердца привлечь,

Для злодеяния берет священный меч.
Они немалую посеяли заразу;
Но истый праведник распознается сразу.
И в наши времена, мой зять, святых сердец
Нам явлен не один высокий образец:
Возьмите Прокла вы, возьмите вы Клитандра,
Оронта, Горгия, Даманта, Периандра;
За ними этот сан мы все признать должны;
При всех достоинствах, они не хвастуны,
И в чванстве их никто не обвинит, конечно;
Их благочестие терпимо, человечно;
Они своим судом не судят наших дел,
Блюдя смирению положенный предел,
И, гордые слова оставив лицемерам,
Нас научают жить делами и примером.
Душа их не кипит пред кажущимся злом,
Они всегда склонны найти добро в другом.
Коварство, происки не встретят в них оплота;
Для них достойно жить — единая забота;
Они на грешника не злобны никогда,
Единственно к греху пылает в них вражда,
И угрожать они не станут небесами
Рьяней, чем небеса того желают сами.
Вот это — люди, вот как надо поступать,
Вот нам с кого пример необходимо брать.
По правде, ваш жилец не этого разбора.
Вы очень искренне пленились им, нет спора;
Но и не золото слепит нас иногда.

Оргон

Любезный шурин мой, вы все сказали?

Клеант

Да.

Оргон

Покорнейший слуга.

(*Хочет идти*)

Клеант

Минутку, погодите.
Оставим этот спор. Вы вот что мне скажите:
Валеру, как отец, вы дали слово; так?

Оргон

Так.

Клеант

И условились, когда свершится брак?

Оргон

Да, верно.

Клеант

Для чего ж вы медлите с обрядом?

Оргон

Не знаю.

Клеант

Или вы к другим склонились взглядам?

Оргон

Как знать.

Клеант

Согласие берете вы назад?

Оргон

Я это не сказал.

Клеант

Нет никаких преград,
Мне кажется, чтоб вам исполнить обещанье.

Оргон

Как посмотреть.

Клеант

К чему такое вдруг виляньe?
Валер меня просил все точно разузнать.

Оргон

И очень хорошо.

Клеант

Что мне ему сказать?

Оргон

Все, что желаете.

Клеант

Но так же не годится.
Нам надо знать, что вы решили.

Оргон

Положиться
На приговор небес.

Клеант

Ведь это ж не ответ.
Вы отступаетесь от слова или нет?

Оргон

Прощайте.

[*Уходит*]

Клеант

Я боюсь, Валера ждет опала,
И я хотел бы с ним поговорить сначала.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Оргон, Мариана

Оргон

А, дочь моя!

Мариана

Отец!

Оргон

Мне надо, дочь моя,
Вам кое-что сказать.

Мариана [*Оргону, который заглядывает в соседнюю комнатку*]

Что ищете вы?

Оргон

Я
Смотрю, нет ли кого, случайно, в гардеробной;
Уж очень уголок для слушанья удобный.
Ну вот, все хорошо. Вы, Мариана, мне
Всегда казались смиренною вполне;
Поэтому я вас всегда любил сердечно.

Мариана

Отцовская любовь ценна мне бесконечно

Оргон

Отлично сказано; и чтоб ее стяжать,
Вам надобно отца всемерно ублажать.

Мариана

О высшей никогда я не пеклась заслуге.

Оргон

Так. Что вы скажете о нашем новом друге?

Мариана

Кто? Я?

Оргон

Вы. Но к своим прислушайтесь словам.

Мариана

Что ж, я о нем скажу все, что угодно вам.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Оргон, Мариана, Дорина [*которая входит неслышно и становится позади Оргона так, что тот ее не замечает*]

Оргон

Ответ разумнейший. Скажите же, что, мол, он
От головы до ног достоинств редких полон,
Что вам он мил и вы хотели бы, чтоб я
Вам, дорогая дочь, избрал его в мужья.
А?

(*Мариана удивленно отступает*)

Мариана

А?

Оргон

Ну?

Мариана

Как?

Оргон

Ну что?

Мариана

Иль я не разобрала?

Оргон

Как?

Мариана

Это вы о ком хотите, чтоб сказала
Я вам, что, дескать, он мне дорог и что я
Хочу, чтобы вы его избрали мне в мужья?

Оргон

Да о Тартюфе.

Мариана

Нет, отец, я лгать не стану.
Что за охота вам склонять меня к обману?

Оргон

Но я хочу и впрямь, чтоб было так оно;
Довольно с вас того, что это решено.

Мариана

Как? Вы хотели бы...

Оргон

Избрав ему супругу,
Тартюфа приобщить к семейственному кругу.

На вас он женится, вот только и всего;
И так как сами вы, конечно...

[*Заметив Дорину*]

Вам чего?
Уж очень, милая, вы любопытны, видно,
Что так подслушивать являетесь бесстыдно.

Дорина

Не знаю и сама, по правде говоря,
Откуда слух такой, — должно быть, просто зря, —
Но слышала и я про эту свадьбу тоже;
Да только это все на выдумку похоже.

Оргон

Как? Вам не верится?

Дорина

Настолько, что сейчас
Не верю и тому, что слышала от вас.

Оргон

Есть способ у меня уверить вас на деле.

Дорина

Ну, да! Вы просто нас развеселить хотели.

Оргон

Я говорю лишь то, о чем решен вопрос.

Дорина

Оставьте!

Оргон

Дочь моя, я говорю всерьез.

Дорина

Ах, полно, барышня, не верьте вы папаше:
Смеется он.

Оргон

Я вас...

Дорина

Да бросьте шутки ваши,
Мы не поверим вам.

Оргон

Прошу к моим словам...

Дорина

Ну, ладно, верим мы; и тем стыднее вам.
Как, сударь? Мыслимо ль, чтоб, в этакие годы,
Почтенный человек, почти седобородый,
Таким безумцем был, чтоб...

Оргон

Милая моя,
У вас есть вольности в речах, которых я
Не потерплю; я вас предупреждаю строго.

Дорина

Давайте говорить спокойно, ради бога.
Ведь это все равно что балаган, точь-в-точь.
На что кутейнику, скажите, ваша дочь?
Он должен помышлять насчет других занятий.
И что вам за корысть была бы в этом зяте?
Где ж это видано, чтоб от таких деньжищ
Искали нищего?..

Оргон

Молчите! Коль он нищ,
То он становится для нас еще почтенней.
Такая нищета всех кладов драгоценней;
Превыше роскоши он ею вознесен,
Затем что сам себя дал обездолить он

Своей беспечностью к богатствам быстротечным
И нерушимою любовью к благам вечным.
Но с помощью моей, я знаю наперед,
Он выйдет из нужды и свой удел вернет:
Земля его отцов слыла весьма доходной;
Ведь он хоть оскудел, а крови благородной.

Дорина

Да, так он говорит; но это — суета,
Невместная душе, которая свята.
Тому, кто одержим благочестивым рвеньем,
Кичиться не к чему своим происхожденьем,
И кто смирению душой отдался весь,
Тот должен угасить в себе мирскую спесь.
Что в ней?.. Ну, вот, опять я чую вашу злобу;
Оставим род его, возьмем его особу.
Ужель, по-вашему, быть может отдана
Такому вот, как он, такая, как она?
Да вы подумайте хотя б о доброй славе
И о последствиях, которых ждать вы вправе!
Ведь если девушку к венцу насильно весть,
То может пострадать супружеская честь;
Ее желание быть мужу верным другом
Зависит от того, кто будет ей супругом,
И те, кому перстом повсюду тычут в лоб,
Те сами сделали из жен таких особ.
Ведь очень нелегко — об этом нет и спора —
Быть верными мужьям известного разбора;
И кто приводит дочь насильственно к венцу,
За все ее грехи ответствует творцу.
Какой себе удел вы строите жестокий!

Оргон

Смотрите, у кого я должен брать уроки!

Дорина

Вам не мешало бы их слушать иногда.

Оргон

Оставим, дочь моя, все это ерунда.
Я — ваш отец, и вам я не хочу дурного.
Вы скажете, я дал уже Валеру слово?
Но, сверх того, что он, как говорят, игрок,
В нем вольномыслия сидит еще порок:
Я замечал, что он гнушается церквами.

Дорина

Вам надо, чтобы он бежал туда за вами
И выставлял свое усердье напоказ?

Оргон

Об этом, милая, не спрашивают вас.
А у Тартюфа все по части неба гладко,
И это всякого полезнее достатка.
Для вас же этот брак, ну, просто будет клад,
Сплетение утех и всяческих услад.
Вы с мужем будете, все позабыв на свете,
Как пара голубков, как маленькие дети;
Он примет, как закон, ваш самый легкий знак,
А вы им будете вертеть и так и сяк.

Дорина

Она? Она ему наставит нос, поверьте.

Оргон

Вот речи!

Дорина

Да его вы только к ней примерьте:
С ним вашей дочери не уберечься зла,
Как добродетельна она бы ни была.

Оргон

Молчите! Вы сказать и слова не даете,
Перебиваете и всюду нос суете!

Дорина

Ведь я о вашем же спокойстве хлопочу.

[Она перебивает его всякий раз, как он оборачивается к дочери]

Оргон

Забота лишняя. Я слушать не хочу.

Дорина

Я б не любила вас...

Оргон

Прошу вас, не любите.

Дорина

А вот, я вас люблю, хотите, не хотите.

Оргон

А!

Дорина

Я не потерплю, чтоб вашу честь таскал
С порога на порог досужий зубоскал.

Оргон

Да замолчите вы?

Дорина

Дать сбыться их союзу —
Ведь это, право же, на совесть класть обузу.

Оргон

Умолкнешь ли, змея, чей дерзновенный зев...

Дорина

Что это? Богомол — и вдруг приходит в гнев?

Оргон

Да, у меня вся желчь кипит от этой чуши!
Прошу тебя, молчи и не терзай мне уши.

Дорина

Молчу. Но думаю при этом про себя.

Оргон

И думай, бог с тобой; но только не трубя
Об этом вслух, не то...

(Обращаясь к дочери)

Итак, как твой родитель,
Я зрело взвесил все.

Дорина [*в сторону*]

А вы, вот, не хотите ль
Теперь молчать!

(Чуть только он поворачивает голову, она умолкает)

Оргон

Тартюф красавцем не слывет,
Но все же он таков...

Дорина [*в сторону*]

Он попросту урод.

Оргон

Что, если бы тебе и были безразличны
Иные качества...

Дорина [*в сторону*]

Да, муженек отличный!

(Оргон поворачивается к Дорине и слушает ее, скрестив руки и смотря ей в лицо)

Нет, безнаказанно меня-то уж никак
Никто бы не втянул в такой насильный брак;

Я доказала бы, не выжидая срока,
Что женщине ходить за мщеньем недалеко.

Оргон [*Дорине*]

Так значит, на ветер словами я сорю?

Дорина

Да что вы? Разве же я с вами говорю?

Оргон

А что ж ты делаешь?

Дорина

Я говорю с собою.

Оргон

Отлично.

[*В сторону*]

Если я чего-нибудь да стою,
Я ей закрою рот вот этою рукой.

[*Он все время готов дать Дорине пощечину; и при каждом слове, которое он говорит дочери, он оборачивается, чтобы взглянуть на Дорину, но та стоит молча*]...

Вы, дочь моя, должны одобрить выбор мой...
Поверить, что супруг... которого сначала...

[*Дорине*]

Что ж ты не говоришь?

Дорина

Я все уже сказала.

Оргон

Ну, хоть одно словцо.

Дорина

Я на слова скупа.

Оргон

А я-то поджидал.

Дорина

Да я не так глупа.

Оргон [*Мариане*]

Короче, вы должны явить повиновенье
И всепочтительно принять мое решенье.

Дорина [*убегая*]

Кто выйдет за него, не выжив из ума?

(*Оргон хочет дать ей пощечину и промахивается*)

Оргон

Вот уж, скажу я вам, поистине чума,
С которой без греха не проживешь и суток!
Я больше говорить не в силах, кроме шуток;
Она меня совсем расстроила, грубя.
Мне надобно пройтись, чтобы придти в себя.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мариана, Дорина

Дорина

Вы что же, я спрошу, лишились, видно, речи
И просто вашу роль взвалили мне на плечи?
Вам предлагают вздор, каких не видел свет, —
И хоть бы полсловца нашлось у вас в ответ!

Мариана

Но что же делать мне против отцовской власти?

Дорина

А то, что следует при этакой напасти.

Мариана

Но что?

Дорина

Сказать ему, что всякий любит сам,
Что не ему вступать в замужество, а вам,
Что так как будете жить с человеком вы же,
То вам, а не ему, он должен быть всех ближе
И что коли Тартюф его душе так мил,
То пусть бы на себе его он и женил.

Мариана

Увы, могущество отцовского начала
Над нами таково, что я всегда молчала.

Дорина

Послушайте. Кому вас обещал отец?
Вам дорог ваш Валер, или любви конец?

Мариана

Как ты мою любовь, Дорина, судишь ложно!
Да разве же о том и спрашивать возможно?
Ведь сердце пред тобой открыла я вполне,
И знаешь ты сама, как он желанен мне.

Дорина

Кто знает, сердце ли глаголало устами
И в правде ваших чувств уверены ль вы сами?

Мариана

Так говорить тебе, Дорина, просто грех:
О том, как я люблю, ты знаешь лучше всех.

Дорина

Так, значит, он вам мил?

Мариана

Он мне всего дороже.

Дорина

И вы ему милы, повидимому, тоже?

Мариана

Мне кажется.

Дорина

И вам вступить взаимно в брак
Обоим хочется?

Мариана

Да, безусловно так.

Дорина

Ну, а с намереньем папаши что же будет?

Мариана

Я порешу с собой, коли меня принудят.

Дорина

Отлично; ведь и впрямь, какой простой исход:
Взять, да и умереть, чтоб не было хлопот;
Прием лечения спасительный и скорый.
Меня так бесят вот такие разговоры!

Мариана

Ты на меня кричишь, как будто я злодей!
В тебе нет жалости к несчастиям людей.

Дорина

Во мне нет жалости, когда нас кормят чушью
И, чуть что, уступить готовы малодушью.

Мариана

Но что же делать мне, когда я так робка?

Дорина

Ах, в истинной любви душа всегда стойка.

Мариана

Но разве не стойка моя любовь и вера?
И убедить отца — не дело ли Валера?

Дорина

Как? Если ваш отец отъявленный чудак,
Которого Тартюф колпачит так и сяк,
И он готов забыть все, что ни есть на свете,
То может ли Валер за это быть в ответе?

Мариана

Но ведь презрительный и громкий мой отказ
Всю страсть моей души явил бы напоказ.
Могу ли я, презрев веления приличий,
Забыть дочерний долг и даже стыд девичий?
Ты хочешь, чтобы я то́, что в тиши досель...

Дорина

Нет, нет, мне все равно. Я вижу, ваша цель —
Стать госпожей Тартюф. И было бы, конечно,
Вас отговаривать довольно бессердечно.
Да и с чего бы вдруг и вмешиваться мне?
Ведь это партия завидная вполне.
Как? Господин Тартюф? Да как же можно, право?
Ведь господин Тартюф, когда рассудишь здраво, —
Любому жениху, скажу вам, нос утрет,
И та — счастливица, кто за него пойдет,
Его весь божий свет увенчивает славой;
Он дома дворянин, собою величавый;
Дороден, красноух, бел и румян лицом;
Завидная судьба — смениться с ним кольцом.

Мариана

О боже!..

Дорина

Голова у вас запляшет кру́гом:
Такого молодца назвать своим супругом!

Мариана

О, я прошу тебя, брось эту злую речь!
Подумай, как меня вернее оберечь.
Довольно, я сдаюсь и я на все готова.

Дорина

Нет, надо слушаться родительского слова,
Хотя бы вас вели с мартышкой под венец.
Чего же надо вам, скажите, наконец?
Вас отвезет рыдван в спокойный городишко,
Негаданной родней обильный до излишка
И полный прелестью семейственных бесед.
Сперва вас поведут знакомить в высший свет:
Вас молодой супруг представит всепервейше
Мадам исправнице и госпоже судейше,
И те любезно вам складной предложат стул;
На масляной вас ждет веселье и разгул:
Бал и большой оркестр, не шутка, — две волынки,
И обезьянщики, и балаган на рынке,
Конечно, если муж...

Мариана

Ах, просто силы нет!
Ты лучше мне подай какой-нибудь совет.

Дорина

Покорная слуга!

Мариана

Дорина, ради бога...

Дорина

Вас надо наказать; туда вам и дорога.

Мариана

Мой друг!

Дорина

Нет.

Мариана

Если я не скрою ничего...

Дорина

Нет; вам сужден Тартюф, отведайте его.

Мариана

Я верила тебе, и мне твое злословье
Теперь...

Дорина

Нет, кончено; тартюфьтесь на здоровье.

Мариана

Ну, что ж? Коль ты моей не тронута судьбой,
Оставь меня страдать наедине с собой.
Отчаянье само внушит мне твердость воли,
Чтоб положить конец моей душевной боли.
(*Хочет идти*)

Дорина

Нет, нет, вернитесь. Гнев я, так и быть, уйму.
Вас надо пожалеть, наперекор всему.

Мариана

Знай, если мне нельзя избегнуть этой муки,
Я на себя сама накладываю руки.

Дорина

Ну, не терзайтесь же. Путем искусных мер
Возможно помешать... Но вот и ваш Валер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Валер, Мариана, Дорина

Валер

Сударыня, меня обрадовали вестью
О том, что можно вас поздравить с редкой честью.

Мариана

А что?

Валер

Вам сватают Тартюфа.

Мариана

Да, отец
Желает, чтоб я шла с Тартюфом под венец.

Валер

Но как же? Ваш отец...

Мариана

Переменил решенье;
Он сделал мне сейчас такое предложенье.

Валер

Как? В самом деле так?

Мариана

Да, в самом деле так.
Он очень горячо стоит за этот брак.

Валер

А вам, сударыня, сказать не будет трудно,
Как думаете вы?

Мариана

Не знаю.

Валер

Это чудно!
Не знаете?

Мариана

Нет.

Валер

Нет?

Мариана

А ваш какой совет?

Валер

Да взять его в мужья, естественный ответ.

Мариана

Так это ваш совет?

Валер

Да.

Мариана

Не шутя?

Валер

Еще бы:
Приятно стать женой столь избранной особы.

Мариана

Ну, что же, ваш совет, пожалуй, я приму.

Валер

И рады будете последовать ему?

Мариана

Не меньше, чем его подать вы были рады.

Валер

Я подал вам его, чтоб устранить преграды.

Мариана

А я приму его, чтоб успокоить вас.

Дорина [*отходя в глубь сцены*]

Посмотрим, что у них получится сейчас.

Валер

Вот как вы любите! Так значит, наши встречи
И ваш...

Мариана

Я вас прошу, оставим эти речи.
Вы заявили мне, без дальних слов, что я
Должна послушаться и взять его в мужья;
А я вам говорю, что и решим на этом,
Раз вы ко мне пришли с таким благим советом.

Валер

Доказывать, что я ж и виноват, — смешно.
У вас заранее все было решено;
Вам нужен лишь предлог, будь он пустей пустого,
Чтобы удобнее свое нарушить слово.

Мариана

Прекрасно сказано.

Валер

Конечно, в глубине,
У вас прямой любви и не было ко мне.

Мариана

Что ж, вам запрета нет быть и такого мненья.

Валер

Да, мне запрета нет; но, в гневе оскорбленья,
Я ваши замыслы, быть может, упрежу;
Я знаю, к чьим ногам я сердце положу.

Мариана

Вас верный ждет успех; тот, кто такими славим
Достоинствами...

Валер

Ах, достоинства оставим:
Я ими не богат, тому порукой вы.
Но, может быть, не все душою так черствы;
И есть одна душа, чья доброта, я верю,
Готова, не стыдясь, мне возместить потерю.

Мариана

Потеря так мала, что это не беда;
Вы в ней утешитесь без всякого труда.

Валер

Я попытаюсь, да, прошу вас верить твердо.
У тех, кто позабыт, невольно сердце гордо;
Они стараются и сами позабыть;
Кто этого не мог, тот должен это скрыть;
Ничтожным назовет и невысокомерный
Того, кто не смирил своей любви к неверной.

Мариана

Что ж, то возвышенный и благородный взгляд.

Валер

Вот именно; и все вам это подтвердят.
Как? Вы хотели бы, чтоб в этом сердце вечно
Жил пламень, вами же зажженный бессердечно,
И чтобы я смотрел, как вас берет чужой,
И не искал других отверженной душой?

Мариана

Напротив: то исход, по-моему, счастливый;
И мне хотелось бы, чтобы скорей нашли вы.

Валер

Вам бы хотелось?

Мариана

Да.

Валер

Довольно, я прошу.
Я все сегодня же исполнить поспешу.
[*Делает шаг к выходу*]

Мариана

Отлично.

Валер [*возвращаясь*]

Помните, что вы на это сами
Меня толкаете своими же руками.

Мариана

Да.

Валер

И, забвения ища на стороне,
Я следую лишь вам.

Мариана

Вы следуете мне.

Валер [*уходя*]

То будет счастлива узнать одна особа.

Мариана

Тем лучше.

Валер [*опять возвращаясь*]

Мы уже не встретимся до гроба.

Мариана

И в добрый час.

Валер [*оборачиваясь у самого выхода*]

А?

Мариана

Что?

Валер

Меня вы звали?

Мариана

Я?

Ничуть.

Валер

Прощайте же, сударыня моя.

[*Медленно уходит*]

Мариана

Прощайте, сударь мой.

Дорина [*Мариане*]

По вашим милым шуткам
Я вижу, что и вы, и он больны рассудком.
И я давала вам весь этот вздор нести,
Чтоб посмотреть, к чему он может привести.
Эй, господин Валер!

[*Удерживает Валера за руку*]

Валер [*притворно сопротивляясь*]

Чего тебе, Дорина?

Дорина

Подите-ка сюда.

Валер

Нет, мне ясна картина.
И я бы должен был так поступить давно.

Дорина

Да погодите же.

Валер

Нет, это решено.

Дорина

О боже!

Мариана [*в сторону*]

Он моим присутствием томится,
И лучше мне самой отсюда удалиться.

Дорина [*оставляя Валера и догоняя Мариану*]

Теперь она. Куда?

Мариана

Оставь.

Дорина

Прошу назад.

Мариана

Нет, нет, меня ничьи мольбы не воротят.

Валер [*в сторону*]

Я вижу, для нее мой вид — сплошная мука,
И лучшее для нас — скорейшая разлука.

Дорина (*оставляя Мариану и догоняя Валера*)

Опять? Да бросьте вы! Ну, что за ерунда!
Извольте оба вы пожаловать сюда.

[*Берет Валера и Мариану за руку и приводит их назад*]

Валер [*Дорине*]

Ты что затеяла?

Мариана [*Дорине*]

Какая польза в этом?

Дорина

Хочу вас помирить и вам помочь советом.

[*Валеру*]

В своем ли вы уме? Вдруг этакий задор!

Валер

Ведь ты же слышала, какой был разговор?

Дорина [*Мариане*]

А вы с ума сошли? С чего надули губки?

Мариана

Ведь ты же видела сама его поступки?

Дорина

Все это глупости.

[*Валеру*]

Она весь пламень свой
Вам дарит одному, ручаюсь головой.

[*Мариане*]

Он любит вас одну и никого другого
Не хочет, кроме вас; я присягнуть готова.

Мариана [*Валеру*]

Зачем же мне тогда такой давать совет?

Валер [*Мариане*]

Зачем же спрашивать, коли сомнений нет?

Дорина

Вы сумасшедшие. Давайте руки.

[*Валеру*]

Что же?

Ну?

Валер [*давая Дорине руку*]

Но зачем тебе моя рука?

Дорина [*Мариане*]

Вы тоже.

Мариана [*давая руку тоже*]

К чему все это?

Дорина

Так, не мешкайте, смелей.
Ну, кто, когда и где друг другу был милей?

[*Валер и Мариана держатся некоторое время за руку, не глядя друг на друга*]

Валер [*оборачиваясь к Мариане*]

Вы делаете вид, что вам ужасно трудно;
Нельзя же на людей так злиться безрассудно.

[*Мариана оборачивается к Валеру и улыбается ему*]

Дорина

Влюбленным никогда рассудок не указ.

Валер [*Мариане*]

Ведь я же вправе был обидеться на вас.
Ну, разве, я спрошу, не злое развлеченье —
Желать мне причинить такое огорченье?

Мариана

А вы? Ну, как могло сорваться с языка...

Дорина

Отложим этот спор на после, а пока
Подумаем насчет несчастной этой свадьбы.

Мариана

Так посоветуй нам, скажи, чем помешать бы.

Дорина

Мы будем действовать пока и так, и сяк.

[*Мариане*]

Ваш батюшка чудит,

[*Валеру*]

но это все пустяк;

[*Мариане*]

Однако вы должны его затеям вздорным
Наружно отвечать смирением покорным,
Чтоб, в случае чего, не гневая отца,
Тянуть с помолвкою и свадьбой без конца.
Отсрочка день за днем для вас всего полезней.
То вдруг у вас пойдут нежданные болезни,
И надо будет ждать, чтобы простыл их след;
То выйдет полоса ужаснейших примет:
Вам, скажем, встретился на улице покойник,
Разбилось зеркало, приснился рукомойник.
Вся суть лишь в том, чтоб вас никто и никуда
Пока не выдавал, чтоб не сказать вам «да».

Но, если дорог вам успех, скажу по чести,
Старайтесь, чтобы вас не заставали вместе.

[*Валеру*]

Идите и пускай друзья помогут вам
Добиться верности торжественным словам.

[*Мариане*]

А мы содействием воспользуемся брата,
Причем и мачеха нам будет вместо свата.

[*Валеру*]

Прощайте.

Валер [*Мариане*]

Будем все бороться за успех;
Но только я на вас надеюсь больше всех.

Мариана [*Валеру*]

К каким бы мой отец ни обратился мерам,
Меня уже ничто не разлучит с Валером.

Валер

Я счастлив! Если кто решится предвещать...

Дорина

Ах, вот уж мастера влюбленные трещать!
Ступайте, ну!

Валер (*делает шаг и возвращается*)

Потом...

Дорина

Ну, и болтушки, право!
Налево, сударь мой; сударыня, направо.

[*Дорина толкает их за плечи и принуждает расстаться*]

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дамис, Дорина

Дамис

Пусть разразит меня на этом месте гром,
Пусть прослыву везде первейшим подлецом,
Коль дам себя смирить почтеньем или страхом
И сам не порешу всего единым махом!

Дорина

Помилосердствуйте, умерьте этот пыл:
Об этом ваш отец ведь только говорил.
Не все сбывается, чего душа хотела,
И путь не короток от замысла до дела.

Дамис

Я должен прекратить проделки наглеца
И на ухо ему сказать два-три словца.

Дорина

Нет, нет! Надзор за ним, равно как за папашей,
Вы лучше мачехе препоручите вашей.
Над мыслями ханжи она кой в чем властна;
Он кротко слушает, что ни скажи она,
И даже, может быть, влюблен в нее безгрешно.
Ах, если бы и впрямь! Вот было бы потешно!
Ей хочется иметь с Тартюфом разговор:
Узнать, что думает он с некоторых пор,

Спросить, действительно ль он вел с отцом беседы,
И показать ему, какие выйдут беды,
Коль он таит надежд хоть маленький запас.
Слуга его сказал: он молится сейчас,
Но скоро спустится; я буду дожидаться,
А вам уже никак нельзя тут оставаться.

Дамис

Я разговору их не поврежу ничем.

Дорина

Нельзя. Оставьте их вдвоем.

Дамис

Я буду нем.

Дорина

Да вы смеетесь, что ль? Все знают ваши вспышки,
А это верный путь испортить нам делишки.
Ступайте.

Дамис

Я себя сумею превозмочь.

Дорина

Несносный! Он идет. Скорей бегите прочь.

[*Дамис прячется в смежную комнатку, в глубине сцены*]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тартюф, Дорина

Тартюф [*заметив Дорину, громко обращается к слуге за сценой*]

Лоран, примите плеть, примите власяницу,
И сердцем вышнюю благословим десницу.
Коль будут спрашивать, то я пошел в тюрьму
Снесть лепту скудную поверженным во тьму.

Дорина [*в сторону*]

Что за кривляние и в речи, и во взгляде!

Тартюф

Вам что?

Дорина

Хочу сказать...

Тартюф [*доставая из кармана платок*]

Но только, бога ради,
Пожалуйста, сперва возьмите мой платок.

Дорина

Зачем?

Тартюф

Прикройте грудь, чтоб я вас слушать мог:
Нам возмущают дух подобные предметы,
И мысли пагубным волнением согреты.

Дорина

Ужели вам соблазн так трудно побороть
И столь смутительно на вас влияет плоть?
О вашей пылкости не мне иметь сужденье,
Но я не так легко впадаю в вожделенье
И, даже если б вы разделись догола̀,
Всей кожей, что на вас, прельститься б не могла.

Тартюф

Нельзя ли быть скромней хотя б наполовину?
А иначе я вас немедленно покину.

Дорина

Нет, нет, я и сама мешать не стану вам,
И вся-то речь моя сведется к двум словам.

Так вот что: барыня хотела быть здесь вскоре
И очень просит вас о кратком разговоре.

Тартюф

Ах, с удовольствием!

Дорина [*в сторону*]

Где гневные слова?
Ей-ей, мне кажется, что я была права.

Тартюф

Когда ж она придет?

Дорина

Да это не она ли?
Она и есть. Уйду, чтоб вы меня не гнали.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эльмира, Тартюф

Тартюф

Пусть благодать небес, источник всех щедрот,
Вам здравие души и тела ниспошлет
И долгоденствие, как их об этом молит
Смиреннейший из всех, кому их свет был пролит.

Эльмира

Я благодарна вам за добрые слова.
Но только, может быть, присядемте сперва.

Тартюф [*усевшись*]

Так вы оправились от вашей лихорадки?

Эльмира [*усевшись*]

Да, этот приступ был, по счастью, очень краткий.

Тартюф

Увы, моих молитв вполне ничтожен вес,
Не ими снискано внимание небес;
Но я не возносил ни одного моленья,
В котором бы для вас не жаждал исцеленья.

Эльмира

Мне, право, совестно такую слышать речь.

Тартюф

Чтоб ваше нежное здоровье оберечь,
Готов я своему нанесть ущерб здоровью.

Эльмира

Так христианскою не велено любовью,
И перед вами я в весьма большом долгу.

Тартюф

Для вас я сделал бы и больше, чем могу.

Эльмира

Мне вас кой-что спросить хотелось по секрету,
И очень хорошо, что никого здесь нету.

Тартюф

Я этим восхищен, и с вами сладко мне,
Сударыня, вот так побыть наедине:
Об этом я давно молил с тоскою жгучей,
И небо, наконец, мне посылает случай.

Эльмира

Хотела я вопрос задать вам небольшой;
Но отвечайте мне с открытою душой.

[*Дамис, чтобы слышать разговор, приотворяет дверь комнаты, где он спрятался, но сам не показывается*]

Тартюф

Я сам всегда мечтал о счастии высоком
Все сердце целиком явить пред вашим оком,
Сказать, что если я и сетовал о том,
Что прелесть ваших чар всех манит в этот дом,
То был руководим отнюдь не неприязнью,
А только рвением и набожной боязнью,
Порывом...

Эльмира

Я сама уверена была:
Вас о моей душе забота увлекла.

Тартюф [*беря Эльмиру за руку и сжимая ей пальцы*]

О да, сударыня, и для ее спасенья...

Эльмира

Ой, ой, не жмите так!

Тартюф

Ах, то избыток рвенья;
И если сделал я вам больно, хоть слегка,
То я готов сейчас...

[*Он кладет руку Эльмире на колени*]

Эльмира

Но где у вас рука?

Тартюф

Я бархат пробую, какой он обработки.

Эльмира

Ах, нет, пожалуйста, я не терплю щекотки.

[*Эльмира отстраняет свое кресло; Тартюф пододвигается к ней*]

Тартюф

Что за прелестные, ей-богу, кружева!
Какого в наши дни достигли мастерства!
Мы, кажется, во всем доходим до предела.

Эльмира

Вы правы. Но нельзя ль вернуться к сути дела?
Я слышала, мой муж замыслил новый брак
И прочит дочь за вас. Скажите, это так?

Тартюф

Об этом речь была; но должен вам признаться,
Совсем не к этому мои мечты стремятся:
Иные прелести мой привлекают взгляд
И вожделенное блаженство мне сулят.

Эльмира

Конечно, вас ничто не обольстит земное.

Тартюф

Нет, сердце у меня в груди не ледяное.

Эльмира

Я думала, свой взор вы к небу возвели
И вам неведомы желания земли.

Тартюф

Любовь, влекущая наш дух к красотам вечным,
Не гасит в нас любви к красотам быстротечным;
Легко умилены и очи, и сердца
Пред совершенными созданьями творца.
Ведь то его лучи сияют в вам подобных;
Но в вас он сочетал всю прелесть чар беззлобных:
Он вашему лицу дал яркость красоты,
Смущающую взор, влекущую мечты,
И я не в силах зреть ваш облик совершенный,

Не восхищаясь в нем зиждителем вселенной,
И пламенной любви не повторять слова
Пред самым редкостным подобьем божества.
Сперва боялся я, что этот пламень томный,
Быть может, духа тьмы подарок вероломный,
И даже вас бежать я замышлял в тиши,
Дабы не жертвовать спасением души;
Но понял, наконец, о сладостное диво,
Что в этой страсти нет греховного порыва,
Что целомудрия не осквернит она,
И сердце с той поры вам посвятил сполна.
Я очень дерзостен, сударыня, я знаю,
Когда я говорю, что сердце вам вручаю;
Но мне надеждою лишь ваша доброта:
Убогих сил моих мне явственна тщета;
Вы для меня — покой, отрада, упованье,
Вы можете мне дать блаженство и страданье,
И всю мою судьбу решает ваш ответ:
Я счастлив, если «да», несчастлив, если «нет».

Эльмира

Вы очень горячо излили ваши чувства,
Но кто бы ждал от вас подобного искусства?
И ежели у вас так беззащитна грудь,
Вы бы подумали сначала хоть чуть-чуть.
Благочестивый муж, который целым светом...

Тартюф

Да, я благочестив, но человек при этом.
И видевший лучи столь неземных красот
Уже не думает и сердце отдает.
Такие речи мне, вы скажете, невместны;
Но я ж, сударыня, не ангел бестелесный;
И если слов моих преступен страстный жар,
То это — действие прелестных ваших чар.
Едва их дивный блеск узрел мой взор несчастный,
Моей владычицей вы стали полновластной;

Божественных очей неизреченный свет
Сломил мной на себя наложенный обет;
Он пересилил всё — посты, молитвы, слезы —
И к вашим прелестям мои направил грезы.
Мой вздох, мой томный взгляд твердил уже не раз
То, что я голосом вам изъяснил сейчас.
Ах, если в вас найдут хоть каплю состраданья
Смиренного раба душевные терзанья,
И ваши милости его вознаградят,
Склонив к ничтожеству великодушный взгляд,
Я буду к вам всю жизнь, о нежное виденье,
Невыразимое питать благоговенье.
Со мною ваша честь вполне ограждена,
И ни малейших жертв не требует она.
Все эти щеголи, любимцы женщин света,
В поступках и речах не ведают запрета;
Они везде трубят про всякий свой успех,
О каждом торжестве оповещают всех,
И шумный их язык, ведя себя нескромно,
Святыню их души бесчестит вероломно.
Тогда как мы горим невидимым огнем,
И никогда никто не узнает о нем;
Мы так заботимся о нашей доброй славе,
Что наши милые тревожиться не вправе,
И награждаем тех, кто с нами не был строг,
Любовью без молвы и негой без тревог.

Эльмира

Вот я вас слушаю и я была бы рада
Витийству вашему ответить так, как надо.
А не боитесь вы, что я сейчас возьму
И расскажу про все супругу моему?
И как бы, увидав любовь такого рода,
Он прежней дружбе к вам другого не дал хода?

Тартюф

Я знаю, что ваш дух высок и незлобив
И вы простите мне мой дерзостный порыв,

Забудете, что я, покорен высшей власти,
Не удержал восторг вас оскорбившей страсти,
И примете в расчет, вняв собственной красе,
Что я же не слепец и человек, как все.

Эльмира

Другую, может быть, просили б вы напрасно;
Но я, пожалуй что, на этот раз согласна.
Я мужу, так и быть, ни слова не скажу,
Но и на вас зато повинность наложу:
Вы нам должны помочь, открыто, без обмана,
Чтобы вступили в брак Валер и Мариана,—
Не простирать надежд к каким-либо правам
На ту, которая принадлежит не вам,
И...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эльмира, Дамис, Тартюф

Дамис (*выходя из комнатки, где он прятался*)

Нет, сударыня, нельзя молчать об этом.
Я быть свидетелем готов пред целым светом;
Сам бог меня привел вот в этот уголок,
Чтобы с предателя личину я совлек,
Чтобы я мог на суд представить справедливый
Его двуличный нрав, заносчивый и лживый,
И показать отцу воочью наконец,
Кто этот про любовь поющий вам подлец.

Эльмира

К чему? Пусть лучше он изменит поведенье
И постарается снискать мое прощенье.
Так обещала я — и порешим на том.
Я не охотница вносить шумиху в дом:
Любая женщина, как я, на это взглянет
И мужу докучать безделицей не станет.

Дамис

Вы полагаете, что надо сделать так,
Но вас послушаться я не могу никак.
Смешно его щадить, когда пришла расплата;
Зазнавшаяся спесь и чванство пустосвята
Довольно всяких бед наделали у нас,
И гнева моего настал желанный час.
Довольно этот плут отца морочил веру
И безнаказанно вредил мне и Валеру.
Отца давно пора от змея отшатнуть,
И сами небеса мне открывают путь.
Да, этим случаем я небесам обязан;
Им пренебречь нельзя, он свыше предуказан;
И значило бы злу доставить торжество —
Держать его в руках и упустить его.

Эльмира

Дамис...

Дамис

Нет, я прошу, не начинайте торга.
Я, право, сам себя не помню от восторга,
И вы не думайте меня отговорить
От удовольствия злодею отомстить.
Я мешкать не люблю и дело кончу сразу;
Да вот, пожалуйста, все точно по заказу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оргон, Эльмира, Дамис, Тартюф

Дамис

У нас здесь новости для вас припасены,
И вы окажетесь весьма удивлены.
Вы ваши милости дарили не без прока,
И этот господин вам отплатил широко.

Не зная, что в своем усердьи изобресть,
Он, наконец, решил похитить вашу честь,
И я сейчас слыхал, как вашей он супруге
Поведал о своем любовном к ней недуге.
Она, по кротости и доброте души,
Хотела это все похоронить в тиши,
Но я потворствовать нахалу не желаю
И счел бы, что, смолчав, я вас же оскорбляю.

Эльмира

Да, я убеждена, что мелочью такой
Смущать не следует супружеский покой,
И за чужую честь нам нечего бояться;
Довольно, если мы умеем защищаться.
Таков мой взгляд; и вы могли бы так взглянуть,
Дамис, когда б со мной считались хоть чуть-чуть.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оргон, Дамис, Тартюф

Оргон

Что слышу я? Творец! Как? Мыслимо ли это?

Тартюф

Да, брат мой, я злодей, гад, поношенье света,
Несчастная душа, погрязшая во зле,
Последний негодяй из живших на земле;
Мой каждый помысел исполнен гнусной скверны;
Вся жизнь моя — злодейств клубок неимоверный.
Но небо, вижу я, грехи мои казня,
Решило, наконец, уничижить меня.
И, в чем бы вы меня ни обвинили ныне,
Я свой удел приму без гнева и гордыни.
Так верьте же всему, творите ваш закон
И, как преступника, меня гоните вон;

Какое бы меня глумление ни ждало,
Мне, по моим делам, еще все будет мало.

Оргон (*сыну*)

А, плут! Ты думаешь, что этой клеветой
Затмится чистота души его святой?

Дамис

Как! Двоедушное смиренье лицемера
Вас может убедить...

Оргон

Молчи! Всему есть мера.

Тартюф

Нет, пусть он говорит; и я просил бы вас
Принять с доверием услышанный рассказ.
Он, без сомнения, вполне правдоподобен.
Почем вы знаете, на что Тартюф способен?
Или вас видимость в обман успела ввесть,
И вы считаете, что лучше я, чем есть?
Нет, нет, по внешности меня судить не нужно,
И я совсем не то, чем я кажусь наружно;
Все думают, что я — безгрешная душа,
А правда та, что я не стою ни гроша.
(*Обращаясь к Дамису*)
Бичуйте же меня, зовите кровопийцей,
Злодеем, извергом, разбойником, убийцей
Еще позорнее давайте имена;
Я спорить не хочу, я заслужил сполна
И всякое клеймо приму, склонив колени,
Как воздаяние за годы преступлений.

Оргон (*Тартюфу*)

Нет, это слишком, брат!
(*Сыну*)

Вот! И тебе не стыд,
Несчастный?

Дамис

Как, отец? Когда он говорит...

Оргон

Молчи, негодник!

[*Поднимая Тартюфа*]

Брат, ах, встаньте, умоляю!

[*Сыну*]

Злодей!

Дамис

Он мог...

Оргон

Молчи!

Дамис

Отец, я заявляю...

Оргон

Открой мне только рот, тебя я задушу.

Тартюф

Не надо гневаться, о брат мой, я прошу.
Я был бы рад пойти навстречу пытке злейшей,
Чтоб от царапины спасти его малейшей.

Оргон [*сыну*]

Неблагодарный!

Тартюф

Да, я на коленях рад
Просить вас за него...

Оргон [*тоже становясь на колени и обнимая Тартюфа*]

Вы шутите, мой брат?

(*Сыну*)

Смотри! Вот сердце!

Дамис

Я...

Оргон

Молчи!

Дамис

Как? Я...

Оргон

Ни слова.

Я знаю, почему ты оскорбил святого:
Он ненавистен вам; и вот, я вижу вдруг
Восставших на него жену, детей и слуг;
Вы прибегаете к бесстыдным всяким ковам,
Чтоб этот праведник не жил под нашим кровом.
Но чем усерднее хотят его изгнать,
Тем крепче я хочу с собой его связать;
И дочери моей он должен стать супругом,
Чтоб дерзостной семье воздалось по заслугам.

Дамис

Ее хотят вести насильно под венец?

Оргон

Да, да, сегодня же, на зло вам всем, наглец!
А! Я вас не боюсь! Пусть всякий здесь узнает,
Кто в доме господин и кто повелевает.
Скажи, что ты солгал, негодный плут, и сам
Проси прощения, упав к его ногам.

Дамис

Я? У мошенника? Чтоб перед этой дрянью...

Оргон

А! Ты упорствуешь и отвечаешь бранью?
Где палка? Палка где?

(*Тартюфу*)

Нет, нет, оставьте нас.

(*Сыну*)

Вон, из дому изволь убраться сей же час
И больше моего не преступать порога!

Дамис

Ну, что ж, я ухожу; но...

Оргон

Скатертью дорога.
Отныне ты лишен наследства и притом
Ты проклят, висельник, твоим родным отцом!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Оргон, Тартюф

Оргон

Так тяжко оскорбить безгрешную особу!

Тартюф [*как бы про себя*]

Господь, прости ему его слепую злобу!

(*Оргону*)

Когда б могли вы знать, как больно, милый брат,
Мне видеть, что меня пред вами так чернят...

Оргон

Увы!

Тартюф

Одна лишь мысль об этом иоруганьи
Чинит моей душе столь горькое страданье...
Мне так мучительно... Я словно вес в жару,
Не в силах говорить и, кажется, умру.

Оргон (*в слезах бежит к двери, в которую он выгнал сына*

Зачем я пощадил зловредную заразу
И не убил его на месте тут же сразу!

[*Тартюфу*]

Ах, успокойтесь, брат, и проясните взор.

Тартюф

Пора, пора кончать весь этот разговор.
Я вижу, я в ваш дом вношу одну тревогу,
И лучше мне, мой брат, собраться в путь-дорогу.

Оргон

Вы шутите?

Тартюф

Меня не любят здесь и вам
Хотят неверие внушить к моим словам.

Оргон

Так что же? Разве я послушен их наветам?

Тартюф

Они упорствовать и дальше будут в этом;
И то, что клеветой зовете вы сейчас,
Вполне вас убедит в другой, быть может, раз.

Оргон

Нет, брат мой, никогда.

Тартюф

Ах, брат, я знаю вчуже:
Жена всегда найдет душевный отклик в муже.

Оргон

Нет, нет.

Тартюф

Пусть я уйду и с этого же дня
Лишу их повода преследовать меня.

Оргон

Нет, вы останетесь: я не снесу разлуки.

Тартюф

Ну, что ж, придется мне сложить смиренно руки.
Однако, все-таки...

Оргон

Ах!

Тартюф

Хорошо, молчу.
Но только я одно вам предложить хочу.
Честь мнительна, и я обязан, дружбы ради,
Пресечь все россказни, все поводы к досаде.
Встреч с вашею женой я буду избегать...

Оргон

Нет, нет, на зло им всем вам надо с ней бывать.
Я страсть люблю колоть глаза честному люду
И я хочу, чтоб вас видали с ней повсюду.
Но мало этого: я не страшусь молвы
И не хочу других наследников, чем вы.
И я сегодня же, притом без промедленья,
Снабжу вас дарственной на все мои именья.
Правдивый, честный друг, мной избранный в зятья,
Мне ближе, чем жена, и сын, и вся семья.
С моим намереньем, надеюсь, вы согласны?

Тартюф

Мы воле божией противиться не властны.

Оргон

Ах, бедный! Так идем составить акт. А тут
Пускай от зависти все лопнут и помрут!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Тартюф

Клеант

Об этом все твердят, и я скрывать не вправе,
Что этот громкий шум не служит к вашей славе;
Я очень рад, что вас так кстати застаю,
И кратко, в двух словах, скажу вам мысль свою.
Не будем разбирать, что истинно, что ложно;
Возьмемте худшее, чтоб взвесить осторожно.
Допустим, что Дамис пред вами был неправ
И тяжко виноват, на вас наклеветав;
Ужель христианин забудет долг прощенья,
И в сердце у него возникнет жажда мщенья?
Потерпите ли вы, чтоб, вашим чувствам льстя,
Отец на улицу прогнал свое дитя?
Я повторяю вам: таить от вас не буду,
Что этим случаем возмущены повсюду;
Так лучше, если вы, чтоб умягчить сердца,
С Дамисом поскорей помирите отца,
Всей вашей злобою пожертвуете богу
И успокоите семейную тревогу.

Тартюф

Увы, как этого хотелось бы и мне!
Ведь я ему и сам сочувствую вполне;
Я все ему простил, на все смотрю безгневно

И услужить ему я был бы рад душевно;
Но небу это вред могло бы принести:
Коль он воротится, мне надобно уйти.
Раз он меня винит в таком поступке грязном,
Мое общенье с ним грозило бы соблазном;
Бог знает, что тогда подумал бы народ!
С моей бы стороны здесь видели расчет;
Считали бы, что мне вину загладить нужно
И с обличителем быть ласковым наружно,
Что я боюсь его и милую затем,
Чтобы при случае он оставался нем.

Клеант

Все это, сударь мой, пустые разговоры,
И ваши доводы вам не дают опоры.
К чему вам хлопотать о небе всякий раз?
Виновного оно накажет и без нас.
Оставьте же ему и суд, и отомщенье;
Припомните, что нам указано прощенье;
И, не смущаясь тем, что скажет грешный свет,
Старайтесь исполнять божественный завет.
Как? Суетная мысль о мнении народном
Вам может помешать в поступке благородном?
Нет: будем делать то, что небо нам велит,
И совесть нам всегда подаст надежный щит.

Тартюф

Я вам уже сказал, что я его прощаю;
Так небо мне велит, и так я поступаю;
Но после всех его поклепов и обид
Делить с ним этот кров мне небо не велит.

Клеант

А вам оно велит отцу давать потачку,
Когда он здесь чудит и порет вдруг горячку,

И молча принимать в подарок от него
Именье, где вы взять не вправе ничего?

Тартюф

Не скажет ни один свидетель справедливый,
Что я руководим желанием наживы.
Меня мирских богатств не соблазняет вид,
Их блеск обманчивый меня не ослепит;
И если правильным мне кажется решенье
Принять из рук отца такое подношенье,
То только потому, по правде говоря,
Что ведь имущество пропасть могло бы зря,
Достаться грешникам, которые способны
Употребить его на промысл неподобный,
Не обратив его, как сделаю я сам,
На благо ближнего, в угоду небесам.

Клеант

Как ни возвышенны такие опасенья,
Наследник может быть совсем иного мненья;
Так разрешите же, пожалуйста, ему
Имение свое устроить самому;
Не лучше ли для вас, чтоб он владел им плохо,
Чем слышать, что Тартюф — грабитель и пройдоха?
Я был бы очень рад взглянуть, с каким лицом
Вы принимали дар, предложенный отцом;
Ужели учит нас божественное слово
Присваивать себе имущество другого?
И если приговор небес уже таков,
Что вам возбранено делить с Дамисом кров,
Не лучше ли, чтоб вы, как человек разумный,
Исход из этих мест предприняли бесшумный,
Чем чтобы из-за вас, без ведомых причин,
Пошел в изгнание ни в чем невинный сын?
Поверьте, сударь мой, что в нашем грешном мире
Едва ли...

Тартюф

Сударь мой, без двадцати четыре:
Долг благочестия зовет меня сейчас,
И вы простите мне, коль я покину вас.

[*Уходит*]

Клеант

О!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эльмира, Мариана, Клеант, Дорина

Дорина [*Клеанту*]

Окажите нам поддержку, ради бога!
У бедной на душе смертельная тревога;
С тех пор как знаем мы решение отца,
Ее терзаниям и горю нет конца.
Сейчас он будет здесь. Объединимся дружно,
Чтоб уговорами, чтоб силой, если нужно,
Склонить жестокого оставить мысль свою.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Оргон, Эльмира, Мариана, Клеант, Дорина

Оргон

Ага, я очень рад, что всех вас застаю.
(*Мариане*)
Подобный документ и подписать приятно;
Что́ я хочу сказать, надеюсь, вам понятно.

Мариана [*на коленях перед Оргоном*]

Во имя господа, свидетеля сердец,
И если что-нибудь вас трогает, отец,
Исторгните в себе ужасное желанье,

Снимите с дочери такое послушанье,
Чтоб не была она жалеть принуждена
О том, что жизнью вам обязана она,
И этот век земной, который вы ей дали,
Не делайте, отец, обителью печали.
Ах, если у меня заветная мечта
Быть с тем, кого люблю, навеки отнята,
То, хоть из жалости, избавьте дочь от муки
Быть отданной тому, кто ей противен, в руки
И не давайте мне в отчаяние впасть,
Так страшно применив отеческую власть!

Оргон (*чувствуя себя растроганным*)

Мужайся, сердце! Нет, не будем малодушны.

Мариана

Ведь я не сетую, что с ним вы так радушны;
Пожертвуйте ему имущество свое;
Коль мало этого, прибавьте и мое;
Я рада все отдать, все у меня возьмите,
Но самое меня, хотя бы, пощадите,
И пусть в лишениях, в стенах монастыря
Угаснет дней моих унылая заря.

Оргон

Ну, разумеется! Они всегда в монашки,
Как только их любвям отец не даст поблажки!
Вставайте! И чем вам противнее супруг,
Тем больше, дочь моя, зачтется вам заслуг:
Плоть вашу умерщвлять вы можете и браком,
А я до глупостей и хныканья не лаком.

Дорина

Как так?..

Оргон

Молчать! В чужой не суйтесь огород!
Я требую от вас, чтоб вы закрыли рот.

Клеант

Когда принять совет вы были бы согласны...

Оргон

Советы, шурин мой, у вас всегда прекрасны,
Они обдуманны, я их весьма ценю;
Но не посетуйте, коль я их отклоню.

Эльмира (*мужу*)

Вот я на вас смотрю и развожу руками:
Как вашей слепоты не видите вы сами?
И до чего же вам любезен он и мил,
Раз вы забыли всё, что здесь он учинил!

Оргон

Покорнейший слуга! Я это понял разом:
Вы снисходительны к Дамисовым проказам,
И на него у вас не поднялась рука,
Когда он оскорбить задумал бедняка;
Да и себя вели вы чересчур спокойно,
Хотя, казалось бы, тут и вспылить пристойно.

Эльмира

Неужто, если нам признаются в любви,
У нас должно вскипать неистовство в крови,
И мы и говорить должны об этом вздоре
Лишь с криком на устах и с пламенем во взоре?
Мне эти глупости не боле, чем смешны,
И я бы нарушать не стала тишины;
Мы можем быть вполне, не свирепея, строги,
И мне не по душе такие недотроги,
Чья честь пускает в ход и когти, и клыки
И всякого, чуть что, готова рвать в клочки;
Избави нас господь от жен с такой сноровкой!
Быть добродетельной не значит быть чертовкой,

И ровным холодом проникнутый отказ
С неменьшей силою обороняет нас.

Оргон

Я, словом, знаю все и не даюсь обману.

Эльмира

Я вашей слабости дивиться не устану.
А что вы скажете, вы, отрицатель зла,
Когда увидите, что я вам не лгала?

Оргон

Увижу?

Эльмира

Да.

Оргон

Вот вздор!

Эльмира

Но если б вам сумели
Все это доказать и подтвердить на деле?

Оргон

Смешно!

Эльмира

Вот человек! Ответьте же хоть раз.
Я веры на слово и не прошу от вас.
Но если б я могла устроить так, нарочно,
Чтоб вы увидели все это самоочно,
Что бы сказали вы про друга своего?

Оргон

Тогда бы я сказал... сказал... да ничего
Все это выдумки.

Эльмира

Нет, надо кончить с этим;
И на упрек во лжи мы вот чем вам ответим:
Я, в виде опыта, сейчас же вот возьму
И вас же сделаю свидетелем всему.

Оргон

Ловлю вас на слове. Я посмотреть согласен,
Что-то получится у вас из этих басен.

Эльмира [*Дорине*]

Сходите-ка за ним.

Дорина [*Эльмире*]

Боюсь, он хитрый плут
И догадается, зачем его зовут.

Эльмира

Нет: мы доверчивы, когда другого любим,
А самолюбием себя и вовсе губим.
Зовите же его.

(*Обращаясь к Клеанту и Мариане*)

Идите, господа.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эльмира, Оргон

Эльмира

Подвинем этот стол, и спрячьтесь вот сюда.

Оргон

Что, что?

Эльмира

Вам надобно как можно лучше скрыться.

Оргон

Зачем же под столом?

Эльмира

Прошу поторопиться;
Что̀ я придумала, увидите потом.
Так залезайте же скорее, и притом
Смотрите, чтоб он вас не видел и не слышал.

Оргон

Я в незлобивости за все пределы вышел;
Но надо посмотреть, как справитесь вы с ним.

Эльмира

Надеюсь, кто был прав, мы сразу разъясним.

(*Мужу, сидящему под столом*)

Вести себя сейчас я буду очень странно,
Но эта вольность мне да будет невозбранна,
И оскорбляться вам не следует ничуть:
Ведь это — чтобы вас вернуть на правый путь.
Раз уж приходится, употреблю я ласку,
Чтоб этот лицемер снял предо мною маску,
Польщу его любви разнузданным мечтам
И смелости его простор свободный дам.
И так как лишь затем, чтобы он пал позорно,
Я буду томный жар изображать притворно,
То вы посмотрите, достаточно ли с вас
И был ли справедлив недавний наш рассказ.
Вы сами можете пресечь его порывы,
Увидев, в меру ли они красноречивы,
И заявить себя защитником жены,
Как только будете во всем убеждены.
Здесь вы решаете: мне ваша честь порука,
Что вы... Сюда идут. Сидите — и ни звука.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тартюф, Эльмира, Оргон [*под столом*]

Тартюф

Я, будто, нужен вам: так передали мне.

Эльмира

Да, вам хотят сказать кой-что наедине.
Но только раньше дверь как следует замкните
И, нет ли здесь кого поблизости, взгляните.

[*Тартюф идет к двери и, закрыв ее, возвращается*]

Я вовсе не хочу, чтобы постигла нас
Такая же беда, как было прошлый раз;
Неосторожным быть, как видите, опасно.
Дамис перепугал меня за вас ужасно,
И, вы же видели, я не жалела сил
Уговорить его, чтоб он не доносил.
Признаться, до того смутилась я сначала,
Что правоты его опровергать не стала;
Но это нам зато убавило хлопот,
И дело приняло тем лучший оборот.
Гроза рассеялась; при вашем обаяньи
Увидеть истину мой муж не в состояньи.
Чтоб, всем наперекор, поставить на своем,
От нас он требует все время быть вдвоем;
Вот почему сейчас я, не боясь упрека,
Здесь с вами заперлась, от глаз людских далеко,
И душу вам открыть решаюсь я мою,
Быть может, слишком уж нестойкую в бою.

Тартюф

Как мне, сударыня, понять такие речи?
Язык ваш был другим при нашей прошлой встрече.

Эльмира

Ах, если может вас гневить такой отказ, —
Как сердце женщины неведомо для вас!

Ужель не ясно вам, какие чувства скрыты
За недомолвками такой плохой защиты?
В подобных случаях стыдливость всякий раз —
В бореньи с нежностью, объемлющею нас.
Как торжество любви для нас ни очевидно,
Нам признаваться в нем всегда немножко стыдно;
Мы не хотим сперва; но наш при этом вид
Готов изобличить, что мы роняем щит,
Что это лишь слова звучат так благородно
И что такой отказ сулит все, что угодно.
Я беззастенчива, как видите, весьма,
И женской скромности я не щажу сама;
Но раз уж мы пришли к такому разговору, —
Ужель с Дамисом я затеяла бы ссору,
Ужели ваших слов не охладила б жар,
Когда вы сердце мне преподносили в дар,
Ужель такой исход казался б вероятен,
Когда бы этот дар мне не был столь приятен?
А помните, когда я требовала так,
Чтоб отклонили вы предложенный вам брак,
То разве, боже мой, такое настоянье
Не значило, что вам оказано вниманье
И не хотят, чтоб вы, в неволе здесь и там,
Сердечный пламень свой делили пополам?

Тартюф

Поверьте, то восторг ничем невыразимый —
Столь сладостным словам внимать из уст любимой:
Их мед струит в меня томительной волной
Усладу, никогда не веданную мной.
Вам нравиться — моя единая отрада
И сердцу моему верховная награда;
Но вы, сударыня, позволите ему
Еще не доверять блаженству своему.
Быть может, попросту хотите вы добиться,
Чтобы я взял назад намеренье жениться;
И, если говорить вполне открыто вам,

Я верить не хочу заманчивым словам,
Пока хоть чуточка столь вожделенной ласки
Не подтвердит того, что это все не сказки,
И недр моей души не убедит вполне
В прелестной доброте, проявленной ко мне.

Эльмира (*кашляет, подавая знак мужу*)

Как? Вы хотите гнать с такой ужасной силой
И сразу исчерпать всю нежность вашей милой?
Для вас стараются, такую держат речь,
Но вы желаете всем этим пренебречь,
И, в вашей алчности, вы ничему не рады,
Пока не рушатся последние преграды?

Тартюф

Чем недостойней мы, тем меньшего мы ждем
И сомневаемся, естественно, во всем.
Дабы увериться в блистательном уделе,
Нам хочется сперва вкусить его на деле.
Я ваши милости так мало заслужил,
Что верить счастию не обретаю сил,
И мне оно, увы, казаться будет дымом,
Не воплощенное в чем-либо ощутимом.

Эльмира

О боже, как у вас безжалостна любовь
И как она мою волнует странно кровь!
Какой над душами она желает власти
И как неистово к своей стремится страсти!
Как? От ее когтей нельзя и ускользнуть?
Вы не дадите мне и времени вздохнуть?
Ведь разве хорошо любить так беспощадно,
Того, что хочется, так домогаться жадно
И злоупотреблять, в ущерб чужим правам,
Сердечной слабостью, питаемою к вам?

Тартюф

Но если сердце в вас ко мне не так уж строго,
Зачем мне не вручить бесспорного залога?

Эльмира

Но как я соглашусь с желанием таким,
Не оскорбив небес, которые мы чтим?

Тартюф

Раз только небеса — для ваших чувств преграда,
То этой трудностью смущаться вам не надо,
И устранить ее я буду только рад.

Эльмира

Но нас возмездием небесным так страшат!

Тартюф

Ах, то, сударыня, пустые опасенья!
Я знаю верный путь, чтоб устранить сомненья.
Есть запрещенные утехи, это да;
Но с небом человек устроится всегда;
Для разных случаев имеются приемы,
Чтоб нашей совести растягивать объемы
И обезвреживать поступок несвятой
Благих намерений безгрешной чистотой.
Я эти способы охотно вам открою;
Вы только дайте мне руководить собою.
Не бойтесь ничего, доверьтесь мне вполне:
За все в ответе я, и этот грех на мне.

[*Эльмира кашляет сильнее*]

Как вы простужены!

Эльмира

Да, горло так и гложет.

Тартюф [*предлагая Эльмире тюрик*]

Возьмите чуточку лакрицы. Вам поможет.

Эльмира

Нет, кашель у меня упорный, день и ночь;
Тут, право, никакой лакрицей не помочь.

Тартюф

Как это грустно!

Эльмира

Да, он надоел ужасно.

Тартюф

Итак, я говорю, вы смущены напрасно:
Здесь вы ограждены молчанием моим,
А зло бывает там, где мы о нем шумим;
Кто вводит в мир соблазн, конечно, согрешает,
Но кто грешит в тиши, греха не совершает.

Эльмира [*еще раз покашляв и постучав по столу*]

Ну, что же! Видимо, я уступить должна,
Все, что вы просите, вам подарить сполна,
Хотя бы потому, что, все равно, иначе
Вас не уговорить и не принудить к сдаче.
Конечно, тяжело ступить на этот путь,
И этого сама я не хочу ничуть;
Но раз уже меня упорно вынуждают,
Раз уверениям поверить не желают
И требуют других свидетельств целый ряд,
Придется уступить и сделать, как хотят.
И если, согласясь, я поступаю дурно,
Тем хуже для того, кто требует так бурно;
Во всяком случае, вина тут не моя.

Тартюф

О да, сударыня, за все ответствен я...

Эльмира

Открыть бы надо дверь и посмотреть скорее,
Не ходит ли мой муж сейчас по галерее.

Тартюф

Охота тоже вам заботиться о нем!
Вот уж кого всегда мы за нос проведем!
Он будет все, как есть, по нашей мерке мерить;
Я приучил его своим глазам не верить.

Эльмира

Нет, вы бы, все-таки, прошлись немного там
И посмотрели бы везде по сторонам.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оргон, Эльмира

Оргон [*вылезая из-под стола*]

Вот, я вам доложу, мерзавец знаменитый!
Очнуться не могу. Я, прямо, как убитый.

Эльмира

Как, сударь? Вы уже? Кто приглашает вас?
Пожалуйте назад, еще не пробил час;
Дождитесь до конца, чтоб не было сомнений,
И не пугайтесь так простых предположений.

Оргон

Нет, ничего гнусней не извергал и ад!

Эльмира

Нельзя же, боже мой, судить так наугад.
Сперва вам следует подробно убедиться,
А то, поторопясь, легко и ошибиться.

[*Эльмира прячет Оргона позади себя*]

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тартюф, Эльмира, Оргон

Тартюф [*не замечая Оргона*]

Судьба полна забот о счастии моем:
Все комнаты внизу я обошел кругом,
Там нету никого; и я, вступая в сферу...

[*Когда Тартюф, раскрыв объятия, приближается к Эльмире, та отходит в сторону, и он видит Оргона*]

Оргон

Полегче, милый мой! Вы влюблены не в меру,
И страсти чересчур волнуют вашу грудь.
Так вот как, праведник? Меня хотят надуть?
Как вы податливы любовному недугу!
Вздыхать по дочери — и соблазнять супругу!
Мне все не верилось, пока я слушал вас;
Я думал, это все изменится сейчас;
Но доказательства свидетельствуют дружно:
С меня достаточно, и мне других не нужно.

Эльмира [*Тартюфу*]

Я не охотно шла по этому пути;
Меня принудили себя так повести.

Тартюф [*Оргону*]

Как? И вы верите, что я...

Оргон

Довольно споров.
Проваливайте вон, без всяких разговоров.

Тартюф

Я думал...

Оргон

Ваш язык мне хорошо знаком:
Прошу немедленно покинуть этот дом.

Тартюф

Нет, это вы его покинуть потрудитесь:
Дом — мой, и в этом вы наглядно убедитесь.
Я докажу вам всем, что обмануть меня
Такая гнусная не может западня,
Что происки моих злодеев я расстрою,
Что я расправиться сумею с клеветою,
Отмстить за небеса и в ступе истолочь
Тех, кто меня грозит прогнать отсюда прочь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Эльмира, Оргон

Эльмира

Что это значит все? Чем вам грозил пройдоха?

Оргон

Признаться, я смущен, и дело очень плохо.

Эльмира

Как так?

Оргон

Я вижу сам, что сделал ложный ход,
И дарственная мне покою не дает.

Эльмира

Что? Дарственная?..

Оргон

Тут ничто уж не поможет.
Но есть еще одно, что душу мне тревожит.

Эльмира

А что?

Оргон

Я все скажу; сейчас важней всего
Проверить, где ларец, стоявший у него.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Оргон, Клеант

Клеант

Куда вы?

Оргон

Я и сам не знаю!

Клеант

Для начала
Нам с вами все-таки отнюдь бы не мешало
Совместно обсудить, что делать нам теперь.

Оргон

Мне этот мой ларец тяжеле всех потерь;
Меня его судьба волнует чрезвычайно.

Клеант

В нем, что же, важная какая-нибудь тайна?

Оргон

Его мне дал Аргас, мой злополучный друг,
С тем, чтобы я его не выпускал из рук.
Он вверил мне его, когда бежал в изгнанье;
Ларец с бумагами; от них и состоянье,
И жизнь его сама зависят целиком.

Клеант

Так как же вы могли таким быть простаком?

Оргон

Однажды я, начав немного сомневаться,
Злодею своему решил во всем сознаться,
И он, в конце концов, склонил меня к тому,
Чтоб этот я ларец препоручил ему,
Дабы таким путем я, в случае дознанья,
Имел заранее возможность отрицанья
И с чистой совестью, не согрешив ничуть,
Мог против истины открыто присягнуть.

Клеант

По мне, вы дожили до тягостного часа;
И с этой дарственной, и с тайною Аргаса —
Себе позволю я открыто вам сказать —
Вы легкомысленно вели себя, мой зять.
Он вас не пощадит с такими козырями;
И раз он получил такую власть над вами,
То вам его отнюдь не следовало злить,
А надо было с ним помягче поступить.

Оргон

Как? Под обличием столь искреннего рвенья
Таить столь хитрый нрав, столь злые помышленья!
Ведь я его пригрел, вскормил в семье своей...
Нет, больше не хочу порядочных людей:
От них я в ужасе готов бежать повсюду,
И с ними я и сам свирепей чорта буду.

Клеант

Ну вот, какой опять несдержанный ответ!
У вас, как есть, ни в чем умеренности нет,
И разум ваш, стезю не обретя благую,
Всегда из крайности бросается в другую.

Вы поняли свою ошибку, вы уже
Впредь не поверите лукавому ханже;
Но, чтобы промах свой исправить, почему же
Вам надобно впадать в ошибку вдвое хуже
И, если вас надул бесчестный лиходей,
Считать бесчестными порядочных людей?
Как! Если дерзкий плут зло подшутил над вами,
Прикрывшись святостью и пышными словами,
То, стало быть, таков и каждый человек
И праведной души не отыскать в наш век?
Такие выводы лишь вольнодумцу впору;
Конечно, всякому не верьте без разбору,
Благоразумие старайтесь соблюсти
И в этом шествуйте по среднему пути:
Не надо воздавать почета лицемеру,
Но неподдельную не оскорбляйте веру;
И, если к крайностям у вас такая страсть,
Уж лучше прежнюю избрали бы вы часть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Оргон, Клеант, Дамис

Дамис

Как? Правда, батюшка, что этот плут грозит вам
И, охладев душой ко вздохам и молитвам,
В кичливой дерзости, из ваших же щедрот
Бесстыдно против вас оружие кует?

Оргон

Да, сын мой, верьте мне, я в сокрушеньи духа.

Дамис

Постойте, я ему отрежу оба уха!
Пускай попробует нас устрашать наглец!
Нет, происк его я положу конец.
Его зарежу я, и мы спокойны будем.

Клеант

Такая речь к лицу лишь очень юным людям.
Умерьте вашу прыть, здесь ни к чему она;
В стране, где мы живем, и в наши времена
Решать свои дела насильем не годится.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Госпожа Пернель, Оргон, Эльмира, Клеант, Мариана, Дамис, Дорина

Госпожа Пернель

Что это? Говорят, здесь ужас что творится!

Оргон

Да, этому всему свидетелем я сам;
И вот как за добро отплачивают нам:
Я вижу — человек без денег и без крова;
Беру его к себе, лелею, как родного,
Творю ему щедрот неисчислимый ряд;
Дочь отдаю ему и все, чем я богат;
А он тем временем, в отплату за услуги,
Стремится посягнуть на честь моей супруги,
И, не довольствуясь столь черною мечтой,
Дерзает мне грозить моей же добротой
И хочет, мне во вред воспользовавшись властью,
Которой я ж его и наделил, к несчастью,
Из собственных земель меня же выгнать вон,
Чтоб сам я стал таким, каким был прежде он.

Дорина

Ах, бедный!

Госпожа Пернель

Я, мой сын, отказываюсь верить,
Чтоб он способен был так низко лицемерить.

Оргон

Как так?

Госпожа Пернель

От зависти себя не уберечь.

Оргон

Я не могу понять, что значит ваша речь,
Мамаша.

Госпожа Пернель

То, что здесь живут не так, как нужно,
И ненависть к нему весь дом питает дружно.

Оргон

При чем тут ненависть, позвольте вас спросить?

Госпожа Пернель

Не я ли с детских лет старалась вам внушить:
Кто добродетелен, тех травят бессердечно;
Завистники умрут, но зависть будет вечно.

Оргон

Какая в этом связь с сегодняшней бедой?

Госпожа Пернель

Вас кто-то начинил дурацкой ерундой.

Оргон

Я говорю о том, что видел самолично.

Госпожа Пернель

Мой сын, злоречие лукаво безгранично.

Оргон

Меня вы бесите. Поймите вы меня:
Я видел этот срам вот здесь, средь бела дня.

Госпожа Пернель

Людские языки ужасно ядовиты,
И против этого нет никакой защиты.

Оргон

Мне просто совестно внимать таким речам.
Я видел, видел все, поймите, видел сам,
Вот так, как вижу вас; иль вы лишились слуха,
И надобно сто раз кричать вам в оба уха?

Госпожа Пернель

Нередко видимость обманывает нас.
Опасно доверять тому, что видит глаз.

Оргон

Я сам не свой!

Госпожа Пернель

Мы все на подозренья падки
И в том, что хорошо, поступок видим гадкий.

Оргон

Я должен относить к числу благих забот
Желание обнять мою супругу?

Госпожа Пернель

Тот,
Кто хочет обвинять, не вправе торопиться;
Вам надлежало бы точнее убедиться.

Оргон

Чего ж еще точней вам надо, чортов прах!
Иль я был должен ждать, чтоб на моих глазах
Он... С вами, матушка, такое скажешь, право!

Госпожа Пернель

Нет, слишком дух его настроен величаво;
И воспринять моя не может голова,
Чтоб он хотел того, что говорит молва.

Оргон

Не будь вы матерью моей, не знаю, что́ бы
Я вам на это все сейчас сказал со злобы.

Дорина [*Оргону*]

Вам, сударь, платится по вашим же делам:
Вот, вы не верили? Теперь не верят вам.

Клеант

На вздор и пустяки мы тратим тут мгновенья,
Которые нужны для нашего спасенья.
Он может каждый час свою исполнить месть.

Дамис

Нет, всякой наглости граница все же есть!

Эльмира

Едва ли он судом чего-либо добьется:
Неблагодарность к вам всегда ему зачтется.

Клеант

Вы обольщаетесь.

[*Оргону*]

Он напролом пойдет,
Чтоб дело приняло желанный оборот;
Подчас из меньшего, кто подл душой и злобен,
Создать тягчайшие последствия способен.
Я повторяю вам: раз он опасный враг,
Как вы могли его толкнуть на этот шаг?

Оргон

Но что ж поделаешь? Увидев спесь злодея,
Уже я действовал, собою не владея.

Клеант

Я б искренне хотел, чтоб удалось опять
Хоть тень согласия меж вами завязать.

Эльмира

Знай я, насколько он вооружен опасно,
Я шуму подымать не стала бы напрасно,
И мне...

Оргон [*Дорине, видя входящего господина Лояля*]

Кто там пришел? Что надобно ему?
Сейчас я выходить не стану ни к кому.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Оргон, госпожа Пернель, Эльмира, Мариана, Клеант, Дамис, Дорина, господин Лояль

Господин Лояль [*Дорине, в глубине сцены*]

Сестрица, здравствуйте. Нельзя ли повидаться
Мне с вашим барином?

Дорина

Он занят, и, признаться,
Не думаю, чтоб мог принять кого-нибудь.

Господин Лояль

Да я и не хочу мешать ему ничуть.
Мое вторжение он первый не осудит,
И то, что я скажу, ему приятно будет.

Дорина

Вы кто?

Господин Лояль

Скажите лишь, что я явился к вам
От господина, мол, Тартюфа, как к друзьям.

Дорина [*Оргону*]

Там человек пришел, умильный обращеньем,
От господина, мол, Тартюфа, с сообщеньем
Для вас приятным.

Клеант [*Оргону*]

Что ж, вам надобно взглянуть,
Что он за человек такой и в чем тут суть.

Оргон [*Клеанту*]

Быть может, он пришел, чтобы распутать ссору;
Так как мне отнестись к такому разговору?

Клеант

Вам надо подавить свой гнев на подлеца
И речь о мировой прослушать до конца.

Господин Лояль [*Оргону*]

Привет вам, сударь мой. Пусть небо вам поможет
И ваших недругов навеки уничтожит!

Оргон [*тихо Клеанту*]

Начало схоже с тем, что я сказал вперед,
И, кажется, сулит спасительный исход.

Господин Лояль

Со всеми вашими я в стародавней дружбе
И был у вашего родителя на службе.

Оргон

Мне очень совестно, простите, сударь мой,
Но мне хотелось бы узнать, кто вы такой.

Господин Лояль

Меня зовут Лояль, горжусь нормандской кровью;
Судебный пристав я по своему сословью,
И, с божьей помощью, уже я сорок лет
Несу свой скромный чин и не страшусь клевет.
Так вот, я с вашего являюсь дозволенья
Одну повесточку вручить для исполненья...

Оргон

Как? Вы пришли сюда...

Господин Лояль

Волненье вам не впрок.
Ведь это, сударь мой, всего лишь ордерок,
Приказ — очистить дом и службы, всем семейством,
И вещи вынести, хотя б с моим содейством,
Незамедлительно, дабы от сей поры...

Оргон

Мне? Взять да выехать?

Господин Лояль

Да, будьте так добры.
Едва ли нужно вам мое напоминанье,
Что господин Тартюф — хозяин в этом зданьи.
Он вам во всех правах наследовал вполне,
По силе дарственной, которая при мне;
В ней все, как надо быть, и не к чему придраться.

Дамис [*Господину Лоялю*]

Подобной наглости нельзя не изумляться.

Господин Лояль

Сейчас я говорю не с вами, сударь мой,
[*указывая на Оргона*]
А с вашим батюшкой; он слишком трезв душой,

Чтобы противиться законному орудью
И в чем бы ни было перечить правосудью.

Оргон

Но...

Господин Лояль [*Оргону*]

Знаю, сударь мой, что вы за миллион
Не согласились бы переступить закон
И мне дозволите как муж добра и чести
Мою обязанность исполнить в этом месте.

Дамис

А что, почтеннейший, коли вам здесь слегка
Почистят палкою сутяжные бока?

Господин Лояль

Пусть, сударь, ваш сынок молчит иль удалится,
Не то с прискорбием придется мне решиться
Составить протокол по поводу обид.

Дорина [*в сторону*]

А у законника пребеззаконный вид!

Господин Лояль

С хорошими людьми я — и душой, и телом
И только для того занялся этим делом,
Чтоб быть вам, сударь мой, почтительным слугой,
А то бы мог придти и кто-нибудь другой
И, не проникнутый столь неподдельным рвеньем,
Себя бы проявил суровым обращеньем.

Оргон

Что ж может быть еще суровей, я спрошу,
Чем выгнать из дому?

Господин Лояль

Я вас не тормошу:
До завтрашнего дня я посмотрю вполглаза
На исполнение судебного приказа.
Я только здесь у вас останусь на ночлег,
Совсем тихонечко, с десятком человек.
Для формы попрошу, пред тем как спать, сначала,
Чтобы прислуга мне ключи от входа сдала.
Я не хочу ничем нарушить ваш покой,
Докуки вам чинить не буду никакой;
Но завтра, поутру, вам надо без заминки
Убрать отсюда все, вплоть до последней кринки;
Я пригласил людей нарочно посильней:
Они помогут вам всё вынесть из сеней.
Внимательней едва ль возможно обхожденье;
И раз я делаю такое снисхожденье,
То я прошу и вас, мой сударь, чтить закон
И мне по должности не воздвигать препон.

Оргон [*в сторону*]

О боже, до чего отдать мне было б сладко
Сто лучших золотых из моего остатка,
Чтобы по этому мерзейшему из рыл
Так двинуть кулаком, как только хватит сил!

Клеант [*тихо Оргону*]

Оставьте всё, как есть.

Дамис

От этих беззаконий
Я прямо сам не свой, и чешутся ладони.

Дорина

По этакой спине, мой сударь, как у вас,
Не худо бы пройтись дубинкою хоть раз.

Господин Лояль

Вас можно подтянуть за невоздержность нрава;
На женщин тоже ведь, сестрица, есть управа.

Клеант [*господину Лоялю*]

Покончим, сударь мой; довольно с нас сейчас.
Позвольте нам ваш лист, затем оставьте нас.

Господин Лояль

Прощайте! Да пошлют вам небеса удачу!

Оргон

И разразят тебя с пославшим на придачу!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оргон, госпожа Пернель, Эльмира, Клеант, Мариана, Дамис, Дорина

Оргон

Вот, матушка, моим смеялись вы словам:
Судить об остальном теперь легко и вам;
Его бессовестность, надеюсь, вам открылась?

Госпожа Пернель

Я прямо сражена и как с луны свалилась.

Дорина [*Оргону*]

Вам и бранить его, и жаловаться грех:
Он только подтвердил, что набожнее всех;
Любовью к ближнему его душа сгорает;
Он знает, как людей богатство развращает,
И хочет устранить как милосердый муж
Все, что препятствует спасенью ваших душ.

Оргон

Молчите! Или вам напоминаний мало?

Клеант [*Оргону*]

Посмотрим, что бы нам придумать надлежало.

Эльмира

Вам надо огласить, что сделал дерзкий вор.
Неблагодарностью он рушит договор;
Его предательство таким предстанет черным,
Что торжество его нельзя считать бесспорным.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Валер, Оргон, госпожа Пернель, Эльмира, Клеант, Мариана, Дамис, Дорина

Валер

Вас опечаливать мне очень тяжело,
Но я предотвратить спешу большое зло.
Один мой близкий друг, мне преданный сердечно
И знающий, как к вам я отношусь, конечно,
Нарушил для меня, из уваженья к вам,
Долг тайны, принятой по должностным делам,
И по его письму я вижу без сомненья,
Что вы должны бежать, не медля ни мгновенья.
Хитрец, который к вам обманом втерся в дом,
Успел вас обвинить пред нашим королем,
Вручив ему ларец отступника присяги,
Хранящий важные какие-то бумаги,
Чью тайну будто бы, правительству во вред,
Вы берегли от всех в теченье многих лет.
Покамест у меня подробных нет известий,
Но только велено вас захватить на месте,
И сам он приглашен, чтоб выполнить приказ,
Сопровождать того, кто арестует вас.

Клеант

Теперь он страшен нам; так вот он как лукаво
Свое старается обезопасить право!

Оргон

Да, этот молодец, скажу вам, — скверный скот!

Валер

Пора! Мгновения у нас наперечет.
У вашего крыльца стоит моя карета;
Здесь тысяча луи: прошу, примите это;
Не будем времени терять: удар жесток;
Тут мыслим лишь побег, чтоб выждать первый срок.
Я предлагаю вам укрыться в верном месте,
И до конца пути я буду с вами вместе.

Оргон

Увы! Как многим я обязан вам сейчас!
Но я благодарить теперь бессилен вас;
И небо я молю, чтобы оно мне дало
Когда-нибудь за все вам отплатить хоть мало.
Прощайте; помните вы все, что если...

Клеант

В путь!
Мы постараемся устроить что-нибудь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тартюф, офицер, госпожа Пернель, Оргон, Эльмира, Клеант, Мариана, Валер, Дамис, Дорина

Тартюф [*останавливая Оргона*]

Потише, сударь мой! Куда вы так с разбега?
Вам недалекий путь до нового ночлега,
И, волей короля, я арестую вас.

Оргон

Предатель, этот нож ты под конец припас!
Им насмерть ты меня разишь без сожаленья
И гнусные свои венчаешь преступленья.

Тартюф

Меня уже ничем не огорчит ваш крик:
Для неба я страдать безропотно привык.

Клеант

Смиренье велико, я вынужден признаться.

Дамис

Так беззастенчиво над небом издеваться!

Тартюф

На вашу вспыльчивость спокойно я смотрю
И знаю только долг, который я творю.

Мариана

Славнее поприще, чем ваше, есть едва ли,
И вы почтенную обязанность избрали.

Тартюф

Почтенна всякая обязанность, когда
Ее источник — тот, кем прислан я сюда.

Оргон

Ужели ты забыл, что я тебя, как брата,
Неблагодарный, спас от нищеты когда-то?

Тартюф

Я это помяну, создателя моля.
Но мой первейший долг есть польза короля;
И долга этого божественная сила
Сейчас в моей душе все чувства погасила,
И я б ему обрек, нимало не скорбя,
Друзей, жену, родных и самого себя.

Эльмира

Притворщик!

Дорина

Он всегда умел щеголевато
Рядить бессовестность и подлость в то, что свято.

Клеант

Но если таково, как слышим мы сейчас,
Святое рвение, объемлющее вас,
То почему ж оно сказалося не прежде,
Чем разуверились в любовной вы надежде,
И вы доносите на зятя лишь теперь,
Когда ему пришлось вас выставить за дверь?
Не говорю о том, что всякий был бы связан,
Раз полной дарственной другому он обязан;
Но если он для вас преступник и злодей,
То как же можно жить за счет таких людей?

Тартюф [*офицеру*]

Нельзя же, сударь мой, чтоб все кричали сразу!
Прошу вас, дайте ход монаршему приказу.

Офицер

Да, мы и без того уже довольно ждем;
Вы очень кстати мне напомнили о нем;
Чтоб выполнить его, прошу без промедленья
Последовать за мной в тюрьму, для поселенья.

Тартюф

Кто, сударь? Я?

Офицер

Да, вы.

Тартюф

Но почему в тюрьму?

Офицер [*Оргону*]

Позвольте, сударь, вам ответить, не ему.
Рассейте всякий след тревоги справедливой.
Над вами царствует монарх правдолюбивый,
Монарх, чей острый взор пронзает все сердца
И не обманется искусством хитреца.
Он, прозорливостью великой одаренный,
На все бросает взгляд прямой и неуклонный;
Он увлечения не знает никогда,
И разуму его несдержанность чужда.
Заслуженных людей он славой украшает,
Но рвение благих его не ослепляет,
И вся любовь к добру не заглушает в нем
Ни отвращения, ни гнева перед злом.
Напрасно этот плут свои раскинул сети:
И поискусней он распутывал, чем эти.
Очами светлыми он сразу же проник
[*указывая на Тартюфа*]
Сей низменной души извилистый тайник.
Придя вас обвинять, он погубил себя же,
И, словно истина сама была на страже,
Король разоблачил, что то — известный плут,
Под ложным именем орудовавший тут;
То целый перечень бессовестных деяний,
Из коих вышли бы тома повествований.
Короче, королю явился он во всей
Неблагодарности и гнусности своей.
Его предательствам давая завершенье,
Король меня послал в его распоряженье,
Чтоб видеть, как дойдет бесстыдство до конца,
И перед вами же унизить наглеца.
Он повелел, чтоб я изъял из рук бродяги
И вам вернул назад все личные бумаги.
Державной властию уничтожает он
Значенье дарственной, которой тот снабжен,
Причем прощает вам преступную услугу,
При бегстве из страны оказанную другу,

И этим хочет вас вознаградить сполна
За вашу преданность в былые времена,
Чтоб показать, что он, и против ожиданья,
Умеет отплатить за верность и старанья,
Что добрые за ним не пропадут дела
И что хорошее он помнит лучше зла.

Дорина

О, слава небесам!

Госпожа Пернель

Теперь дышу я снова.

Эльмира

Негаданный успех!

Мариана

И кто бы ждал такого?

Оргон (*Тартюфу*)

Ага, предатель, вот...

[*Офицер уводит Тартюфа*]

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Госпожа Пернель, Оргон, Эльмира, Мариана, Клеант, Валер, Дамис, Дорина

Клеант

Нет, бросьте, милый зять;
Себя злопамятством не стоит принижать;
Заслуженной судьбе оставим негодяя,
Его раскаянья ничем не подавляя,
И пожелаемте, чтобы отныне он
Был к добродетели душою возвращен,
Чтоб он исправился, презрев свой грех великий,
И милость заслужил державного владыки,

К ногам которого повергнуть вы должны
Дань благодарности за то, что спасены.

Оргон

Да, это правильно; идем склонить колени
Перед величием его благотворений.
Затем, исполнив долг, для сердца дорогой,
Подумаем о том, чтоб выполнить другой,
Отметив свадьбою, что лучше нет примера,
Чем верная любовь и преданность Валера.

ДОН ЖУАН, ИЛИ КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Don Juan, ou le Festin de Pierre

Перевод М. А. Кузьмина

В начале 1665 г. выяснилось, что отстоять *Тартюфа* не удастся. *Мизантроп,* над которым Мольер работал с 1664 г., еще не был готов. Труппа переживала репертуарный кризис. И вот, побуждаемый необходимостью, Мольер берется за перо и в кратчайший срок (в две недели, как некоторые уверяют) пишет комедию под названием *Дон Жуан, или Каменный гость* (*Don Juan, ou le Festin de Pierre*). По мнению некоторых критиков, именно спешностью работы объясняется то, что, в отличие от других больших социальных комедий Мольера, эта пьеса написана не стихами, а прозой. *

Поставленная в театре Пале-Рояля 15 февраля 1665 г., пьеса, будучи хорошо принята публикой, выдержала до 20 марта пятнадцать представлений, после чего была снята с репертуара и больше не ставилась ни при жизни Мольера, ни впоследствии, вплоть до 1841 г., когда она была впервые возобновлена в парижском театре «Одеон».

Равным образом, она не была напечатана при жизни Мольера, и привилегия, взятая в 1665 г. одним парижским книготорговцем, осталась неиспользованной. *Дон Жуан* был опубликован лишь в 1682 г. в посмертном издании сочинений Мольера, притом с купюрами, сделанными им после первого представления, а также с рядом других изменений, предписанных цензурой. Только с помощью амстердамского издания 1683 г. и брюссельского 1694 г. удалось восстановить авторский текст в его первоначальном виде.

Эта необыкновенная судьба одного из самых блестящих произведений Мольера объясняется яростными нападками, которые оно вызвало в лагере святош, усмотревших в нем повторную

---

* Пытались также обнаружить в некоторых местах ритмическую прозу, толкуя ее как зачаточные стихи. Но это — чистейшая фантазия.

попытку автора *Тартюфа* «подорвать устои». Для того чтобы оценить создавшуюся ситуацию, надо познакомиться с историей сюжета комедии и очень своеобразной трактовкой его Мольером.

Озабоченный тем, чтобы дать своему театру доходную пьесу, Мольер избрал сюжет, уже хорошо известный парижской публике и сделавшийся столь популярным, что успех новой пьесы казался обеспеченным. До 1665 г. парижанам уже были знакомы следующие обработки легенды о дон Жуане:

1) первоисточник всех дальнейших драматических обработок ее — испанская пьеса *El Burlador de Sevilla* (Севильский соблазнитель), обычно приписываемая Тирсо-де-Молина, возникшая около 1620 г. и, по всей вероятности, исполнявшаяся испанской труппой, гастролировавшей в Париже в 1660 г.;

2) сценарий итальянской *commedia dell'arte* под названием *Il Convitato di Pietra* (*Каменный гость*), составленный по разным источникам, которые восходят к той же пьесе Тирсо, и исполнявшийся в Париже не позже чем в 1662 г.;

3) французская пьеса Доримона *Le Festin de Pierre, ou le Fils Criminel* (*Пир Петра, или Преступный сын*), по одной из итальянских пьес — Чиконьини или Джилиберто (тоже восходящих к Тирсо), исполнявшаяся в Париже в 1661 г.;

4) французская пьеса де-Вилье, под тем же заглавием и того же происхождения, исполнявшаяся в Париже в 1659 г.

Добавим, что кроме того Мольер почти несомненно читал итальянскую пьесу на тот же сюжет (под тем же заглавием, что и названный выше сценарий) Чиконьини — автора, у которого он уже раньше заимствовал сюжет своего *Дона Гарсии*.

Мы не будем углубляться здесь в сложный вопрос о взаимоотношении всех этих версий и о тех отдельных заимствованиях, которые сделал Мольер.* Отметим только, что

---

* Подробно этот вопрос освещен в работах: *G. Gendarme de Bévottes. La légende de Don Juan, son évolution dans la littérature des origines au romantisme*, 1907 (популяризированная редакция той же работы, без ученого аппарата, но с доведением обзора до наших дней—*La légende de Don Juan*, 2 *tt.*, 1912), и *Th. Schröder. Die dramatischen Bearbeitungen der Don Juan Sage in Spanien, Italien, Frankreich bis auf Molière einschliesslich*, Halle, 1912.

основную линию сюжета (историю богохульника и развратника, соблазняющего всех приглянувшихся ему женщин, жестоко расправляющегося со всеми, кто становится на его пути и в конце концов погибающего вследствие чудесного вмешательства статуи убитого им ранее человека) Мольер воспроизвел с большой точностью.* Точно так же мы находим у него бо́льшую часть типов и ситуаций, встречающихся у Тирсо и его ранних подражателей: традиционного шута или полушута-слугу, возмущающегося порочностью и нечестивостью своего господина, но тем не менее до конца покорного ему; благородного и добродетельного отца героя спасение дон Жуана во время кораблекрушения и следующие затем интереснейшие сцены в крестьянской среде, из которой дон Жуан, пресытившись светскими красавицами, избирает свои новые жертвы; глумление его над статуей и т. д. Правда, многие эпизоды Мольер несколько изменил или переставил,** а также создал несколько дополнительных эпизодов, из которых наиболее значительные — сцена с нищим (д. 3-е, явл. 2-е) и сцена с кредитором дон Жуана, господином Диманшем (д. 4-е, явл. 3-е). Кроме того, изменены имена почти всех персонажей, кроме самого дон Жуана, в частности — имя его слуги, наиболее неустойчивое во всех версиях легенды (у Тирсо — Каталинон, в других версиях — Пассарино, Бригелла, Филиппин и т. д., у Мольера — Сганарель).

---

* Таким же простым заимствованием является и заглавие пьесы. Однако вторая часть его требует пояснения. В итальянском сценарии (*Каменный гость*) командор носил имя Пьетро. В виду созвучия этого имени со словом *pietra* (камень) среди зрителей возникло бытовое название пьесы: *Convitato di Pietro* (*Гость Пьетро*). Отсюда, далее, получился *Пир у Пьетро*, по-французски *Festin de Pierre*. Но так как Pierre может означать и имя *Пьер* (т. е. Пьетро, Петр), и слово *камень*, *Festin de Pierre* можно понимать по желанию и как *Каменный пир*, и как *Пир у Пьера*. Мольер использовал популярное заглавие, предоставляя его понимать, как кто пожелает.

** Идейно-композиционное значение этих отклонений, которые раньше большинством критиков считались случайными и не всегда даже удачными, хорошо выяснил *G. Michaut* (*Les luttes de Molière*, 1925).

Но гораздо важнее этого те новые черты общего, принципиального характера, которые Мольер внес в свою обработку сюжета. Это, прежде всего, коренное изменение характера пьесы и ее идейной направленности. Во всех старых версиях дон Жуан, будучи человеком знатного происхождения, изображен все же как общий, как бы «внеклассовый» тип развратника и безбожника; и мораль пьесы всюду носит отвлеченный, религиозно-назидательный характер. Мольеру принадлежит заслуга развития *социального* содержания образа дон Жуана, как представителя определенного слоя современного Мольеру общества, жестоко им обличаемого.

Это новое истолкование образа дон Жуана, составляющее важный этап в его литературной истории, привело Мольера на путь *реалистической* трактовки сюжета. Герой Тирсо-де-Молина изображен в условно-зловещих, гиперболизированных тонах; у итальянцев это — чистейший гротеск; у Доримона и у Вилье образ дон Жуана также односторонне шаржирован. Наоборот, дон Жуан Мольера — вполне живой человек, разносторонне показанный, рассуждающий, действующий и объясняющийся, как реальные люди той среды, к которой он принадлежит. Конкретность его образа так сильна, что многие критики искали в обществе той эпохи моделей, с которых он был списан. Но у Мольеровского дон Жуана не было одной определенной модели: это коллективный портрет целой группы людей.

Такой же правдивостью отличаются и другие персонажи комедии: покинутая дон Жуаном Эльвира, ее брат дон Карлос, группа крестьян, господин Диманш, а главное — Сганарель, напоминающий соединением самых разнообразных черт — доброты и расчетливости, хитрости и простодушия, добропорядочности и оппортунизма, живости и трусости — другого знаменитого слугу и бессменного помощника своего господина, Санчо Пансу.

Тема *Дон Жуана* связана с темой *Тартюфа*, и новая пьеса Мольера является своеобразным продолжением борьбы, завязавшейся по поводу *Тартюфа*. Мольер как бы хочет сказать своим врагам: «Вы обвинили мою предыдущую пьесу в иммора-

лизме и безбожии? Так посмотрите же на настоящего имморалиста и безбожника, моего дон Жуана: это почти готовый Тартюф». Религиозно-моральный нигилизм и лицемерное ханжество, по мысли Мольера, — лишь две стороны одного и того же явления. Мы имеем здесь очень тонкий социально-психологический анализ.

Теперь понятно, почему пьеса Мольера вызвала в лагере святош (а также и в другом, внутренне близком ему лагере «маркизов») такую бурю негодования. Рупором этих групп явился некий Рошмон, опубликовавший, вскоре после постановки *Дон Жуана*, памфлет, озаглавленный: *Замечания об одной комедии Мольера под названием «Каменный пир»*. Автор негодует на Мольера за то, что тот «смеется над религией и проповедует вольномыслие *(libertinage)*, делая величие божие игрушкой в руках театрального господина и его слуги; атеиста, который глумится над ним, и слуги, еще более безбожного, чем его господин, и заставляющего смеяться других». Его возмущает, что на сцене открыто проповедует свои взгляды безбожник, единственным оппонентом которого выступает глупец (Сганарель), верящий больше всего в «серого монаха», мелющий всякий вздор и, в конце концов, поскользнувшийся, «раскравсивший нос» собственным аргументам. Гром и молния, поражающие дон Жуана в конце пьесы, — лишь пустая бутафория, впечатление от которой окончательно компрометируется непристойной репликой Сганареля, вместо всяких назидательных размышлений восклицающего: «Мое жалованье! Мое жалованье!» В заключение, верно угадав мысль Мольера и в бессильной ярости пытаясь обернуть ее против него самого, Рошмон заявляет, что именно сам Мольер — «совершеннейший Тартюф и истинный лицемер».

Со стороны друзей Мольера на это последовало в том же году два ответа (думают, что один из них сочинен самим Мольером, пожелавшим выступить анонимно), очень дельных, но все же звучащих очень мягко и неуверенно по сравнению с едкими его отповедями врагам по поводу *Урока женам*. В аристократических кругах пьеса вызвала сильнейшее возмущение; в частности, очень негодовал принц Конде, незадолго перед тем

«обратившийся» и потому усердствовавший больше других. Тщетной оказалась попытка заступиться за Мольера со стороны короля, который будто бы заметил: «Но ведь он (т. е. дон Жуан у Мольера. — *А. С.*) в конце концов наказан». Мольер почувствовал, что здесь его дело безнадежно проиграно и отказался от борьбы, чтобы использовать остаток своего кредита у короля для защиты *Тартюфа*. *

Несмотря на ясность замысла пьесы и основных ее образов, в ней все же есть один трудный пункт, приводивший в недоумение почти всех критиков. Это — исключительная сложность и даже противоречивость образа главного героя. На ряду с чертами явно отрицательными в нем содержатся черты как будто положительные. Дон Жуан храбр, блестящ, изящен, способен на «благородные» поступки (спасение им, с опасностью для собственной жизни, дон Карлоса, д. 3-е, явл. 3-е), остроумен а иногда даже и по-настоящему умен. Наконец, мысли дон Жуана нередко такого свойства, что довольно законным может явиться вопрос: не являются ли они частичным выражением мыслей самого Мольера? Не говоря уже о выпаде дон Жуана против врачей (д. 3-е, явл. 1-е), всецело соответствующем враждебному отношению самого Мольера к схоластической медицине того времени (этой теме посвящены целых три пьесы Мольера: *Лекарь поневоле*, *Любовь-целительница* и *Мнимый больной*), религиозное вольнодумство дон Жуана многих заставляет вспомнить о предполагаемом атеизме самого Мольера.

---

* В 1673 г. Тома Корнель переложил пьесу Мольера в стихи, тщательно устранив все то, что раздражало святош: фразу дон Жуана о «расквашенном носе» Сганареля, всю сцену с нищим, заключительное восклицание Сганареля: «Мое жалованье!» и т. д. Это произведение было поставлено в 1677 г., с согласия вдовы Мольера, с которою Т. Корнель честно разделил доход, и держалось на французской сцене почти два столетия, до возобновления в 1841 г. подлинного текста Мольера.

Добавим, что еще раньше этого, в 1669 г., актер Розимон поставил в театре Маре пьесу в стихах на тот же сюжет под названием *Каменный пир*, в которой, на ряду с заимствованиями из Доримона, Вилье, итальянского сценария и собственными измышлениями, использовал кое-что из пьесы Мольера.

Объяснения, дававшиеся критиками, очень разнообразны. Мольер, писавший эту пьесу наспех, просто не доработал образа дон Жуана (Ж. Леметр); дон Жуан — сводный портрет человека, взятого в трех его возрастах: молодость, зрелые годы, старость (Фаге); Мольер, не решаясь высказать прямо некоторые свои дерзкие мысли, вложил их «контрабандой» в уста своего отрицательного героя; дон Жуан — любимый, насквозь положительный (!) образ Мольера (Т. де-Банвиль) и т. д., и т. д. Некоторые советские критики пытались объяснить «положительные» черты в образе дон Жуана своеобразным «объективизмом» Мольера, который, как великий художник, не мог исказить действительность, не мог не ощутить «превосходства дворянской культуры в свою эпоху». *

Во всем этом кроется большое недоразумение. Начнем с того, что «привлекательные» черты в характере дон Жуана (его храбрость, изящество, остроумие и т. д.) обрисованы Мольером не как черты «общечеловеческие», а как «достоинства» специфически дворянские. Очень существенно, в каких положениях и в какой форме эти свойства дон Жуана проявляются. дон Жуан храбр тогда, когда надо выручить своего брата-дворянина (дон Карлоса, д. 3-е, явл. 2-е). Дон Жуан проявляет «изящество» в том способе, каким он обольщает свои жертвы. Всеми положительными качествами — храбростью, остроумием, изяществом — он лишь утверждает свое дворянское достоинство, направленное на попирание прав других личностей и всех «человеческих» моральных законов.

Насколько Мольер здесь последователен и насколько разработка (точнее — переработка) в этом направлении образа дон Жуана проведена Мольером систематически, показывает сравнение с источниками Мольера. Красной нитью проходят две тенденции, тесно между собой связанные: с одной стороны, Мольер всемерно внешне *облагораживает* образ дон Жуана, с другой — он в еще большей степени, чем его предшественники, *морально очерняет* его.

---

* П. Коган. *Социология мольеровского творчества*, предисловие к *Избранным комедиям Мольера*, ГИЗ, М.—Л. 1929. См. также статью Б. Кисина *Дон Жуан* (в Литературной энциклопедии, т. III).

В эпизоде с крестьянками у Чиконьини дон Жуан открыто объясняется им обеим в любви одновременно, затем грубо набрасывается на них, так что они в страхе убегают (такой же грубый насильник в эпизоде с Брунетой и дон Жуан сценария); он буйно врывается на крестьянскую свадьбу, вызывая переполох. У Мольера (д. 2-е, явл. 2-е — 7-е) он ведет себя в этих случаях весьма изящно, проявляя подлинное остроумие. Мольер прибавляет от себя эпизод спасения дон Жуаном жизни дон Карлосу (д. 3-е, явл. 2-е — 4-е) и в дальнейшем конфликте дон Жуана с двумя братьями уничтожает следующий эпизод, имеющийся у Доримона и у Вилье и крайне снижающий образ героя: дон-Жуан силой отнимает у встреченного им пилигрима платье и, переодевшись в него, лицемерно ведет благочестивую беседу, затем предательски выхватывает шпагу и убивает пилигрима (Вилье) или заставляет его унизительно вымаливать себе жизнь (Доримон). Неизмеримо изящнее и достойнее, чем у предшественников Мольера, держит себя дон Жуан в сценах объяснения с отцом (д. 4-е, явл. 7-е) и с Эльвирой (д. 4-е, явл. 8-е). В первом случае у Доримона, как и у Вилье, дон Жуан проявляет невероятную разнузданность: он даже бьет своего отца, который перед ним унижается, между тем как у Мольера дон Жуан все время вежливо молчит и под конец лишь саркастически предлагает: «Сударь, если бы вы присели, вам было бы удобнее говорить». Во втором случае у Доримона дон Жуан обзывает свою покинутую возлюбленную сумасшедшей, уверяя, что никогда раньше ее не видел, издевательски сравнивает ее с Лукрецией и т. д., в то время как у Мольера дон Жуан с Эльвирой подлинно галантен и даже томен под влиянием вновь загоревшегося в нем на мгновение чувства (вызванного скромной одеждой и печальным видом Эльвиры). Ни у одного из предшественников Мольера дон Жуан не проявляет в момент смерти такой несокрушимой отваги, как у него. Наконец, все остроумие и изящество речей дон Жуана целиком создано Мольером.

И прямо пропорционально этому внешнему *облагорожению* дон Жуана происходит усугубление Мольером *порочности* дон Жуана. Если во всех источниках Мольера первый подвиг дон Жуана — вероломство по отношению просто к жен-

щинам из общества, то его герой дебютирует совращением монахини. Если в других версиях дон Жуан не считает нужным скрывать от слуги свои мысли и действия, то у Мольера он цинично афиширует их перед Сганарелем и глумится над его совестливостью, заставляя его участвовать в своих проделках. В сцене с нищим он проявляет какой-то садизм, стараясь развратить честного бедняка. Мольер от себя добавляет весь эпизод с лицемерием дон Жуана (д. 5-е, явл. 1-е — 3-е), чтобы еще более очернить своего героя. У Доримона и у Вилье дон Жуан проявляет какие-то поползновения к раскаянию. Дон Жуану Мольера, наоборот, не только чужда мысль о раскаянии, но он даже глумится над нею: «Да, право, — говорит он Сганарелю, — надо будет исправиться... Еще лет двадцать-тридцать так поживем, а потом подумаем о душе» (д. 4-е, явл. 11-е). И особенно глумится он над раскаянием в следующих за этим сценах ханжества.

Очень любопытна следующая деталь. Эпизод спасения дон Жуаном брата Эльвиры — добавление Мольера. Дон Карлос выражает дон Жуану свою благодарность: он готов отказаться от совершения мести за свою сестру. Сопоставим с этим другой эпизод — спасение жизни самого дон Жуана простым крестьянином Пьеро (д. 2-е, явл. 1-е). Мы знаем, как за это отблагодарил его дон Жуан: он попытался отнять у него невесту. Контраст выразительный и, конечно, не случайный. Не потому ли так обошелся дон Жуан с Пьеро, что это не дворянин, а жалкий парий? Несомненно; и от этого *социальное* обличение дон Жуана звучит еще сильнее.

Приподнимая дон Жуана в плане его дворянской «доблести», Мольер прямо пропорционально этому снижает его в моральном отношении. Такова мольеровская формула дон Жуана: «вельможа — скверный человек» (*grand seigneur mechant homme*), оба члена которой практически обусловливают и подкрепляют друг друга.

Не приходится особенно останавливаться на «эпизоде с медициной» (д. 3-е, явл. 1-е). Вся эта сцена носит явно интермедийный характер: дон Жуан попросту глумится над Сганарелем (который решительно во все «верит») и в своем явно шутливом скепти-

цизме доходит даже до того, что «не верит» в действие александрийского листа! Едва ли в такой форме это — подлинные мысли Мольера.

Остается, однако, одна весьма реальная трудность — отношение Мольера к «безбожию» дон Жуана. Несомненно, что вольномыслию дон Жуана Мольер на протяжении всей пьесы ничего не противопоставил, ибо финал ее (и в этом Рошмон вполне прав) носит явно буффонный характер, лишенный какой бы то ни было назидательности; очевидно, что если Мольер сохранил его, то лишь для того, чтобы не ломать в корне канонизованного сюжета, не говоря уже о том, что полное упразднение картины гибели дон Жуана было бы такой смелостью какой, несомненно, не потерпели бы ни благомыслящая публика, ни цензура.

Тщетны также ссылки многих критиков, пытающихся спасти ортодоксию Мольера, на «здравый смысл» Сганареля, якобы торжествующий в споре своем с дон Жуаном, который, не найдя никаких возражений по существу, отыгрывается шуткой о «расквашенном носе». Этой шутки вполне достаточно: падение Сганареля неизбежно вызывало хохот у зрителей, и Мольер, хорошо знавший свою публику, знал, что делал. Да галиматья Сганареля и не требует опровержения. На его наивный довод: «Не мог же мир сам собою, за одну ночь, появиться, как гриб» — всякий человек XVII века, немного сведущий в натурфилософии той эпохи, мог бы многое ответить. И Сганарель дальше сам отвечает за дон Жуана, когда, зарапортовавшись, восклицает: «Вот вы, например, разве вы сами собою произошли? Разве не нужно было для этого, чтобы ваша мать забеременела от вашего отца?» Эта ссылка на естественные явления убивает наповал всякую богословскую метафизику.

Без возражения остаются и слова, обращенные дон Жуаном к нищему в знаменитой сцене (д. 3-е, явл. 2-е), целиком созданной Мольером: «Ты шутишь. У человека, который целый день молится, дела не могут не быть в хорошем положении». Разговор кончается тем, что дон Жуан (в то время как неустойчивый Сганарель убеждает бедняка «побогохульствовать

немножко») бросает бедняку золотой — не «ради бога», именем которого тот просит о подаянии, а «из любви к человеку». Момент для дон Жуана, в глазах зрителей, явно выигрышный, тем более что непосредственно за этим великодушным жестом дон Жуан совершает другой великодушный поступок, устремляясь на помощь дон Карлосу.

Высказываясь о религии, дон Жуан ни разу не говорит ни одной глупости (хотя Мольеру так легко было бы вложить их ему в уста), между тем как единственный оппонент его, Сганарель, говорит в защиту религии одни только глупости и притом такие, которые Мольеру не могли не быть глубоко противны. В самом начале пьесы (д. 1-е, явл. 1-е), характеризуя дон Жуана, он называет его «эпикурейской свиньей, настоящим Сарданапалом». Мы знаем, однако, что Гассенди, к школе которого принадлежал Мольер, был последователем Эпикура и что сам Мольер перевел на французский язык поэму Лукреция, ученика Эпикура (*О природе вещей*), а Сарданапал взят из трактата *Doctrine curieuse des beaux esprits de ce siècle* (1623) иезуита Гараса, злейшего врага философов-либертенов, к кругу которых принадлежал Мольер.

Конечно, дон Жуан тоже либертен. Но тут нужно провести важное разграничение. Среди французских либертенов, философские воззрения которых колебались между пантеизмом, деизмом и чистым атеизмом, были в то время две группировки, различные в классовом отношении: либертены-философы и либертены-аморалисты. К первой, гуманистической, общественно и философски прогрессивной, принадлежали — Гассенди, Бернье, Ламот-Ле-Вейе и др., в том числе и Мольер. Моральная философия этой группы — возвышенно понимаемый эпикуреизм, приближающийся к стоицизму: большая чистота нравов, умеренность, воздержание. Напротив, вторая группа, определенно аристократическая, склонная к атеизму в самой демонстративной его форме (всякого рода «озорные» кощунства), видела в безбожии лишь возможность сбросить с себя всякую узду, чтобы отдаться своим порочным и имморальным влечениям. Представителем этого эгоцентрического атеизма и является мольеровский дон Жуан.

Но обе эти группы объединялись религиозным вольномыслием. Как же должен был поступить Мольер? Открыто противопоставить либертену-аморалисту либертена-философа он, понятно, не мог. И ему оставалось лишь провести скрытое различение между ними своей трактовкой проблемы безбожия в пьесе. Мысль Мольера состоит в следующем: доктрина сама по себе хороша, но плохи те люди, которые делают из нее подлое употребление. Иными словами: дон Жуан высказывает неглупые мысли, но он делает из них мерзкие практические выводы. Получается полная аналогия с моральными свойствами дон Жуана: проявляемые дон Жуаном храбрость, остроумие, изящество сами по себе не плохи, но он применяет их на деле в скверных, безнравственных целях.

Противоречие в образе дон Жуана оказывается мнимым, и остается лишь его большая сложность. Такой же сложностью, несколько выделяющей эту пьесу из всех других произведений Мольера, отличаются и некоторые другие характеры ее, в первую очередь Сганарель. Более того, характер дон Жуана лишен неподвижности, типичной для классической поэтики. Он постепенно раскрывается по мере развития пьесы. Бегло начертанный в монологе Сганареля в начале пьесы, он последовательно обогащается все новыми чертами или оттенками, в зависимости от разных ситуаций, в которые попадает дон Жуан. Назовем несколько важнейших моментов: беспечное отношение дон Жуана к смертельной опасности, которой он только что подвергся (д. 2-е, явл. 2-е); великодушный жест в сцене с нищим (д. 3-е, явл. 2-е); смелая защита дон Карлоса и рыцарский тон в обращении с ним (д. 3-е, явл. 2-е — 4-е); дворянская «финансовая практика» дон Жуана в сцене с господином Диманшем (д. 4-е, явл. 3-е); извращенная чувственность в отношении к Эльвире (д. 4-е, явл. 6-е); философия лицемерия и ханжества (д. 5-е, явл. 1-е — 3-е). Отметим, что все эти моменты, за исключением первого, созданы самим Мольером, не нашедшим ничего подобного в своих источниках.

К этому яркому проявлению реализма можно прибавить еще ряд черт того же порядка: это большая непосредственность в изображении поступков и душевных движений персонажей,

свободное обращение со сценой, смешение трагического и комического, изображение крестьян, чуждое всякой стилизации, вплоть до искусного использования народной речи. Ни в одной из своих пьес, ни до ни после *Дон Жуана*, Мольер не достигал такого высокого уровня реализма.

А. А. Смирнов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Жуан, сын дон Луиса.
Сганарель, слуга дон Жуана.
Эльвира, жена дон Жуана.
Гусман, конюх Эльвиры.
Дон Карлос, Дон Алонсо } братья Эльвиры.
Дон Луис, отец дон Жуана.
Франциск, нищий.
Шарлота, Матюрина } крестьянки
Пьеро, крестьянин.
Статуя командора.
Ла-Вьолет, Раготен } лакеи дон Жуана.
Господин Диманш, торговец.
Ла-Раме, головорез.
Свита дон Жуана.
Свита дон Карлоса и дон Алонсо.
Призрак.

Действие происходит в Сицилии

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Гусман

Сганарель (*с табакеркой в руках*)

Толкуй Аристотель и вся философия, что им угодно, — ничто не может сравниться с табаком: все порядочные люди имеют к нему пристрастие, и кто живет без табака, тот жизни не достоин. Он не только веселит и прочищает мозги человеческие, но и душу наставляет в добродетели, и с ним научаешься делаться порядочным человеком. Разве вы сами не замечали, какое любезное обращение со всеми приобретаешь, как только начнешь нюхать табак, с каким увлечением угощаешь им направо, налево, где бы ни находился? Не ждешь даже, чтобы у тебя попросили, предупреждаешь желание публики, — вот насколько правильно, что табак внушает чувство чести всем, кто его потребляет. Но довольно об этом. Продолжим немного нашу беседу. Значит, дорогой Гусман, твоя госпожа, донья Эльвира, удивленная нашим отъездом, поехала за город вслед за нами, и сердце ее, которое мой хозяин сумел так сильно затронуть, не могло жить, по твоим словам, без того, чтобы не поехать искать его сюда. Хочешь, я тебе скажу, что я между нами об этом думаю? Я боюсь, что любовь ее будет недостаточно вознаграждена, что ее путешествие в этот город мало принесет пользы и что вы столько же выиграли бы, не двигаясь с места.

Гусман

Но почему? Скажи мне на милость, Сганарель, что заставляет тебя питать такие зловещие опасения? Может быть, твой господин был с тобой откровенен на этот счет и сказал, что он почувствовал некоторое охлаждение по отношению к нам, что и побудило его уехать?

Сганарель

Нет, но взгляни на закут — поймешь, как живут; и хотя он мне еще ничего не говорил, я почти готов биться об заклад, что дело туда идет. Может быть, я могу и ошибаться, но опытность моя в таких делах могла бы мне дать кое-какие указания.

Гусман

Как? Этот столь малопредвиденный отъезд означал бы неверность дон Жуана? Он мог бы так оскорбить чистый пламень доньи Эльвиры?

Сганарель

Нет, но это означает, что он еще молод и что у него нехватает смелости...

Гусман

Человеку его сословия совершить такой подлый поступок?

Сганарель

Толкуй про сословие! Действительно, вот причина, способная удержать от разных вещей!

Гусман

Но его держат священные узы брака.

Сганарель

О бедный мой Гусман, друг мой, ты еще не знаешь, поверь мне, что за человек дон Жуан.

Гусман

По правде сказать, я не знаю, что он за человек может быть, если ему понадобилось быть по отношению к нам столь вероломным; и я совершенно не понимаю как после такой любви, после таких доказательств нетерпения, стольких настоятельных знаков внимания, обещаний, вздохов, слез, стольких страстных писем, пламенных объяснений, неоднократных клятв, наконец после стольких восторгов и пыла, высказанных им до такой степени, что он в своей страсти сломил даже священную преграду монастыря, чтобы получить донью Эльвиру в свое обладание, — повторяю, я не понимаю, как после всего этого у него хватит присутствия духа нарушить данное нам слово.

Сганарель

Что касается меня, так мне не стоит большого труда понять его, и если бы ты знал этого хитрягу, ты нашел бы, что такие вещи для него ничего не стоят. Я не говорю, что он изменился в чувствах к донье Эльвире, у меня нет достоверности в этом; как тебе известно, я по его приказу выехал раньше него, а по своем приезде он еще не беседовал со мной на эту тему. Но в видах предосторожности, inter nos, скажу тебе, что в господине моем дон Жуане ты найдешь величайшего злодея, какого только земля носила: бешеного, собаку, чорта, турка, еретика, не верующего ни в рай ни в ад, оборотня, который эту жизнь живет в виде дикого зверя, эпикурейскую свинью, настоящего Сарданапала, который на все христианские усовещивания только затыкает уши и считает все, во что мы верим, за пустяки. Ты говоришь, что он женился на твоей госпоже. Поверь мне, он бы еще не то сделал для удовлетворения своей страсти, он бы женился на тебе, на ее собаке, на ее кошке. Заключить брак ему ничего не стоит, он браком пользуется только как западнею, чтобы ловить красоток, и жениться готов на

ком угодно. Дама, девица, горожанка, крестьянка — ему все хороши, и если бы я тебе начал пересчитывать поименно всех тех, на ком он в разных местах женился, хватило бы до вечера. Ты изумлен и меняешься в лице при таких словах, но это только набросок его личности; чтобы закончить портрет, потребовались бы другие мазки. Достаточно, если я скажу, что гнев божий постигнет его в один прекрасный день, что лучше бы мне принадлежать дьяволу, чем ему, и что мне приходится видеть такие ужасы, что я хотел бы, чтобы он уже находился чорт знает где. Но ужасная вещь, когда вельможа — скверный человек; я принужден, несмотря ни на что, сохранять ему верность: страх заставляет меня старательно служить, сдерживать свои чувства и часто выказывать одобрение тому, к чему я в глубине души чувствую отвращение. Но вот он возвращается с прогулки по этому дворцу. Разойдемся. Послушай-ка, я тебе признался со всей откровенностью; может быть, нужно бы было держать язык за зубами; но если что-нибудь об этом дойдет до его ушей, я во всеуслышанье скажу, что ты соврал.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Жуан, Сганарель

Дон Жуан

Что это за человек с тобою разговаривал? С виду, мне кажется, он похож на слугу Эльвиры, доброго Гусмана.

Сганарель

Да, что-то в таком роде.

Дон Жуан

Как, это он?

Сганарель

Он самый.

Дон Жуан

И с каких пор он находится в этом городе?

Сганарель

Со вчерашнего вечера.

Дон Жуан

И что привело его сюда?

Сганарель

Я думаю, вы сами достаточно понимаете, что́ его может беспокоить.

Дон Жуан

Наш отъезд, конечно?

Сганарель

Малый совсем потрясен и спрашивал меня, что за причина.

Дон Жуан

Что же ты сказал в ответ?

Сганарель

Что вы мне ничего об этом не говорили.

Дон Жуан

Кстати, что ты сам об этом думаешь? Как ты представляешь себе дело?

Сганарель

Я думаю, не в обиду вам будь сказано, что у вас в голове какая-нибудь новая любовь.

Дон Жуан

Ты так думаешь?

Сганарель

Да.

Дон Жуан

Чорт возьми, ты не ошибся, и я должен тебе признаться, что новый предмет изгнал Эльвиру из моих мыслей.

Сганарель

Ах, боже мой, да я знаю моего дон Жуана, как свои пять пальцев, и знаю, что сердце у вас самое непоседливое на свете; ему нравится переходить от одной связи к другой, на месте оно не очень любит оставаться.

Дон Жуан

А ты, скажи, не находишь, что я прав, поступая подобным образом?

Сганарель

Э, сударь!

Дон Жуан

Что такое? Скажи.

Сганарель

Разумеется, вы правы, если на то ваша воля, с этим ничего не поделаешь, но если бы воли вашей не было, было бы, может быть, совсем другое дело.

Дон Жуан

Ну, я тебе разрешаю говорить свободно и высказать свое мнение.

Сганарель

В таком случае, сударь, я вам скажу откровенно, что я совсем не одобряю вашей методы и нахожу довольно подлым любить направо и налево, как вы это делаете.

Дон Жуан

Как? Ты хочешь, чтобы мы привязывались к первой пленившей нас женщине и оставались при ней, отказавшись ради этого от всего на свете, ко всему остальному сделавшись слепыми? Хорошее дело — вбить себе в голову погоню за ложной доблестью быть верным, похоронить себя навсегда в единственной страсти и смолоду сделаться мертвым ко всем прочим красавицам, которые могут нам попасться на глаза! Нет, нет; постоянство годится только для чудаков; все красавицы имеют право нас очаровывать, и преимущество оказаться первой по счету никак не должно похищать у других справедливых притязаний, которые они все имеют на наши сердца. Что касается меня, красота восторгает меня всюду, где бы я ее ни встретил, и я легко поддаюсь сладкому насилию, с которым она нас увлекает. Пусть я связан словом; любовь, которую я питаю к прекрасной, нисколько не обязывает меня быть несправедливым к остальным; у меня сохраняются глаза, чтобы видеть достоинства других женщин, и я каждой воздаю почет и поклонение, к которым нас обязывает природа. Как бы там ни было, я не могу отказать в своем сердце всему, что я вижу любезного; и раз хорошенькое личико просит меня об этом, то будь у меня десять тысяч сердец, я бы отдал их все. В конце концов неизъяснимая прелесть таится в зарождающихся склонностях, и все наслаждение любви заключается в перемене. Испытываешь крайнюю сладость от того, что сотней различных услуг смягчаешь сердце юной красавицы, со дня на день наблюдаешь постепенные успехи, преодолеваешь посредством восторгов, слез, вздохов невинную стыдливость души, которая одно за другим слагает свое

оружие, шаг за шагом берешь с бою мелкие препятствия, которые она нам противополагает, побеждаешь угрызения совести, которыми она гордится, и незаметно приводишь ее туда, куда ты хотел ее заставить придти. Но раз уже ты сделался господином, тебе ничего больше не остается ни говорить ни желать; вся красота страсти окончена, и ты засыпаешь в спокойствии подобной любви, если только какой-нибудь новый предмет не явится пробудить твои желания и не представит твоему сердцу привлекательных прелестей предстоящего завоевания. В конце концов нет ничего слаще, как одержать победу над сопротивлением прекрасной женщины, и в этом отношении я питаю тщеславие завоевателей, которые все время летят от победы к победе и не могут решиться положить предел своим желаниям. Нет ничего, что могло бы остановить напор моих желаний; я чувствую, что сердца у меня хватит на любовь ко всему миру, и я, как Александр, хотел бы, чтобы существовали другие миры, чтобы быть в состоянии на них распространить мои любовные завоевания.

Сганарель

Отцы родные, как у вас складно выходит! Прямо будто вы это все наизусть выучили и говорите как по книжке.

Дон Жуан

Что можешь ты сказать на это?

Сганарель

Чорт возьми, я могу сказать... Я не знаю, что я могу сказать; вы так оборачиваете дело, что выходит, будто вы правы, между тем как на самом деле вы неправы. У меня были прекраснейшие мысли, а вы своею рацеею все их спутали. Ладно; в другой раз я свои доводы изложу письменно, чтобы вас оспаривать.

Дон Жуан

Хорошо сделаешь.

Сганарель

Но, сударь, я не превышу разрешения, которое вы мне дали, если скажу, что я до некоторой степени скандализован образом жизни, который вы ведете?

Дон Жуан

Как? Какой же образ жизни я веду?

Сганарель

Очень хороший. Но, например, смотреть, как вы что ни месяц, то заново женитесь...

Дон Жуан

Что может быть приятнее этого?

Сганарель

Верно, я понимаю, что это очень приятно и увеселительно, и я сам не прочь был бы так пожить, не будь это худо; но, сударь мой, так смеяться над священным таинством и...

Дон Жуан

Полно, полно, это — дело между небом и мною, и мы сами уж как-нибудь, без твоих хлопот, разберемся в этом.

Сганарель

Ей-богу, сударь, я всегда слышал, что с небом шутки плохи и что вольнодумцы добром никогда не кончают.

Дон Жуан

Ну, ну, дурачина! Я уже говорил тебе, что не люблю, когда мне читают нотации.

Сганарель

Да я не про вас и говорю, боже упаси. Вы сами знаете, что вы делаете, и если вы ни во что не верите, так имеете на это свои основания; но бывают на свете этакие нахальные малые, которые вольнодумничают, сами не зная почему, которые корчат из себя свободомыслящих только потому, что воображают, будто это им очень к лицу; и если бы у меня был такой господин, я бы ему прямо в глаза сказал: «Как вы смеете шутить с небом, как не трепещете вы, когда так издеваетесь над священнейшими предметами? Вам ли, жалкому червю, вам ли, карапузику (это я господину своему сказал бы), предавать осмеянию все, что почитают люди? Оттого, что вы знатная особа, что вы носите белокурый, хорошо завитой парик, шляпу с перьями, раззолоченное платье и ленты огненного цвета (это я не вам, а своему господину сказал бы), уж не думаете ли вы, что по этой причине вы умнее других, что вам все позволено и никто уж не посмеет вам сказать правду? Так узнайте же от меня, вашего лакея, что небо рано или поздно наказывает нечестивцев, что дурная жизнь приводит к дурной смерти и что...»

Дон Жуан

Довольно!

Сганарель

О чем мы говорили?

Дон Жуан

О том, что некая красавица владеет моим сердцем и что, увлеченный ее прелестями, я проследовал за нею вплоть до этого города.

Сганарель

И у вас, сударь, нет никакого страха по поводу смерти командора, которого вы убили полгода тому назад?

Дон Жуан

Чего же мне бояться? Разве я не убил его исправнейшим образом?

Сганарель

Пренсправнейшим образом, как нельзя лучше, и ему жаловаться не на что.

Дон Жуан

Я был помилован по этому делу.

Сганарель

Но это помилование, может быть, не угасило неудовольствия родственников и друзей, и...

Дон Жуан

Э! Не будем думать о неприятностях, которые могут произойти, а будем думать только о том, что может нам доставить наслажденье. Особа, о которой я тебе говорил, молодая невеста, наиприятнейшая в мире; ее привез сюда человек, за которого она должна выйти замуж. Случайно мне удалось видеть эту влюбленную пару за три-четыре дня до их поездки. Никогда я не видел людей, более довольных друг другом, любовь которых настолько бросалась бы в глаза. Нежные доказательства их обоюдного жара привели меня в волнение; я был поражен в самое сердце, и любовь моя началась с ревности. Да, мне сразу же стал несносен их счастливый вид, досада подстрекнула мои желанья, и я представил себе, какое наслаждение — быть в состоянии нарушить их согласие и порвать эту привязанность, которою чувствительность моего сердца сочла себя оскорбленной; но до сей поры все мои усилия были тщетны, и я прибегнул к крайнему средству. Этот претендент в супруги сегодня должен угостить свою возлюбленную морскою прогулкою. Я тебе ничего не говорил, но все пригото-

влено для того, чтобы удовлетворить мою любовь; у меня есть небольшое судно и люди, с которыми я весьма легко рассчитываю похитить красавицу.

Сганарель

Как, сударь...

Дон Жуан

Что такое?

Сганарель

Это очень удачно для вас, и вы как следует за это беретесь. Что же в мире есть лучшего, чем удовлетворение своих желаний?

Дон Жуан

Приготовься отправиться вместе со мной и позаботься сам захватить с собою все мое оружие, чтобы... Ах, какая досадная встреча! Злодей, ты мне не сказал, что она сама находится здесь!

Сганарель

Так вы меня не спрашивали об этом.

Дон Жуан

Что, она с ума сошла — так, не переодевшись, и явиться сюда в деревенском платьи?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Донья Эльвира, дон Жуан, Сганарель

Донья Эльвира

Окажете ли вы мне милость, дон Жуан, соблаговолите ли узнать меня? Могу ли я надеяться, по крайней мере, что вы повернете лицо в мою сторону?

Дон Жуан

Сударыня, признаться, я удивлен. Я не ожидал вас здесь встретить.

Донья Эльвира

Да, я вижу, что вы меня здесь не ожидали, и вы удивлены, но совершенно иначе, чем я надеялась; и характер вашего удивления совершенно убеждает меня в том, верить во что я отказывалась. Я удивляюсь моей простоте и слабости моего сердца, которые заставляли меня сомневаться в измене, которую столько очевидностей мне подтверждают. Я была так добра, или, скорее, так глупа, что хотела сама себя обмануть, старалась отвергнуть показания моих собственных глаз и рассудка. Я выискивала предлоги, чтобы оправдать перед моею нежностью ослабление дружбы, которое в вас замечала; я выдумывала сотни законных поводов для поспешного отъезда, чтоб очистить вас от преступления, в котором рассудок мой вас обвинял. Мои справедливые подозрения тщетно твердили мне каждый день одно и то же — я отвергала голос, делавший вас виновным в моих глазах, и с наслаждением прислушивалась к тысяче смешных химер, рисовавших вас невинным моему сердцу. Но, в конце концов, тот прием, что вы мне оказываете, не позволяет мне больше сомневаться, и взгляд, которым вы меня встретили, открыл мне больше, чем я желала бы знать. Тем не менее, я была бы рада услышать из ваших уст причины вашего отъезда. Говорите, дон Жуан, прошу вас, и посмотрим, как вы сможете оправдаться.

Дон Жуан

Сударыня, вот Сганарель; он знает, почему я уехал.

Сганарель [*тихо дон Жуану*]

Я, сударь? С вашего позволения, я ничего на этот счет не знаю.

Донья Эльвира

Ну, Сганарель, говорите. Мне все равно, из чьих уст получу я объяснения.

Дон Жуан [*делая Сганарелю знак приблизиться*]

Ну, объясни же госпоже.

Сганарель [*тихо дон Жуану*]

Что хотите вы, чтоб я объяснил?

Донья Эльвира

Приблизьтесь, раз вам это приказывают, и объясните мне причины столь быстрого отъезда.

Дон Жуан

Ты не будешь отвечать?

Сганарель

Да мне нечего отвечать. Вы смеетесь над вашим слугою.

Дон Жуан

Будешь ты отвечать, спрашиваю?

Сганарель

Сударыня...

Донья Эльвира

Что?

Сганарель [*поворачиваясь к дон Жуану*]

Сударь...

Дон Жуан [*с жестом угрозы*]

Если...

Сганарель

Сударыня, завоеватели, Александр и иные миры послужили поводом к нашему отъезду. Вот, сударь, все, что я могу сказать.

Донья Эльвира

Угодно ли вам, дон Жуан, разъяснить мне эти великолепные тайны?

Дон Жуан

Сударыня, по правде говоря...

Донья Эльвира

О, как вы плохо умеете защищаться для человека придворного, который должен быть привычен к подобного рода вещам! Мне жалко видеть вас в таком смущении. Почему не вооружитесь вы благородною наглостью? Почему не клянетесь вы, что чувства ваши ко мне неизменны, что вы продолжаете любить меня с прежним пылом и что только смерть может вас отделить от меня? Почему не скажете вы, что дела крайней важности принудили вас уехать, не предупредив меня; что необходимость заставляет вас против вашего желания пробыть здесь некоторое время и что мне остается только вернуться туда, откуда я приехала, и быть уверенной, что вы, как только сможете, последуете за мною; что нет никакого сомнения, что вы жаждете соединиться со мною и что вдали от меня вы страдаете, как страдает тело, отделенное от души? Вот как вам следовало бы защищаться, а не стоять в замешательстве, как вы это делаете.

Дон Жуан

Уверяю вас, сударыня, у меня нет никаких способностей к притворству, и сердце во мне искреннее. Я не буду говорить, что чувства мои по отношению к вам

неизменны, что я жажду соединиться с вами, раз в конце концов установлено, что уехал я только для того, чтобы избегнуть вас, — хотя и не по тем причинам, которые вы, быть может, себе воображаете, а единственно лишь повинуясь своей совести, — чтобы не думать, что я и дальше могу жить с вами, не впадая в грех: во мне совесть заговорила, сударыня, и у души моей открылись глаза на то, что я делал. Я поразмыслил о том, что для того, чтобы жениться на вас, я вас похитил из монастырского затвора, что вы нарушили обеты, призывавшие вас совсем к иному и что небо с большою ревностью относится к подобного рода вещам. Мной овладело раскаяние, и я боюсь небесного гнева; я убедился, что наше супружество есть скрытое прелюбодеяние, что оно навлечет на нас свыше какое-нибудь несчастье и что в конце концов я должен постараться забыть вас и дать вам возможность вернуться к прежним вашим оковам. Хотите ли вы, сударыня, противостоять столь святой мысли, хотите ли вы, чтобы, удерживая вас, я вступил в пререкания с небом, чтобы...

Донья Эльвира

Ах, негодяй, только теперь я тебя до конца узнала; и, к несчастью, узнала тебя тогда, когда уже поздно, когда это знание может только увеличить мое отчаянье. Но знай, что преступление твое не останется безнаказанным и что то самое небо, над которым ты издеваешься, сумеет быть моим мстителем за твое предательство.

Дон Жуан

Сганарель, небо!

Сганарель

Ну да, такие люди, как мы, ни во что это не ставят

Дон Жуан

Сударыня...

Донья Эльвира

Довольно. Я не хочу больше слушать, я корю себя даже за то, что слишком долго вас слушала. Это низко — позволять, чтобы тебе объясняли твой собственный позор; при таких разговорах благородное сердце с первого же слова должно принять решение. Не жди, чтобы я разразилась упреками и оскорблениями; нет, нет, гнев мой не будет изливаться в пустых словах: весь жар его хранится для отмщенья. Повторяю, небо накажет тебя, изменник, за нанесенную мне обиду, и если ты не боишься неба, то бойся гнева оскорбленной женщины.

Сганарель

Если бы он был доступен угрызениям совести!

Дон Жуан (*после краткого размышления*)

Подумаем об исполнении нашей любовной затеи.

[*Уходит*]

Сганарель

Ах, какому ужасному хозяину принужден я служить!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Шарлота, Пьеро

Шарлота

Слава богу, Пьеро, что ты как раз там находился.

Пьеро

Да, они оба были на волосок от смерти!

Шарлота

Значит, это утренний ветер их опрокинул?

Пьеро

Постой, Шарлота, я тебе расскажу, как дело было; ведь я первый их увидел, увидел я их первый. Ну, значит, я был на берегу моря, я и толстый Лука, и мы занимались тем, что баловались между собой: бросали друг в друга комья сырой земли; ведь ты знаешь, Лука страшный баловник, да и я побаловаться не прочь. Так вот, баловались мы, баловались, вдруг я вижу, вдали что-то в воде копошится и так толчками на нас наплывает. Я ясно это видел, а потом вдруг вижу, что ничего не вижу. «Эй, Лука! — говорю я. — Мне кажется, там народ плавает». — «Чепуха, — это он мне говорит. — У тебя куриная слепота, ты ничего не видишь». — «Чорт побери, — говорю я, — у меня нет

куриной слепоты, это люди». — «Ничего подобного, — говорит, — у тебя бельмо». — «Хочешь об заклад биться, — говорю, — что у меня нет бельма, — говорю, — а это два человека, — говорю, — и плывут они прямо сюда», — говорю. — «Чорт возьми, — говорит он, — бьюсь об заклад, что нет». — «Да, — говорю я, — хочешь биться на десять су, что да?» — «Хочу, — говорит, — и вот тебе деньги на кон», — говорит. Я с ума не сошел, и у меня есть голова на плечах, я храбро бросил на землю четыре су парижских, да пять туренских полушками, не поморщась, как стакан вина хватил; я ведь человек азартный, на рожон лезу. Однако я знал, что я делал. Чего там! Не поспел я поставить деньги на кон, вдруг вижу, как на ладони, двух человек, которые знаками зовут нас на помощь. Я принялся собирать заклад. «Ну, что, Лука, — говорю я, — видишь, они нас зовут, поплывем скорей к ним на помощь!» — «Нет, — говорит, — из-за них я тебе деньги свои проиграл». Но в конце концов кончилось тем, что я его уговорил, сели мы в лодку, и с грехом пополам вытащил я их из воды, потом я повел их к себе домой к огню, потом они догола разделись, чтоб высохнуть, потом пришло еще двое из их же шайки, которые уже сами спаслись, потом пришла Матюрина, с которой они начали перемигиваться. Ну, вот, Шарлота, и все, как было на самом деле.

Шарлота.

Ведь ты мне говорил, Пьеро, что один из них получше других?

Пьеро

Да, это хозяин. Должно быть, какая-нибудь важная-преважная шишка, потому платье у него все расшито золотом, сверху донизу; а те, кто ему служат, сами-то вроде господ; и все-таки, шишка не шишка, а, ей-богу, потонул бы он, если бы я тут не подвернулся.

Шарлота

Скажите пожалуйста!

Пьеро

Да, без нас был бы ему капут.

Шарлота

Он еще все у тебя, Пьеро, сидит голый?

Пьеро

Нет, они его при нас одели. Боже мой, никогда я не видывал, чтобы так одевались! Сколько там всяких всячин, финтифлюшек, пуговиц у этих придворных господ! Я бы запутался; смотреть — и то у меня глаза на лоб вылезли. Знаешь, Шарлота, волосы ведь у них на голове не держатся, они их надевают после всего, как колпак из кудели. У рубашек такие рукава, что мы бы с тобой могли вдвоем туда залезть. Вместо штанов носят они широчайший передник, широкий, как великий пост, вместо камзола — коротенькие кацавейки, не доходящие до пупа, вместо воротника — сетчатый шейный платок с четырьмя огромными кистями из полотна, которые свешиваются им на живот. Еще у них есть маленькие воротнички около кистей рук и огромные бочки, обшитые позументом, чтобы пропускать ноги, и на всем этом столько лент, столько лент, что прямо жалость берет. Даже на туфлях с одного конца до другого все усажено лентами; и они так устроены, что я бы себе шею сломал, навесь на меня столько лент.

Шарлота

Ей-богу, Пьеро, мне нужно взглянуть на это хоть одним глазком.

Пьеро

Послушай сначала, Шарлота, мне нужно сказать тебе кое-что.

Шарлота

Ну, говори, в чем дело.

Пьеро

Видишь ли, Шарлота, я должен, как говорится, излить тебе душу. Я люблю тебя, ты это знаешь, и я готов жениться на тебе, но я недоволен тобою.

Шарлота

Как? А в чем же дело?

Пьеро

Дело в том, что ты меня огорчаешь, по правде сказать.

Шарлота

Чем же я тебя огорчаю?

Пьеро

Тем, что ты меня не любишь.

Шарлота

Только-то!

Пьеро

Да, только-то, и этого вполне довольно.

Шарлота

Господи, Пьеро, ты всегда мне говоришь одно и то же.

Пьеро

Я тебе говорю всегда одно и то же, потому что всегда бывает одно и то же; если бы всегда не было одно и то же, я бы не говорил тебе одного и того же.

Шарлота

Но что тебе надобно? Чего ты хочешь?

Пьеро

Чорт возьми, я хочу, чтоб ты меня любила.

Шарлота

Разве я тебя не люблю?

Пьеро

Нет, ты меня не любишь, а между тем я все делаю, что в моих силах, для этого. Я, не говоря ни слова, покупаю тебе ленты у всех разносчиков, которые проходят; я чуть голову себе не ломаю, добывая тебе дроздов из гнезд; заставляю для тебя играть музыкантов на твои именины, — и все это как об стену горох. Знаешь, хорошего в этом мало — не любить людей, которые нас любят.

Шарлота

Но, господи, я тоже люблю тебя.

Пьеро

Нечего сказать, хорошо ты меня любишь!

Шарлота

Что же ты хочешь, чтобы я делала?

Пьеро

Я хочу, чтобы ты делала, что все делают, когда любят по-настоящему.

Шарлота

Разве я люблю тебя не по-настоящему?

Пьеро

Нет, когда любят по-настоящему, это сразу видно; тогда вытворяют тысячу разных проказ людям, которых любят от всего сердца. Посмотри на толстую Томасу, как она

влипла в молодого Робена, — все время вокруг него вертится, все время его задирает, ни на минуту не оставляет в покое; как ни пройдет, то напроказит что-нибудь, то тумака ему даст; а один раз, когда он сидел на скамейке, так она вытащила ее из-под него, и он растянулся на земле во весь рост. Сразу видать, что это любовь; а ты никогда слова мне не скажешь, всегда, как настоящее полено; хоть двадцать раз мимо тебя ходи, ты и не пошевелишься, чтобы хлопнуть меня или сказать что-нибудь. Чорт возьми, это нехорошо, в конце концов, и ты совсем бесчувственная к человеку.

Шарлота

Что же делать? У меня такой характер, я не могу переделаться.

Пьеро

При чем тут характер? Когда любят человека, всегда какие-нибудь знаки оказывают.

Шарлота

В конце концов, я люблю тебя, как умею. А если ты этим недоволен, тебе стоит только полюбить какую-нибудь другую.

Пьеро

Это мне не расчет. Ну вот, если бы ты любила меня, разве ты стала бы говорить подобные вещи?

Шарлота

Почему ты мне голову дуришь?

Пьеро

Что я тебе дурного делаю? Я только прошу, чтобы ты была ласковее со мной.

Шарлота

Знаешь что, брось и не приставай ко мне. Может быть, это придет само собой вдруг, когда не будем об этом думать.

Пьеро

Ударим по рукам на этом, Шарлота.

Шарлота

Идет.

Пьеро

Обещай мне, что постараешься больше меня любить.

Шарлота

Я сделаю, что могу, но надо, чтоб это вышло само собою. Пьеро, это и есть тот господин?

Пьеро

Да. Вот он.

Шарлота

Ах, боже мой, какой он миленький, и как было бы жалко, если бы он утонул.

Пьеро

Я сейчас вернусь, пойду выпью стаканчик, чтобы немного оправиться, а то я здорово устал.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Жуан, Сганарель, Шарлота

Дон Жуан

Нам не повезло, Сганарель; этот шквал заодно с нашей лодкой опрокинул и план, который мы построили; но, по правде тебе сказать, крестьяночка, с кото-

рой я только что расстался, заставляет меня забыть о беде, и ее прелесть изгоняет из моих мыслей всякую скорбь, которую причинила мне неудача нашего предприятия. Это сердце не должно ускользнуть от меня, и я уже заронил в него такое расположение, что едва ли меня долго заставят вздыхать.

Сганарель

Признаться, сударь, вы меня удивляете. Только что мы избежали смерти, и вместо того, чтобы возблагодарить небо за то, что оно соблаговолило смилостивиться над нами, вы снова стараетесь привлечь его гнев на нас своими обычными выдумками и любовными похожден... [*Дон Жуан делает угрожающий жест*] Молчи, бездельник, ты не знаешь, что говоришь, а господин твой знает, что он делает. Идемте.

Дон Жуан [*заметив Шарлоту*]

Эге! Откуда же взялась, Сганарель, эта другая крестьяночка? Видел ли ты когда-нибудь более хорошенькую? И не находишь ли ты, скажи-ка, что эта не хуже первой?

Сганарель

Конечно. [*В сторону*] Новая песенка!

Дон Жуан

Чему я обязан, красотка, такой приятной встречей? Как? В этих сельских местах, среди скал и деревьев, можно встретить особ, созданных как вы?

Шарлота

Как видите, сударь.

Дон Жуан

Вы из этой деревни?

Шарлота

Да, сударь.

Дон Жуан

Вы там и живете?

Шарлота

Да, сударь.

Дон Жуан

А как вас зовут?

Шарлота

Шарлота, к вашим услугам.

Дон Жуан

Какая прелестная особа, какие за душу хватающие глаза!

Шарлота

Сударь, вы меня в стыд вгоняете.

Дон Жуан

Не стыдитесь выслушивать правду. Сганарель, что скажешь? Можно ли найти что-нибудь более приятное? Повернитесь немного, сделайте одолжение. Ах, какая прелестная талия! Подымите немного голову, пожалуйста. Какое миленькое личико! Откройте шире ваши глаза. Как они хороши! Дайте взглянуть на ваши зубы. Они созданы для любви, а губки так аппетитны. Что касается меня, то я в восторге; я еще не видал более очаровательной особы.

Шарлота

Сударь, вам вольно так говорить, а я не знаю, не смеетесь ли вы надо мною.

Дон Жуан

Я смеюсь над вами? Боже упаси! Я слишком вас люблю, я говорю от глубины сердца.

Шарлота

Коли так, я вам очень признательна.

Дон Жуан

Не за что. За все мои слова вы не мне должны быть признательны, а вашей красоте.

Шарлота

Все это для меня, сударь, слишком красно сказано, и у меня, чтоб ответить вам, ума нехватит.

Дон Жуан

Сганарель, взгляни на эти руки.

Шарлота

Фи, сударь, они черны как не знаю что.

Дон Жуан

Что вы там толкуете? Лучше их на всем свете нет. Позвольте, пожалуйста, их поцеловать.

Шарлота

Сударь, вы слишком много чести мне оказываете, если б я это знала, я бы их хоть помыла с отрубями.

Дон Жуан

А скажите, пожалуйста, прекрасная Шарлота, вы не замужем, конечно?

Шарлота

Нет, сударь, но скоро́ я выхожу замуж за Пьеро, сына нашей соседки Симонеты.

Дон Жуан

Как? Такая особа, как вы, будет женою простого крестьянина? Нет, нет, это было бы святотатством по отношению к такой красоте, и вы рождены не для

того, чтобы оставаться в деревне. Вы заслуживаете, без сомнения, лучшей участи, и небо, которому это хорошо известно, нарочно привело меня сюда, чтобы воспрепятствовать этому браку и воздать справедливость вашим прелестям; потому что, в конце концов, прекрасная Шарлота, я люблю вас от всего сердца, и зависит только от вас, чтобы я вырвал вас из этого жалкого места и поставил вас в такое положение, какого вы заслуживаете. Любовь эта, не спорю, стремительна, но ничего не поделаешь: таково, Шарлота, действие вашей великой красоты, и вас можно в четверть часа полюбить, как другую не полюбишь и в полгода.

Шарлота

Право, сударь, я не знаю, что и делать, когда вы так говорите. Ваши слова мне приятны, и я больше всего на свете хотела бы вам верить, но мне всегда твердили, что господам верить не следует и что вы, вельможи, ловки насчет улещиванья и только и думаете, как бы обмануть девушку.

Дон Жуан

Я не из таких людей.

Сганарель [*в сторону*]

Еще бы!

Шарлота

Видите ли, сударь, в этом мало удовольствия, когда вас обманывают. Я бедная крестьянка, но честь свою берегу и предпочту умереть, только бы не видеть себя обесчещенной.

Дон Жуан

Как, я буду настолько зол душою, что обману такую особу, как вы? Я буду настолько подл, чтобы вас обесчестить? Нет, нет, у меня совести на это нехватит.

Я люблю вас, Шарлота, честно и искренне, и чтобы вы видели, что я вам говорю правду, узнайте, что у меня нет другого намерения, как жениться на вас. Нужно ли вам большее доказательство? Я готов на это когда угодно, и пусть вот этот человек будет свидетелем обещания, которое я вам даю.

Сганарель

Нет, нет, не извольте беспокоиться; он женится на вас сколько вам угодно.

Дон Жуан

Ах, Шарлота, вижу, что вы меня еще не знаете. Вы обижаете меня, судя обо мне по другим, и если есть на свете мошенники, люди, которые только того и ищут, как бы обмануть девушку, вы не должны причислять меня к ним и сомневаться в искренности моих обещаний. Кроме того ваша красота — лучшая вам порука. Когда имеешь такую наружность, как ваша, надо быть огражденной от всяких опасений: у вас вид не такой особы, которую можно было бы обмануть, поверьте; что касается меня, то я пронзил бы себе сердце сотней ударов раньше, чем возымел бы хоть отдаленную мысль изменить вам.

Шарлота

Господи, не знаю, правду или нет вы говорите. Но вы заставляете себе верить.

Дон Жуан

Поверив мне, вы только окажете мне справедливость; и я снова повторяю обещание, уже сделанное мною. Не примете ли вы его и не согласитесь ли стать моей женою?

Шарлота

Да, если моя тетка согласится.

Дон Жуан

Так по рукам, Шарлота, если вы сами на это согласны.

Шарлота

Только прошу вас, сударь, не обманите меня; это было бы грешно; ведь вы видите, как я вам доверяю.

Дон Жуан

Как? Повидимому, вы все еще сомневаетесь в моей искренности? Угодно, я принесу страшные клятвы? Пусть небо...

Шарлота

Господи, не клянитесь! Я вам верю.

Дон Жуан

Дайте же мне маленький поцелуй в залог вашего слова.

Шарлота

Ах, сударь, подождите, прошу вас, пока мы поженимся. После этого я буду целовать вас сколько вам угодно.

Дон Жуан

Ну, хорошо, Шарлота, пусть будет по-вашему; протяните мне только вашу руку и разрешите мне тысячью поцелуев выразить свое восхищение...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Жуан, Сганарель, Пьеро, Шарлота

Пьеро (*становясь между ними и отталкивая дон Жуана*)

Потише, сударь, с вашего позволения. Слишком вы разгорячились, — как бы у вас колотье в боку не сделалось.

Дон Жуан (*грубо отталкивая Пьеро*)

Откуда еще этот дурак взялся?

Пьеро

Говорю вам, потише, не приставайте к нашим невестам.

Дон Жуан (*продолжая отталкивать его*)

Что за шум?

Пьеро

Чорт возьми! Чего людей толкать?

Шарлота (*беря Пьеро за руку*)

Оставь его, Пьеро.

Пьеро

Как — оставь его? Я не хочу.

Дон Жуан

Ого!

Пьеро

Чорта с два! Раз вы барин, так вы можете на глазах у нас приставать к нашим женам? Идите к вашим и приставайте к ним.

Дон Жуан

Как?

Пьеро

Так. (*Дон Жуан дает ему затрещину*) Чорта с два, не бейте меня! (*Еще затрещина*) Ах, чорт возьми! (*Еще затрещина*) Чорт побери! (*Еще затрещина*) Чорта с два, чорт побери! Не хорошо так бить людей, и не так бы следовало отблагодарить за то, что вас вытащили из воды.

Шарлота

Пьеро, не сердись!

Пьеро

Я хочу сердиться; а ты — подлюга; смотришь, как к тебе лезут, и ничего не говоришь.

Шарлота

Ах, Пьеро, это совсем не то, что ты думаешь. Этот барин хочет на мне жениться, и тебе нечего выходить из себя.

Пьеро

Как жениться? Ты же помолвлена.

Шарлота

Это ничего не значит, Пьеро. Если ты меня любишь, ты должен радоваться тому, что я сделаюсь барыней.

Пьеро

Ну нет, чорта с два! Для меня лучше, чтоб ты подохла, чем видеть тебя за другим.

Шарлота

Полно, полно, Пьеро, не расстраивайся. Если я буду барыней, тебе тоже будет барыш; ты будешь носить к нам масло и сыр.

Пьеро

Чорта с два! Никогда я тебе не стал бы носить, хоть бы ты мне двойную цену давала. Так-то ты слушаешь все его россказни? Если бы я знал, ни за что бы не стал его из воды вытаскивать, стукнул бы еще рулем хорошенько по голове.

Дон Жуан (*подходя к Пьеро, чтобы ударить его*)

Что вы говорите?

Пьеро (*прячась за Шарлоту*)

Чорта с два, я никого не боюсь!

Дон Жуан (*переходит на ту сторону, где стоит Пьеро*)

Постойте немного.

Пьеро (*переходит по другую сторону Шарлоты*)

Мне на все наплевать!

Дон Жуан (*бежит за Пьеро*)

Посмотрим...

Пьеро (*снова прячется за Шарлоту*)

Видал я таких!

Дон Жуан

Постой!

Сганарель

Ах, сударь, бросьте этого несчастного. Совестно и бить-то его! Послушай-ка, малый, уходи по-добру по-здорову, ничего ему не говоря.

Пьеро (*становится перед Сганарелем и обращается к дон Жуану*)

Я хочу ему сказать.

Дон Жуан (*поднимает руку, чтоб ударить Пьеро; тот наклоняется и затрещину получает Сганарель*)

Я вас проучу!

Сганарель (*смотря на Пьеро, который наклонился, чтобы избежать затрещины*)

Чтоб тебя чума заела!

Дон Жуан

Вот ты и поплатился за свое милосердие.

Пьеро

Чорт! пойду расскажу ее тетке про эти шашни.

[*Уходит*]

Дон Жуан

Наконец-то я буду счастливейшим изо всех людей и не променяю своего счастья ни на что в мире. Сколько меня ждет наслаждений, когда вы сделаетесь моей женой! И сколько...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Жуан, Сганарель, Шарлота, Матюрина

Сганарель (*заметив Матюрину*)

Ай-ай!

Матюрина (*дон Жуану*)

Сударь, чем это вы тут заняты с Шарлотой? Вы и ей тоже объясняетесь в любви?

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Нет, наоборот, она высказывает желание выйти за меня замуж, а я отвечаю ей, что уже связан словом с вами.

Шарлота

Чего надо от вас Матюрине?

Дон Жуан (*тихо Шарлоте*)

Она ревнует, потому что я с вами разговариваю, и хотела бы, чтобы я на ней женился, но я ей говорю, что мое желание влечет меня к вам.

Матюрина

Как? Шарлота...

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Бесполезно с ней разговаривать, она вбила это себе в голову.

Шарлота

Как так? Матюрина...

Дон Жуан (*тихо Шарлоте*)

Напрасно вы будете с ней толковать, вы уже не выбьете у ней этой фантазии.

Матюрина

Разве...

Дон Жуан

Нельзя никакими средствами ее образумить.

Шарлота

Я постаралась бы.

Дон Жуан (*тихо Шарлоте*)

Она упряма, как сто чертей.

Матюрина

По правде сказать...

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Не говорите с нею, она не в своем уме.

Шарлота

Я полагаю...

Дон Жуан (*тихо Шарлоте*)

Оставьте ее в покое, она с придурью.

Матюрина

Нет, нет, я с ней поговорю.

Шарлота

Хотелось бы мне послушать, что она скажет.

Матюрина

Что?

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Бьюсь об заклад, она вас будет уверять, что я обещал на ней жениться.

Шарлота

Я...

Дон Жуан (*тихо Шарлоте*)

Побьюсь об заклад, она будет утверждать, что я дал слово с ней обвенчаться.

Матюрина

Эй, Шарлота, нехорошо перебегать другим дорогу.

Шарлота

Не очень-то честно, Матюрина, ревновать потому, что барин со мной разговаривает.

Матюрина

Меня барин первою увидел.

Шарлота

Вас увидел первою, а меня увидел второю и обещал на мне жениться.

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Вот видите! Что я говорил?

Матюрина

Мое почтенье! На мне он обещал жениться, а не на вас.

Дон Жуан (*тихо Шарлотте*)

Не угадал ли я?

Шарлота

Другим рассказывайте басни! На мне он обещался, говорю я вам.

Матюрина

Да что вы, шутите? Еще раз говорю вам, что на мне.

Шарлота

Так вот же он здесь, может сказать, если я не права.

Матюрина

Так вот же он здесь, может сказать, если я говорю неправду.

Шарлота

Сударь, разве вы на ней обещали жениться?

Дон Жуан (*тихо Шарлотте*)

Что вы, смеетесь надо мной?

Матюрина

Правда ли, сударь, что вы ей дали слово взять ее замуж?

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Могло ли это придти вам в голову?

Шарлота

Вот видите, он подтверждает.

Дон Жуан (*тихо Шарлотте*)

Бросьте ее.

Матюрина

Вы видите, она стоит на своем.

Дон Жуан (*тихо Матюрине*)

Пускай ее говорит.

Шарлота

Нет, нет, нужно знать правду.

Матюрина

Надо решить это дело.

Шарлота

Да, Матюрина, мне хочется, чтобы барин показал всю вашу глупость.

Матюрина

А мне, Шарлота, хочется, чтобы барин наклеил вам нос.

Шарлота

Сударь, сделайте одолжение, разрешите наш спор.

Матюрина

Рассудите нас, сударь.

Шарлота (*Матюрине*)

Вы увидите.

Матюрина (*Шарлоте*)

Вы сами увидите.

Шарлота (*дон Жуану*)

Скажите.

Матюрина (*дон Жуану*)

Говорите.

Дон Жуан (*в затруднении, обращается к обеим*)

Что вы хотите, чтобы я сказал? Вы обе одинаково утверждаете, что я обещал жениться на вас. Разве каждая из вас не знает, как обстоит дело? Неужели необходимо, чтобы я давал еще какие-нибудь объяснения? Зачем заставлять меня повторять одно и то же? Неужели та, которой я на самом деле дал обещание, не может посмеяться над словами другой, и чего ей печалиться, раз я сдержу обещание? От разговоров дело вперед не пойдет, нужно делать, а не говорить, и поступки скорее разрешают вопросы, чем слова. Только так я могу вас рассудить: когда я женюсь, тогда и видно будет, кто мне по сердцу. (*Тихо Матюрине*) Пусть она думает, что ей угодно. (*Тихо Шарлоте*) Пусть она себе воображает. (*Тихо Матюрине*) Я обожаю вас. (*Тихо Шарлоте*) Я весь ваш. (*Тихо Матюрине*) По сравнению с вами все кажутся дурнушками. (*Тихо Шарлоте*) После вас ни на кого смотреть не хочется. Мне нужно отдать кое-какие распоряжения; через четверть часа я к вам вернусь.

Шарлота (*Матюрине*)

Ясное дело, я та, которую он любит.

Матюрина

Женится он на мне.

Сганарель

Бедные девушки! Смотреть мне жалко, как вы стремитесь к собственной гибели. Поверьте мне обе, не слушайте вы сказок, что он вам рассказывает, и оставайтесь в своей деревне.

Дон Жуан (*возвращаясь*)

Хотел бы я знать, почему Сганарель отстал от меня.

Сганарель [*не замечая его*]

Мой господин — плут, у него на уме — только обмануть вас, как он обманул столько других; он на всех готов жениться, и... (*Замечая дон Жуана*) Все это неправда; и кто будет вам это говорить, вам следует отвечать, что это все враки. Мой господин вовсе не на всех готов жениться, и он не плут, и у него нет на уме обмануть вас, да и других он не обманывал. Э, да вот и он. Спросите у него самого.

Дон Жуан

Так.

Сганарель

Сударь, так как на свете много злых языков, то я их предупреждаю: я говорил им, что если кто вздумает говорить про вас худо, пусть они не верят и объявят этого человека лжецом.

Дон Жуан

Сганарель!

Сганарель

Да, господин мой — порядочный человек, я ручаюсь в этом.

Дон Жуан

Гм!

Сганарель

Это все наглецы.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Жуан, Ла-Раме, Шарлота, Матюрина, Сганарель

Ла-Раме [*тихо дон Жуану*]

Сударь, я пришел вас предупредить, что здесь не все для вас благополучно.

Дон Жуан

В каком отношении?

Ла-Раме

Вас ищут двенадцать всадников; они с минуты на минуту должны появиться; не знаю, каким образом им удалось проследить вас; но я узнал эту новость от одного крестьянина, которого расспрашивали, описав ему ваши приметы. Время не терпит, и чем скорее вы удалитесь отсюда, тем лучше.

[*Уходит*]

Дон Жуан (*Шарлоте и Матюрине*)

Спешное дело требует моего отъезда; но я прошу вас помнить обещание, которое я вам дал, и верить, что вы получите известия обо мне не позже завтрашнего вечера. [*Уходят Шарлота и Матюрина*] Так как силы не равны, нужно прибегнуть к хитрости и искусно избежать несчастья, которое за мною гонится. Я хочу, чтобы Сганарель оделся в мое платье, а я...

Сганарель

Вы шутите, сударь. Мне подвергаться опасности быть убитым в вашем платьи?..

Дон Жуан

Живей, я вам оказываю большую честь; счастлив тот слуга, который может доблестно умереть за своего господина.

Сганарель

Благодарю вас за такую честь. О небо, раз дело идет о смерти, окажи мне милость, чтобы меня не приняли за другого!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Жуан, *переодетый крестьянином;* Сганарель, *в одежде доктора*

Сганарель

Ну, сударь, сознайтесь, что я был прав, и мы оба переоделись чудеснейшим манером. Первый ваш план был совсем некстати, а это нас скрывает лучше, чем что бы то ни было.

Дон Жуан

Правда, ты нарядился превосходно, я даже не знаю, откуда ты выкопал этот смешной наряд.

Сганарель

Откуда? Это платье старого доктора, который оставил его под заклад там, откуда я его взял, и он мне стоил порядочно денег. И знаете, сударь, что это платье уже придает мне значительности; мне уже встречные на улице кланяются и спрашивают у меня совета, как у знающего человека.

Дон Жуан

Неужели?

Сганарель

Пять-шесть крестьян и крестьянок, видя, как я прохожу, просили у меня совета насчет разных болезней.

Дон Жуан

Что же, ты ответил им, что ничего в этом не понимаешь?

Сганарель

Я? Вовсе нет. Я хотел поддержать честь своего платья, я рассуждал о болезни и каждому прописал лекарство.

Дон Жуан

Какое же еще лекарство ты им прописал?

Сганарель

Чорта с два, сударь, я их брал как попало. Я прописывал лекарства наобум, и было бы забавно, если бы больные от них выздоровели и пришли меня благодарить.

Дон Жуан

А почему нет? Почему бы и тебе не пользоваться привилегиями, какими пользуются все остальные доктора? Они так же, как ты, совершенно не при чем в выздоровлениях, и все их искусство — чистое надувательство. Они только пожинают славу удачи, и ты точно так же можешь воспользоваться счастьем больного и приписывать своим лекарствам все, что может произойти благодаря стечению благоприятных обстоятельств и силам природы.

Сганарель

Как, сударь, вы и по части медицины такой же безбожник?

Дон Жуан

Это одно из величайших заблуждений человечества.

Сганарель

Как, вы не верите ни в александрийский лист, ни в кассию, ни в рвотное вино?

Дон Жуан

А с какой бы стати мне в них верить?

Сганарель

У вас еретическая душа. Однако вы же видите, что с некоторых пор рвотное вино наделало много шуму. Чудеса, совершаемые им, обратили самые неверующие умы, и не дальше как три недели тому назад я сам видел его чудесное действие.

Дон Жуан

Какое же?

Сганарель

Был один человек, который уже шесть дней находился в агонии; не знали уж, что ему и прописать, никакие лекарства не действовали; в конце концов решили дать ему рвотного вина.

Дон Жуан

И он выздоровел, не правда ли?

Сганарель

Нет, он умер.

Дон Жуан

Удивительное действие!

Сганарель

А как же! Шесть дней он не мог умереть, а тут сразу умер. Чего же вам еще действительнее?

Дон Жуан

Ты прав.

Сганарель

Но оставим медицину, в которую вы не верите, и поговорим о других вещах. Это платье придает мне ума,

и я расположен завязать с вами какое-нибудь прение. Ведь вам известно, что прения вами разрешены мне, запрещены только обличения.

Дон Жуан

Ну, начинай.

Сганарель

Мне хотелось бы узнать хорошенько ваши мысли. Неужели вы совсем не верите в небо?

Дон Жуан

Оставим об этом.

Сганарель

Значит, нет. А в ад?

Дон Жуан

Э!

Сганарель

То же самое. А в чорта, с вашего позволения?

Дон Жуан

Да, да.

Сганарель

Тоже не очень-то. Ну, а верите ли вы в будущую жизнь?

Дон Жуан

Ха-ха-ха!

Сганарель

Вот человек, которого мне не легко было бы обратить. Ну, а скажите, что вы думаете насчет «серого монаха»?

Дон Жуан

Отвяжись ты со своими глупостями!

Сганарель

Ну, уж с этим я никак не соглашусь, потому что нет ничего действительнее «серого монаха», и пусть меня повесят, если это неправда. Но ведь нужно же во что-нибудь верить. Во что вы верите?

Дон Жуан

Во что я верю?

Сганарель

Да.

Дон Жуан

Я верю, что дважды два — четыре, Сганарель, а дважды четыре — восемь.

Сганарель

Недурная вера! Насколько я вижу, ваша религия — арифметика? Вот уж надо признаться, чего только не втемяшивается в человеческую голову; и чем больше человек учится, тем глупее обычно делается. Что касается меня, сударь, так я, славу богу, не такой ученый, как вы, и никто не может похвастаться, что чему-нибудь меня научил; но вот со своим дурацким рассуждением, со своим умишком я разбираюсь во всем лучше, чем грамотеи, и я очень хорошо понимаю, что этот мир, который мы видим не мог сам собою, за одну ночь, появиться как гриб. Спрашивается, кто же создал эти деревья, эти скалы, эту землю и это небо над нами? Или это все произошло само собою? Вот вы, например, разве вы сами собою произошли? Разве не нужно было для этого, чтоб ваша мать забеременела от вашего отца? Можете ли вы видеть всю сложную машину человеческого тела и не удивляться, как все это одно к другому

прилажено? Эти нервы, кости, вены, артерии, эти... эти легкие, это сердце, эта печень и все прочие составные части, которые... Но что же, чорт возьми, вы меня не перебиваете? Я не могу вести прения, если меня не перебивают. Вы нарочно это делаете и из лукавства даете мне говорить.

Дон Жуан

Я жду, когда ты закончишь свое рассуждение.

Сганарель

Мое рассуждение вот какое: что бы вы ни говорили, в человеке есть что-то удивительное, чего никакие ученые не смогут объяснить. Разве это не поразительно, что вот я стою тут, что в голове у меня есть что-то такое, что думает о сотне предметов сразу и делает с моим телом все, что захочет? Вот я захочу — и хлопаю в ладоши, подымаю руки, подымаю глаза к небу, опускаю голову, двигаю ногами, иду направо, налево, вперед, назад, поворачиваюсь... (*Поворачиваясь, он падает*)

Дон Жуан

Готово! Вот твое рассуждение и расквасило себе нос.

Сганарель

Чорт возьми! Дурак же я был, что с вами в рассуждение пустился. Верьте, во что хотите; мне нет дела до того, что вы попадете в ад.

Дон Жуан

Мне кажется, что, увлекшись рассуждениями, мы заблудились. Позови-ка вон того человека и спросим у него дорогу.

Сганарель

Эй, человек! Эй, куманек! Эй, друг, на два словечка!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Жуан, Сганарель, нищий

Сганарель

Укажите нам, будьте добры, дорогу, что ведет в город.

Нищий

Вам нужно, господа, идти этой дорогой, а как дойдете до конца леса, поверните направо; но должен предупредить, что вам надо остерегаться: с некоторых пор в этих краях завелись разбойники.

Дон Жуан

Спасибо, приятель, благодарю тебя от души.

Нищий

Может быть, сударь, вы мне милостыньку пожалуете?

Дон Жуан

Твои советы были не бескорыстны, как я вижу.

Нищий

Я бедный человек, сударь, уже десять лет удалившийся в этот лес; я не премину молить бога, чтобы он послал вам всяческих благ.

Дон Жуан

Лучше не вмешивайся в чужие дела, помолись богу, чтобы он тебе платье дал.

Сганарель

Вы его не знаете, добрый человек. Он верит только в то, что дважды два — четыре, а дважды четыре — восемь.

Дон Жуан

Что ты делаешь здесь в лесу?

Нищий

Молю небо каждодневно за здоровье добрых людей, которые мне дают что-нибудь.

Дон Жуан

Значит, не может быть, чтобы дела твои не были хороши.

Нищий

Увы, сударь, я пребываю в крайней нищете.

Дон Жуан

Ты шутишь! У человека, который целый день молится богу, дела не могут не быть в отличном состоянии.

Нищий

Уверяю вас, сударь, что чаще всего у меня корки сухой нет.

Дон Жуан

Вот это удивительно! Плохо же небо вознаграждает тебя за такое усердие. Слушай! Я дам сейчас тебе золотой, если ты согласишься побогохульствовать.

Нищий

Неужели, сударь, вы хотите, чтобы я так согрешил?

Дон Жуан

Сейчас видно будет, хочешь ты получить золотой или нет. Вот, я его приготовил для тебя. Богохульствуй!

Нищий

Сударь...

Дон Жуан

Без этого ты его не получишь.

Сганарель

Ну же, побогохульствуй немножко; в этом нет большой беды.

Дон Жуан

Бери, вот он; бери, говорю я тебе; но только побогохульствуй.

Нищий

Нет, сударь, лучше я умру с голоду.

Дон Жуан

Ладно, я даю тебе его из любви к людям. Но что я вижу? На одного человека напали трое! Силы слишком неравны, и я не потерплю такой низости.

[*Уходит. Нищий уходит тоже*]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Жуан, дон Карлос, Сганарель

Сганарель [*один*]

Мой господин прямо сумасшедший; кидается в опасность без всякой для себя надобности; но, как я вижу, помощь его пригодилась, и двое обратили в бегство троих.

[*Входят дон Жуан и дон Карлос*]

Дон Карлос (*со шпагой в руке*)

Бегство этих разбойников показывает, какую помощь оказывает ваша рука. Позвольте, сударь, поблагодарить вас за столь великодушный поступок, и...

Дон Жуан (*со шпагой в руке*)

Я сделал только то, сударь, что и вы сделали бы на моем месте. Наша собственная честь заинтересована

в подобных приключениях, и поступок этих негодяев был столь подлым, что не защитить вас значило бы принять в нем участие. Но каким образом вы оказались у них в руках?

Дон Карлос

Я случайно отстал от моего брата и всей нашей свиты и заблудился; разыскивая их, я повстречался с этими разбойниками, которые сначала убили мою лошадь, а потом — не подоспей вы на помощь — и со мной сделали бы то же самое.

Дон Жуан

Ваш путь лежит по направлению к городу?

Дон Карлос

Да, но заезжать в него мы не хотим; мой брат и я вынуждены разъезжать по окрестностям ради одного из тех досадных дел, которые заставляют дворянина приносить в жертву строгим законам чести и себя, и свое семейство, ибо самый отрадный успех в этих делах всегда губителен: если не расстанешься при этом с жизнью, то вынужден бываешь покинуть пределы государства. Поэтому-то я и нахожу положение дворянина злосчастным, так как он совершенно не может быть обеспеченным, как бы благоразумно и честно он ни вел себя, от того, чтобы законы чести не тяготели над ним из-за распущенности другого человека, вследствие чего жизнь его, спокойствие и имущество зависят от прихоти любого наглеца, которому вздумается нанести ему одно из оскорблений, толкающих честного человека к гибели.

Дон Жуан

Но мы имеем то преимущество, что можем причинить такие же невзгоды и неприятности тому, кому вздумалось нас легкомысленно оскорбить. Не будет нескромностью спросить у вас, в чем заключается ваше дело?

Дон Карлос

Положение такое, что держать его в тайне уже не приходится; к тому же, раз оскорбление было нанесено нам гласно, нашей чести не подобает скрывать наш стыд, но следует и месть нашу сделать гласной, не утаивая при этом наших намерений. Итак, сударь, я не буду притворствовать и скажу вам: оскорбление, за которое мы собираемся мстить, заключается в том, что у нас соблазнена и похищена из монастыря сестра, и виновник этого оскорбления — дон Жуан Тенорио, сын дон Луиса Тенорио. Мы уже несколько дней как ищем его и проследили его по донесению слуги, который нам сказал, что он выехал верхом в сопровождении четырех или пяти человек и поехал вдоль этого берега; но все наши старания оказались напрасными, и мы не могли разузнать, что с ним сталось.

Дон Жуан

А знаете вы, сударь, этого дон Жуана, о котором вы говорите?

Дон Карлос

Я лично не знаю. Я его никогда не видел и сужу только по описанию брата, но молва о нем неважная: это человек, жизнь которого...

Дон Жуан

Остановитесь, сударь, прошу вас. Он немного дружен со мною, и с моей стороны было бы некоторой низостью позволять при себе о нем дурно отзываться.

Дон Карлос

Из любви к вам, сударь, я совсем ничего о нем не буду говорить; самое меньшее, что я могу сделать для вас после того, как вы спасли мне жизнь, это молчать при вас о личности, которая вам известна, если я не могу

ничего о ней сказать, кроме дурного; но как бы вы дружны с ним ни были, надеюсь, вы не одобряете его поступка и не находите странным, что мы ищем отмщения.

Дон Жуан

Наоборот, я хочу вам помочь в этом деле и избавить вас от бесполезных забот. Я друг дон Жуана, от этого я не могу отречься; но невозможно допустить, чтобы он оскорблял безнаказанно дворян, и я беру на себя сделать так, что он даст вам удовлетворение.

Дон Карлос

Какое же удовлетворение можно требовать при подобного рода обидах?

Дон Жуан

Какое будет угодно вашей чести; и, не утруждая вас дальнейшими поисками дон Жуана, я обязуюсь предоставить вам его в любое место и в любое время.

Дон Карлос

Надежда эта сладка, сударь, сладка оскорбленным сердцам; но после того, что вы для меня сделали, мне было бы очень печально, если бы вы приняли участие в этом деле в качестве секунданта.

Дон Жуан

Я так тесно связан с дон Жуаном, что он не может драться без того, чтобы и я не дрался; во всяком случае, я за него отвечаю, как за самого себя, и вам следует только сказать мне, когда вам угодно, чтобы он явился и дал вам удовлетворение.

Дон Карлос

Как жестока моя судьба! Нужно же было так случиться, чтобы я вам обязан был жизнью, а дон Жуан оказался одним из ваших друзей!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Алонсо и трое слуг, дон Карлос, дон Жуан, Сганарель

Дон Алонсо

Напоите лошадей и проведите их вслед за нами; я хочу пройтись пешком немного. О небо, что я вижу! Как, мой брат, вы вместе с нашим смертельным врагом?

Дон Карлос

С нашим смертельным врагом?

Дон Жуан (*отступая на три шага и вызывающе кладя руку на эфес шпаги*)

Да, я и есть дон Жуан, и то обстоятельство, что на вашей стороне численное преимущество, не внушит мне желания скрыть свое имя.

Дон Алонсо

Изменник, погибни и...

Дон Карлос

Брат мой, остановитесь! Я обязан ему жизнью: без его помощи я был бы убит разбойниками, повстречавшимися со мною.

Дон Алонсо

И вы хотите, чтобы это соображение воспрепятствовало нашей мести? Какие бы услуги ни оказала нам вражеская рука, они недостаточны, чтобы связывать нашу душу обязательствами; и если взвесить услугу и оскорбление, ваша благодарность, мой брат, здесь смешна; так как честь бесконечно драгоценнее жизни, то не имеет почти никакого значения быть обязанным своею жизнью тому, кто отнял нашу честь.

Дон Карлос

Я знаю различие, брат мой, которое дворянин всегда должен делать между одним и другим, и благодарность

за услугу не изглаживает во мне горечи оскорбления; но дозвольте мне вернуть ему мой долг и сейчас же расплатиться за жизнь, которою я ему обязан, отсрочив нашу месть и предоставив ему воспользоваться в течение нескольких дней плодами своего благодеяния.

Дон Алонсо

Нет, нет, для нашей мести всякая отсрочка опасна, и случай к ее исполнению может больше и не представиться. Небо нам дарит его сегодня — и мы должны им воспользоваться. Когда честь смертельно оскорблена, не следует думать о соблюдении меры; и если вам претит приложить свою руку к этому делу, вам стоит только удалиться и предоставить моей руке славу этой жертвы.

Дон Карлос

Брат мой, молю вас...

Дон Алонсо

Все эти речи излишни, ему надлежит умереть.

Дон Карлос

Остановитесь, повторяю, брат мой. Я не потерплю никоим образом, чтобы покушались на его дни, и клянусь небом, что буду его защищать против кого бы то ни было и сумею оградить его жизнь, как он спас мою. Если удары ваши будут направлены на него, они пронзят меня.

Дон Алонсо

Как? Вы становитесь на сторону нашего врага против меня? И вместо того, чтобы испытывать при виде его те же порывы, что чувствую я, вы выказываете по отношению к нему чувства, исполненные кротости?

Дон Карлос

Брат мой, соблюдем умеренность в исполнении законного долга и отомстим за нашу честь без той горячности, которую вы проявляете. Выкажем великодушие, владея своим сердцем, мужество без излишней жестокости, которое управляется единственно решениями нашего разума, а не порывами слепого гнева. Я не хочу, брат мой, оставаться в долгу у своего врага и обязан раньше всего расплатиться с ним. Наше мщение от отсрочки не утратит своей силы; напротив, оно выиграет от этого; и отказ от возможности привести его сейчас в исполнение в глазах всех сделает его еще более справедливым.

Дон Алонсо

Какая необычайная слабость и ужасное ослепление — рисковать таким образом интересами своей чести ради смешной мысли о химерическом обязательстве!

Дон Карлос

Нет, брат мой, не беспокойтесь. Если я делаю ошибку, я сумею ее исправить, и я беру на себя всю заботу о нашей чести; я знаю, к чему она нас обязывает, и этот один день отсрочки, которого требует для себя благодарность, только усилит пылкость, с которой я стремлюсь удовлетворить ее. Дон Жуан, вы видите, что я стараюсь воздать вам за сделанное мне добро; и вы должны по этому судить и об остальном и верить, что я с одинаковым рвением исполняю все свои обязанности и с такою же точностью отплачу вам за обиду, как и за благодеяние. Я отнюдь не требую сейчас выражения ваших чувств и предоставляю вам свободу обдумать ваше решение. Вам достаточно известны размеры нанесенного вами оскорбления, и я предоставляю вам самим судить, какого удовлетворения оно требует. Есть мирные средства удовлетворить нас, и есть средства жестокие и кровавые, но, в конце концов, на чем бы ни остановился ваш выбор, вы мне дали слово, что

я получу удовлетворение от дон Жуана; помните, прошу вас, о том, чтобы мне доставить его, и не забудьте, что во всяком другом месте я должник лишь пред своею честью.

Дон Жуан

Я ничего от вас не требовал и исполню то, что обещал вам.

Дон Карлос

Пойдемте, брат мой, минута мягкости не оскорбляет суровости нашего долга.

[*Уходят дон Карлос, дон Алонсо и свита*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Жуан, Сганарель

Дон Жуан

Эй, Сганарель!

Сганарель

Что прикажете?

Дон Жуан

Как, негодяй, ты бежишь, когда на меня нападают?

Сганарель

Простите, сударь, я только в сторонку отошел; мне кажется, это платье действует, как слабительное: надеть его — все равно, что лекарство принять.

Дон Жуан

Наглец! Прикрывай свою трусость каким-нибудь более благовидным покровом. Знаешь ли ты, кому я спас жизнь?

Сганарель

Я? Нет.

Дон Жуан

Брату Эльвиры.

Сганарель

Брату...

Дон Жуан

Он весьма порядочный человек; он поступил благородно, и мне жаль, что я с ним в ссоре.

Сганарель

Вам легко будет все уладить.

Дон Жуан

Да, но моя страсть к донье Эльвире иссякла, и брачные узы мне не по вкусу. В любви, ты знаешь, я люблю свободу и не могу решиться заключить свое сердце в четыре стенки. Я тебе двадцать раз повторял, что от природы я склонен стремиться ко всему, что меня привлекает. Мое сердце принадлежит всем красавицам, и им надлежит по очереди завладевать им и держать его в своей власти, сколько они смогут. Но что это за величественное здание, которое виднеется между деревьями?

Сганарель

Вы не знаете?

Дон Жуан

Право, нет.

Сганарель

Так. Это гробница командора, которую он соорудил себе незадолго до того, как вы его убили.

Дон Жуан

Да, конечно. Я не знал, что она в этой местности. Все так ее расхваливают, — и гробницу, и самую статую командора, — что мне хочется на нее взглянуть.

Сганарель

Лучше не ходите туда, сударь.

Дон Жуан

Почему?

Сганарель

Невежливо идти смотреть на человека, которого вы убили.

Дон Жуан

Напротив, я хочу этим посещением выказать свою вежливость; он должен принять его благосклонно, если он воспитанный человек. Войдем внутрь.

(Гробница раскрывается, виден великолепный мавзолей и статуя командора)

Сганарель

Какая красота! Какие прекрасные статуи! Прекрасный мрамор, прекрасные колонны! Ах, какая красота! Что вы скажете, сударь?

Дон Жуан

Скажу, что не видал еще, чтобы тщеславие умершего человека заходило так далеко; кроме того я удивляюсь, что человек, всю жизнь довольствовавшийся весьма скромным жилищем, захотел иметь великолепное, когда ему нечего с ним делать.

Сганарель

А вот и статуя командора.

Дон Жуан

Чорт возьми! Он хорош в своем костюме римского императора!

Сганарель

Право, сударь, превосходная работа. Можно подумать, что он живой и сейчас заговорит. Он бросает на нас такие взгляды, что мне сделалось бы страшно, находись я тут один; думается, что ему не очень приятно нас видеть.

Дон Жуан

Он был бы неправ, нелюбезно приняв честь, которую я ему оказал. Спроси у него, не хочет ли он придти ко мне поужинать.

Сганарель

В такой вещи, я думаю, он не нуждается.

Дон Жуан

Спроси у него, говорят тебе.

Сганарель

Что вы, шутите? Нужно с ума сойти, чтоб идти разговаривать со статуей.

Дон Жуан

Делай что тебе говорят.

Сганарель

Что за причуда! Сеньор командор... Мне смешно на собственную глупость, но мой господин принуждает меня к этому. Сеньор командор, господин мой, дон Жуан, вас спрашивает, не окажете ли вы честь пожаловать к нему на ужин?

(Статуя кивает утвердительно)

Ай!

Дон Жуан

Ну, что? Что с тобой? Отвечай! Будешь ты говорить?

Сганарель (*повторяя жест статуи, кивает головой*)

Статуя...

Дон Жуан

Ну, что ты хочешь сказать, бездельник?

Сганарель

Я говорю, что статуя...

Дон Жуан

Ну! Статуя?.. Я убью тебя, если ты будешь так тянуть.

Сганарель

Статуя сделала мне знак.

Дон Жуан

Чорт бы побрал мошенника!

Сганарель

Повторяю: она сделала мне знак, истинная правда. Подите, попробуйте поговорить с ней сами. Может быть...

Дон Жуан

Пойдем, плут, пойдем, я тебя носом ткну в твою трусость. Берегись. Не угодно ли будет сеньору командору придти ко мне на ужин?

(*Статуя снова кивает головой*)

Сганарель

Не пожелал бы я за это и десяти пистолей. Ну, что, сударь?

Дон Жуан

Пойдем отсюда.

Сганарель [*в сторону*]

Вот они, вольнодумцы, которые ни во что не хотят верить.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Жуан, Сганарель

Дон Жуан

Что бы там ни было, бросим говорить об этом: это пустяки; нас могло ввести в обман неверное освещение, мог сбить с толку туман, застлавший нам зрение.

Сганарель

Эх, сударь, не ищите опровержений тому, что мы видим собственными глазами. Он взаправду кивнул головой, и я не сомневаюсь, что небо, возмущенное вашим образом жизни, сотворило это чудо, чтобы обратить вас, чтобы спасти вас от...

Дон Жуан

Слушай. Если ты будешь надоедать мне своими глупыми нравоучениями, если ты мне еще раз заикнешься на этот счет, я позову кого-нибудь, потребую воловьи жил, прикажу трем или четырем человекам держат тебя и отлуплю тебя. Понял?

Сганарель

Очень хорошо понял, сударь, и наилучшим манеро Вы выражаетесь ясно; что мне в вас нравится, так т что вы никогда не говорите обиняками, а всегда с по нейшей ясностью.

Дон Жуан

Ну, пусть поскорее дадут мне ужинать. Мальчик, стул!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Жуан, Ла-Вьолет, Сганарель

Ла-Вьолет

Сударь, пришел ваш поставщик, господин Диманш, и хочет говорить с вами.

Сганарель

Прекрасно, только этого нам нехватало, — чтоб кредиторы свидетельствовали нам почтение. Что это ему вздумалось приходить к нам за деньгами, и почему ты не сказал, что хозяина нет дома?

Ла-Вьолет

Я ему три четверти часа это говорю, но он не хочет верить и сидит там, дожидается.

Сганарель

Ну, и пускай его дожидается сколько душе угодно.

Дон Жуан

Напротив, впустите его. Совсем плохая политика — прятаться от кредиторов. Лучше заплатить им что-нибудь, а я знаю секрет отпускать их удовлетворенными, не заплатив ни одного дублона.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Жуан, господин Диманш, Сганарель, слуги

Дон Жуан *(церемонно раскланиваясь)*

А, господин Диманш, пожалуйте! Как я рад вас видеть! Мне так досадно, что мои люди сначала вас не впу-

скали! Я отдал распоряжение, чтобы мне ни о ком не докладывали, но оно не касалось вас, и вы имеете право на то, чтобы всегда мои двери для вас были открытыми.

Господин Диманш

Сударь, я вам крайне обязан.

Дон Жуан (*обращаясь к лакеям*)

Чорт возьми, мошенники, я вам покажу, как оставлять господина Диманша в передней, я вас научу разбираться в людях.

Господин Диманш

Сударь, это не беда.

Дон Жуан

Как! Сказать вам, что меня нет дома! Вам, господину Диманшу, лучшему моему другу!

Господин Диманш

Сударь, я ваш покорный слуга. Я пришел...

Дон Жуан

Живо, стул для господина Диманша.

Господин Диманш

Сударь, мне и так хорошо.

Дон Жуан

Нет, нет, я хочу, чтобы вы уселись вместе со мной.

Господин Диманш

В этом нет необходимости.

Дон Жуан

Уберите этот складной стул и принесите кресло.

Господин Диманш

Сударь, вы шутите, я...

Дон Жуан

Нет, нет, я отлично знаю, чем я вам обязан, и не хочу, чтобы между нами делали различие.

Господин Диманш

Сударь...

Дон Жуан

Да ну же, садитесь.

Господин Диманш

Это совсем лишнее, сударь, мне вам надо только одно словечко сказать. Я бы...

Дон Жуан

Садитесь, вам говорят.

Господин Диманш

Нет, сударь, мне и так хорошо. Я пришел, чтобы...

Дон Жуан

Нет, я вас не буду слушать, если вы не сядете.

Господин Диманш

Извольте, сударь, я сделаю по-вашему. Я...

Дон Жуан

Чорт побери, господин Диманш, у вас превосходный вид!

Господин Диманш

Да, сударь, к вашим услугам. Я пришел...

Дон Жуан

У вас удивительное здоровье: свежие губы, румяный цвет лица, живые глаза.

Господин Диманш

Я хотел бы...

Дон Жуан

Как здоровье супруги вашей, госпожи Диманш?

Господин Диманш

Очень хорошо, сударь, слава богу.

Дон Жуан

Славная женщина!

Господин Диманш

К вашим услугам, сударь. Я пришел...

Дон Жуан

А ваша дочка, маленькая Клодина, как она поживает?

Господин Диманш

Отлично.

Дон Жуан

Хорошенькая девочка! Я от всего сердца люблю ее.

Господин Диманш

Вы слишком много чести оказываете ей, сударь. Я вам...

Дон Жуан

А маленький Колен все так же трещит на своем барабане?

Господин Диманш

Попрежнему, сударь. Я...

Дон Жуан

А собачка Брюске? Все так же громко лает и хватает за ноги всех, кто приходит к вам?

Господин Диманш

Еще больше, сударь; прямо не знаем, как ее унять.

Дон Жуан

Не удивляйтесь, что я расспрашиваю вас так подробно о вашем семействе. Меня все это очень интересует.

Господин Диманш

Мы вам, сударь, бесконечно обязаны. Я...

Дон Жуан (*протягивая ему руку*)

Дайте вашу руку, господин Диманш. Ведь вы действительно мне друг?

Господин Диманш

Сударь, я ваш покорнейший слуга.

Дон Жуан

Чорт побери! Я всей душой люблю вас.

Господин Диманш

Слишком много чести. Я...

Дон Жуан

Нет ничего, чего бы я для вас не сделал.

Господин Диманш

Сударь, вы слишком добры ко мне.

Дон Жуан

И совершéнно бескорыстно, прошу вас верить.

Господин Диманш

Я, конечно, не заслужил такой милости. Но, сударь..

Дон Жуан

Господин Диманш, без всяких церемоний, хотите со мной поужинать?

Господин Диманш

Нет, сударь, мне надо сейчас идти домой. Я...

Дон Жуан (*поднимаясь*)

Эй, скорей сюда факел! И проводите господина Диманша! Пусть четверо или пятеро моих слуг с мушкетами проводят его.

Господин Диманш (*тоже поднимаясь*)

Сударь, в этом нет надобности, и я отлично бы дошел один. Но...

(*Сганарель быстро убирает кресло*)

Дон Жуан

Как? Нет, я хочу, чтобы вас проводили, я слишком интересуюсь вашей особой. Я ваш покорнейший слуга и, кроме того, ваш должник.

Господин Диманш

Ах, сударь...

Дон Жуан

Я этого не скрываю и всем это говорю.

Господин Диманш

Если бы...

Дон Жуан

Угодно, я вас провожу?

Господин Диманш

Ах, сударь, вы шутите. Сударь...

Дон Жуан

Сделайте милость, поцелуемтесь. Еще раз прошу вас быть уверенным, что я всецело принадлежу вам и что нет ничего на свете, чего бы я для вас ни сделал.

(*Уходит*)

Сганарель

Надо признаться, в лице моего господина вы имеете человека, который очень вас любит.

Господин Диманш

Это верно; он так учтив и любезен со мной, что я не знаю, как и спросить его о своих деньгах.

Сганарель

Уверяю вас, что все его домочадцы готовы погибнуть за вас; мне хотелось бы, чтобы кому-нибудь пришло в голову отколотить вас палкой, вы бы увидели, до какой степени...

Господин Диманш

Верю, но, Сганарель, я прошу вас замолвить словечко о моих деньгах.

Сганарель

О, не беспокойтесь, он отлично вам заплатит.

Господин Диманш

А ведь вы сами, Сганарель, тоже мне должны кое-что.

Сганарель

Что за разговор!

Господин Диманш

Как? Я...

Сганарель

Разве я не знаю, что я вам должен?

Господин Диманш

Да, но...

Сганарель

Давайте, господин Диманш, я вам посвечу.

Господин Диманш

Но мои деньги...

Сганарель (*беря господина Диманша под руку*)

Вы шутите!

Господин Диманш

Я хочу...

Сганарель (*тянет его*)

Э!

Господин Диманш

Я имею в виду...

Сганарель (*подталкивая его*)

Пустяки!

Господин Диманш

Но...

Сганарель (*выталкивая его*)

Фи!

Господин Диманш

Я...

Сганарель (*Выталкивая его совсем за кулисы*)

Фи, говорят вам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Луис, дон Жуан, Ла-Вьолет, Сганарель

Ла-Вьолет

Сударь, пришел ваш батюшка.

Дон Жуан

Прекрасно. Только этого посещения нехватало, чтобы взбесить меня.

Дон Луис

Я вижу, что я вас стесняю и что вы легко обошлись бы без моего прихода. По правде сказать, мы крайне докучаем друг другу; и если вам тягостно меня видеть, то мне тоже тягостно ваше беспутство. Увы! Как мало знаем мы, что делаем, когда не предоставляем небу заботы о наших нуждах, а хотим быть умнее его и надоедаем ему нашими слепыми желаниями и необдуманными просьбами! Я с беспримерным жаром хотел иметь сына, я просил о нем неустанно, с несказанным пылом; и вот, этот сын, которого я получил, утомив небо своими мольбами, оказался горем и мукой той самой жизни, отрадой и утешением которой, по моим расчетам, он должен был стать. Как, по-вашему, должен я смотреть на эту громаду бесчестных поступков, мерзкий вид которых трудно сгладить в глазах света, на этот непрерывный ряд злых дел, которые ежечасно доводят нас до необходимости утомлять благость государя и которые в его глазах уже перевесили ценность моих услуг и влияние моих друзей? Ах, как велика ваша низость! Неужели вы не краснеете при мысли, что так мало достойны своего происхождения? Скажите, имеете ли вы

право хоть сколько-нибудь гордиться им? Что сделали вы в своей жизни, чтобы оправдать свое звание дворянина? Вы думаете, что достаточно носить дворянскую фамилию и иметь герб и что можно гордиться благородным происхождением, когда живешь как негодяй? Нет, нет, родовитость ничего не стоит, когда нет нравственных качеств. И мы можем быть причастны к славе наших предков лишь постольку, поскольку сами стараемся им подражать; лучи их деяний, падающие на нас, налагают на нас обязанность воздавать им такую же честь, следовать по их стопам и не искажать их доблести, если мы хотим, чтобы нас считали их истинными потомками. Ничего не значит, что вы происходите от предков, давших вам существование: они отказываются признавать в вас свою кровь, и все доблестные деяния, ими совершонные, не дают вам никакого преимущества; напротив, их блеск падает на вас к вашему бесчестью, и слава их есть факел, освещающий для всех позор ваших поступков. Знайте, наконец, что дворянин, ведущий плохую жизнь, — чудовище природы, что добродетель — первое условие благородства, что я больше смотрю на дела, чем на подпись, и что я выше ставлю сына какого-нибудь крючника, если он честный человек, нежели сына монарха, если он живет, как вы.

Дон Жуан

Сударь, если бы вы сели, вам было бы удобнее говорить.

Дон Луис

Нет, наглец, я не хочу садиться и не хочу больше говорить; я вижу, что все мои слова не действуют на твою душу. Но знай, сын недостойный, что моя отцовская любовь исчерпана твоими поступками и что я сумею — раньше, чем ты предполагаешь — положить предел твоему распутству, упредить гнев божий и, наказав

тебя, смыть с себя позор, навлеченный на меня тем, что я тебя произвел на свет.

(*Уходит*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Жуан, Сганарель

Дон Жуан

Эх, умрите как можно скорей, — это лучшее, что вы можете сделать. Каждому свой черед, и меня бесят отцы, которые живут столько же, сколько их сыновья.

(*Садится в кресло*)

Сганарель

Ах, сударь, вы неправы.

Дон Жуан

Я неправ?

Сганарель

Сударь...

Дон Жуан (*поднимается со своего места*)

Я неправ?

Сганарель

Да, сударь, вы неправы, что выносили все, что он вам говорил; вы должны были выгнать его в шею. Видано ли такое нахальство? Отец является к сыну с выговорами и убеждает его исправиться, вспомнить о своем происхождении, вести жизнь порядочного человека и сотню разных глупостей в таком же роде! Может ли это вынести такой человек, как вы, который знает, как надо жить? Я дивлюсь на ваше терпение; если бы я был на вашем месте, я бы выставил его.

[*В сторону*] О проклятая угодливость, до чего ты доводишь меня!

Дон Жуан

Дадут ли сегодня мне ужинать?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Жуан, донья Эльвира, Раготен, Сганарель

Раготен

Сударь, какая-то дама под вуалем хочет с вами говорить.

Дон Жуан

Кто бы это мог быть?

Сганарель

Надо посмотреть.

[*Входит донья Эльвира*]

Донья Эльвира

Не удивляйтесь, дон Жуан, видя меня у себя в такой час и в таком наряде. Настоятельный повод побуждает меня к этому посещению, и то, что я имею сказать вам, не терпит никакого промедления. Я прихожу сюда уже не исполненная гнева, которым я недавно пылала, и вы видите меня весьма изменившейся с тех пор, как мы встретились сегодня утром. Я уже не та донья Эльвира, которая вас проклинала и чья раздраженная душа слала только угрозы и дышала только местью. Небо изгнало из моей души всю ту недостойную страсть, которую я к вам чувствовала, все бурные порывы преступной привязанности, постыдные увлечения земной и грубой любви; оно оставило у меня в душе по отношению к вам лишь очищенный от всех чувственных отношений пламень, чистейшую любовь, бескорыстную неж-

ность, которая действует не для себя, а заботится только о вашей пользе.

Дон Жуан (*Сганарелю*

Ты, кажется, плачешь?

Сганарель

Простите.

Донья Эльвира

Лишь эта совершенная и чистая любовь привела меня сюда ради вашего блага, чтобы передать вам предостережение неба и попытаться спасти вас от бездны, к которой вы стремитесь. Да, дон Жуан, я знаю всю беспутную вашу жизнь, и небо, которое озарило мою душу и раскрыло мне собственные мои заблуждения, внушило мне также мысль отыскать вас и передать вам от его имени, что ваши проступки исчерпали его милосердие, что грозный гнев его готов обрушиться на вас, что в вашей власти избежать этого быстрым раскаянием и что, быть может, вам только один день остался на то, чтобы предотвратить величайшее для вас несчастье. Что касается меня, то никакая земная связь уже не привязывает меня к вам; благодарение небу, я отбросила все свои безумные мысли; я решила удалиться от мира и молю только, чтобы мне дано было достаточно жизни, дабы я могла искупить свою ошибку и заслужить строгим покаянием прощение за слепоту, в которую меня ввергли порывы грешной страсти. Но в моем уединении мне было бы крайне горестно знать, что человек, которого я нежно любила, послужил грозным примером небесного правосудия, и для меня было бы несказанною радостью, если бы я могла отвести от вашей головы угрожающий ей страшный удар. Молю вас, дон Жуан, окажите мне эту последнюю милость, доставьте мне это сладостное утешение; не отказывайте мне в вашем спасении, о котором я со слезами прошу

вас; и если вас не трогает ваше собственное благо, троньтесь моими мольбами и избавьте меня от жестокого страдания видеть вас осужденным на вечные муки.

Сганарель [*в сторону*]

Бедная женщина!

Донья Эльвира

Я любила вас с величайшею нежностью, вы мне были дороже всего на свете; ради вас я забыла о своем долге, я все сделала для вас; и вместо всякой награды я прошу вас об одном — исправьте свою жизнь и отвратите от себя гибель. Спасите себя, молю вас, из любви к себе или из любви ко мне. Еще раз, дон Жуан, я вас молю со слезами; и если вам недостаточно слез женщины, которую вы любили, я заклинаю вас всем, что в состоянии вас тронуть.

Сганарель [*поглядывая на дон Жуана, в сторону*]

Сердце как у тигра!

Донья Эльвира

После этих слов я ухожу. Это все, что я имела вам сказать.

Дон Жуан

Сударыня, уже поздний час, останьтесь здесь: вас устроят как можно удобнее.

Донья Эльвира

Нет, дон Жуан, не удерживайте меня дольше.

Дон Жуан

Сударыня, уверяю вас, вы доставите мне большое удовольствие, если останетесь здесь.

Донья Эльвира

Нет, повторяю вам. Не будем терять времени на бесполезные разговоры. Я должна скорее уйти, не трудитесь меня провожать и думайте только о том, чтобы воспользоваться моим предупреждением.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Жуан, Сганарель, слуги

Дон Жуан

А знаешь, я снова испытал какое-то чувство к ней, найдя прелесть в этой странной новизне; ее небрежный наряд, томный вид и слезы пробудили во мне какие-то остатки угасшего пламени.

Сганарель

Иначе говоря, ее слова не произвели на вас никакого впечатления.

Дон Жуан

Живо, ужинать!

Сганарель

Отлично.

Дон Жуан (*садясь за стол*)

А все-таки, Сганарель, надо подумать о том, чтобы исправиться.

Сганарель

Да, да.

Дон Жуан

Да, право, надо исправиться! Еще лет двадцать-тридцать так поживем, а потом подумаем о душе.

Сганарель

О!

Дон Жуан

Что ты говоришь?

Сганарель

Ничего. Вот ужин. (*Берет кусок с блюда, которое подали, и кладет себе в рот*)

Дон Жуан

Кажется, у тебя щека вздулась. Что это значит? Скажи, что с тобой?

Сганарель

Ничего.

Дон Жуан

Покажи-ка. Чорт возьми! У него флюс вздулся. Скорей ланцет, чтобы вскрыть его. Бедняге невтерпеж, этот нарыв может его задушить. Смотрите, он совсем созрел. Ах, мошенник!

Сганарель

Честное слово, сударь, я хотел попробовать, не пересолил ли ваш повар или, может быть, переперчил.

Дон Жуан

Ну, садись и ешь. Когда я поужинаю, ты мне понадобишься. Видно, что ты голоден.

Сганарель (*садится за стол*)

Еще бы, сударь. С утра ничего не ел. Попробуйте вот этого, вкуснее на свете не бывало! (*Лакей уносит тарелки от Сганареля раньше, чем тот положил себе кушанья*) Моя тарелка, моя тарелка! Потише, пожалуйста. Чорт возьми, куманек, как ловко вы даете чистые приборы!

И вы, маленький Ла-Вьолет, тоже умеете во-время наливать вино.

(*Пока один лакей наливает вино Сганарелю, другой опять убирает у него тарелку*)

Дон Жуан

Кто это может так стучаться?

Сганарель

Какой чорт пришел мешать нам ужинать?

Дон Жуан

Я хочу спокойно поужинать: пусть никого не пускают.

Сганарель

Позвольте, я сам пойду и все улажу.

[*Сганарель идет к двери и быстро возвращается*]

Дон Жуан

Ну, что же? Кто там?

Сганарель [*кивая головой, как это сделала статуя*]

Он... он там!

Дон Жуан

Посмотрим, и пусть все видят, что ничто не может меня смутить.

Сганарель

Ах, бедняга Сганарель, куда бы тебе спрятаться?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Жуан, Статуя командора, *которая садится за стол*, Сганарель, слуги

Дон Жуан

Стул и прибор. Живее! (*Сганарелю*) Ну, садись за стол.

Сганарель

Сударь, я больше не голоден.

Дон Жуан

Садись, говорят тебе. Вина! За здоровье командора! Я с тобой чокаюсь, Сганарель. Налить ему вина.

Сганарель

Сударь, мне пить не хочется.

Дон Жуан

Пей и спой свою песенку, чтобы почтить командора.

Сганарель

Я охрип, сударь.

Дон Жуан

Ничего не значит. Ну! А вы подавайте нам.

Статуя

Дон Жуан, довольно. Я вас приглашаю придти завтра ко мне отужинать. Хватит ли у вас смелости?

Дон Жуан

Да. Я приду в сопровождении одного Сганареля.

Сганарель

Покорнейше благодарю, я завтра пощусь.

Дон Жуан (*Сганарелю*)

Бери факел.

Статуя

Не нуждается в свете тот, кто послан небом.

[Уходит]

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Луис, дон Жуан, Сганарель

Дон Луис

Как? Возможно ли, сын мой, чтобы милость неба услышала мои мольбы? Верно ли то, что вы мне говорите? Не обманываете ли вы меня ложной надеждой, и могу ли я хоть сколько-нибудь быть уверенным в поразительном известии о вашем обращении?

Дон Жуан (*ханжеским тоном*)

Да, как видите, я отрекся от всех своих заблуждений; я уже не тот, что был вчера вечером, и небо внезапно произвело во мне перемену, которая удивит весь мир: оно озарило мою душу, мои глаза прозрели, и я с ужасом взираю теперь на долгое ослепление, в котором находился, и на преступное беспутство жизни, которую вел. Я перебираю в памяти все свои отвратительные поступки и дивлюсь, как небо могло их так долго терпеть и двадцать раз уже не обрушило мне на голову свое грозное правосудие. Я вижу милость, которую оказывает мне благое небо, не покарав меня за мои преступления; и я собираюсь воспользоваться этим, как должно, чтобы все воочию увидели внезапную перемену моей жизни, загладить этим соблазн, производимый моими прошлыми поступками, и постараться получить от неба полное прощение грехов. Вот над чем я хочу потрудиться;

и я прошу вас, сударь, содействовать мне в этом замысле и лично помочь мне в выборе лица, которое руководило бы мною и под руководством которого я мог бы твердо следовать по стезе, на которую я собираюсь вступить.

Дон Луис

Ах, как легко отцовская любовь возвращается и как быстро проступки сына забываются при первом слове его раскаяния! Я уже не помню обо всех огорчениях, которые вы мне доставляли: все заглажено словами, что я сейчас от вас слышал. Признаюсь, я вне себя; я проливаю слезы радости; все мои желания удовлетворены, и мне больше не о чем просить небо. Обнимите меня, сын мой, и укрепитесь, заклинаю вас, в вашем похвальном намерении. А я пойду прямо отсюда к вашей матери, чтобы сообщить ей счастливую весть, разделить с нею сладостные порывы восторга, в каком я нахожусь, и возблагодарить небо за благочестивое решение, которое оно вам внушило.

[*Уходит*]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Жуан, Сганарель

Сганарель

Ах, сударь, как рад я видеть вас обращенным! Давно я ждал этого — и вот, слава богу, все мои желания исполнились.

Дон Жуан

Чорт бы побрал олуха!

Сганарель

Как олуха?

Дон Жуан

А что же? Ты принял за чистую монету все, что я сейчас говорил, и думаешь, что мой язык был в согласии с моим сердцем?

Сганарель

Как! Это не... Вы не... Ваше... О! Что за человек! Что за человек! Что за человек!

Дон Жуан

Нет, нет, я нисколько не изменился, и мои чувства остались прежними.

Сганарель

Вас не убеждает это изумительное чудо со статуей, которая движется и говорит?

Дон Жуан

В этом есть что-то такое, чего я не понимаю; но что бы это ни было, оно не способно ни убедить мой разум, ни поколебать мою душу; и если я сказал, что хочу исправить свое поведение и начать примерный образ жизни, то план этот продиктован мне чистейшей политикой; это полезная хитрость, необходимая ужимка, к которой я хочу принудить себя, чтобы поладить с отцом, в котором я нуждаюсь, и защитить себя со стороны людей от множества неприятностей, которые могли бы меня постигнуть. Я хочу, Сганарель, быть с тобой откровенным, и мне очень приятно иметь свидетеля, перед которым я могу открыть глубину своей души и настоящие причины, побуждающие меня действовать так или иначе.

Сганарель

Как! Вы ни во что не верите и все-таки хотите выдавать себя за порядочного человека?

Дон Жуан

А почему нет? Есть очень много людей, которые, как и я, занимаются этим делом и пользуются такой же маской для того, чтобы вводить в обман людей.

Сганарель

Что за человек! Что за человек!

Дон Жуан

Нынче в этом стыда нет: лицемерие — модный порок, а все модные пороки сходят за добродетели. Роль благомыслящего человека теперь — лучшая из всех, которые можно играть, и профессия лицемера доставляет удивительные преимущества. Это — искусство, всегда доставляющее обману уважение; и даже когда его изобличили, ничего не смеют против него сказать. Все другие человеческие пороки подвержены критике, и каждый имеет право на них нападать во всеуслышанье; но лицемерие — привилегированный порок, который зажимает рот всем и спокойно пользуется неограниченной безнаказанностью. При помощи ужимок образуется тесная связь между всеми лицами этой компании. Задень одного из них — все на тебя накинутся; и даже те, которые действуют в подобных случаях заведомо добросовестно и бывают явно задеты, — даже те, говорю я, только водимы за нос другими; они открыто вдаются в обман гримасников и слепо поддерживают действия этих обезьян. Ты не поверишь, сколько людей я знаю, которые при помощи этой махинации ловко загладили грехи своей молодости, сделали себе щит из плаща религии и под этим почтенным одеянием добились возможности быть самыми скверными людьми в мире! Хотя бы все знали про их интриги и видели, что они такое на деле, — от этого они не потеряют всеобщего доверия; стоит им разок-другой опустить голову, смиренно вздохнуть, закатить глаза — и свет оправдает все их поступки.

Под этот-то благодетельный покров и хочу я укрыться, чтобы этим обеспечить свои дела. Я не брошу своих милых привычек, но я постараюсь не быть на виду и буду развлекаться втихомолку. И если меня накроют, мне не понадобится и пальцем шевельнуть; я увижу, как вся шайка за меня вступится и будет меня защищать от всех и каждого. Слóвом, это верный способ делать безнаказанно все, что тебе угодно. Я сделаюсь судьей чужих поступков, обо всех буду говорить плохо и хорошего мнения буду только о себе самом. Если кто-нибудь меня хоть немного заденет, я никогда не прощу и затаю в душе непримиримую ненависть. Я выступлю защитником интересов неба и под этим удобным предлогом нападу на своих врагов, обвиню их в безбожии и сумею натравить на них неразумных ревнителей, которые, не разобрав в чем дело, будут громко на них кричать, осыпать их оскорблениями и публично осудят их, в силу своей тайной власти. Так-то нужно пользоваться человеческими слабостями, и так-то мудрый рассудок приспособляется к порокам своего времени.

Сганарель

О небо, что я слышу! Только этого вам нехватало к довершению всего: сделаться лицемером — это уж предел гнусности. Сударь, последняя эта выдумка меня выводит из себя, и я не могу молчать. Делайте со мной все, что хотите, бейте меня, осыпайте ударами, убейте меня, если вам угодно, но я должен облегчить свое сердце и в качестве верного слуги высказать вам все, что считаю нужным. Знайте, сударь, что повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить, или, как отлично сказано у одного писателя, не знаю уж какого: человек на этом свете — как птица на ветке; ветка прикреплена к дереву; кто прикреплен к дереву, тот следует хорошим наставлениям; хорошие наставления стоят больше, чем хорошие слова; хорошие слова можно слышать при дворе; при дворе находятся при-

дворные; придворные следуют моде; мода происходит от воображения; воображение есть способность души; душа — это то, что дает нам жизнь; жизнь кончается смертью; смерть заставляет нас думать о небе; небо находится над землею; земля — это не море; море подвержено бурям; бури треплют корабли; корабли нуждаются в хорошем кормчем; хороший кормчий благоразумен; благоразумия не бывает у молодых людей; молодые люди должны повиноваться старикам; старики любят богатство; богатство делает человека богатым; богатые — это не бедные; бедные терпят нужду; для нужды закон не писан; для кого закон не писан, тот ведет скотскую жизнь; следовательно, вы будете осуждены и отправитесь ко всем чертям.

Дон Жуан

Вот превосходное рассуждение!

Сганарель

Если и после этого вы не убедились, тем хуже для вас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Карлос, дон Жуан, Сганарель

Дон Карлос

Я удачно встретил вас, дон Жуан, и очень рад поговорить с вами здесь, а не у вас, чтобы узнать, каково ваше решение. Вы знаете, что забота об этом лежит на мне, и я в вашем присутствии взялся за это дело. Что касается меня, то я хотел бы, — не скрываю этого, — чтобы все обошлось мирно; и я не знаю, чего бы я не сделал для того, чтобы внушить и вам такое же желание и увидеть, как вы публично дадите моей сестре имя вашей жены.

Дон Жуан (*ханжеским тоном*)

Увы, я от всего сердца хотел бы дать вам желаемое вами удовлетворение, но небо решительно этому противится; оно внушило моей душе намерение изменить свою жизнь, и у меня нет теперь других помышлений, кроме стремления совершенно покинуть все мирские привязанности, как можно скорее отряхнуть с себя всякую суету и отныне загладить строгим воздержанием все преступные заблуждения, к которым побуждало меня пламя слепой юности.

Дон Карлос

Этому намерению нисколько не противоречит то, о чем я говорил, и общество законной жены может отлично согласоваться с похвальными намерениями, которые внушило вам небо.

Дон Жуан

Увы, нет! Это такое намерение, которое и сама сестра ваша приняла: она решила удалиться от мира, и мы обратились в одно и то же время.

Дон Карлос

Ее пострижение не может нас удовлетворить; его могут объяснить презрением, которое вы выказали ей и нашей фамилии; наша честь требует, чтобы она жила с вами.

Дон Жуан

Уверяю вас, это невозможно. Что касается меня, то я с большим удовольствием пошел бы на это, и я еще сегодня спрашивал у неба совета по этому поводу; но когда я советовался с ним, я услышал голос, сказавший мне, что я не должен думать о вашей сестре и что с нею вместе я наверное не достигну спасения.

Дон Карлос

Думаете ли вы, дон Жуан, отделаться от нас такими прекрасными отговорками?

Дон Жуан

Я повинуюсь голосу неба.

Дон Карлос

Как! Вы хотите, чтобы я удовлетворился такими речами?

Дон Жуан

Небу так угодно.

Дон Карлос

Вы похитили мою сестру из монастыря для того, чтобы потом ее бросить?

Дон Жуан

Небо так повелевает.

Дон Карлос

И мы потерпим такое пятно на нашей фамилии?

Дон Жуан

Спорьте с небом.

Дон Карлос

Как? Все время небо?

Дон Жуан

Небо так желает.

Дон Карлос

Довольно, дон Жуан, я вас понял. Не здесь буду я взыскивать с вас; место это для такого дела не подходит; но очень скоро я сумею найти вас.

Дон Жуан

Делайте что вам угодно; вы знаете, что я не малодушен и, когда требуется, могу управлять шпагой. Вскоре я пойду по этой узкой уединенной улице, ведущей к большому монастырю; но, что касается меня, заявляю вам, что я не хочу драться; небо запрещает мне думать даже об этом. Но если вы на меня нападете, мы увидим что получится.

Дон Карлос

Мы увидим. Действительно, мы увидим.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Жуан, Сганарель

Сганарель

Сударь, что за дьявольский тон у вас появился! Это хуже всего, что было, и вы мне нравились больше, каким были прежде. Я всегда надеялся на ваше спасение, но теперь я потерял всякую надежду и думаю, что небо, терпевшее вас до сих пор, никак уж не потерпит такого ужаса.

Дон Жуан

Полно, полно, небо не так уж строго, как ты думаешь, и если бы всякий раз, как люди... [*Замечает призрак*]

Сганарель

Ах, сударь, это небо вам вещает и посылает вам предупреждение.

Дон Жуан

Если оно посылает мне предостережение и хочет, чтобы я его понял, нужно, чтобы оно говорило немного яснее.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Жуан, призрак *в виде женщины под вуалем*, Сганарель

Призрак

Дон Жуану осталось лишь одно мгновение, чтобы воспользоваться милосердием неба; и если он не раскается, гибель его неизбежна.

Сганарель

Слышите, сударь?

Дон Жуан

Кто смеет держать такие речи? Голос кажется мне знакомым.

Сганарель

Ах, сударь, это призрак; я узнаю его по походке.

Дон Жуан

Призрак это, привидение или дьявол, но я хочу знать, что это такое!

(*Призрак меняет образ и превращается в фигуру Времени с косою в руках*)

Сганарель

О небо! Вы видите, сударь, это изменение формы?

Дон Жуан

Нет, нет, ничто не способно внушить мне ужас, и я хочу испытать своей шпагой, тело это или дух.

(*Призрак исчезает в то время, как дон Жуан хочет его поразить*)

Сганарель

Ах, сударь, уступите перед такими доказательствами и скорее покайтесь!

Дон Жуан

Нет, нет; что бы ни случилось, пусть никто не скажет, что я способен к раскаянию. Идем, следуй за мною.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Статуя, дон Жуан, Сганарель

Статуя

Остановитесь, дон Жуан; вчера вы дали мне слово придти на ужин ко мне.

Дон Жуан

Да. Куда надо идти?

Статуя

Дайте мне руку.

Дон Жуан

Вот она.

Статуя

Дон Жуан, закоренелость в грехе влечет за собою гибельную смерть, а небесное милосердие, будучи отвергнутым, открывает дорогу для его перунов.

Дон Жуан

О небо! Что со мною? Незримый огонь сжигает меня, я больше не в силах терпеть, все тело мое обратилось в пылающий костер. Ах!

(Оглушительный удар грома и яркая молния низвергаются на дон Жуана, земля разверзается и поглощает его, и из того места, куда он провалился, вырывается пламя)

Сганарель

Ах, мое жалованье, мое жалованье! Его смертью все удовлетворены: оскорбленное небо, попранные законы,

соблазненные девушки, обесчещенные семьи, опозоренные родители, обиженные женщины, доведенные до отчаяния мужья — все на свете довольны. Только я один остался несчастным. Мое жалованье! Мое жалованье! Мое жалованье!

ЛЮБОВЬ-ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

L'Amour médecin

Любовь-целительница (*L'Amour médecin*) принадлежит к комедиям Мольера, написанным «на случай», в которые ему не пришлось вложить много труда. В своем предисловии к комедии он приносит как бы извинение читателям за то, что столь незначительное произведение появляется в печати.

Комедия была написана Мольером по желанию короля, незадолго до того ставшего его официальным покровителем, и разучена актерами в течение каких-либо пяти дней. Однако она имела успех не только в Версале, где была поставлена 13 или 14 сентября 1665 г. и сопровождалась балетным дивертисментом, но и в Париже, где никакого балета не было. Здесь она выдержала двадцать семь представлений — с 22 сентября по 29 ноября 1665 г. — и еще шестнадцать — с 21 февраля по 26 октября 1666 г. Сделанная откровенно наспех, комедия понравилась, потому что Мольер сумел оживить и по-новому переработать банальный комедийный сюжет.

Мольеру не пришлось много трудиться для того, чтобы выдумать интригу данной комедии. Дочь, желающая выйти замуж; отец, препятствующий этому; переодетый любовник; услужливая субретка, всячески помогающая любовнику; хитрость, придуманная молодежью, на которую попадается старик — все это традиционный материал фарса и комедии интриги. У Мольера все это было уже в *Летающем лекаре*, которого он поставил в провинции. Развязка комедии навеяна *Осмеянным педантом* Сирано-де-Бержерака. Еще более непосредственным источником *Любви-целительницы* является новелла Шарля Сореля *Олимпия*, включенная им в его *Дворец Анжели*. Итак, сюжет, интрига, мораль комедии традиционны. Традиционны также комические положения, отдельные комические эффекты диалога и т. д.

Обновление комического сюжета идет здесь (как почти всегда у Мольера) по линии насыщения его реально-бытовым элементом. Поэтому *Любовь-целительница*, каким бы «пустячком» она ни являлась с точки зрения самого автора, приближается к комедиям-балетам типа *Мещанина во дворянстве*. Хотя здесь и нет углубленной трактовки комических характеров, однако мы находим в этой комедии реалистическую конкретизацию условных образов и положений. Так, Сганарель в *Любви-целительнице* — нечто большее, чем традиционный отец-разлучник, упрямый старик, обычная маска подобного рода пьес. Это конкретный реальный образ, наделенный некоторой противоречивостью характера. Слепо доверчивый во всем, что ему непонятно и что ему импонирует (ученость врачей), он осторожен и рассудителен в практических вещах (его реакция на советы доброжелателей в 1-м явл. 1-го акта). Искренно огорченный печалью своей дочери, ласковый, заботливый, пока надо выяснить причину угнетенного состояния Люцинды, он оказывается глухим и слепым эгоистом, когда выясняется, что устранение этой причины расходится с его планами и интересами.

Но этого мало. Сганарель наделен социально-типическими чертами. Его наивное восхищение ученостью врачей, его расчетливость и отцовский эгоизм характеризуют его как чистокровного буржуа. Так, вкладывая в его уста целую тираду о том, что «нет ничего более нелепого, чем с трудом накапливать состояние и с заботами и нежностью воспитывать дочь для того, чтобы отдать и то, и другое совершенно чужому человеку», Мольер подчеркивает в нем собственника, для которого «дочь» и «имущество» в каком-то смысле одно и то же. Итак, конкретизация образа приводит Мольера к его социальной характеристике, закладывая основу методу, за который позднее боролась вся французская буржуазная литература эпохи ее подъема.

Но успех комедии был обусловлен не только успехами Мольеровского реализма, но еще в большей степени заключенной в ней сатирой на врачей. Недаром своего апогея комизм пьесы достигает в сценах, в которых выступают пятеро врачей, призванных исцелить больную Люцинду. Современники Мольера, аплодировавшие его комедии в Версале и в Париже, восприни-

мали ее прежде всего под таким углом зрения и обычно называли ее не *L'Amour médecin* (*Любовь-целительница*), а просто *Les Médécins* (*Врачи*). Даже указатель 1793 г. *Bibliothèque des théâtres* называет пьесу *L'Amour médecin, ou Les Quatre médécins* (*Любовь-целительница, или Четыре врача*).

Если не считать утерянного *Летающего лекаря*, то *Любовь-целительница* — первая пьеса, в которой Мольер обрушился на современных ему жрецов Эскулапа; в дальнейшем он охотно возвращался к теме о врачах и всегда бывал к ним безжалостен. Однако тема эта была не нова. Неискусных врачей, мнящих себя светилами науки, шарлатанов, цинично эксплоатирующих людскую доверчивость, высмеивали уже писатели древности и эпохи Возрождения. В частности, несомненное влияние оказал на Мольера Тирсо-де-Молина, в чьей драме на библейский сюжет *La Venganza de Thamar* (*Месть Фамари*) говорится о том, что все искусство врачей ограничивается прописыванием слабительного и кровопусканий и что на консультациях они ведут разговоры, ничего общего с медициной не имеющие.

Оживляя этот традиционный мотив, Мольер и здесь идет по линии конкретизации образов и ситуаций, борется за реалистический метод. Прежде всего, он высмеивает не отвлеченное медицинское шарлатанство, но совершенно конкретных представителей современной медицинской науки, в которой как раз тогда шла борьба между сторонниками старых, основанных на античной традиции методов врачевания и представителями новой «опытной» медицины, еще плохо вооруженной и едва нащупывавшей свои пути. Стремление к конкретности и злободневности заставило Мольера вывести на сцену в замаскированном виде и под вымышленными именами живых лиц, известных широкой публике.

Из *Писем* современника Мольера — врача, эпистолярного писателя и остроумца Гп Патена — мы узнаем, что под именами Томеса, Дефонандреса, Макротона, Баиса и Филерена выведены лейб-медики короля, королевы и других особ королевской фамилии. Это, конечно, повышало интерес комедии, ибо вносило в нее элемент скандала.

Не ограничиваясь этим, Мольер старался подать в плане реального быта наиболее акцентированные им комические сцены.

с врачами. В этом отношении полезно сравнить 3-ю сцену 2-го акта *Любви-целительницы* с 1-й сценой 2-го акта комедии Тирсо-де-Молина, в которой рассказывается о том, что говорили между собой врачи, удалившиеся на консультацию. У Тирсо-де-Молина весь разговор, не имеющий никакого отношения к болезни, нарочито построен таким образом, чтобы вскрыть шарлатанство врачей. У Мольера же доктора благодушно беседуют о вещах посторонних не только болезни, но и их профессии вообще, что одновременно оказывается и более «реалистичным», и более комичным.

Здесь не место ставить и разрешать во всей его широте вопрос о причинах столь отчетливо выраженной неприязни Мольера к врачам. Но при всей противоречивости прямых высказываний автора *Любви-целительницы* о медицине ясно одно: что врачи — сознательные шарлатаны или бессознательные невежды — были для Мольера таким же объектом сатиры, как его ханжи, педанты и паразиты-аристократы, и что высмеивал он в них все ту же косность, тупую приверженность к «старинке», преклонение перед авторитетами, отсутствие естественности и свободы. Профессора или выученики Парижского медицинского факультета, рабские подражатели не слишком хорошо понятых ими классиков античной медицины, были в эпоху Мольера одним из наиболее живучих пережитков средневековья с его суеверием и авторитарной идеологией. Тем самым они почти не отличались от богословов. Но богословов трогать было нельзя: скандал с *Тартюфом* показал Мольеру, что ханжи не дадут себя в обиду. С врачами, представлявшими к тому же весьма благодарный бытовой материал, дело обстояло куда проще. Потому-то для Мольера они стали одним из символов той социальной действительности, с которой он вступал в решительную борьбу.

Таков смысл темы врачей у Мольера. Такова и сатирическая направленность комедии-балета *Любовь-целительница*, оставшейся в сознании современников и потомков Мольера прежде всего комедией о врачах.

И. Рыкова

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами — лишь небольшой набросок, экспромт, которым королю угодно было развлечься. Это самая скороспелая из всех работ, заказанных мне его величеством. И если я скажу вам, что она была задумана написана и разучена в пять дней, то это будет истинная правда. Нет необходимости предупреждать, что многое тут зависит от игры. Хорошо известно, что комедии пишутся только для того, чтоб их играли, и я советую читать эту пьесу лишь тем, у кого достаточно зоркие глаза, способные за текстом представить себе все театральное представление. Прибавлю к этому, что было бы желательно, чтобы такого рода произведения всегда являлись перед вами с теми же украшающими аксессуарами, которыми они сопровождаются в королевском дворце. Тогда вы узрели бы их в гораздо более приемлемом виде; а арии и симфонии несравненного господина Люлли, в соединении с прекрасными голосами и изяществом танцовщиков, несомненно сообщают подобным пьесам ту прелесть, без которой им почти невозможно обойтись.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛИЦА ПРОЛОГА

Комедия.
Музыка.
Балет.

ЛИЦА КОМЕДИИ

Сганарель, отец Люсинды.
Люсинда, дочь Сганареля.
Клитандр, влюбленный в Люсинду.
Аминта, соседка Сганареля.
Лукреция, племянница Сганареля.
Лизета, наперсница Люсинды.
Господин Гильом, обойщик.
Господин Жос, ювелир.
Господин Томес
Господин Дефонандрес
Господин Макротон } врачи.
Господин Баис
Господин Филерен
Нотариус.
Шампань, слуга Сганареля.

ЛИЦА БАЛЕТА

Первый выход балета

Шампань, слуга Сганареля (*танцует*).
Четверо врачей (*танцуют*).

Второй выход балета

Шарлатан (*поет*).
Тривелины и Скарамуши, в свите Шарлатана (*танцуют*).

Третий выход балета

Комедия.
Музыка.
Балет.
Игры, Веселья, Удовольствия (*танцуют*).

Действие происходит в Париже.

ПРОЛОГ

Комедия, Музыка, Балет

Комедия

О, бросим, бросим наш раздор напрасный,
Не чванясь первенством один перед другим,
И к славе более прекрасной
Сегодня возлетим:
Втроем соединясь и рвеньем пламенея,
Потешим короля, что в мире всех славнее.

Все трое

Втроем соединясь и рвеньем пламенея,
Потешим короля, что в мире всех славнее.

Музыка

От тягостных трудов порою в царство наше
Приходит отдохнуть король из королей.

Балет

О, есть ли в жизни слава краше
И счастие светлей?

Все вместе

Втроем соединясь и рвеньем пламенея,
Потешим короля, что в мире всех славнее.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Аминта, Лукреция, господин Гильом, господин Жос

Сганарель

О, что за странная штука — жизнь! Поистине я могу сказать вместе с великим философом древности: «У кого — доходы, у того — невзгоды» и «беда одна не ходит». Одна была у меня жена, да и та померла.

Гильом

А сколько же вам их нужно?

Сганарель

Она умерла, друг дорогой. Эта потеря весьма для меня чувствительна; не могу вспомнить о ней без слез. Правда, я не совсем был доволен ее поведением, и большей частью мы друг с дружкой бранились; но, в конце концов, смерть все улаживает. Она умерла — я ее оплакиваю. Будь она жива, мы бы ссорились. Из всех детей, посланных мне небом, в живых осталась одна дочь, в коей заключается все мое горе; ибо, надо сказать, я вижу ее в самой черной меланхолии, в ужасающей печали, из коей нет способа ее вывести, и даже причины я не в силах узнать. Я, признаюсь, просто теряю голову, и мне нужен в этом деле разумный совет. (*Лукреции*) Вы мне племянница, (*Аминте*

вы моя соседка, (*господам Гильому и Жосу*) а вы мои друзья и кумовья; прошу вас посоветовать, как мне быть.

Господин Жос

Я лично думаю, что наряды и украшения больше всего радуют девушек, и, будь я на вашем месте, я купил бы ей красивый убор из бриллиантов, рубинов или изумрудов.

Господин Гильом

А я на вашем месте приобрел бы красивые тканые обои с травчатым узором или с персонами и повесил бы у нее в комнате, чтобы развеселить ей душу.

Аминта

А я бы не прибегала ко всем этим ухищрениям, а попросту выдала бы ее поскорее замуж за того человека, который, я слышала, недавно к ней сватался.

Лукреция

А я считаю, что дочь ваша совсем не годится для брачной жизни. Она слишком деликатной комплекции и слишком слаба здоровьем, и в таком состоянии обречь ее на деторождение значило бы просто отправить ее на тот свет. Жизнь в миру — не для нее, и я советую вам поместить ее в монастырь, где она найдет развлечения, более соответствующие ее характеру.

Сганарель

Все эти советы, разумеется, превосходны, но представляются мне не совсем бескорыстными, и я нахожу, что каждый из вас отлично советует в свою пользу. Вы ювелир, господин Жос, и ваш совет пахнет купцом, желающим сбыть с рук товар. Вы, господин Гильом, торгуете обоями и, повидимому, у вас есть залежавшиеся шпалеры. Тот, кого вы любите, соседка, питает, говорят, некоторую склонность к моей дочери, и вам

приятно было бы видеть ее замужем за кем-нибудь другим. Что же касается вас, дорогая племянница, то скажу вам, что не собираюсь выдавать свою дочь за кого бы то ни было, и на то у меня есть свои причины; но совет постричь ее в монахини исходит от женщины, которая, очень возможно, питает благочестивое желание стать моей единственной наследницей. Итак, милостивые государи и милостивые государыни, хоть ваши советы таковы, что лучше и быть не могут, все же, надеюсь, вы не посетуете, если я не воспользуюсь ни одним из них. (*Один*) Вот они, нынешние советники: такие теперь в моде.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Люсинда, Сганарель

Сганарель

А! Вот дочь моя вышла подышать свежим воздухом. Она меня не замечает. (*Люсинде*) Бог в помочь. С добрым утром, душенька. Ну, как дела? Как вы поживаете? Что? Все в той же печали и меланхолии и все еще не хочешь мне сказать, что с тобой? Ну же, раскрой передо мною свое сердечко. Ну, бедненькая моя, скажи же, скажи своему милому папочке, о чем думает твоя головка. Смелей! Хочешь, я тебя поцелую? Подойди же. (*Про себя*) Я вне себя, видя ее в таком настроении. (*Люсинде*) Скажи, разве ты хочешь, чтоб я умер от горя? И неужели я не узнаю, откуда у тебя эта великая тоска? Открой мне причину, и я обещаю все для тебя сделать. Да, стоит тебе обнаружить предмет своей печали — и уверяю, клянусь, что пойду на все, лишь бы удовлетворить твое желание. Этим все сказано. Завидуешь ли ты какой-нибудь подружке, наряднее тебя одетой? Может быть, тебе хочется получить платье из какой-нибудь новой материи? Нет? Или твоя

комната кажется тебе недостаточно хорошо отделанной, и ты мечтаешь о красивом шкафе с Сен-Лоренской ярмарки? Что, не угадал? Может быть, у тебя явилось желание чему-нибудь учиться? Хочешь, я приглашу к тебе музыканта, который научит тебя играть на клавесине? Опять не то? Может быть, ты кого-нибудь любишь и хочешь выйти замуж?

(*Люсинда утвердительно кивает головой*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сганарель, Люсинда, Лизета

Лизета

Ну что, сударь? Поговорили вы с дочерью? Узнали вы причину ее меланхолии?

Сганарель

Нет. Эта негодница доводит меня до бешенства.

Лизета

Предоставьте это мне, сударь: я ее слегка порасспрошу.

Сганарель

Не вижу необходимости: если она желает оставаться в таком настроении, то, по-моему, не следует ей препятствовать.

Лизета

А я говорю, предоставьте мне действовать. Быть может, она будет со мною откровеннее, чем с отцом. Как, сударыня? Вы так и не скажете нам, что с вами? Вы хотите до такой степени всех разогорчить? Мне сдается, что так не поступают и что если вам почему-либо не хочется довериться вашему батюшке, то ничто не должно препятствовать вам раскрыть свое сердце

предо мною. Скажите, хотите ли вы чего-нибудь от него? Он не раз говорил нам, что ничего не пожалеет для вашего удовольствия. Разве он не предоставляет вам свободы во всем, чего бы вы ни пожелали? Может быть, душа ваша соблазнится прогулками или увеселениями? Уж не причинил ли вам кто-нибудь неприятности? Уж не питаете ли вы к кому-нибудь тайной склонности и не хотите ли, чтобы отец выдал вас замуж? Ага, понимаю! Так вот в чем дело! Какого чорта! К чему такие церемонии? Тайна, сударь, раскрыта, и...

Сганарель

Прочь, дочка неблагодарная! Я больше не желаю с тобой говорить: оставайся при своем упорстве.

Люсинда

Батюшка, раз вы хотите, чтобы я открыла вам, в чем дело...

Сганарель

Да, вся моя прежняя любовь к тебе исчезла.

Лизета

Ее печаль, сударь...

Сганарель

Эта негодница желает моей смерти.

Люсинда

Батюшка, я согласна...

Сганарель

Вот награда за то, что я дал тебе такое воспитание!

Лизета

Но, сударь...

Сганарель

Нет, я на нее ужасно сердит.

Люсинда

Но, батюшка...

Сганарель

Я не чувствую к тебе никакой нежности...

Лизета

Но...

Сганарель

Она бесстыдница.

Люсинда

Но...

Сганарель

Неблагодарная...

Лизета

Но...

Сганарель

Негодница, не желающая сказать мне, что с нею.

Лизета

Она хочет мужа.

Сганарель (*притворяется, будто не слышит*)

Я на нее рукой махнул.

Лизета

Мужа.

Сганарель

И отрекаюсь от нее.

Лизета

Мужа.

Сганарель

Нет, не говорите мне о ней.

Лизета

Мужа.

Сганарель

Не говорите мне о ней.

Лизета

Мужа.

Сганарель

Не говориге мне...

Лизета

Мужа, мужа, мужа.

[*Уходит Сганарель*]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Люсинда, Лизета

Лизета

Правду говорят, что нет глухих отцов, кроме тех, что не желают слушать.

Люсинда

Ну, что, Лизета? Видно, я была неправа, скрывая свое огорчение, видно, мне только стоило открыть отцу свое желанье? Теперь ты сама убедилась.

Лизета

Честное слово, он злюка, и я, признаюсь, с большим удовольствием сыграла бы с ним какую-нибудь штуку.

Но почему, сударыня, вы от меня до сих пор скрывали свое горе?

Люсинда

Увы! Какая была бы мне польза, если бы я тебе раньше открылась? Разве я меньшего достигла бы, скрывая это всю жизнь? Ты думаешь, я не предвидела всего того, что ты теперь слышишь, не знала насквозь всех мыслей отца? Разве отказ, посланный им тому, кто через посредство друга просил моей руки, не задушил в душе моей всякую надежду?

Лизета

Как? Это тот незнакомец, который сватался к вам...

Люсинда

Может быть, девице и не пристало говорить так свободно; но все-таки, если бы было позволено желать, то я именно его бы и пожелала. У нас с ним еще не было никакого разговора, и уста его не признались мне в той страсти, которую он ко мне питает; но везде, где ему удавалось меня встретить, его взгляды и действия обличали такую нежность, и сватовство его ко мне показалось мне поступком столь достойным честного человека, что сердце мое поневоле стало чувствительным к пылу его любви. А между тем ты видишь, какую судьбу готовит этому нежному чувству жестокость моего отца.

Лизета

Пустое. Предоставьте мне действовать. Хотя я справедливо обижаюсь на вас за вашу скрытность, я не перестану служить вашей любви, и лишь бы у вас хватило решимости...

Люсинда

Но что прикажешь мне делать против родительской власти? И если он будет неумолим...

Лизета

Бросьте, бросьте. Ни за что не позволяйте помыкать собой, как дурочкой. И лишь бы честь не была запятнана, можно слегка освободиться от отцовской тирании. Что же вам, по его мнению, делать? Разве вы не достигли брачного возраста? Или он думает, что вы мраморная? Повторяю вам, не беспокойтесь: я помогу вашей страсти. С нынешнего дня беру на себя защиту ее интересов, и вы увидите, что я знаю такие извороты... Но вот ваш отец. Удалимся, и предоставьте мне действовать...

[*Уходят Люсинда и Лизета*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сганарель

Порой бывает полезно притвориться глухим и не слышать того, что отлично слышишь; я мудро поступил, предотвратив выражение желания, которого я не хочу исполнить. Видано ли когда-либо большее тиранство, чем этот обычай, которому хотят подчинить отцов? Есть ли что-либо нелепее и смешнее того, что человек тяжкими трудами копит добро и воспитывает дочь нежно и заботливо, чтобы затем отдать и то, и другое в руки человека, до которого ему нет никакого дела? Нет, нет, мне наплевать на обычай: я хочу сохранить для себя и добро, и дочку.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сганарель, Лизета

Лизета [*вбегает, притворяясь, будто не видит Сганареля*]

О несчастие! О бедствие! Ах, бедный господин Сганарель! Где мне тебя найти?

Сганарель [*в сторону*]

Что это она городит?

Лизета [*бегая по сцене*]

О несчастный отец! Что будет с тобой, когда ты услышишь такую весть?

Сганарель [*в сторону*]

Что бы это могло быть?

Лизета

Бедная моя госпожа!

Сганарель [*в сторону*]

Я погиб!

Лизета

Ах!

Сганарель [*бежит за Лизетой*]

Лизета!

Лизета

Какая напасть!

Сганарель

Лизета!

Лизета

Какой несчастный случай!

Сганарель

Лизета!

Лизета

Какая жестокость судьбы!

Сганарель

Лизета!

Лизета [*останавливаясь*]

Ах, это вы, сударь!

Сганарель

В чем дело?

Лизета

Сударь...

Сганарель

Что случилось?

Лизета

Ваша дочь...

Сганарель

Ах, ах...

Лизета

Не плачьте, сударь, так сильно: смешно смотреть на вас.

Сганарель

Говори же скорее.

Лизета

Ваша дочь, глубоко потрясенная вашими словами и странным гневом, коим вы против нее воспылали, быстро поднялась к себе в комнату и, полная отчаяния, отворила окно, выходящее на реку...

Сганарель

Ну, и что же?

Лизета

И воздев очи к небу: «Нет, — сказала она, — я не в силах жить под бременем отцовского гнева, и, раз он от меня отрекся, я хочу умереть».

Сганарель

Она бросилась вниз?

Лизета

Нет, сударь. Она тихо затворила окно и легла на кровать. Там начала она горько плакать. И вдруг лицо ее побледнело, глаза закатились, и она без чувств упала мне на руки.

Сганарель

О дочь моя!

Лизета

Я так тормошила ее, что привела в чувство. Но поминутно обморок возвращается, и я боюсь, что она не дотянет до вечера.

Сганарель

Шампань, Шампань, Шампань! Живо! Привести ко мне докторов, и как можно больше. В таких случаях лишних лекарей не бывает. О дочь моя! Несчастная дочь!

ПЕРВАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Шампань, слуга Сганареля, танцуя, стучит в двери к четырем врачам. Врачи, танцуя, с различными церемониями входят в дом Сганареля.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сганарель, Лизета

Лизета

Зачем вам, сударь, понадобились четыре врача? Разве недостаточно одного, чтобы убить человека?

Сганарель

Молчите. Четыре совета ценнее, чем один.

Лизета

Разве дочь ваша не может спокойно умереть без помощи этих господ?

Сганарель

Да разве же врачи убивают?

Лизета

Разумеется. Я знавала человека, который убедительными доводами доказывал, что никогда не следует говорить: «такой-то умер от горячки или от воспаления легких», а «от четырех лекарей и двух аптекарей».

Сганарель

Цыц! Не оскорбляйте этих господ.

Лизета

Честное слово, сударь, наш кот оправился после прыжка с крыши на мостовую; правда, три дня он ничего не ел и не мог лапой шевельнуть; но его счастье, что нет котов-лекарей, а не то бы песенка его была спета: они не преминули бы донять его слабительными и кровопусканиями.

Сганарель

Да замолчите же, говорят вам. Какая дерзость! Вот они сами.

Лизета

Приготовьтесь выслушать нечто глубоко назидательное: они скажут вам по-латыни, что дочь ваша больна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Господа Томес, Дефонандрес, Макротон, Банс — доктора; Сганарель, Лизета

Сганарель

Ну как, господа?

Господин Томес

Мы как следует осмотрели больную, и нет сомнения в том, что в ней много нечистого.

Сганарель

Дочь моя не чиста?

Господин Томес

Я разумею, что в ее теле много нечистых, испорченных соков.

Сганарель

Ага, понимаю.

Господин Томес

Но... Мы устроим консилиум.

Сганарель

Скорей, подайте кресла.

Лизета [*господину Томесу*]

Ах, сударь, и вы здесь?

Сганарель [*Лизете*]

Откуда вы знаете господина доктора?

Лизета

Я видела его намедни у подруги вашей племянницы.

Господин Томес

Как поживает ее кучер?

Лизета

Отлично. Он умер.

Господин Томес

Умер?

Лизета

Да.

Господин Томес

Не может быть.

Лизета

Ну, уж не знаю, может или не может, а только так оно и есть.

Господин Томес

Не может быть, чтобы он умер, говорю вам.

Лизета

А я вам говорю, что он умер и похоронен.

Господин Томес

Вы ошибаетесь.

Лизета

Я его видела.

Господин Томес

Это невозможно. Гиппократ говорит, что такого рода болезни кончаются только на четырнадцатый день или на двадцать первый. А этот всего лишь шесть дней как заболел.

Лизета

Гиппократ может говорить что ему угодно, а только кучер-то помер.

Сганарель

Тище вы, спорщица! Ну-ка, уйдем отсюда. Господа, умоляю вас, совещайтесь как следует. Хотя нет такого обычая, чтобы платить вперед, но из боязни, что потом позабуду и чтобы покончить с этим делом, вот...

(*Он дает им денег, и каждый принимает их с особой жестикуляцией*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Господа Дефонандрес, Томес, Макротон, Баис (*усаживаются и откашливаются*)

Господин Дефонандрес

Париж необычайно велик, и приходится отмахивать огромные концы, когда практика несколько увеличивается.

Господин Томес

Должен признаться, мул у меня на этот счет просто замечательный, и трудно поверить, сколько я заставляю его в день пробегать.

Господин Дефонандрес

У меня дивная лошадь, прямо-таки неутомимое животное.

Господин Томес

Знаете ли вы, какой путь нынче проделал мой мул? Прежде всего, я побывал близ Арсенала; от Арсенала проехал до Сен-Жерменского предместья; от Сен-Жерменского предместья — в глубь Маре; из Маре — к воротам Сент-Оноре; от Сент-Оноре — в предместье Сен-Жак; из предместья Сен-Жак — до ворот Ришельё; от ворот Ришельё — сюда. А отсюда мне еще предстоит направиться на Королевскую площадь.

Господин Дефонандрес

Моя лошадь сегодня проделала то же самое, и, сверх того, я еще навестил больного в Рюэле.

Господин Томес

Между прочим, чью сторону вы держите в споре врачей Теофраста и Артемия? Эта дискуссия разделила все наше сословие на две партии.

Господин Дефонандрес

Я — за Артемия.

Господин Томес

Я тоже. Неважно, что его предписание, как все убедились, убило больного и что совет Теофраста несомненно был много лучше. Но Теофраст неправ при данных обстоятельствах: ему не следовало расходиться во мнениях со старшим коллегой. Не так ли?

Господин Дефонандрес

Разумеется. Формальности следует соблюдать во что бы то ни стало.

Господин Томес

Что до меня, то я чертовски строг... конечно, если дело не касается друзей-приятелей. Однажды троих из нас позвали на консилиум с иногородним врачом; но я приостановил все дело и не допустил высказываний до тех пор, пока все не будет сделано по правилам. Домашние выбились из сил, и болезнь не ждала; но я настоял на своем, и больной мужественно скончался во время нашего препирательства.

Господин Дефонандрес

Так и следует учить людей уму-разуму: пусть видят свое невежество.

Господин Томес

Покойник есть покойник, и больше ничего. Не в нем дело. Но нарушение формальности приносит явный ущерб всему врачебному сословию.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, господа Томес, Дефонандрес, Макротон, Баис

Сганарель

Господа, страдания моей дочери усиливаются. Прошу сказать мне поскорее, на чем вы порешили.

Господин Томес [*господину Дефонандресу*]

Говорите, сударь.

Господин Дефонандрес

Нет, сударь, говорите, пожалуйста, вы.

Господин Томес

Вы шутите.

Господин Дефонандрес

Не буду говорить первым.

Господин Томес

Милостивый государь!

Господин Дефонандрес

Милостивый государь!

Сганарель

Ради бога, господа, оставьте все эти церемонии, не забывайте, что дело спешное.

(*Врачи говорят все разом*)

Господин Томес

Болезнь вашей дочери...

Господин Дефонандрес

Общее мнение всех господ врачей...

Господин Макротон

По-носле дол-го-го со-со-ве-ща-ния...

Господин Баис

Чтоб рассудить...

Сганарель

Эй, ради бога, господа! Говорите по очереди.

Господин Томес

Мы, сударь, совещались относительно недуга вашей дочери, и мое мнение таково, что происходит он от чрезмерного жара в крови; а посему я заключаю, что надо пустить ей кровь возможно скорее.

Господин Дефонандрес

А я говорю, что ее болезнь заключается в гниении соков, происходящем от переполнения желудка; посему я заключаю, что ей следует дать рвотного.

Господин Томес

Я утверждаю, что рвотное ее убьет.

Господин Дефонандрес

А я — что кровопускание сведет ее в могилу.

Господин Томес

Вам как раз пристало корчить из себя ученого.

Господин Дефонандрес

Да, именно мне, и я дам вам десять очков вперед в любой области знания.

Господин Томес

Вспомните о человеке, которого вы на этих днях прикончили.

Господин Дефонандрес

Вспомните о даме, которую вы три дня тому назад спровадили на тот свет.

Господин Томес [*Сганарелю*]

Я высказал вам свое мнение.

Господин Дефонандрес [*Сганарелю*]

Я изложил вам свою мысль.

Господин Томес

Если вы сию же минуту не пустите вашей дочери кровь, то она не жилец на этом свете.

[*Выходит*]

Господин Дефонандрес

Если вы пустите ей кровь, через четверть часа ее не будет в живых.

[*Выходит*]

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сганарель, господа Макротон и Баис

Сганарель

Кому из двоих верить? И какое решение принять при столь противоположных мнениях? Заклинаю вас, господа, направить мою волю и сказать мне, не волнуясь, что вы считаете наилучшим для облегчения страданий моей дочери.

Господин Макротон (*растягивая слова*)

В э-тих ма-те-ри-ях, су-дарь, над-ле-жит по-сту-пать с о-смо-три-тель-но-стью и ни-че-го не де-лать, как го-во-рит-ся, на-о-бум, тем бо-ле-е что о-шиб-ки, в ко-то-ры-е мож-но впасть, бы-ва-ют, со-глас-но у-твер-жде-ни-ю на-став-ни-ка на-ше-го Гип-по-кра-та, чре-ва-ты о-пас-ны-ми по-след-стви-я-ми.

Господин Баис (*скороговоркой*)

Правда, нужно обдумать то, что делаешь; ибо это не детские игрушки; если ошибешься, так нельзя бывает исправить промах и восстановить попорченное: experimentum periculosum. Вот почему надлежит сперва как следует обсудить, зрело взвесить все обстоятельства, принять во внимание темперамент больного, исследовать причины заболевания и определить средства, подлежащие применению в данном случае.

Сганарель [*в сторону*]

Один ползет черепахой, а другой мчится на почтовых.

Господин Макротон

А по-се-му, су-дарь, воз-вра-ща-ясь к де-лу, я на-хо-жу, что ва-ша доч-ка боль-на бо-лез-нью хро-ни-че-ской и что ей не труд-но у-ме-реть, ес-ли не по-дать ей ис-мо-щи, тем бо-ле-е что симп-то-мы у-ка-зы-ва-ют на не-кий пар, ко-пот-ный и ед-кий, разъ-е-да-ю-щий о-бо-лоч-ку моз-га. А пар э-тот, и-ме-ну-е-мый на-ми по-гре-че-ски ат-мос, про-ис-хо-дит от со-ков гни-лост-ных, цеп-ких и клей-ких, со-дер-жа-щих-ся в под-брю-ши-не.

Господин Баис

А так как соки эти скоплялись там в течение долгого времени, то они перекипели и испускают оное злостное испарение, поднимающееся к мозгу.

Господин Макротон

А ста-ло быть да-бы из-влечь, от-делить, вы-рвать, из-гнать, э-ва-ку-и-ро-вать о-зна-чен-ны-е со-ки, не-об-хо-ди-мо силь-но-е сла-би-тель-но-е. Но пред-ва-ри-тель-но я счи-та-ю у-мест-ным и впол-не до-пу-сти-мым ис-поль-зо-вать лег-ки-е бо-ле-у-то-ля-ю-щи-е сред-ства, то есть не-боль-ши-е клиз-мы, у-мяг-ча-ю-щи-е и о-чи-сти-тель-ны-е, ю-ле-пы и про-хла-ди-тель-ные си-ро-пы, ко-то-ры-е сле-ду-ет при-ме-ши-вать к от-ва-ру.

Господин Баис

А затем мы приступим к слабительным и к кровопусканию, которое повторим, если понадобится.

Господин Макротон

Э-то е-ще не о-зна-ча-ет, что при всем том ва-ша доч-ка не у-мрет; но, по край-но-сти, вы что-ни-будь сде-ла-е-те, у вас о-ста-нет-ся у-те-ше-ни-е, что о-на у-мер-ла по всем пра-ви-лам.

Господин Баис

Лучше умереть по правилам, чем выздороветь против правил.

Господин Макротон

Мы чи-сто-сер-деч-но со-об-ща-ем вам сво-е мне-ние.

Господин Баис

Мы говорим с вами, как говорили бы с родным братом.

Сганарель [*господину Макротону, растягивая слова*]

При-но-шу вам ни-жай-шу-ю бла-го-дар-ность. [*Господину Баису, скороговоркой*] Бесконечно признателен вам за труды.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сганарель

Вот я и остаюсь при чуть-чуть большей неуверенности, чем прежде. Чорт возьми! У меня зародилась идея. Надо мне пойти купить орвиетана и заставить ее принять: орвиетан — такое средство, от которого многие выздоравливали. Эй, вы!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Шарлатан, Сганарель

Сганарель

Эй вы! Прошу вас, сударь, дать мне коробочку вашего орвиетана; я вам заплачу.

Шарлатан (*поет*)

Едва ль за злато всех омытых морем стран
Сумеете купить вы снадобье такое.
Любую хворь оно снимает, как рукою;
И в год не счесть всего, что лечит талисман:
Горячку,
Корь,

Паршу,
Чуму,
Чесотку,
Подагру,
Оспу,
Грыжу
И сухотку.
О зелье всеблагое,
Орвиетан!

Сганарель

Верю, сударь, что всем золотом на свете нельзя оплатить ваше лекарство. Но все же прошу вас принять эту монету в тридцать су.

Шарлатан (*поет*)

Смотрите, как я добр, не плут, не шарлатан:
Свой клад я раздаю вам щедрою рукою.
С ним можете вы жить в довольстве и покое,
Сломить любой недуг, что гневом вышних дан:
Горячку,
Корь,
Паршу.
Чуму,
Чесотку,
Подагру,
Оспу,
Грыжу
И сухотку.
О зелье всеблагое,
Орвиетан!

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Несколько Тривелинов и Скарамушей, слуг Шарлатана, выражают ликование танцами

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Господа Филерен, Томес, Дефонандрес

Господин Филерен

Не стыдно ли вам, господа, проявлять столь мало благоразумия для людей вашего возраста и браниться, подобно молодым ветреникам? Разве вы не сознаете, как чернят нас такого рода ссоры в глазах света? Разве не довольно того, что ученые знают о противоречиях и расхождениях между нашими светилами и древними учителями, и нужно ли еще, чтобы споры и свары обнаруживали перед чернью все шарлатанство нашего искусства? Что до меня, то я отказываюсь понимать зловредную политику некоторых из наших коллег; и нужно признаться, что все эти дрязги с недавнего времени опорочили нас самым нелепым образом, и ежели мы не примем мер, то сами себя разорим. Я говорю не в собственных интересах, ибо, благодарение господу, уже уладил свои делишки. Мне не страшны ни дождь, ни гром, ни град. Мертвые померли, а у меня есть довольно, чтоб обойтись без живых. Но все-таки все эти перебранки оказывают плохую услугу медицине. Раз уж небо взыскало нас такой милостью, что в течение стольких веков люди дают себя дурачить, так не станем же раскрывать им глаза своими бессмысленными интригами и будем, по возможности, бесшумно пользоваться их глупостью. Мы, как вам известно, не единственные, старающиеся поживиться

за счет человеческих слабостей. На это направлены старания большинства людей, и каждый стремится воспользоваться слабостью другого и извлечь из него какую-нибудь прибыль. Льстецы, например, норовят воспользоваться страстью людей к похвалам и кадят им этим суетным фимиамом сколько душе угодно. Этим искусством многие, как замечено, нажили значительные состояния. Алхимики тщатся использовать корыстолюбие, обещая всем, кто их слушает, золотые горы, а астрологи обманными предсказаниями наживаются на суетности и честолюбии доверчивых душ. Но величайшая человеческая слабость — это жажда жизни; и вот мы, при помощи высокопарной галиматьи, пользуемся этой слабостью и умеем извлекать выгоды из того почтения, которое страх смерти внушает людям к нашему ремеслу. Так постараемся же удержаться на той ступени уважения, на которую вознесла нас их слабость, и будем в присутствии больного действовать согласно, приписывая счастливый исход себе и сваливая на природу все промахи нашей науки. Не станем, говорю я, по глупости разрушать отрадную предвзятость того заблуждения, которое кормит стольких людей и из денег тех, кого мы сводим в могилу, готовит нам со всех сторон великолепные наследства.

Господин Томес

Вы кругом правы; но не всегда можно справиться с горячею кровью.

Господин Филерен

Ну же, господа, отбросьте всякую злопамятность, и да совершится здесь же ваше примирение.

Господин Дефонандрес

Я согласен, при условии, чтобы он признал мое рвотное для данной пациентки, а я готов признать что угодно в любом другом случае.

Господин Филерен

Лучше и сказать невозможно. Вот это называется дойти до ума.

Господин Дефонандрес

Все улажено.

Господин Филерен

Так пожмите же друг другу руки. До свидания. В другой раз будьте благоразумнее.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Господа Томес, Дефонандрес, Лизета

Лизета

Как, господа? Вы — здесь, и даже не думаете отомстить за обиду, только что нанесенную медицине?

Господин Томес

Как? Что случилось?

Лизета

Некий наглец возымел дерзость вмешаться в ваше дело и без вашего предписания убил человека, пронзив его насквозь ударом шпаги.

Господин Томес

Ладно, ладно, подтрунивайте над нами. Придет время, когда вы сами попадетесь нам в руки.

Лизета

Будьте уверены, что я покончу с собой, прежде чем мне придется к вам прибегнуть.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клитандр [*переодетый врачом*], Лизета

Клитандр

Ну, что, Лизета? Что скажешь о моем наряде? Как ты думаешь, сумею я под этой личиной надуть старика? Как я тебе нравлюсь в таком виде?

Лизета

Отлично. Ждала вас с нетерпением. Надо сказать, небо наделило меня самым человеколюбивым характером: не могу видеть, как двое влюбленных вздыхают друг по дружке, и не проникнуться сострадательной нежностью, а стало быть и горячим рвением облегчить испытываемые ими муки. Я хочу любою ценою освободить Люсинду от ига, под которым она стонет, и отдать ее в ваши руки. Вы понравились мне с самого начала; а я разбираюсь в людях, и, по-моему, она не могла сделать лучшего выбора. Любовь пускается на самые необыкновенные хитрости, и мы с вами измыслили уловку, которая, быть может, удастся. Все меры уже приняты; человек, с которым мы имеем дело, — не из самых хитрых на свете. А если эта проделка сорвется, мы найдем тысячу других, которые, в конце концов, доведут нас до цели. Вы только подождите меня здесь; я сейчас же вернусь за вами.

[*Клитандр отходит в глубину сцены*]

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сганарель, Лизета

Лизета

Утешьтесь, сударь, утешьтесь!

Сганарель

Что случилось?

Лизета

Радуйтесь.

Сганарель

Чему?

Лизета

Говорят вам, радуйтесь.

Сганарель

Сперва скажи мне, в чем дело, а потом я, может быть, порадуюсь.

Лизета

Нет, я хочу, чтобы вы порадовались раньше, чтоб вы пели, плясали...

Сганарель

Ради чего?

Лизета

Ради моего честного слова.

Сганарель

Ну, ладно. [*Поет и пляшет*] Ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла. Какого дьявола?

Лизета

Дочь ваша, сударь, спасена.

Сганарель

Спасена?

Лизета

Да. Я привела вам лекаря, такого, скажу вам, замечательного лекаря, что он просто чудеса делает и всех прочих врачей посрамляет.

Сганарель

Где же он?

Лизета

Я сейчас попрошу его войти.

[*Уходит*]

Сганарель

Посмотрим, сделает ли этот больше, чем прежние.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клитандр (*переодетый врачом*), Сганарель, Лизета

Лизета [*вводя Клитандра*]

Вот он.

Сганарель

А бородка-то у этого врача весьма молоденькая.

Лизета

Ученость бородами не мерят, и не в подбородке таится искусство.

Сганарель

Говорят, сударь, что вы знаете замечательные средства, чтоб вызвать стул.

Клитандр

Мои приемы, сударь, весьма отличны от средств прописываемых другими врачами. Они пользуют рвотными, кровопусканиями, лекарствами, клизмами; я же излечиваю с помощью слов, звуков, букв, талисманов и астрологических перстней.

Лизета

Что я вам говорила?

Сганарель

Это великий человек!

Лизета

Так как ваша дочь совершенно одета и сидит в кресле, то я приведу ее сюда.

Сганарель

Хорошо. Приведи ее.

Клитандр (*щупая пульс Сганареля*)

Ваша дочь очень больна.

Сганарель

Вы это узнали, стоя здесь?

Клитандр

Да, по симпатическому чувству, существующему между отцом и дочерью.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Люсинда, Лизета, Сганарель, Клитандр

Лизета [*Клитандру*]

Вот вам, сударь, кресло рядом с нею. [*Сганарелю*] Пойдемте, оставим их вдвоем.

Сганарель

Зачем? Я хочу быть здесь.

Лизета

Да вы смеетесь, что ли? Надо нам удалиться. Врачу приходится задавать множество таких вопросов, на которые неприлично отвечать в присутствии мужчины.

[*Сганарель и Лизета отходят в сторону*]

Клитандр [*тихо Люсинде*]

Ах, сударыня, в каком я восторге! И как плохо я знаю, с чего мне начать свою речь! Пока я разговаривал с вами одними взглядами, мне казалось, что я бог знает сколько должен вам сказать; а теперь, когда я волен беседовать так, как мне хотелось, я замираю в смущении и великая радость сковывает все слова.

Люсинда

То же могу сказать и про себя. Я, как и вы, чувствую радостное волнение, мешающее мне говорить.

Клитандр

Ах, сударыня, сколь бы был я счастлив, если бы вы и впрямь чувствовали то же, что и я, и если бы мне дозволено было судить о вашей душе по своей собственной. Но смею ли, по крайней мере, верить, что вам, сударыня, обязан я изобретением этой счастливой уловки, которая доставляет мне радость вас лицезреть?

Люсинда

Вы обязаны мне если и не самой выдумкой, то, по крайней мере, тем, что я одобрила ее с большой радостью.

Сганарель (*Лизете*)

Он, кажется, уж слишком близко к ней наклоняется.

Лизета

Это он обследует ее физиогномику и все черты ее лица.

Клитандр (*Люсинде*)

Будете ли вы, сударыня, постоянны в проявлениях такого ко мне милосердия?

Люсинда

А сами вы будете ли крепко держаться принятых вами решений?

Клитандр

Ах, сударыня! До самой смерти. Нет у меня более сильного желания, чем принадлежать вам, и вы увидите, что я докажу это своими поступками.

Сганарель [*Клитандру*]

Ну, как наша больная? Мне кажется, она чуть-чуть повеселела.

Клитандр

Дело в том, что я уже применил к ней одно из средств, предписанных моей наукой. Поскольку душа обладает большою властью над телом и зачастую болезни происходят от нее, то у меня в обычае — сперва поспешить на помощь душе, а затем уже приниматься за тело. Поэтому я ознакомился с ее взглядом, с чертами ее лица и линиями обеих рук и с помощью знания, ниспосланного мне небесами, убедился, что она больна душою и что вся ее болезнь происходит только от необузданной фантазии, от противоестественного желания выйти замуж. Что до меня, то я не знаю ничего нелепее и смешнее этого стремления к браку.

Сганарель [*в сторону*]

Сразу видать ученого человека!

Клитандр

Я питаю и всю жизнь буду питать к браку непреодолимое отвращение.

Сганарель [*в сторону*]

Вот великий медик!

Клитандр

Но так как необходимо потворствовать больному воображению и так как я заметил в ней зачатки безумия, то я сыграл на ее слабой струнке и сказал ей, будто явился просить ее руки. Тотчас же лицо ее просветлело, глаза оживились, и если вы хотите несколько дней продержать ее в таком заблуждении, то вы увидите, как мы выведем ее из теперешнего состояния.

Сганарель

О, да! Я согласен.

Клитандр

А после мы пустим в ход другие средства, чтобы окончательно излечить ее от этой фантазии.

Сганарель

Разумеется, это лучше всего. Ну, вот, дочка: этот господин сказал мне, что хочет на тебе жениться, и я дал ему согласие.

Люсинда

Увы, возможно ли это?

Сганарель

Да.

Люсинда

В самом деле?

Сганарель

Да, да.

Люсинда [*Клитандру*]

Как? Вы расположены стать моим мужем?

Клитандр

Да, сударыня.

Люсинда

И батюшка согласен?

Сганарель

Да, дочь моя.

Люсинда

Ах, как я счастлива, если это правда!

Клитандр

Не извольте сомневаться, сударыня. Я не с сегодняшнего дня вас люблю и горю желанием стать вашим супругом. Я только для этого и явился сюда; и если хотите, чтобы я открыл вам истинное положение дела, то узнайте, что это платье есть лишь ложный предлог и что я притворился врачом лишь с целью к вам приблизиться и легче добиться своего.

Сганарель [*в сторону*]

Вот дура! Вот дура! Вот дура!

Люсинда

Итак, батюшка. вы согласны дать мне в мужья этого господина?

Сганарель

Конечно. Ну-ка, поскорей! Дай мне руку. Да и вы, сударь, протяните свою для пробы.

Клитандр

Но, милостивый государь...

Сганарель (*давясь от смеха*)

Нет, нет, это... это только так, чтобы ее ублаготворить.

Люсинда

Так составим же контракт, чтобы все было в порядке.

Клитандр

О сударыня, я готов от всей души. (*Тихо Сганарелю*) Я позову человека, который пишет у меня рецепты, и уверю ее, что это нотариус.

Сганарель

Великолепно.

Клитандр

Эй, просите сюда нотариуса, которого я привел с собой.

Люсинда

Как? Вы и нотариуса с собой привели?

Клитандр

Привел, сударыня.

Люсинда

Я в восторге.

Сганарель [*в сторону*]

Вот дура-то! Вот дура!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нотариус, Клитандр, Сганарель, Люсинда, Лизета
(*Клитандр тихо разговаривает с нотариусом*)

Сганарель [*нотариусу*]

Да, сударь мой, нужно составить контракт для этих двух молодых людей. Пишите. [*Люсинде*] Вот уже составляют контракт. [*Нотариусу*] Я даю ей в приданое двадцать тысяч экю. Пишите.

Люсинда

Я от души вам признательна, батюшка.

Нотариус

Вот и готово. Вам остается только поставить подпись.

Сганарель

Быстро же вы сварганили этот контракт.

Клитандр [*Сганарелю*]

Но, по крайности, сударь...

Сганарель

Ну, конечно, нет... Ведь мы с вами знаем... [*Нотариусу*] Дайте же ему перо для подписи. [*Люсинде*] Ну же, подписывайся, подписывайся. Ладно, ладно, я сам сейчас подпишу.

Люсинда

Нет, нет, я хочу, чтобы контракт был у меня в руках.

Сганарель

Ну, хорошо. Держи. [*Подписывается*] Довольна ты теперь?

Люсинда

Так довольна, что и вообразить невозможно.

Сганарель

Вот и отлично, вот и отлично.

Клитандр

Между прочим я позаботился не только о нотариусе, а еще привел с собой певцов, музыкантов и танцовщиков, чтобы отпраздновать свадьбу и позабавиться. Позовите их. Этих людей я повсюду вожу с собой и пользуюсь ими, чтобы с помощью гармонии и ритма умиротворять расстроенные души.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Комедия, Балет, Музыка (*вместе*)

Без нас все недужны,
Никто не здоров,
И лучших не нужно,
Чем мы, докторов.

Комедия

Кто рад без возврата
Отправить к шутам
Пары, инфильтраты
И прочий весь хлам —
Забыв Гиппократа,
Пусть жалует к нам.

(*Все вместе*)

Без нас все недужны,
Никто не здоров,
И лучших не нужно,
Чем мы, докторов.

(*Пока Игры, Веселья и Удовольствия танцуют, Кинтандр уводит Люсинду*)

Сганарель

Вот занятный способ лечить болезни. Но где же моя дочь и медик?

Лизета

Они пошли доканчивать свадьбу.

Сганарель

Как так — свадьбу?

Лизета

Да что ж, сударь! Птичка попалась в сеть. Вы думали играть игру, а она обернулась правдой.

Сганарель

Ах, чорт возьми! [*Хочет бежать за Клитандром и Люсиндой, но танцовщики преграждают ему путь*] Пустите меня! Пустите, говорят вам! [*Те продолжают его удерживать*] Да уйметесь ли вы? [*Они хотят силою заставить Сганареля плясать*] Ах, провалитесь вы все!

МИЗАНТРОП

Le Misanthrope

Перевод М. Е. Левберг

Мизантроп (*Le Misanthrope*), завершающий «трилогию» великих сатирических комедий Мольера, был написан в самый напряженный период его деятельности, когда Мольеру приходилось с огромными усилиями отстаивать свое право на творчество против натиска придворно-клерикальных кругов.

Творческая история *Мизантропа* начинается у порога борьбы, развернувшейся вокруг *Тартюфа*. По сообщению Гримаре, первый акт *Мизантропа* читался автором в частных домах еще в 1664 г. Первое же представление комедии состоялось 4 июня 1666 г. Ни над одной своей комедией Мольер не работал так долго, и ни одна из них не была принята зрителем настолько неуверенно. Гримаре говорит даже о полном провале *Мизантропа*. По его словам, когда Мольер после премьеры «вернулся в свой кабинет, он сел работать над *Лекарем поневоле*, чтобы поддержать *Мизантропа*, второе представление которого было еще слабее первого... Третье было еще менее счастливым, чем предшествующие...»

Однако новейшие исследования внесли поправки в эти утверждения. В частности, Мишо установил, что *Лекарь поневоле* был сыгран вместе с *Мизантропом* только через два месяца после премьеры, когда *Мизантроп* успел пройти без всяких добавлений 21 раз.* Из приходо-расходной книги Лагранжа видно, что если первое представление *Мизантропа* принесло театру 1447 ливров, то второе двумя днями позже дало уже 1617 ливров.

Возобновленная вместе с *Лекарем поневоле*, пьеса выдержала в течение года 34 представления — цифра по тому времени

---

* G. Michaut. *Les luttes de Molière*, P. 1925, pp. 204—205.

немалая. Затем в 1667 г. *Мизантроп* прошел четыре раза, в 1668 г. — два, в 1669 г. — четыре, в 1670 г. — шесть, в 1671 г. — четыре и в 1672 г. — пять раз.

После того как остыл интерес новизны, *Мизантроп* стал привлекать меньшее количество зрителей, чем предшествующие комедии Мольера. Такое положение вещей сохранилось и впоследствии. Так, по подсчету Э. Ригаля, с 1680 по 1906 г. *Мизантроп* шел в театре Французской комедии 1233 раза, тогда как *Тартюф* выдержал за то же время 2111 представлений.

Современники отнюдь не лишали *Мизантропа* своих похвал. Они называли его «неподражаемым шедевром» (Сюблиньи), говорили, что «Мольер ничего не создавал более высокого» (Робине). Эти похвалы исходили по большей части из придворных кругов, с которыми Мольер находился в давнишней вражде. Загадочен самый факт сопровождения первого издания *Мизантропа* вступительным письмом того самого Донно де-Визе, который еще недавно, во время полемики вокруг *Урока женам*, вел ожесточенную пасквильную кампанию против Мольера.

Как объяснить все эти похвалы? Современники выражали в один голос свое восхищение формой *Мизантропа*, высоким «благородством» его стиля, «наилучшей украшенностью» забавных и серьезных элементов комедии. Один только газетчик Робине, довольно близкий Мольеру, восхвалял также моральное содержание пьесы. Но при этом он как бы *защищал* Мольера и пытался согласовать свою похвалу с требованиями враждебных драматургу кругов, сравнивая Мольера с проповедниками и указывая на сходство его морали с христианской. Кроме того он как бы рекомендовал пьесу «прециозным» кавалерам и восхвалял трех исполнявших ее актрис (Арманду Бежар, де-Бри, Дюпарк), как «трех граций, увлекающих амуров вслед за собой».

Таким образом самая гневная комедия Мольера удостоилась сочувственной эстетической и моральной оценки как раз тех кругов, против которых она была направлена. Таково было первоначальное значение «высокой», классической формы комедии,

в которой некоторые исследователи находят даже немало элементов «прециозности».* Яд подавался в стихах «самых очаровательных в мире», как оценил их в придворной газетке *Muse Dauphine* Сюблиньи.

Только компромиссная форма комедии и была воспринята современниками.

Мизантроп — как правильно отметил Вольтер — был «произведением, написанным скорее для умных людей, чем для толпы» Придавая своему комическому герою серьезное обличие, Мольер задал современникам неразрешимую для них загадку. Загадочным был герой *Мизантропа*; над ним как будто бы и можно было посмеяться, но лишь до известного предела, за которым мораль пьесы неожиданно раздваивалась между гневным протестом Альсеста и умеренностью Филинта.

За кем идти? Кто герой пьесы — Альсест или Филинт? Этот вопрос в течение двух с половиной веков разделял критику на два лагеря. И спор этот был не узко литературным. Речь шла об общественном содержании комедии, о том, признать ее революционной или консервативно-охранительной. В ходе спора Альсест и Филинт — бунтарь и соглашатель — создавали определенное размежевание в рядах критики. Это не трудно увидеть, представив хотя бы конспективно ряды сторонников обоих героев *Мизантропа*.

Нельзя недооценивать исторического значения этого спора о двух полюсах *Мизантропа*. За симпатиями к Альсесту или Филинту стояли разные классовые мировоззрения, которые и создали в конечном счете различные традиции в понимании темы и жанра *Мизантропа*. Сторонники Альсеста всячески подчеркивали в пьесе ее устремленность к трагедии. По мнению Гете, например, рядом с *Мизантропом* «сюжет Тимона кажется комическим». Такой взгляд поднимал социально-обличительное значение пьесы. Напротив, реакционная критика всегда считала *Мизантропа* забавной комедией, имеющей целью посмешить светских людей. Именно эта тенденция возобладала в эпоху империализма.

---

* См. книгу F. Baumal. *Molière auteur précieux.*

Новейшие французские мольеристы во главе с Мишо все чаще возвращаются в понимании пьесы к оценкам аристократических современников Мольера. Всю социальную проблематику *Мизантропа* Мишо сводит к вопросу о том, «каким образом примирить в свете обязательность и необходимую вежливость с заботой об истине». Задача Мольера, по Мишо, — комическое обуздание непримиримо и невежливо протестующего героя, за которым, впрочем, признаются некоторые «верные мысли» и принадлежность к числу «порядочных людей» (honnêtes gens).

Разоблачающая мизантропическая «истина» теряет при такой трактовке пьесы всю свою действительную силу, практически отступая перед «необходимой вежливостью». Законом пьесы остается охранительная тенденция господствующего класса.

На основе этой оценки выдвигается и положительная теория: Мольеровский комизм казнит «крайности», т. е. преступления против правила «золотой середины». Вся партия Филинта в европейской критике стойко держится такого понимания пьесы. Ибо «золотая середина» — это «мудрое» и «снисходительное» отношение к людским порокам.

Одним из первых вдохновителей теории «золотой середины» в ее применении к Мольеру был Конде, отметивший, что Альсесту «нехватает самых малых достоинств — некоторой терпимости и известной мягкости». Несомненно, что с этими качествами молодой мизантроп был бы вполне мирным дворянином.

Немалое значение для уяснения идеологического смысла комментариев *Мизантропа* с позиций «золотой середины» имеют литературные попытки «исправить» крайности пьесы.

Укажем, например, на редакционную «поправку» безымянного немецкого переводчика середины XVIII века, приписавшего к *Мизантропу* благополучную развязку (в немецком издании Мольера 1752 г.). В конце комедии Селимена не уходит после упреков Альсеста, но, потрясенная ими, соглашается отказаться от света и последовать за героем. Видя, что Альсест не верит ей, Селимена обвиняет во всем свою молодость, а также отталкивающее влияние мизантропии своего возлюбленного. Слезы Селимены заставляют Альсеста раскаяться и отречься от крайностей своего сатирического умонастроения. Он примиряется

с действительностью и становится другом людей, т. е. добрым немцем и семьянином.

Аналогичную попытку исправить мизантропические крайности пьесы дал Мармонтель в одном из своих *Моральных рассказов* (*Le Misanthrope corrige*, 1787). Убежавший, по литературному обычаю XVIII века, в деревню, подальше от испорченной цивилизации, Альсест встречает здесь аристократа-филантропа которого Мармонтель рисует ангелом-хранителем своих крепостных крестьян. Увлекшись этим идиллическим примером молодой мизантроп прозревает и находит счастье и цель существования в благотворительной деятельности, выдержанной в христианско-сентиментальном духе.

Полностью возвращается к тенденции открывать *Мизантропа* ключом «золотой середины» современная буржуазная критика, в частности — Мишо. По его мнению, «нельзя в свете говорить всю истину... беспощадно и безоговорочно, подобно свидетелю перед трибуналом; жизнь в обществе несовместима с такой взрывчатой искренностью. Пример Альсеста назначен к тому, чтобы показать: он наказан потому, что отошел от золотой середины»... *

В руках Мишо вся интрига *Мизантропа* расчленяется в духе ортодоксальной классической симметрии: в золотой середине комедии — «равно далекие от вероломной неискренности и грубой откровенности» Элианта и Филинт. По одну сторону от них — Оронт и Селимена, злоупотребляющие светскими условностями и лицемерием. По другую — Альсест и Арсиноя, равные правонарушители «необходимой вежливости» аристократического салона. Наиболее показателен здесь общий комический «паспорт», выданный Мишо Альсесту и Арсиное, т. е. вольнодумцу и ханже. Формальный критерий был в данном случае решающим для Мишо.

Если возможность противоречивых истолкований *Мизантропа* обусловлена двойственностью самой пьесы, то бесспорным остается одно: Мольер не поднял бы на такую высоту свою комедию, если бы этого не требовала от него *тема изменения существующего мира*. Но каково направление нового мольеровского

* G. Michaut. Op. cit., p. 225.

мира? В пьесе нигде нет прямых указаний на его положительную программу. Более того: во времена Мольера критика, направлявшаяся против абсолютизма, в различных случаях была далеко не однородной. Мизантропы были и в лагере феодальной фронды. Такие люди старой аристократической складки, как Ларошфуко и особенно Сент-Эвремон, выпустили немало отравленных стрел и горьких насмешек по адресу двора и высокого «света». Надо, следовательно, перенести внимание на самое содержание и характер социального отрицания, заложенного в *Мизантропе*.

Многим исследователям и критикам не раз бросалось в глаза полное отсутствие пессимизма в Мольеровской комедии. В самой литературной истории типа мизантропа пьеса Мольера сказала в этом отношении новое слово.

Сохранившаяся опись библиотеки Мольера свидетельствует, что ему был знаком образ знаменитого афинского пессимиста Тимона — по Плутарху и по *Диалогам* Лукиана. Но ничто, кроме некоторых черт формальной аналогии, не связывает Тимона с Альсестом. Напротив: между обоими образами лежит глубокая принципиальная пропасть. Мизантропия Тимона эгоистична. Недаром у Лукиана этот афинский аристократ, вновь приобретя богатство, использует погубившую его силу золота лишь для торжества личной мести против изменивших ему друзей и льстецов.

В противоположность мизантропии Тимона, «мизантропия» Альсеста глубоко принципиальна в общественном отношении. Отнюдь не личная судьба воспитывает в нем мизантропа. И даже мотив неудачной любви к Селимене не играет в данном отношении сколько-нибудь определяющей роли: в решающий момент разрыва с лицемерной кокеткой общественная принципиальность героя отчетливо доминирует над личной катастрофой. Общественная тема героя бесспорно выше и шире его любовной интриги и вообще *не укладывается в рамки его личных столкновений и неудач*.

В критике делались еще попытки связать мизантропию Альсеста с мотивом несправедливо затеянного против него процесса. Однако и в данном случае логика комедии опровер-

гает такое понимание, скрывающее за собой все ту же тенденцию умалить социальный смысл интриги *Мизантропа*. Недаром Альсест отказывается ходатайствовать в духе времени перед своими судьями и даже выражает готовность проиграть процесс во имя торжества своей обличительной сатиры.

Если уж искать литературных предков *Мизантропа*, то едва ли можно идти дальше *Вдовы* Пьера Корнеля (1633).

Герои *Вдовы* Альсидон и Филист представляют собой первоначальный набросок образов Альсеста и Филинта. В одной из сцен корнелевской комедии прямодушный Альсидон, падкий на обличительные речи, заявляет: «Свет, по крайней мере, в большинстве своем по качествам своей души не многого стоит, и век, в котором мы живем, полагает добродетелью скрывать себя под маской. Стоит кому-нибудь сказать четыре слова — и в них уже непременно заключен двойной смысл, имеющий целью обмануть нас». На что Филист, вполне в духе Филинта, выражает изумление перед такими огорчениями своего впечатлительного друга, ибо «дадим течь веку и вопреки его злоупотреблениям всегда довольны будем» (акт 3-й, явл. 3-е).

В комедии Корнеля мизантропический эпизод имеет лишь частное значение. У Мольера он вырос в основную тему комедии, и, однако, в обоих случаях явственно звучит стремление сбросить маску с дворянского общества, чтобы обнажить всю разорванность и непрочность его социальных связей.

Борьба с лицемернейшим «эгоизмом» как явлением общественного распада, при котором само общество и государство становятся лишь средством личного преуспеяния, является глубочайшей идейной основой *Мизантропа*. Формула абсолютизма «государство — это я» разменивается в придворной дворянской среде на мелкие страсти «предательства, измены, плутней, лести»; за этими моральными качествами стоит политика, воспитавшая их. Разоблачая в этом направлении светское лицемерие, Мольер стоял на пути к политической критике государственной системы абсолютизма. Под обличием светской комедии о герое, нарушающем салонные приличия, таились зерна политической сатиры. Вопрос может стоять лишь о последовательности и границах этой сатиры.

Бесспорно, что по отношению к теме борьбы с распадающимся аристократическим обществом резкость и непримиримость Альсеста являются чертами *героическими*. Отнюдь не отсюда исходит его комизм. Мольер заинтересован во *внутреннем отчуждении своего героя от дворянской среды*; этой задаче и служит правдолюбивая резкость в характере Альсеста. Не случайно молодой мизантроп относится к правилам «необходимой вежливости» не формально. Все чрезвычайные героические крайности в поведении героя нужны комедии, чтобы все время обнаруживать в нем человека иного мира.

Классическая драматургия не знала ни Vorgeschichte ни вообще развития характеров в самом действии, которое начиналось обычно с момента рационально положенной центральной ситуации, логически близкой к развязке. Альсест вступает в комедию уже вполне подготовленным для конфликта с обществом. Зрителю не дана «биография» этого конфликта, но лишь его «очищенное» рациональное содержание. Тем самым оно получает возможность выразить себя в условных отношениях.

Необходимо решительно разойтись с буржуазной критикой, готовой полностью героизировать социальное содержание образа мольеровского Мизантропа и не придавать в этом направлении никакого значения его комическим чертам (по А. Веселовскому, например, комизм Альсеста — лишь вопрос его «темперамента»).

Госпожа Сталь проницательно отметила компромиссную сословную сторону в комедийности *Мизантропа*: «То, что нравится повертывать в насмешку во времена монархии — это несоответствие манер с принятыми обычаями». Но какое место и значение имеет «монархическая» направленность смеха в «республиканской» комедии Мольера?

Не из отрицания самого принципа социальной непримиримости Альсеста вырастает комизм этого образа: интрига полностью лишена смеха там, где этот принцип дается в своем общем содержании, опирающемся на высокое «правдолюбие». Но в то же время нетрудно заметить определенное комическое несоответствие, несоразмерность между принципиальным содержанием гневной критики Альсеста и отдельными случаями ее

применения. Все эти случаи состоят в том, что честная буря Альсеста разряжается порой на мелочах, т. е. в ложном направлении (сцена с сонетом Оронта и др.).

Если трагично одиночество Альсеста в дворянском обществе, то комичны его слепые попытки навязать этому обществу принципы, принять которые оно могло бы, только уничтожив себя. В этом направлении героическое содержание образа Альсеста приобретает определенный оттенок *донкихотства*. И здесь проявляется глубокий реализм Мольера.

Высокое и смешное слилось в его комедии, как сливается в ней устремление к новому миру с горьким неверием в возможность достигнуть его в рамках существующего аристократического «света». Трагедия Альсеста повертывается комической стороной именно в силу социально-практической нереальности его слепого донкихотского желания навязать старому миру новую мораль. Суровая правда становится смешной, едва она пытается выступать только в форме критики света.

Мольер боролся за мораль, которая неизбежно сталкивалась с «эгоистическими» связями аристократического общества. В *Мизантропе* устремление к морали буржуазного общественного целого выражено с огромной силой. Вне этой предпосылки едва ли может быть понят героический пафос Альсеста. Но как раз абстрактная догматичность общественной морали Альсеста и приводит его к комическим положениям. Так, Филинт советует своему другу ходатайствовать по поводу его тяжбы перед судьями. Это был обычай века и, пожалуй, единственная возможная форма реальной защиты своего права. Альсест разражается громким протестом: он довольствуется абстрактным представлением об общественной справедливости и не предпримет никаких шагов, гордо требуя от людей только «разума» и только «истины». На такое абстрактное отношение к человеку Мольер и кладет свою комическую краску, не лишенную, впрочем, горечи.

Для Альсеста существуют только «люди вообще» — будь они парламентские судьи, придворные стихотворцы или светские женщины-кокетки. Перед всеми ими герой в равной мере развертывает свой неумолимый трибунал разума, тогда как поводом

к судилищу выступают лишь «простительные грешки» вполне сознающих свой интерес людей.

Нужна была великая мольеровская мудрость, чтобы, сохраняя основную направленность и высоту сатиры, всем ходом интриги комически карать своего высокого героя как раз в самой чувствительной, в самой интимной сфере его частного интереса. Ведь, комизм интриги *Мизантропа* только в том и заключается, что в течение всей пьесы Альсесту никак не удается закончить решительное объяснение с Селименой, так как героя все время прерывают.

Понятно, что хочет сказать такая интрига: поучая других летать на крыльях отвлеченного «разума» и отвлеченной «добродетели», Альсест непростительно забывает о законах естественной природы человека, основанной на реальных потребностях и интересах.

Таким образом, если общая проблема возвышения интересов общественного целого и упиралась для Мольера в преодоление «эгоизма», то, в сущности, примирения личного и общественного начала в рамках буржуазно-дворянского мира Альсест не находит. Таков последний и действительно глубокий реалистический вывод комедии. Особый смысл приобретает в этом отношении и «незаконченная» развязка *Мизантропа*: Мольер словно предоставляет решение поставленного им вопроса будущему. Но возможность его положительного решения все же сохраняется, ибо возвышение общественного пафоса героя над всеми его личными неудачами несомненно сильнее комического действия интриги. Случай Альсеста говорит лишь о том, что достижение общественной гармонии невозможно на пути отвлеченного снятия естественной реальной стороны «эгоизма».

И как раз в этом пункте буржуазия XVIII века никак не могла согласиться с Мольером, направив против его реализма свою рационалистическую общественную мораль.

Идеологи третьего сословия не могли вытерпеть, что Мольер сделал своего добродетельного героя смешным. Известно, например, как хотел бы переделать *Мизантропа* Руссо: «Нужно было бы, чтобы Мизантроп всегда был неистов против общественных пороков и всегда спокоен по отношению к личному

злу, жертвой которого он становится. Напротив, философ Филинт должен рассматривать все непорядки общества со стоической флегмой и приходить в ярость от малейшего зла, которое обращено непосредственно на него».

Конечно, такая поправка была бы равносильна уничтожению комической интриги пьесы и ее реалистической основы. Мнение Руссо стало мнением века. На подступах к своей революции буржуазия могла принять только героическое содержание *Мизантропа*, но слишком опасной для нее оказалась заключенная в комедии улыбка: она грозила разоблачить всю ту донкихотскую «гармонию» интересов, которая так недолго держалась на высоте сентиментального героизма.

Для буржуазии позднейших эпох истинное понимание *Мизантропа* уже совсем недоступно. У Лабиша есть комедия, где герой, буржуа-мизантроп, убежденный в отсутствии честности на земле находит, наконец, себе подходящего слугу-овернца, вменив ему в обязанность при всех обстоятельствах говорить только правду. Через несколько часов почтенный буржуа должен был уволить своего усердного овернца, потому что тот, говоря правду, едва не перессорил его со всей семьей и друзьями (*Le Misanthrope et l'Auvergnat*, 1852).

Великая когда-то тема превратилась в легкий водевиль.

В. Блюменфельд

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Альсест, влюбленный в Селимену.
Филинт, друг Альсеста.
Оронт, влюбленный в Селимену.
Селимена.
Элианта, кузина Селимены.
Арсиноя, подруга Селимены.
Акаст, Клитандр } маркизы.
Баск, слуга Селимены.
Офицер суда маршалов Франции.
Дюбуа, слуга Альсеста.

Место действия — Париж [дом Селимены]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филинт, Альсест

Филинт

Что с вами? Почему?

Альсест

Оставтее, умоляю.

Филинт

Чудачеств ваших я совсем не понимаю.

Альсест

Уйдите, говорю, и спрячьтесь поскорей.

Филинт

Обычно, не сердясь хоть слушают людей.

Альсест

Сердиться буду я, а слушать вас не буду.

Филинт

Печали вашей мне не разгадать причуду.
Хоть с вами мы друзья, но я готов сказать...

Альсест

Друзья? Со счета вам пора меня списать.
Да, дружбу нашу сам я признавал доселе,

Но показали вы теперь себя на деле,
И прямо я скажу: мы больше не друзья;
В испорченных сердцах не жажду места я.

Филинт

Ужель мои, Альсест, так тяжки прегрешенья?

Альсест

Должны бы от стыда сгореть вы, без сомненья;
Нельзя ничем такой поступок извинить
И чувство чести впрямь он должен возмутить.
Как этот человек был нежно встречен вами!
Вы пылкими его осыпали словами,
И только весь запас восторгов истощив,
Объятьем, наконец, скрепили свой порыв.
Но вот, на мой вопрос о господине этом,
Вы, имя позабыв, промедлили с ответом,
И кстати (с глаз долой — скорей из сердца вон)
Признались, что вполне вам безразличен он.
Постыдно, чорт возьми, могу вас в том уверить,
Наперекор душе так низко лицемерить!
Будь в прошлом у меня подобное пятно,
От огорченья я повесился б давно.

Филинт

Проступок слишком мал и тяжко наказанье;
Примите, я молю, все это во вниманье
И, грозный приговор смягчив хотя б слегка,
Уж разрешите мне не вешаться пока.

Альсест

Плохая острота не достигает цели.

Филинт

Но не шутя, Альсест, чего бы вы хотели?

Альсест

Чтоб люди честь свою и искренность блюли,
Чтоб речи их всегда от сердца прямо шли.

Филинт

Когда мне человек бросается на шею,
Как обойду его я ласкою своею?
Услугой мы должны услугу награждать
И клятвою скорей на клятву отвечать.

Альсест

Нет, низких этих я не выношу повадок,
Хоть модный свет до них и поголовно падок,
И даже злейший мне не так противен враг,
Как вздорная толпа напыщенных ломак,
Которые ко всем с лобзаньем лезут сразу,
Всем говорят равно бессмысленную фразу
И, всех превосходя учтивостью своей,
Достойных от пустых не отличат людей.
Ценить ли нам того, кто примет нас сердечно,
Любить и уважать нас поклянется вечно
И громко нам хвалу воздаст, а через час
Другому изольет потоки тех же фраз?
Нет, ежели в душе высокое таится,
Она с развратом чувств не может помириться,
И гордый человек обиды чует яд,
Когда его в один со всеми ставят ряд.
Основой добрых чувств я мыслю предпочтенье:
Не стоит ничего к вселенной уваженье!
Вы, если модный вас уж заразил недуг
(Будь проклят я!), войти не можете в мой круг.
Я в дружбе не приму терпимости широкой;
Считаю меж людьми я разницу глубокой,
Хочу, чтобы меня не путали ни с кем,
И с общим другом мне не по пути совсем.

Филинт

Но в свете мы живем, и требуют приличья
Любезность соблюдать со всеми без различья.

Альсест

Безжалостно карать нам это долг велит.
Позором дружба нас поддельная клеймит.
Нет, человеком будь! Пускай при каждой встрече
Из глубины души твои исходят речи!
Дай говорить душе, правдивых чувств своих
За маской не тая любезностей пустых.

Филинт

Бывает иногда — граница тут известна —
Такая прямота смешна и неуместна.
Мы — строгости скажу я вашей не в укор —
Должны порой идти душе наперекор.
Как, отдавая дань законам обхожденья,
Всем выражать в лицо действительные мненья?
И если кто-нибудь противен иль смешон,
Ужель от нас узнать про это должен он?

Альсест

Да.

Филинт

Сделали бы вы Эмилии признанье,
Что ей пора забыть свое очарованье,
Что в возрасте ее белила режут глаз?

Альсест

О, да.

Филинт

Сказали б вы: «О предках, Дорилас,
И о себе самом болтая столько чуши,
Придворным всем давно вы прожужжали уши?»

Альсест

Ну, да.

Филинт

Зачем шутить?

Альсест

Я вовсе не шучу
И никого щадить отныне не хочу.
Давно уже мне двор и общество постыли
И горечью мою всю душу отравили.
Болею я тоской, грызет меня недуг,
Как только посмотрю я на людей вокруг.
Куда ни оглянусь, все малодушно льстивы,
Корыстны и хитры, подлы, несправедливы;
Нет сил терпеть, бешусь, и мне один исход —
Предать презрению людской ничтожный род.

Филинт

От философских дум вы впали в исступленье;
Признаться, мне смешно такое огорченье;
Когда бы братьев двух достались роли нам,
Могли бы разыграть и мы *Урок мужьям*,
Где...

Альсест

Без сравнений вы не обойдетесь пресных!

Филинт

От выпадов пора отвыкнуть неуместных.
Как ни старайтесь вы, все тем же будет мир,
И раз из прямоты вы создали кумир,
Я прямо вам скажу, что ваш безумный ропот
Решительно везде уж вызывает хохот.
Страсть вечно нападать на наши времена,
По мненью многих лиц, нелепа и смешна.

Альсест

Тем лучше, чорт возьми! Приятно это мненье.
Как добрый знак, оно дает мне облегченье.
Так ненавистны мне людишки все кругом,
Что не хочу я им казаться мудрецом.

Филинт

Вы злобою полны к людскому роду страстной.

Альсест

Да, ненавистью я горю к нему ужасной.

Филинт

Как? Исключенья вы не обрели ни в ком
И ненавидеть мир хотите целиком?
Людей хороших я и в наше время вижу.

Альсест

Без исключенья я всех смертных ненавижу:
Одних — за то, что злы и причиняют вред,
Других — за то, что к злым в них отвращенья нет,
Что ненависти их живительная сила
На вечную борьбу со злом не вдохновила.
О, эта широта оправдана вполне!
С мошенником пришлось судиться явным мне;
Под маскою не скрыть предательского лика,
Насквозь он виден всем, от мала до велика;
Его умильный взгляд и вкрадчивая речь
Приезжих из глуши способны лишь увлечь.
Мы знаем, негодяй достоин кары строгой;
Он в общество проник сомнительной дорогой
И свой успех купил ценою темных дел.
Всяк возмущался им, всяк за него краснел!
Позорными давно он заклеймен словами;
Защитников найти не может между нами;
Скажите, что он плут, подлец из подлецов, —

Никто опровергать не станет ваших слов;
Но терпят, между тем, везде его кривлянья,
Добьется он у всех улыбки и вниманья,
И если в чем-нибудь протекция нужна,
Не лучшим, а ему достанется она.
Проклятие! Душа поражена смертельно
Тем, что у нас порок шадится беспредельно,
И вспыхивает вдруг порой в душе моей
Желание бежать в пустыню от людей.

Филинт

О боже, так нельзя скорбеть о нравах века;
Прошу вас, пощадим природу человека.
Не должен быть наш суд над ближними суров;
Отпустим людям часть их маленьких грехов;
Сговорчивой в миру пусть добродетель будет,
Иначе мир ее безжалостно осудит.
Всех крайностей велит нам разум избегать
И даже нравственность лишь в меру соблюдать.
Мужи веков былых чисты и величавы,
Их доблести чужды теперешние нравы;
Мы прежних совершенств не можем воскресить
И времени должны без боя уступить.
Безумцем назовем того мы, без сомненья,
Кто в нашу жизнь внести затеет исправленья.
За многим, как и вы, я каждый день слежу,
И многое дурным на свете нахожу,
Но что бы ни пришлось мне видеть ежечасно,
Я изливать свой гнев не стану громогласно;
Какими они есть, привык я брать людей;
Терпимость к их делам растет в душе моей,
И разум мне твердит, что и двору, и свету
Философ бы явил не желчь, а флегму эту.

Альсест

Изволите красно вы, сударь, рассуждать,
Но равновесье всем случается терять.

А если лучший друг изменит вам случайно,
А если разорить вас затевают тайно
Иль распустить про вас стремятся злостный слух, —
Ужель невозмутим останется ваш дух?

Филинт

Я вижу слабости, что гнев в вас пробудили,
Но от природы мы все это получили,
И человеком я не боле возмущен,
Когда пристрастен, зол или коварен он,
Чем мыслию о том, что ястреб плотояден,
Мартышка зла, а волк свирепый кровожаден.

Альсест

Я дам себя предать, измучить, разорить,
Но только... Чорт возьми! Что с вами говорить?
Вся ваша речь меня глубоко возмущает.

Филинт

Ей-богу, помолчать, Альсест, вам не мешает!
Чем преданных людей напрасно обличать,
О деле б вы своем взялись похлопотать.

Альсест

Не буду, повторять мне это надоело.

Филинт

Но кто ж отстаивать берется ваше дело?

Альсест

Кто? Правота моя, и разум, и закон.

Филинт

Намерены ль идти вы к судьям на поклон?

Альсест

Нет. Ведь права мои не подлежат сомненью.

Филинт

Согласен я, но все ж интриги, к сожаленью,
Сильны, и...

Альсест

Пальцем я решил не шевельнуть.
Моя тут правда.

Филинт

Ей легко вас обмануть.

Альсест

Не двинусь с места я.

Филинт

С врагом шутить опасно;
Ведь козни строит он, и, может быть...

Альсест

Прекрасно.

Филинт

Вы ошибетесь.

Альсест

Хочу узнать исход.

Филинт

Но...

Альсест

Ради этого пусть дело пропадет.

Филинт

Но все же...

Альсест

На суде мне станет очевидно,
Сколь сердце у людей коварно и бесстыдно,

Довольно ль скрыто в нем порочности и зла,
Чтоб там обида мне нанесена была.

Филинт

О, что за человек!

Альсест

Иду на пораженье,
Чтоб только увидать такое представленье!

Филинт

Уверен я, Альсест, раздастся дружный смех,
Когда свои слова вы скажете при всех.

Альсест

Тем хуже этим всем.

Филинт

Но безупречность эту,
Которую в закон вменяете вы свету,
И эту прямоту на жизненном пути
Ужель вам удалось в любимой обрести?
Я очень удивлен; ведь с миром, без сомненья,
Испорчены у вас навеки отношенья,
Он ненавистен вам, а между тем и вас
Влечет в нем только то, что восхищает глаз.
И — право, ничему я так не изумлялся —
Сердечный выбор ваш мне странным показался.
У Элианты к вам правдивой склонность есть,
Всем Арсиноя вас готова предпочесть,
Но разделить мечты вам неугодно эти,
Лишь Селимены вы терпеть готовы сети.
Кокетства много в ней, зла на язык она,
Для нравов наших дней как будто создана.
О, к нравам этим вы безжалостно суровы,
Но, видно, их сносить в красавице готовы.
Иль недостатков нет у милой никаких?
Вы стали слепы к ним? Или простили их?

Альсест

Хоть к молодой вдове любовью я пылаю,
На слабости ее глаза не закрываю,
И как бы ни велик был мой любовный пыл,
Я первый их узрел и первый осудил.
Но все же, каюсь я, напрасны все старанья;
Я слаб, а у нее есть дар очарованья,
Дурное в ней могу я видеть и судить,
Но все-таки ее не в силах не любить.
Я чарам поддаюсь, и страсть моя, быть может,
От модных ей грехов очиститься поможет.

Филинт

Не даром вы свой труд потратите тогда.
Так вы убеждены в любви ее?

Альсест

О, да!
Поверьте, я любить не мог бы безответно.

Филинт

Но если чувство к вам ее уже заметно,
Что̀ заставляет вас от ревности страдать?

Альсест

Душой ее я лишусь всецело обладать
И к ней пришел сейчас, чтоб объявить открыто
Все, что пока на дне моей души сокрыто.

Филинт

Когда б сказали мне: «Чего желал бы ты?» —
На Элианту я направил бы мечты.
Она к вам сердцем льнет, правдивым и надежным,
И счастье с ней для вас мне кажется возможным.

Альсест

Вы правы; каждый день мне это ум твердит,
Но пламенем любви не ум руководит.

Филинт

Дрожу за ваш я пыл; надежды эти хрупки,
И...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Оронт, Альсест, Филинт

Оронт

Элианты нет; узнал я, что покупки
Вновь увлекли ее, и Селимена с ней.
Сказали мне, что вы — в числе ее гостей.
Я поспешил сюда. Признаться мне приятно,
Что уваженье к вам мое невероятно,
О дружбе с вами я мечтаю уж давно
И верю, что сойтись нам ближе суждено.
Да, должное привык я воздавать заслугам;
Я пламенно хочу вам быть отныне другом.
Ведь, если о такой заходит дружбе речь,
Вы ею не должны, как будто, пренебречь.
Простите, сударь, но... беседую я с вами.

(*В это время Альсест погружен в глубокую задумчивость и не слышит, что Оронт обращается к нему*)

Альсест

Со мной?

Оронт

Моими вы оскорблены словами?

Альсест

Нисколько. Удивлен лишь чрезвычайно я:
Такая честь совсем нежданна для меня.

Оронт

Ужель вы от меня не ждали уваженья?
Вас должен почитать весь мир без исключенья.

Альсест

Но, сударь...

Оронт

Выше вас нет никого в стране,
И доблесть ваша нам уже ясна вполне.

Альсест

Но, сударь...

Оронт

Я готов отдать вам предпочтенье
Пред всем, что мне у нас внушает уваженье.

Альсест

Но, сударь...

Оронт

Рухни твердь, когда солгать я мог.
Позвольте мне сейчас дать чувств моих залог,
Объятия свои немедленно раскройте
И дружбою меня ответной удостойте.
Вот вам моя рука! Мне нужен ваш ответ:
Вы друг мне?

Альсест

Сударь, я...

Оронт

Как? Неужели нет?

Альсест

Огромна, сударь, честь такая, несомненно;
Но более должно быть чувство сокровенно,

И если не хотим мы дружбы оскорбить,
Не следует о ней без толку говорить.
На выборе ее основаны союзы;
Вслепую нам нельзя скрепить такие узы;
Чужими, может быть, друг друга мы найдем,
И каяться самим придется нам потом.

Оронт

Вот это, чорт возьми, разумное сужденье:
Оно, признаться, мне внушило уваженье.
Поможет время нам скрепить союз такой;
Пока же целиком располагайте мной,
И если вам двора желательно вниманье,
На короля могу я оказать влиянье.
Он слушает меня, со мною очень мил
И до сих пор всегда ко мне благоволил.
К услугам вашим я во всем, без исключенья,
И, высоко ценя ваш ум и ваши мненья,
Желая наш союз грядущий поддержать,
Прочту я свой сонет, чтобы от вас узнать,
Уместно ли его на суд представить света?

Альсест

На это, сударь, я дать не могу ответа.
Увольте.

Оронт

Почему?

Альсест

Порок есть у меня:
Немного чересчур правдив бываю я.

Оронт

Я правды и хочу; скорбел бы я душою,
Когда лукавить вы задумали б со мною,
Решившись утаить хотя бы и пустяк.

Альсест

Я выслушать готов вас, сударь, если так.

Оронт

«*Сонет*»... Итак, сонет... «*Надежда*»... Основанье
Мне для надежд дает прелестное созданье, —
Надежда... О, как далек от пышности сонет,
Но есть в нем простота, и негой он согрет.
(*При каждой паузе взглядывает на Альсеста*)

Альсест

Посмотрим.

Оронт

Может быть, найдутся недостатки.
Вполне ль мои стихи отчетливы и гладки?
Вполне ли я слова уместно подобрал?

Альсест

Увидим.

Оронт

Впрочем, я их быстро написал;
За несколько минут творение созрело.

Альсест

Не по минутам мы оцениваем дело.

Оронт

«Хотя дает надежда облегченье,
Баюкая тоску несносных дней,
Ее, Филида, грустно утешенье,
Когда ничто не следует за ней»

Филинт

Отрывком этим я вступительным пленен.

Альсест

Как, восхищает вас и в самом деле он?

Оронт

«Меня своим дарили вы приветом,
Но лучше бы его мне не видать,
А вам не быть такою щедрой в этом,
Чтобы потом одну надежду дать».

Филинт

Ах, сколько вы внесли изящества в отделку!

Альсест [*тихо Филинту*]

Вы смеете хвалить дурацкую безделку?

Оронт

«Но если вечно будет ожиданье,
Мой пыл мне принесет одно страданье,
И я в могиле обрету покой.
Меня утешить больше невозможно.
Прекрасная Филида, безнадежно —
Всегда гореть надеждою одной».

Филинт

Я негою пленен в терцете дивном этом!

Альсест (*в сторону*)

Поди ко всем чертям ты со своим терцетом;
Хоть нос бы об него ты поскорей сломал!

Филинт

Я боле мастерских сонетов не слыхал.

Альсест [*в сторону*]

О чорт!

Оронт

Вы льстите мне, считая, очевидно...

Филинт

Нет, вовсе я не льщу.

Альсест [*тихо Филинту*]

Предатель, как не стыдно!

Оронт

Иначе с вами мы условились сейчас:
Я отзыва просил правдивого у вас.

Альсест

Вы задали вопрос мне, сударь, щекотливый.
Конечно, нам всегда приятен отзыв льстивый.
Вот, кстати, некто — я не назову его —
Стихи мне показал изделья своего.
Сказал я, что всегда должно быть в нашей власти
В границах удержать писательские страсти
И, нетерпенья пыл покрепче обуздав,
Огласки не давать плодам своих забав.
Иначе в свете мы, помимо нашей воли,
Сыграем далеко не выгодные роли.

Оронт

Вам кажется, что я неверный путь избрал,
Желаньем возгорясь?..

Альсест

Не это я сказал.
Я говорил ему: «Холодное творенье
Дурное создает о человеке мненье.
Хоть тысячу заслуг других имеет он,
Судить его начнут с его дурных сторон».

Оронт

Как видно, вы нашли плохим мое созданье?

Альсест

Не это я сказал. Чтоб бросил он писанье,
Я доказал ему, что стихотворный пыл
Порядочно людей честнейших развратил.

Оронт

Похож ли я на них? Ужель пишу я скверно?

Альсест

Не это я сказал. Вот речь моя примерно:
«Какая вас нужда заставила писать?
Какой толкает чорт вас книгу издавать?
Простим мы бедняку изданье скверной книжки:
Ведь плохи без нее совсем его делишки.
Но вы должны соблазн преодолеть такой,
Не вынося забав своих на суд людской
И помня лишь одно, что б вам ни говорили:
Вы при дворе всегда аристократом слыли;
Но славой вас иной издатель наградит,
Вам званье дав: смешной, непризнанный пиит».
Старался я, чтоб он усвоил это ясно.

Оронт

Я понимаю вас, и это все прекрасно,
Но не коснулись вы сонета моего.

Альсест

По правде, спрячьте в стол подальше вы его.
Дурной пример повел по ложной вас дороге,
Естественности я не вижу в вашем слоге;
Хотя б: «Баюкая тоску несносных дней»,
Или: «ничто не следует за ней»,
Иль: «вам не быть такою щедрой в этом,

Чтобы потом одну надежду дать»,
Иль, например: «Филида, безнадежно —
Всегда одной надеждою гореть».

Да, вычурен тот стиль, которым вы горды;
Ему естественность и простота чужды.
Игрою праздных слов, напыщенностью моды
Вы рады подменить язык самой природы.
Безвкусием наш век в тоску вогнать готов;
При грубом нраве вкус был лучше у отцов,
И то, что среди вас слывет всего чудесней,
Я не могу сравнить с одной старинной песней:

«Когда б король мне подарил
Париж, свою столицу,
И я за это должен был
С голубкой распроститься,
Сказал бы я: «Король Анри,
Обратно свой Париж бери,
Милей моя голубка мне, — оге!
Милей моя голубка мне!»

Слог песни устарел, и рифма в ней бедна;
Но, согласитесь, все ж прекраснее она
Тех пустяков, что ум приводят в исступленье,
И страсти чистой в ней мы чувствуем горенье:

«Когда б король мне подарил
Париж, свою столицу,
И я за это должен был
С голубкой распроститься,
Сказал бы я: «Король Анри,
Обратно свой Париж бери,
Милей моя голубка мне, — оге!
Милей моя голубка мне!»

Здесь верный облик мы сердечных видим дум.
Да, смейтесь; во вражде со мной изящный ум,

Но выше это я ценю огней слепящих,
Что так в алмазах вам милы ненастоящих.

Оронт

Но от сонета я в восторге моего.

Альсест

У вас причины есть, чтоб защищать его.
Но разрешите мне иметь свои сужденья,
Не испросив у вас на это разрешенья.

Оронт

Однако за сонет хвалили все меня.

Альсест

Все лгали, но ко лжи не склонен вовсе я.

Оронт

Вам кажется, что вы умнее всех на свете.

Альсест

Нет, я тогда не то сказал бы о сонете.

Оронт

Похвал, поверьте, мне не надобно от вас.

Альсест

Придется обойтись без них на этот раз.

Оронт

Вот, если б в стиле том, хотя б для назиданья,
Сложили вы стихи такого содержанья.

Альсест

Столь скверные стихи я мог бы написать,
Но людям ни за что не стал бы их читать.

Оронт

Однако чересчур ваш тон самоуверен.

Альсест

Я фимиам курить отнюдь вам не намерен.

Оронт

Милейший, вас прошу переменить я тон.

Альсест

Высокочтимый, здесь вполне уместен он.

Филинт (*становясь между ними*)

Нельзя же, господа! Довольно, умоляю!

Оронт

Простите, виноват! Я место уступаю —
И, сударь, от души вам рад всегда служить.

Альсест

Имею, сударь, честь слугой покорным быть!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Филинт, Альсест

Филинт

Вот вам и результат правдивости чрезмерной:
Возитесь-ка теперь с историей прескверной.
Я видел, что Оронт хотел от вас похвал...

Альсест

Молчите!

Филинт

Но...

Альсест

Я связь меж нами всю порвал.

Филинт

Позвольте...

Альсест

Не хочу!

Филинт

Я...

Альсест

Что за словопренья!

Филинт

Но...

Альсест

Я не слышу.

Филинт

Все же...

Альсест

Опять!

Филинт

Я оскорбленья...

Альсест

Довольно, чорт возьми! За мною ни на шаг.

Филинт

Вы шутите, и я вас не оставлю так.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Альсест, Селимена

Альсест

Сударыня, сказать дозвольте напрямик,
Что к обращенью я такому не привык.
Все больше отдаюсь я горькому порыву
И вижу все ясней, что мы близки к разрыву.
Я обманул бы вас, не признаваясь в том;
Днем раньше, днем поздней к разрыву мы придем.
И вам хотя б сто раз пообещав другое,
Едва ли слово я сдержать бы мог такое.

Селимена

Насколько вижу я, чтоб ссориться опять,
Вы вызвались меня сегодня провожать?

Альсест

Я ссоры не ищу; но нрав у вас беспечный.
Стучаться в сердце к вам дерзает первый встречный.
Поклонников всегда вас осаждает рой,
И с этим не могу я свыкнуться душой.

Селимена

Ужель я за моих поклонников в ответе?
Могу ли я пресечь мои успехи в свете?

Иль жаждущих со мной увидеться людей
Гнать палкою должна я от своих дверей?

Альсест

Сударыня, в одном тут только сердце дело.
Зачем смотреть на всех так нежно и так смело?
Я знаю, вами все увлечены кругом
И держит всех в плену ваш ласковый прием.
Вы, пленников даря приветом и вниманьем,
Как будто со своим в союзе обаяньем;
Всех рады окрылить надеждой на успех
И каждый день бывать здесь приучили всех.
Когда бы милость вы дарили бережливо,
Поклонников ряды рассеялись бы живо.
Вот, кстати, я узнать хотел бы, почему
Благоволите вы к Клитандру своему?
Заслугами ль, душой достойной уваженья
Добиться он успел от вас расположенья?
Мизинца ноготь ли чудовищной длины
Причиною тому, что вы им пленены?
Иль отдаете дань, совместно с высшим кругом,
Вы парика его блистательным заслугам?
Иль пышность кружев вам поверх чулок мила,
Иль груда ярких лент к нему вас привлекла?
Иль обаяньем он своих ренграв просторных,
Прикинувшись рабом, побед достиг бесспорных?
Иль глупый смех его и жиденький фальцет
Вас тронуть помогли открыть ему секрет?

Селимена

О, приуныли вы из-за него напрасно!
Я ведь любезна с ним — вы знаете прекрасно —
Лишь потому, что он и все его друзья
Согласны на суде поддерживать меня.

Альсест

На проигрыш скорей вам следует решиться,
Чем с ненавистным мне соперником мириться.

Селимена

Однако вы ко всем готовы ревновать.

Альсест

А вы готовы всех приветливо встречать.

Селимена

Поддержкою служить должны бы вашей вере
Те милости, что всем дарю я в равной мере;
Причины для обид скорее мы найдем,
Когда заботиться я стану об одном.

Альсест

В сравненьи с ними я, с умом моим ревнивым,
Имею ль больше прав назвать себя счастливым?

Селимена

У вас сознанье есть, что вы любимы мной.

Альсест

Как это доказать моей душе больной?

Селимена

Сама об этом я сказала добровольно:
Признанья моего тут, кажется, довольно.

Альсест

Как убедиться мне, что в этот самый час
Другие тех же слов не слышали от вас?

Селимена

Вы языком любви владеете чудесно,
И ваше мненье мне, бесспорно, очень лестно;
Однако пусть от вас заботы отлетят:
Я все мои слова беру теперь назад.
Вас не обманут, нет! Обманывайтесь сами.
Довольны вы?

Альсест

Увы, пленен я слишком вами!
Ах, если б удалось из сердца вас изгнать,
За счастье б небеса я стал благословлять!
Запоров нет на нем, и велики старанья
Прервать любви моей ужасные страданья.
Но тщетно я в борьбу вступаю вновь и вновь:
Мне, видно, за грехи дана моя любовь.

Селимена

Вы нравы, чувств таких, как ваши, я не знаю.

Альсест

Да, миру целому тут вызов я бросаю.
Непостижима страсть великая моя;
Сударыня, никто так не любил, как я.

Селимена

Считаю вашу страсть ни с чем я несравнимой:
Вы любите затем, чтоб ссориться с любимой,
И можно угадать ваш пыл по злым словам.
Ворчливая любовь такая внове нам.

Альсест

Но успокоить вам ее нетрудно горе.
Не будем заходить далеко в этом споре,
Открыто скажем все, и, может быть, тогда...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Селимена, Альсест, Баск

Селимена

Кто там?

Баск

Пришел Акаст.

Селимена

Зови его сюда.

Альсест

Как! Вам наедине сказать нельзя ни слова?
Раскрыться ваша дверь для всякого готова?
Ужель никак нельзя, хотя б минут на пять,
Решиться никого в свой дом не принимать?

Селимена

Зачем же буду я с ним портить отношенья?

Альсест

Такие сильно мне претят соображенья.

Селимена

Но этот человек мне в жизни не простит,
Узнав, что скучным я нашла его визит.

Альсест

А вам-то что? Зачем из-за него стесняться?

Селимена

Такие люди мне бесспорно пригодятся;
Он и его друзья — не знаю почему —
Умеют при дворе тон задавать всему.
Усердно в разговор любой они вступают,
Услуг бегут, но вред нередко причиняют,
И, хоть другие нам скорей могли помочь,
Мы этих болтунов прогнать не смеем прочь.

Альсест

Удачно или нет, нашли вы основанье,
Чтоб поголовно всем оказывать вниманье,
И осторожный путь, что разум наш избрал...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Баск, Альсест, Селимена

Баск

Сударыня, Клитандр.

Альсест (*выражает намерение удалиться*)

Еще! Я так и знал.

Селимена

Куда вы?

Альсест

Ухожу.

Селимена

Останьтесь.

Альсест

Вот прекрасно!

Селимена

Останьтесь.

Альсест

Не могу.

Селимена

Я так хочу.

Альсест

Напрасно.
Постыла мне давно вся эта болтовня;
Зачем же ею вы изводите меня?

Селимена

Я, сударь, так хочу.

Альсест

Я не могу, простите.

Селимена

Тогда свободны вы. Пожалуйста, идите.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Элианта, Филинт, Акаст, Клитандр, Альсест, Селимена, Баск

Элианта [*Селимене*]

Маркиза оба здесь и просят их принять.
Известно это вам?

Селимена

Да, кресла всем подать.
(*Альсесту*)
Вы не ушли?

Альсест

Принять пора бы вам решенье
И мне иль им отдать открыто предпочтенье

Селимена

Молчите.

Альсест

Душу вы откроете сейчас.

Селимена

Вы сходите с ума.

Альсест

Я правды жду от вас.

Селимена

О!

Альсест

Выбрать вы должны.

Селимена

Смеетесь вы, конечно.

Альсест

Решайте; и мое терпение не вечно.

Клитандр

Из Лувра прямо я, там утренний прием.
Держал себя Клеонт отпетым чудаком.
Ужель его друзья не могут даже в этом
Немного просветить его благим советом?

Селимена

Он самому себе неловкостью вредит;
Бросается в глаза его нелепый вид,
И если с ним потом увидеться не сразу,
Успеет стать странней он к следующему разу.

Акаст

Ну, если говорить о чудаках таких,
Я только что видал скучнейшего из них:
С Дамоном-болтуном пришлось, забыв о сроке,
Мне у носилок час стоять на солнцепеке.

Селимена

Он странный человек; способность у него —
Не выражать в речах длиннейших ничего.
Суждения его до мозга не доходят,
И только шум слова как будто производят.

Элианта (*Филинту*)

Начало хоть куда! О, в несколько минут
По косточкам они всех ближних разберут.

Клитандр

Нелепостью Тимант известен чрезвычайной.

Селимена

Он с ног до головы сплошной окутан тайной;
Бросает на ходу он взор на вас шальной;
Дел никаких, но вид бессменно деловой;
Все, что он говорит, всегда полно кривлянья;
Ужимками он всех приводит в содроганье;
Всегда он перебьет некстати разговор,
Чтоб на ухо шепнуть невероятный вздор.
О всяком пустяке трезвонить рад по свету
И даже «добрый день» бормочет по секрету.

Акаст

Ну, а Жеральд?

Селимена

Жеральд? Вот скучен-то, беда!
Аристократа роль играет он всегда;
Блеск света у него один лишь на помине,
О герцоге рассказ, о князе иль княгине;
Он в титулы влюблен, а говорит, чудак,
Про лошадей одних, кареты и собак.
На «ты» со всеми он, кто близок высшим сферам,
И слово «господин» претит его манерам.

Клитандр

С Белисой, говорят, он сблизился весьма.

Селимена

Сух разговор ее, и мало в ней ума;
Когда она со мной, терплю я прямо пытку,
Чтоб поддержать бесед слабеющую нитку;
Но речь ее бедна, и, что ни миг, у нас,
Уж смотришь, разговор налаженный погас.
Желая прекратить безмолвное томленье,

Я общие места зову на подкрепленье:
Дни ясные, дожди, морозы, летний зной;
Мгновенно весь запас исчерпан этот мной,
А между тем визит невыносимый длится,
Ужасною тоской душа моя томится,
Я на часы смотрю, зеваю уж давно,
И все-таки она — ни с места, как бревно.

Акаст

Вам нравится ль Адраст?

Селимена

Гордец то пресловутый,
Любовию к себе безмерною надутый!
Он на придворный круг без памяти сердит
И каждый день его проклятьями клеймит.
Когда другим дают награду, повышенье,
Он в этом для себя находит оскорбленье.

Клитандр

На вечера свои привлек младой Клеон
Цвет общества всего. Вам по душе ли он?

Селимена

Ведь в поваре его успеха тайны скрыты,
И гости отдают лишь трапезам визиты.

Элианта

Изысканные нам он подает блюда.

Селимена

Конечно, но без них была б ему беда.
Его дурацкий нрав — плохое угощенье:
Ко всем блюдам оно внушает отвращенье.

Филинт

Всех дядюшка его Дамис очаровал.
Что скажете о нем?

Селимена

И мне он другом стал.

Филинт

Вот честный человек и, видно, с головою.

Селимена

Претензией на ум он злит меня порою;
Всегда натянут он, и, судя по всему,
Остроты не легко выдумывать ему.
О собственном уме он мнит безмерно много;
Ему не угодишь, его сужденье строго.
Находит в книгах он лишь недостатков тьму;
Не снизойти к хвалам высокому уму!
Не могут ускользнуть от знатока ошибки,
Пристали дуракам восторги и улыбки.
Ему ли признавать чужих трудов успех?
Он самого себя считает выше всех,
Он даже к болтовне относится сурово,
В пустяшный разговор свое не вставит слово,
Лишь внемлет свысока и, руки сжав крестом,
Скорбит о всех речах, раздавшихся кругом.

Акаст

Будь проклят я! Портрет исполнен беспристрастно.

Клитандр

Искусством этим вы владеете прекрасно.

Альсест

Еще, еще! Смелей, милейшие друзья!
Пощады никому, всем очередь своя.
Но, если б кто-нибудь из них вошел, замечу,
К нему со всех бы ног вы бросились навстречу,
Объятьями скрепив и пожиманьем рук
Слова: «Клянусь вам быть покорнейшим из слуг».

Клитандр

Когда коробят вас такие разговоры,
К хозяйке отнести вам следует укоры.

Альсест

Нет, чорт возьми, не к ней! Ваш благосклонный смех
Желание родит злословить обо всех;
К иронии растут природные стремленья
В дурманящем чаду сплошного одобренья.
Насмешки не дают уму таких услад,
Когда им похвалы вдогонку не летят.
Вот почему льстецы всегда за то в ответе,
Что столь распространен порок на этом свете.

Филинт

Из-за таких людей вступать не стоит в спор:
Охотно бы и вы им бросили укор.

Селимена

Как может он не быть в противоречьи с нами?
Распишется ли он под нашими словами?
Не жаждет ли поднять повсюду громкий шум
Его от детских лет неугомонный ум?
С чужим он ни за что не согласится мненьем,
Отстаивать свое начнет с ожесточеньем,
И кажется ему, что ждет его позор,
Когда со всеми он вступить не может в спор.
В противоречьи он такие видит чары,
Что направлять готов и на себя удары,
Нисколько не щадя заветных чувств своих,
Как только вслух при нем заговорят о них.

Альсест

Всеобщий служит смех вам верною защитой;
Терзайте же меня насмешкой ядовитой.

Филинт

Действительно, ваш ум всегда готов, мой друг,
Враждебным быть всему, что говорят вокруг,
И не мирится он, как вы признались сами,
Ни с нашею хулой, ни с нашими хвалами.

Альсест

Но правых мнений я не слышу никогда,
И всякий раз моя оправдана вражда.
О чем бы речь ни шла, одно я вижу ясно:
Все люди нагло льстят или хулят напрасно.

Селимена

Но...

Альсест

Согласился б я скорее умереть,
Чем молча в вас черты подобные терпеть.
Лелеют люди их, но в этом мало толку:
Ведь сами же они бранят вас втихомолку.

Клитандр

Совсем напрасно ей вы бросили укор:
Я недостатков в ней не видел до сих пор.

Акаст

По-моему, она полна очарованья;
Я слабостям ее не уделял вниманья.

Альсест

Но я-то уделял и не хотел молчать!
Без устали готов ее я упрекать.
Чем любим мы сильней, тем менее мы льстивы:
Прощенью далеки большой любви порывы.
О, я прогнал бы прочь вздыхателей-льстецов,
Угодливых рабов и чувств моих, и слов,

Курящих фимиам терпимостью безвольной
Всем прихотям моей натуры своевольной.

Селимена

Послушав вас, должны влюбленные сердца
От сладости любви отречься до конца,
Считая, что тогда лишь чувство совершенно,
Когда свою любовь они бранят бесменно.

Элианта

Едва ли совместим с любовью ваш закон:
Гордится милой тот, кто истинно влюблен.
Людская страсть слепа, ей чуждо порицанье,
Все в милом существе — одно очарованье,
Порок считаем мы за совершенство в нем
И для его прикрас слова всегда найдем.
Любимая бледна — цветет жасмина ветка,
До ужаса черна — прелестная брюнетка.
У тощих гибок стан, движения вольны,
Манеры у толстух величия полны,
Неряхе — нет черты изящной или нежной —
Названье мы даем красавицы небрежной,
Высокая глазам богиней предстает,
Диковиной небес свет карлицу зовет,
Гордячку для венца назначила натура,
Лукавая умна, добра, как ангел, дура,
В трещотке хвалим мы живой и бойкий нрав,
А в бессловесной чтим стыдливости устав.
Для преданной души, любовию томимой,
И недостатки все пленительны в любимой.

Альсест

Но утверждаю я...

Селимена

Пора нам спор прервать;
По галерее мне б хотелось погулять.
Как, господа, уже?

Клитандр и Акаст

О, что вы! Нет, понятно.

Альсест

Маркизов отпустить вам очень неприятно?
Когда б вы ни ушли, предупреждаю я,
Что не удастся вам пересидеть меня.

Акаст

О, если вам со мной еще не стало скучно,
При вас пробуду я до ночи неотлучно.

Клитандр

Мне хочется попасть на маленький прием,
Но все же я вполне располагаю днем.

Селимена

Смеетесь вы?

Альсест

О нет, хочу я убедиться,
С кем раньше будет вам угодно распроститься.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Баск, Альсест, Селимена, Элианта, Акаст, Филинт, Клитандр

Баск

Какой-то человек вас поджидает там;
По очень спешным он пришел сюда делам.

Альсест

Скажи, что спешной я не удручен заботой.

Баск

На складках длинных фалд блистает позолотой
Его камзол...

Селимена

К нему пойти вам надлежит,
Иль пусть он сам войдет.

Альсест

В чем дело состоит?
Прошу вас.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Офицер, Альсест, Селимена, Элианта, Акаст, Филинт, Клитандр

Офицер

У меня к вам, сударь, порученье.

Альсест

Я говорить при всех даю вам разрешенье.

Офицер

Суд маршалов (от них имею я приказ)
Потребовал, чтоб я немедля вызвал вас.

Альсест

Кого? Меня?

Офицер

Да, вас.

Альсест

Но для какой же цели?

Филинт

С Оронтом глупых ссор последствия назрели.

Селимена

Как?

Филинт

Да. Оронт за то повздорил с ним слегка,

Что он к его стихам отнесся свысока.
Историю хотят замять без промедленья.

Альсест

О, я не проявлю трусливого смиренья.

Филинт

Поскольку есть приказ, вам надо поспешить.

Альсест

Как нас заставить мир друг с другом заключить?
Ужель я изменить могу по приговору
Мой отзыв о стихах, родивший эту ссору?
Я подтверждаю то, что прежде выражал:
Ужасные стихи!

Филинт

Я мягче бы сказал.

Альсест

Стою я на своем. Стихи невыносимы.

Филинт

В сужденьях вы должны стать более терпимы.
Пойдемте.

Альсест

Я иду. Ничто на свете всем
Не убедит меня...

Филинт

Поговорим потом.

Альсест

Когда не даст король приказ мне самоличный,
Чтоб о стихах его я отзыв дал отличный,

Я повторю всегда, что за такой сонет
Быть должен осужден к повешенью поэт.
(*Клитандру и Акасту, которые смеются*)
Во имя всех чертей, не думал я доселе,
Что вам кажусь смешным.

Селимена

Идите, в самом деле;
Ведь ждут вас.

Альсест

Я иду. Оттуда прямо к вам:
Окончить разговор необходимо нам.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клитандр, Акаст

Клитандр

Душа твоя, маркиз, довольна, это видно;
Все веселит ее, ничто ей не обидно.
Не ослепляй себя и прямо мне открой,
Достаточно ль причин для радости такой?

Акаст

Подумав о себе, я отыщу едва ли
Причину хоть одну для грусти и печали:
Я молод, я богат, мой благороден род,
Недаром знатным он среди других слывет.
Благодаря ему имею основанья
На все посты питать я смело притязанья.
А мужество, — ведь нам оно ценней всего, —
Без похвальбы скажу, я не лишен его.
Известно в свете всем, что я способен дело
При случае вести решительно и смело;
Есть также у меня изящный вкус и ум,
Способность обо всем судить без лишних дум;
Поклонник новизны, на первых представленьях
Являю знатока я вид в своих сужденьях,
Спектаклю тон даю, и рукоплещет зал
Тому, что нахóжу я стоящим похвал.
Я ловок и здоров, лицо мое красиво,

И зубы хороши, и талия на диво.
Что до одежды — тут, скажу, себе не льстя,
Едва ли кто-нибудь изящнее меня.
Почет мне воздают в делах и в разговоре,
Любимец женщин я, у короля в фаворе.
Мой дорогой маркиз, да ведь с такой судьбой
И всякий мог бы быть доволен сам собой.

Клитандр

Зачем же от побед, добытых без стараний,
Уходишь ты сюда для тщетных воздыханий?

Акаст

Нет, чорт возьми, маркиз, мой нрав тому залог:
Я не могу терпеть от женщин холодок.
Пусть люди без заслуг, без внешности прекрасной
Томятся от любви к красавице бесстрастной,
Смиренно терпят все, склонясь к ее ногам,
Готовы прибегать ко вздохам и слезам
И не ценой заслуг — путем простой осады
Добиться от нее надеются награды;
Но людям вроде нас как будто не идет
Дарить любовь в кредит, платя за все вперед.
Хоть милая слепит редчайшей красотою,
Чего-нибудь и я ведь, слава богу, стою.
Вот почему за честь царить в душе моей
Приходится всегда расплачиваться ей.
Чтоб на весах любви стояли ровно чаши,
Должны мы сообща нести расходы наши.

Клитандр

Так веришь ты, маркиз, что близко торжество?

Акаст

Имею я, маркиз, причины для того.

Клитандр

В большое ты, поверь, впадаешь заблужденье;
Ты просто льстишь себе. Какое ослепленье!

Акаст

Ты прав, я льщу себе; я просто ослеплен.

Клитандр

Но почему же ты в успехе убежден?

Акаст

Я льщу себе.

Клитандр

На чем ты строишь упованья?

Акаст

Я ослеплен.

Клитандр

Твои надежны основанья?

Акаст

Нет, заблуждаюсь я.

Клитандр

Признанье, может быть,
От Селимены ты самой успел добыть?

Акаст

В немилости я, друг.

Клитандр

Ответ мне дай правдивый.

Акаст

Я вижу лишь отпор.

Клитандр

Оставим тон шутливый;
Скажи: на чем твои покоятся мечты?

Акаст

Ах, неудачник я; удачник — это ты!
Мне отвращенье здесь такое показали,
Что удавиться я намерен от печали.

Клитандр

Я думаю, маркиз, к согласью мы придем,
Условье заключив быть заодно во всем.
Когда один из нас получит знак бесспорный,
Что Селимены нрав он победил упорный,
С пути его побед тотчас сойдет другой,
Чтоб не мешать ему ненужною борьбой.

Акаст

Да, чорт возьми, твой план действительно прекрасен,
И следовать ему я от души согласен.
Но тише!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Селимена, Акаст, Клитандр

Селимена

Здесь еще?

Клитандр

Любовь пленила нас.

Селимена

Внизу коляски стук я слышала сейчас.
Не знаете ли, кто?

Клитандр

Нет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Баск, Селимена, Акаст, Клитандр

Баск

Видеть Арсиною
Угодно ль вам?

Селимена

О чем ей говорить со мною?

Баск

Там Элианта с ней; занять ее спешит.

[*Уходит*]

Селимена

Какую цель ее преследует визит?

Акаст

Ей в обществе святой готовы дать названье,
И рвением своим...

Селимена

Чистейшее кривлянье!
Мужчину подцепить — вот цель ее хлопот.
Душой она — в миру, но к цели не придет
И будет лишь следить, от зависти сгорая,
Как зажигает страсть красавица другая.
В ней святость никого еще не привлекла;
Она на «век слепой» шипит из-за угла,
Стараясь тщетно скрыть под ханжескою маской,
Что обошла судьба ее теплом и лаской.
Чтобы спасти престиж бессильных чар своих,
Она зовет грехом все прелести других.
Любовник, между тем, ей был бы очень к месту,

И нежностью горит душа ее к Альсесту;
Столь тягостно над ним ей торжество мое,
Как будто что-то я ворую у нее.
Кипит все время в ней ревнивая досада,
Всем под шумок она меня охаять рада.
Ну, словом, никого не знаю я глупей!
На дерзости одни всегда нарвешься с ней,
И...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арсиноя, Селимена, Акаст, Клитандр

Селимена

О, сама судьба мне счастие послала!
Сударыня, без вас я прямо тосковала.

Арсиноя

Считаю долгом я один совет вам дать.

Селимена

Ах, сколь я рада вас сегодня повидать!

[*Уходят со смехом Клитандр и Акаст*]

Арсиноя

Как во-время они решили удалиться!

Селимена

Угодно вам присесть?

Арсиноя

Я не хочу садиться.
Сударыня, придти обязан друг тогда,
Когда в нем есть и впрямь серьезная нужда.
Превыше мы всего, что в этом мире ценно,
Благопристойность, честь считаем несомненно.

Советом оградить хочу я вашу честь
И доказать, что друг у вас правдивый есть.
Вчера, в кругу людей возвышенной морали,
Сударыня, о вас сужденья выражали.
Ваш образ действий стал предметом для молвы
И никаких похвал не заслужил, увы!
Ваш легион друзей уж чересчур заметен,
Любезность ваша к ним рождает массу сплетен;
За это каждый вас судил, кто только мог.
По-моему, был суд чрезмерно этот строг.
Мое представить вам не трудно поведенье:
Старалась отразить я это нападенье,
Твердила, что у вас не видно воли злой,
И с радостью за вас ручалась головой.
Но, даже если есть горячее желанье,
Иным вещам нельзя придумать оправданья,
И согласиться я была принуждена,
Что и на вас лежит тут некая вина.
Да, вправе свет смотреть на вас неблагосклонно,
И сплетен, может быть, обилие законно.
Когда б хотели вы, скандальный этот шум
Не так бы волновал у посторонних ум.
Что потеряли вы душою добродетель —
О, нет, не верю я, тому господь свидетель,
Но склонны думать мы: «нет дыма без огня»,
И нравственность блюдем не для одних себя.
Сударыня, я вас считаю слишком умной,
Чтоб речи вы могли не внять благоразумной
И усомниться в том, что верной дружбы пыл
Единственно душой моей руководил.

Селимена

Я благодарна вам за ценную услугу;
Да, вы себя вели, как подобает другу.
Но, чтобы за добро не быть у вас в долгу,
Вам вашу честь спасти я тоже помогу.
Вы мне надежный друг: я это вижу ясно.

Трудились передать вы сплетни не напрасно:
Примером вашим я воспользуюсь сейчас
И расскажу вам то, что говорят про вас.
Я в общество одно зашла на днях случайно
И встретила людей, достойных чрезвычайно.
О душах речь велась, избравших верный путь.
Пришлось при этом вас, конечно, помянуть.
Но набожности пыл и видимость смиренья
Для них не образец благого поведенья.
Ваш вид — уж чересчур подчеркнуто он строг;
Про нравственность и честь бессменный монолог,
На шуточку в ответ — ужимки, окрик гневный,
Хоть брошена она и в простоте душевной;
Почтенье без границ к достоинствам своим,
Презрительная спесь к людишкам остальным,
Придирчивая злость нравоучений длинных
По поводу вещей, казалось бы, невинных.
Без исключенья все, по правде вам сказать,
За это стали вас открыто порицать:
«На что смиренный вид и святость Арсиное?
В действительности ей ведь свойственно иное.
Молитве и посту свой жертвуя досуг,
Она томит в нужде и избивает слуг;
Во всех церквах ее зовут благочестивой,
Но белится она и хочет быть красивой;
Спешит на полотне прикрыть нагую плоть,
Но в жизни к ней любовь не может побороть».
О, утверждала я, вас смело защищая,
Что пахнет клеветой их болтовня пустая;
Но внять не захотел никто моим словам,
И было решено, что следовало б вам
Поступками других поменьше заниматься
И за свои дела ретивее приняться,
Что, только заглянув в тайник души своей,
Имеем право мы судить других людей,
Что собственный пример, подобно тяжкой гире,
Перетянуть добро над злом способен в мире,

Но что верней всего перед лицом нужды —
Духовникам вручать правления бразды.
Сударыня, я вас считаю также умной,
Извольте ж речи внять моей благоразумной,
Не сомневаясь в том, что верной дружбы пыл
Единственно моей душой руководил.

Арсиноя

За правду часто нас благодарят укором,
Но не ждала с таким я встретиться отпором.
Сударыня, теперь сомнений больше нет,
Что ранил в сердце вас мой искренний совет.

Селимена

Напротив, я хочу, чтоб в нашем обиходе
В обычай мы ввели советы в этом роде.
Все прямо говоря, как есть, на чистоту,
Мы в каждом бы к себе лечили слепоту.
Когда угодно вам, условимся друг другу
Оказывать и впредь такую же услугу
И сообщать всегда, правдиво, как сейчас,
Вы — сплетни обо мне, я — мнения о вас.

Арсиноя

Сударыня, про вас дурных нет разговоров,
Тогда как я для всех — предмет одних укоров.

Селимена

Все повод нам дает к хуле иль к похвалам,
И каждый прав, смотря по вкусам и годам.
Для женщин есть пора услад и неги томной,
Есть строгости пора и видимости скромной.
На путь морали нас толкнет прямой расчет,
Как только увядать цвет юности начнет.
Она прикроет то, что отнято годами:
Возможно, что и я последую за вами, —

Всему своя пора, — но, право, смысла нет
За добродетель мне цепляться в двадцать лет.

Арсиноя

О, ваше хвастовство, сударыня, напрасно!
Свой возраст восхвалять не стоит громогласно.
Я старше, может быть, но на такой пустяк,
Что, право же, смешно гордиться этим так.
Не знаю почему, в припадке раздраженья,
Вы вывести меня хотите из терпенья.

Селимена

А я не ведаю, сударыня, зачем
Дурное обо мне вы говорите всем?
Зачем меня одну винить в своей печали?
Могу ль добиться я, чтоб и о вас вздыхали,
Когда внушаю я действительно любовь,
Когда признанья в ней я слышу вновь и вновь,
Которые отнять вам было бы приятно?
Сударыня, уж тут я не при чем, понятно.
Я не мешаю вам, и обвинять не след
Меня за то, что в вас очарованья нет.

Арсиноя

Не думаете ль вы, что я полна досады?
Поклонников своих перечислять вы рады;
Не трудно угадать, что в наши времена
Значительно на них понизилась цена.
Поверю ль, вопреки теперешнему нраву,
Что качествами вы пленили их ораву,
Что святостью одной пылает их любовь,
Что добродетель в них разволновала кровь?
Нет, нас не ослепить лукавыми словами,
Свет провести нельзя; я знаю, между нами
Есть женщины, вполне достойные любви,
Но не имеют все ж поклонников они.

Из этого легко мне сделать заключенье:
Задатки мы должны давать за предпочтенье.
Не любит нас никто из-за прекрасных глаз,
Решительно за все взимают плату с нас.
На торжество у вас нет никакого права;
От маленьких побед сияет тускло слава.
Советую я вам, гордыню обуздав,
Немного усмирить высокомерный нрав.
За вашим торжеством мы не следим ревниво,
Не то бы ваш пример использовали живо.
Как будто, если честь нисколько не жалеть,
Так очень мудрено поклонников иметь!

Селимена

Попробуйте: хотя б по этаким причинам
Начнете, наконец, вы нравиться мужчинам,
И...

Арсиноя

Кончить мы должны подобный разговор:
Уж слишком далеко увел нас этот спор.
Давно б я прервала сама беседу эту,
Когда бы не пришлось мне ждать мою карету.

Селимена

Пока угодно вам, вы можете здесь быть;
Ничто вас не должно с уходом торопить.
Чтоб разговор со мной не превратился в бремя,
Я в обществе ином оставлю вас на время,
И этот господин (вот кстати ваш приход!)
Удачнее меня, пожалуй, вас займет.
Альсест, я напишу записку небольшую,
Откладывать ее я больше не рискую.
Побудьте с гостьей здесь; ручаюсь я вполне,
Невежливость она простит охотно мне.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Альсест, Арсиноя

Арсиноя

Мне — так угодно ей — вас занимать придется,
Пока за мной карета не вернется;
И, право, не могла б придумать ничего
Приятнее она для сердца моего.
Возвышенной души увидев проявленье,
Все ощущают к ней любовь и уваженье,
Но чары сверх того еще присущи вам.
Сочувствием горю я к вашим всем делам.
Хочу, чтоб при дворе добились вы вниманья,
Оценки всех заслуг и должного признанья.
Несправедлив к вам двор; мне больно каждый раз,
Как вижу я, что он опять обходит вас.

Альсест

Меня? Но каковы же там мои заслуги?
Двору не оказал я ни одной услуги.
Какие я свершил блестящие дела,
Чтобы в обиде быть душа моя могла?

Арсиноя

Из тех, кому наш двор дарит свое вниманье,
Не всякий совершил великое деянье.
Благоприятный миг важней иных заслуг,
И качества души, что видят все вокруг...

Альсест

Не будем, боже мой, моей души касаться;
Ужели должен двор всем этим заниматься?
Как будто у него нет дела поважней,
Чем поиски заслуг и качеств у людей?

Арсиноя

Но блеск таких заслуг бывает виден ясно.
Вас, например, признать готовы громогласно;
И слышала вчера я в разных двух местах
Вам похвалы от лиц в весьма больших чинах.

Альсест

Э, полноте! Кого у нас теперь не хвалят?
В один котел людей, не разбирая, валят,
И в равной мере нам все качества милы.
Нельзя считать за честь такие похвалы;
От них мутит, но мы их щедро дарим свету,
И даже мой лакей уже попал в газету.

Арсиноя

Чтоб общество во весь увидело вас рост,
Занять бы при дворе вам следовало пост.
Один намек, — иной не надо нам причины,
Чтоб с радостью для вас нажали мы пружины.
Есть связи у меня, и стоит мне шепнуть,
Как тотчас же ровней ваш сделается путь.

Альсест

Какие б при дворе я подыскал занятья?
Оттуда должен сам навек себя изгнать я;
Велением небес мне дан удел другой,
И я придворный дух не выношу душой.
Мне кажется, нужны совсем иные свойства,
Чтоб добиваться там карьеры и устройства.
Талант единый мой — быть честным и прямым;
Лукавить с ближним я не соглашусь моим.
А те, кого нельзя причислить к лицемерам,
Останутся всегда чужды придворным сферам.
Вдали от этих сфер — прощай навек почет
И титулы, что двор так щедро раздает.
Потери выносить немыслимо без боли,

Но не должны играть нелепые мы роли.
Нам, выслушав отказ, не надо падать ниц,
Иль дифирамбы петь стихам таких-то лиц,
Иль чары восхвалять таких-то дам прелестных,
Иль глупости терпеть маркизов легковесных.

Арсиноя

Когда хотите, двор оставим в стороне.
Вас в области любви сердечно жалко мне.
Хотела б очень я, скажу, забыв стесненье,
Чтоб лучшее ваш пыл нашел употребленье.
Заслуженной вполне у вас отрады нет,
И недостоин вас любезный вам предмет.

Альсест

Сударыня, я все ж напомнить вам посмею,
Что узы дружбы вас соединяют с нею.

Арсиноя

Да, но терпеть душой я больше не могла
Сознания, что вам наносят столько зла.
Я вижу вашу грусть, я ею огорчаюсь
И об измене вас предупредить стараюсь.

Альсест

Как знак участья, речь бесспорно хороша,
И благодарна ей влюбленная душа!

Арсиноя

Хоть мне она и друг, но сердце в ней, не скрою,
Не призвано царить над вашею душою,
И нежность к вам ее — притворства образец.

Альсест

Все может быть. Насквозь не видим мы сердец!
Но поступили б вы, признаться, милосердно,
Со мною этим всем делясь не так усердно.

Арсиноя

Когда приятней вам обман не раскрывать,
Охотно соглашусь я просто замолчать.

Альсест

Нет, но в таких делах нужны не рассужденья;
Всего другого нам мучительней сомненья,
И только то от вас узнать бы я хотел,
В чем убедиться сам возможность бы имел.

Арсиноя

К согласью мы пришли; я утверждаю смело,
Что свет удастся мне пролить на это дело.
Поверите, Альсест, вы собственным глазам,
Но проводить меня сперва придется вам.
Я дома докажу уликой достоверной,
Как много лжи в душе красавицы неверной;
И если взор другой дойдет до ваших глаз,
Мы постараемся в беде утешить вас.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Элианта, Филинт

Филинт

Нет, не встречал души я боле непокорной;
Суд никогда не вел борьбы такой упорной:
Старались убедить его со всех сторон,
Но мненью своему остался верен он;
И полагаю я, столь редкостную ссору
Подвергли в первый раз судебному разбору.
«Нет, господа, тех слов я не возьму назад,
Хоть в остальном и я прийти к согласью рад.
Чем я задел его? К чему он поднял дело?
Позорно ль то, что он рифмует неумело?
Зачем мои слова превратно толковать?
И в том ли наша честь, чтоб хорошо писать?
Иметь она к стихам не может отношенья.
Считаю я его достойным уваженья,
Он доблестен и смел, об этом спору нет,
Он светский человек, но он плохой поэт.
Не отрицаю я его очарованья
В манеже, на балу и в зале фехтованья,
Но вот стихи его... Прошу меня простить!
Уж если лучших он не может сочинить,
Пусть разрешат ему писать лишь из боязни,
По принуждению, под страхом смертной казни».

И уступить суду он соизволил в том,
Что, разрешив себя уговорить с трудом,
Сказал Оронту, тон смягчая свой немного:
«Мне, сударь, очень жаль, что я сужу так строго,
И я из дружбы к вам хотел бы всей душой,
Чтоб о сонете был приятней отзыв мой».
Обняться судьи им велели на прощанье,
И было решено окончить заседанье.

Элианта

Да, очень странно он подходит ко всему.
Признаться, отношусь я хорошо к нему,
И прямота его, прекрасная порою,
По-моему, вполне бы подошла герою.
Такие редко нам встречаются черты.
Хотела б я от всех подобной прямоты.

Филинт

Чем дальше, тем сильней мое недоуменье.
Его любви понять я не могу томленье,
И самый нрав его я не могу понять.
Как может он еще любовию пылать?
Я становлюсь втупик, гадая над причиной
Того, что увлечен он вашею кузиной.

Элианта

Из этого всего нам ясно, наконец,
Что зиждется любовь не на родстве сердец,
И толки про закон взаимного влеченья
Наглядней не могли найти опроверженья.

Филинт

Скажите только мне, любим он или нет?

Элианта

На это нелегко вам точный дать ответ.
Быть может, ею он и впрямь любим, кто знает?

Ведь чувств она своих сама не разбирает,
Не ведая о том, любовию горит
И, вовсе не любя, о страсти говорит.

Филинт

По-моему, наш друг, избрав кузину вашу,
Приговорен до дна испить страданий чашу,
О, если б сердце я свое ему мог дать,
Иного счастия он начал бы желать,
И, верный путь найдя, в то самое мгновенье
Он ваше б оценил к нему расположенье.

Элианта

Не стану с вами я на этот счет хитрить, —
Мы правды не должны в таких вещах таить:
Нет, я не отношусь к любви его с враждою;
Напротив, ей вполне сочувствую душою,
И, если б их союз зависел от меня,
С избранницей его соединила б я.
Но если б — ах, чего на свете не бывало! —
Любовь ему одно несчастье обещала
И если бы она другого предпочла,
Я чувство бы его отвергнуть не могла,
И то, что ей оно не показалось мило,
Едва ли бы тогда меня остановило.

Филинт

Я тоже возражать не буду ничего
На то, что вы склонны предпочитать его,
И сам он сообщить вам может, без сомненья,
Какие тут ему читал я наставленья.
Но если б страсть его утешил Гименей,
И вы б не отдали ему руки своей, —
Тогда бы к чести я высокой стал стремиться,
Которой так легко ему теперь добиться.
О, если б он ее принять не захотел
И это счастье мне досталося в удел!

Элианта

Вы шутите, Филинт.

Филинт

Сударыня, нимало;
Из глубины души признанье прозвучало.
Будь случай, я б давно вам руку предложил.
О, хоть бы этот миг скорее наступил!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альсест, Элианта, Филинт

Альсест

Сударыня, сражен обидой я ужасной,
И верности она сильней моей напрасной.

Элианта

В чем дело? Что могло вас так разволновать?

Альсест

Хоть умираю я, но не могу понять!
Не удручало б так меня землетрясенье
И бунт природы всей, как это огорченье.
Все кончено... Любовь... Сказать не в силах я.

Элианта

Хотя немного вы должны прийти в себя.

Альсест

О небо, сочетать всю прелесть обаянья
С порочностью души ничтожного созданья!

Элианта

Но что же, наконец?

Альсест

Мне бедствие грозит!
Я... Предали меня... Обманут я, убит!
О, кто поверить мог, что скрыта здесь измена?
Была мне неверна, лгала мне Селимена!

Элианта

Есть данные у вас, чтоб это утверждать?

Филинт

Вы склонны попусту ее подозревать;
Химеру может ум, ревнивый до предела...

Альсест

О чорт, вам не должно до этого быть дела!
[*Элианте*]
Нет, слишком убежден в ее измене я!
Улика налицо: в кармане у меня
Письмо к Оронту, да! Какие тут сомненья?
В нем мук моих залог и знак ее паденья.
Оронт! Казалось, он увлечь ее не мог;
Соперник этот мне не причинял тревог.

Филинт

Но письма не всегда мы понимаем верно,
И дело, может быть, совсем не так уж скверно.

Альсест

Молчите! Во второй прошу об этом раз;
Заботьтесь лишь о том, что беспокоит вас.

Элианта

Должны вы овладеть собой, и оскорбленье...

Альсест

Сударыня, от вас зависит излеченье;
Я помощи искать могу у вас одной.

Чтоб разлучить меня с несносною тоской,
Отмстите за меня красавице неверной,
Не оценившей пыл любви моей безмерной.
Отмстите за меня, прошу я вновь и вновь!

Элианта

Отмстить за вас? Но как?

Альсест

Приняв мою любовь!
Займите, я прошу, вы место Селимены.
Я этим отомщу за все ее измены;
Возмездие она, быть может, понесет,
Увидев, что полно почтительных забот,
Готовностью служить любимой ежечасно
То сердце, что навек отдаться вам согласно.

Элианта

Сочувствие во мне рождает ваша речь,
И сердцем вашим я не в силах пренебречь;
Но дело это все, пожалуй, поправимо;
Ужели мстить сейчас уж так необходимо?
Когда оскорблены мы милым существом,
Мы строим планы с тем, чтоб их забыть потом.
Пусть для разрыва мы имеем основанья —
Любимая всегда достойна оправданья;
Обида на нее увянет, не созрев,
А вместе с ней пройдет и весь любовный гнев.

Альсест

О нет! Я оскорблен, сударыня, смертельно;
Я разрываю с ней, настаивать бесцельно.
Ничто теперь мой план не может изменить.
Я мщу себе за то, что мог ее любить.
Она! Мой гнев растет. Она совсем уж близко.
Скажу я, что вести нельзя себя столь низко
И, пристыдив ее, преподнесу вам в дар
Все сердце, от ее очнувшееся чар.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Альсест, Селимена

Альсест [*в сторону*]

О небо! Как свое мне обуздать смятенье!

Селимена

Что означать должно внезапное волненье?
Что эти вздохи мне невнятно говорят?
Что хочет дать понять угрюмый этот взгляд?

Альсест

Что глубоко порок в душе людей таится,
Но с низостью такой едва ли он сравнится;
Ни небо, ни судьба, ни даже самый ад
Столь злого существа, как вы, не сотворят.

Селимена

О сладостная речь! Нельзя не восхищаться.

Альсест

Довольно вам шутить. Прошла пора смеяться:
По-моему краснеть должны вы от стыда.
Измену докажу я вашу без труда.
Недаром чувством я измучился тревожным:
Предчувствие души не оказалось ложным;
Сомнения мои несносны были вам,
Но помогли они прозреть моим глазам,
Хоть много было лжи и много ухищрений;
Мне о беде давно твердил мой добрый гений.
Но знайте, что теперь вас ожидает месть,
Что не намерен я обиду перенесть.
Да, чувством управлять нельзя, как нам угодно:
Везде, всегда любовь рождается свободно;
Едва ли сердце кто насильно покорил;
Вольны мы полюбить того, кто сердцу мил.

И я бы не роптал, все принял бы покорно,
Когда б не лгали вы так долго и упорно;
И, если б с первых слов вы мой отвергли пыл,
Я в горестях моих одну б судьбу винил.
Но поощрять меня обманчивым признаньем —
На низость эту я горю негодованьем!
Сударыня, для вас достойной кары нет.
И все дозволить я могу себе в ответ.
Да, да, теперь за все я отомстить сумею;
Отдался гневу я, собой я не владею;
Сразили вы меня ударом роковым,
Не властен разум мой над бешенством моим.
Я праведным мой гнев, сударыня, считаю
И больше за себя совсем не отвечаю.

Селимена

Откуда взяться мог столь невоздержный тон?
Иль, может быть, у вас рассудок помрачен?

Альсест

Он вами помрачен — и с первого же взгляда,
Убийственного я как будто принял яда,
Поверив, что сулит хоть каплю прямоты
Изменнический блеск манящей красоты.

Селимена

В чем изменили вам? Пожалуйста, скажите.

Альсест

О, как двуличны вы! Как тонко вы хитрите!
Но вас не трудно мне изобличить во всем.
Взгляните-ка сюда. Что, почерк вам знаком?
Полней не может быть вины разоблаченье,
И вы едва ль теперь найдете возраженье.

Селимена

Открылся, наконец, источник всех тревог!

Альсест

Не покраснели вы при виде этих строк?

Селимена

Зачем же мне краснеть? Вот не было печали!

Альсест

Как быстро дерзость вы на помощь лжи призвали!
Спросите же скорей: «Где подпись тут моя?»

Селимена

Нет, от своей руки не отрекаюсь я.

Альсест

Не вызывает в вас ни капельки смущенья,
Что я вам показал улику преступленья?

Селимена

По правде, сударь, вас я нахожу смешным.

Альсест

О, можно ль пренебречь свидетельством таким?
К Оронту склонность вы таите, очевидно.
Ужель не больно мне? Ужели вам не стыдно?

Селимена

К Оронту? Кто же мог уверить в этом вас?

Альсест

Те люди, что письмо вручили мне сейчас;
А если не к нему, к кому-нибудь другому, —
Не так же ль я к письму отнесся бы такому?
Не так же ль много вы мне причинили б зла?

Селимена

Но женщине его я написать могла.
Виновна ль я тогда? И где тут преступленье?

Альсест

Уловка хороша! Прекрасно объясненье!
Не снилось мне оно, признаться, и во сне.
Вам удалось меня им убедить вполне!
О, как на этот раз увертки ваши глупы!
Ведь, право, далеко не так уж люди тупы.
Какой же навести хотите вы туман,
Чтоб истиною мне казался ваш обман?
Иль объяснение у вас уж наготове,
Что пыл тут не к *нему* — к *ней* виден в каждом слове?
Позвольте ж веру мне немного укрепить
И прочитать вам вслух...

Селимена

Нет, этому не быть!
Однако о себе вы очень возомнили,
Что дерзостей таких в лицо наговорили!

Альсест

Прошу умерить гнев и объяснить сперва,
Что могут означать подобные слова.

Селимена

Не буду объяснять! Все к лучшему! Отлично!
Что б ни казалось вам, мне это безразлично.

Альсест

Я умоляю вас, извольте доказать,
Что женщине могли вы это написать.

Селимена

Не женщине — ему, да будет вам известно!
Оронт со мною мил, мне это очень лестно.
Я восторгаюсь им, любуюсь многим в нем.
Согласна с вами я решительно во всем,
Помех не ставлю вам; хотите мести — мстите,
Но больше никогда меня не изводите.

Альсест

О небо! Кто б еще придумать это мог?
Кто к любящей душе был более жесток?
Как! Горькие мои заслужены укоры,
Но им в ответ она со мною ищет ссоры,
Все делает, чтоб боль сомнений растравить,
Готова хвастать всем и все мне подтвердить!
А сердце, между тем, настолько малодушно,
Что цепь свою несет попрежнему послушно,
И гордого, увы, презрения в нем нет,
И слишком мил ему любви его предмет.
Коварная! Со мной бороться вам не трудно;
Вы пользуетесь тем, что слаб я безрассудно,
Что на свою беду люблю я страстно вас,
Сияньем раненный лукавых ваших глаз.
Но защищаться вы должны от обвиненья;
Довольно подтверждать несносные сомненья;
Невинное письмо отдайте мне скорей.
Любовью я готов вам помогать своей;
Старайтесь верной мне хотя бы лишь казаться —
И буду я на вас всецело полагаться.

Селимена

От ревности своей безумны вы сейчас:
Не заслужили вы, чтоб я любила вас.
Хотела бы я знать, кто б мог меня уверить,
Что с вами я должна хитрить и лицемерить?
Ужель, когда другой понравился бы мне,
Я с вами не могу быть искренней вполне?
Ужели все мои бессильны уверенья
Защитою служить от вашего сомненья,
И на весах они не тяжелей вдвойне?
Пренебреженье к ним — обида злая мне.
И если стоит нам усилий чрезвычайных
Открыться, наконец, в сердечных наших тайнах,
И если наша честь, враждуя против них,

Признаний не велит нам делать никаких, —
Тот, для кого ее нарушили веленья,
Обязан верить нам во всем без рассужденья.
Ужели вправе он не доверять словам,
Которые борьбы тяжелой стоят нам?
Вы, сударь, привели меня в негодованье,
Я больше не хочу вам уделять вниманье,
Глупа я и браню себя за простоту,
Нельзя к вам проявлять такую доброту;
Мне следует, избрав кого-нибудь другого,
Законный повод дать для бешенства такого.

Альсест

Изменница! Я слаб но отношенью к вам.
Напрасно верю я столь сладостным словам,
Но спорить не могу я со своей судьбою
И целиком готов вам довериться душою.
Да, я на все пойду, чтоб, наконец, узнать,
Способны ли меня вы все-таки предать.

Селимена

О, нет, совсем не так меня любить должны вы.

Альсест

Ни с чем нельзя сравнить любви моей порывы.
Открыться всем давно стремится уж она
И даже против вас идти принуждена.
Хотел бы я, чтоб вы уж не пленяли боле,
И рок вас прозябать заставил в низкой доле,
И небом были вы во всем обделены,
Всех почестей, и благ, и денег лишены,
И я один бы мог, всем жертвуя любимой,
Веленье побороть судьбы неумолимой.
Как счастлив был бы я одним сознаньем тем,
Что мне, моей любви обязаны вы всем!

Селимена

Нелепы для меня такие пожеланья.
Дай бог, чтоб не дала судьба вам основанья.
А вот и Дюбуа. Какой смешной наряд!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дюбуа, Селимена, Альсест

Альсест

Что значит этот вид и этот странный взгляд?

Дюбуа

Я, сударь.

Альсест

Говори.

Дюбуа

Все так необычайно.

Альсест

Что?

Дюбуа

Плохи ведь у нас дела-то чрезвычайно.

Альсест

Да что произошло?

Дюбуа

Сказать?

Альсест

Конечно, да.

Дюбуа

Но мы ведь не одни.

Альсест

Вот тянет-то, беда!
Ты будешь говорить?

Дюбуа

Бежать пора настала.

Альсест

Как?

Дюбуа

Сударь, во всю прыть и не подав сигнала.

Альсест

Но почему?

Дюбуа

Скорей покинем этот край!

Альсест

Причины?

Дюбуа

Не сказав последнего «прощай».

Альсест

К чему затеял ты такие разговоры?

Дюбуа

К тому, чтобы тотчас приняться нам за сборы.

Альсест

Я голову тебе, бездельник, разобью,
Когда не объяснишь ты болтовню свою.

Дюбуа

Ах, сударь, человек весь в черном, с мрачной рожей,
К нам заходил сейчас и положил в прихожей
Бумажные листы, написанные так,
Что их без колдовства не разобрать никак.
Конечно, это все касается процесса,
Но в них бы даже чорт не понял ни бельмеса.

Альсест

Что общего, скажи, меж бегством, дерзкий плут,
И извещеньем тем, что посылает суд?

Дюбуа

А то, что час спустя явился к нам нежданно
Тот гость, который к вам приходит постоянно;
Он видеть вас хотел, взволнован очень был
И, так как вы ушли, мне тайно поручил,
Узнав, что я служу вам честно и ретиво,
Сказать вам... Это был... Ну, как его?.. Вот диво!

Альсест

Что в имени его? Рассказывай скорей!

Дюбуа

И правда, все равно — из ваших он друзей,
Проститься вы должны сейчас же с этим местом,
Иначе может все окончиться арестом.

Альсест

Он больше ничего тебе не объяснил?

Дюбуа

Нет. Он велел подать бумаги и чернил.
Я смею полагать, что разъяснит всецело
Его записка вам загадочное дело.

Альсест

Где ж, наконец, она?

Селимена

Какая тайна в ней?

Альсест

Не знаю, но узнать мне хочется скорей.
Ну, что же ты, дурак? Ужель тебе не стыдно?

Дюбуа

Я, сударь, на столе забыл ее, как видно.

Альсест

Постой-ка, я тебя...

Селимена

Порыв сдержите свой.
Вам надо поспешить немедленно домой.

Альсест

Ах, проявляет рок упорное стремленье
К тому, чтоб я не мог окончить объясненье!
Но я хочу над ним победу одержать
И на исходе дня вернусь сюда опять.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Альсест, Филинт

Альсест

Я вам уже сказал, что принято решенье.

Филинт

Но все-таки, Альсест, такое заключенье...

Альсест

Нет, тщетно вы меня хотите убедить;
Мой план теперь ничто не в силах изменить.
Господствует разврат над нашим жалким веком,
И должен я порвать общенье с человеком.
Противника давно клеймят со всех сторон
Порядочность, и честь, и разум, и закон;
Все говорит о том, что право это дело;
На правоту свою я полагаюсь смело,
Но в результате я разбит и посрамлен,
Процесс проигран мой, хоть за меня закон,
И плуту прощены постыдные проделки,
Он торжество купил ценой бесчестной сделки,
Он, низостью своей само добро поправ,
Расправился со мной — и оказался прав.
В кривлянии его все время ложь сквозила,
Но эта ложь закон и судей подкупила;
Венчалось торжество решением суда,

Но счел он, что еще мала моя беда,
И гнусное издать решился сочиненье, —
Таких ужасных книг преступно даже чтенье!
Я книгу бы его без колебаний сжег.
И вот ее творцом наглец меня нарек!
А тут еще Оронт поддакнул ядовито,
Он злую клевету признал почти открыто,
Хоть при дворе слывет честнейшим из людей.
Чем я задел его? Лишь прямотой своей!
Он сам пришел ко мне с мольбой нетерпеливой,
Оценки о стихах своих просил правдивой.
И только потому, что честен с ним я был,
Ни правде, ни ему тогда не изменил,
Он на меня теперь возводит преступленья,
И ненависть его полна ожесточенья!
Не может он простить и не простит, — о нет! —
Что я не похвалил его плохой сонет.
Все люди, чорт возьми, ему подобны ныне:
Не ведают они преград своей гордыне.
Да, правосудья их, и жажды добрых дел,
И честности самой я разгадал предел.
Довольно! Видел я от вас одно страданье,
В разбойничьем гнезде опасно пребыванье,
Вы все привыкли жить по-волчьи меж собой,
Предатели! Не жить вам более со мной!

Филинт

Решенье принимать нельзя неосторожно;
Не так страшна беда; ее исправить можно.
То, что в вину посмел вам ставить дерзкий враг,
К аресту привести вас не могло никак.
Доносом ничьего он не привлек вниманья
И может ждать теперь от судей порицанья.

Альсест

Ах, перед этим нет и тени страха в нем!
Дозволено ему быть явным подлецом.

Не пострадает он от этого подлога,
Лишь шире перед ним откроется дорога.

Филинт

Однако мало кто значенье придавал
Тем сплетням, что о вас он злостно распускал,
И с этой стороны тревожиться напрасно.
Суд с вами поступил действительно ужасно,
Но, жалобу подав на действия суда,
Несправедливость вы...

Альсест

Нет, сударь, никогда!
Решение суда мне очень неприятно,
Но я хочу, чтоб он не брал его обратно.
Их приговор попрал и правду, и закон;
Мы сохраним его для будущих времен,
Чтоб внукам он служил уликой несомненной
Всех низменных интриг и злобы современной.
За это мне не жаль и двадцать тысяч дать;
Их уплатив, куплю я право проклинать,
И, зная, какова теперь людская злоба,
Я ненависть хранить намерен к ней до гроба.

Филинт

Но все ж...

Альсест

Все ж обойдусь без ваших я забот!
Какой вы указать мне можете исход?
Ужель решитесь вы, забыв со мной стесненье,
Всей мерзости людской придумать извиненье?

Филинт

Согласен с вами я решительно во всем:
Одной корыстью мы и кознями живем,
Окольные пути ведут людей к удаче

И следовало б им быть созданным иначе.
Но если среди них царят порок и грязь,
Ужели прекратить должны вы с ними связь?
Помогут, может быть, людские прегрешенья
По-философски нам оценивать явленья,
Как добродетель нам разумней упражнять.
Когда бы все могли мы доблестью блистать,
Когда бы были все кротки и справедливы,
Не нужными к добру бы сделались порывы.
Они нужны затем, чтоб всяческое зло
Нарушить наш покой душевный не могло,
И так как человек, воистину прекрасный...

Альсест

Вы, сударь, знаю я, оратор первоклассный,
И доводов полна бывает ваша речь,
Но лучше б вам слова и время поберечь.
Велит мне разум мой не быть с людьми в общеньи:
Я не могу держать язык в повиновеньи.
И, если б за него пришлось мне дать ответ,
На голову свою навлек бы много бед.
Не спорьте же со мной. Я жду здесь Селимену;
Моей судьбы она узнает перемену.
Достаточно ль любви в душе ее ко мне?
Проверить это я теперь могу вполне.

Филинт

Ее прихода ждать у Элианты можно.

Альсест

Нет, слишком на душе моей сейчас тревожно.
Идите вы один, а я найду покой
Здесь, в темном уголке, вдвоем с моей тоской.

Филинт

Ну, общество странней, пожалуй, не приснится.
Я Элианту к вам уговорю спуститься.

[*Уходит. Альсест прячется в углу комнаты*]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Оронт, Селимена, Альсест (*не замечаемый ими*)

Оронт

Угодно ль будет вам посредством нежных уз,
Сударыня, навек наш закрепить союз?
Да, в том, что я любим, мне нужно убежденье:
Претит в таких делах влюбленному сомненье.
Когда моя любовь воспламенила вас,
Об этом напрямик скажите мне сейчас.
Для веры небольших прошу я оснований:
Альсест на вас питать не должен притязаний;
Мне в жертву принести вам следует его
И тотчас же изгнать из дома своего.

Селимена

Но отчего к нему вы сделались суровы?
Казалось, вы хвалить его всегда готовы.

Оронт

Сударыня, нужды нам в объясненьях нет,
О чувствах вы своих должны мне дать ответ.
Меж мной и им нельзя вам колебаться доле;
Решение мое всецело в вашей воле.

Альсест (*выходя из уголка, в котором он прятался*)

Сударыня, он прав, и выбрать вы должны;
Желанием одним и он, и я полны,
Я тоже вас люблю; я, как и он, в печали;
Мне нужно, чтоб любовь свою вы доказали.
Тянуться не должна подобная игра,
И объясниться вам начистоту пора.

Оронт

Я, сударь, затруднять своей ненужной страстью
Нисколько не хочу дорогу вашу к счастью.

Альсест

Ревнив я или нет, но с вами, сударь мой,
Совместно не хочу владеть ее душой.

Оронт

Но если отдает она вам предпочтенье...

Альсест

Но если к вам у ней хоть слабое влеченье...

Оронт

Клянусь я не искать любви ее тогда.

Альсест

Клянусь, что больше с ней не встречусь никогда.

Оронт

Сударыня, прошу в ответе не стесняться.

Альсест

Вы правды не должны, сударыня, бояться.

Оронт

Откройтесь только нам, желаний не тая.

Альсест

Решитесь напрямик ответить — он иль я?

Оронт

Как? Выбор этот вас приводит в затрудненье?

Альсест

Как? В душу допустить готовы вы сомненье?

Селимена

О боже, не должны настаивать вы тут.
Как люди неумно порой себя ведут!

Да, выбрать я могу, и выбрать мне нетрудно,
Да, колебанье здесь, конечно, безрассудно,
И вовсе не мечусь меж вами я душой.
Я сразу объявить могла бы выбор свой,
Но, правду вам сказать, претит моей природе
Такая прямота признаний в этом роде;
Ведь, как хотите, есть жестокие слова,
Которые вдвоем произнесешь едва,
А чувства и без слов вполне красноречивы,
И резкие совсем нам не нужны разрывы;
Но, право, кротких слов я сразу не найду,
Чтобы влюбленный мог понять свою беду!

Оронт

Не бойтесь огорчить меня прямым ответом.
Я к этому готов.

Альсест

А я прошу об этом.
Я требую, чтоб он и резок был, и прям,
Чтобы пощады в нем вы не давали нам.
Всех при себе держать постигли вы уменье,
Но кончена игра, разрешено сомненье.
Прямой ответ вы дать обязаны сейчас —
Приму иначе я молчанье за отказ,
По-своему его, конечно, истолкую
И к сведенью приму политику такую.

Оронт

За гневные слова я вас благодарю
И, сударь, хоть сейчас ей то же повторю.

Селимена

О, как устала я от ваших приставаний!
Но нет у вас для них законных оснований.
Не объяснила ль я, что̀ мне мешает тут?
Вот Элианта; ей я отдаюсь на суд.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Элианта, Филинт, Селимена, Оронт, Альсест

Селимена

Чтоб изводить меня, между собой, кузина,
Скрепили вдруг союз два эти господина.
Хотят они узнать, являя равный жар,
Кому из них скорей отдам я сердце в дар.
На чувства одного, приняв свое решенье,
Должна я наложить тотчас же запрещенье.
Скажите, что никто не поступает так.

Элианта

Совета в этом дать я не могу никак;
Вам помощи моей искать не подобает.
Ведь я всегда за тех, кто мыслей не скрывает.

Оронт [*Селимене*]

Сударыня, призыв ваш бесполезен тут.

Альсест

Увертки ваши здесь поддержки не найдут.

Оронт

Ответить вы должны; несносно колебанье.

Альсест

Вы можете хранить попрежнему молчанье.

Оронт

По слову одному я кончить спор готов.

Альсест

А я готов понять вас даже и без слов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Акаст, Клитандр, Арсиноя, Филинт, Элианта, Оронт, Селимена, Альсест

Акаст [*Селимене*]

Сударыня, хотя немного это смело,
Мы выяснить сейчас одно желаем дело.

Клитандр

Как во-время придти вы вздумали сюда!
Ведь это все и вас коснется, господа.

Арсиноя

Не ждали моего, конечно, вы визита;
Вот в этих господах его причина скрыта.
Их жалобу пришлось мне выслушать на вас,
Но сердцу не внушил доверья их рассказ;
Уверена я, к вам питая уваженье,
Что не могли свершить вы это преступленье.
Мой отвратился взор от худших из улик,
Размолвку нашу я забыла в тот же миг
И согласилась к вам пойти без лишних споров,
Чтоб оправдались вы при мне от наговоров.

Акаст

Сударыня, мы вам задать вопрос хотим,
Нам интересно знать, как справитесь вы с ним:
Клитандру письмецо вы это отослали?

Клитандр

Записку эту вы Акасту написали?

Акаст

Вам этот почерк всем известен, господа;
Ведь славилась она любезностью всегда
И изучить его дала вам основанье;
Но стоит вслух прочесть подобное посланье:

«Вы странный человек: осуждаете мое оживление и упрекаете меня в том, что я бываю особенно весела тогда, когда я не с вами. Нет ничего более несправедливого, и если вы сейчас же не придете просить у меня прощения за нанесенную мне обиду, я никогда вам этого не прощу. Наш долговязый виконт...»

Ему следовало бы быть здесь.

«Наш долговязый виконт, с которого вы начинаете свои жалобы, не принадлежит к числу людей, способных мне нравиться; а с тех пор как он на моих глазах три четверти часа подряд плевал в колодец, пуская круги по воде, я уже не могла быть хорошего мнения о нем. Что касается маленького маркиза...»

Это я, собственной персоной, господа, без всякой рисовки.

«Что касается маленького маркиза, который вчера долго жал мне руку, то, по-моему, нет ничего более жалкого, чем его особа; все достоинства таких людей сводятся к плащу и шпаге. Что касается человека с зелеными лентами...»

Кости брошены вам, сударь.

«Что касается человека с зелеными лентами, он иногда развлекает меня своими резкостями и своей ворчливой тоской, но сотню раз в день я нахожу его самым неприятным существом на свете. А что касается человека в камзоле...»

Вот и ваша доля.

«А что касается человека в камзоле, который помешан на изящном уме и наперекор всем желает быть писателем, я не могу заставить себя его слушать, и его проза утомляет меня не меньше, чем стихи. Вбейте же себе хорошенько в голову, что мои развлечения далеко не всегда так приятны, как вам кажется, что в увеселениях, в которые меня втягивают, я замечаю ваше отсутствие больше, чем мне бы хотелось, и что чуднейшей приправой к вкушаемым удовольствиям служит присутствие любимых людей».

Клитандр

Теперь моя очередь.

«Ваш Клитандр, о котором вы говорите и который так бывает слащав, — последний из людей, способных вызвать во мне нежные чувства. Он безумен, внушая себе, что его любят; а вы безумны, считая, что к вам не питают любви. Во имя благоразумия переменитесь с ним чувствами и встречайтесь со мною как можно чаще, чтобы помочь мне выносить тоску, вызываемую его назойливостью».

Прекраснейшей души мы видим здесь старанье,
И этому всему известно вам названье.
Довольно же! Везде распространим сейчас
О вашем сердце мы блистательный рассказ.

Акаст

Слова нашлись бы, есть канва для обвиненья, —
Но стоите ли вы хотя бы возмущенья?
О, маленький маркиз еще покажет вам,
Что не противен он достойнейшим сердцам.

Оронт

Итак, вы душу мне напрасно истерзали!
А помнится ли вам, что в письмах вы писали?
Поддельным сердце вы украсили огнем
И в дар его отдать сулили всем кругом.
Но глупое теперь утратил я доверье,
На благо мне пошло все ваше лицемерье,
Отныне сердце мне мое возвращено;
Его лишились вы — и этим мстит оно.

[*к Альцесту*]

Отныне, сударь, я вам больше не помеха:
Желаю вам в любви полнейшего успеха.

Арсиноя

Поступка мы еще не видели черней;
Волнения души мне не сдержать своей.

Нет, с низостью такой едва ли что сравнимо!
Мне дела нет до всех, пройду спокойно мимо.
Но он готовил вам счастливейший удел:
Дух чести в нем всегда и доблести горел,
Он отдал вам свою любовь и поклоненье,
А вы...

Альсест

(Я одного просил бы одолженья,—
Во всем, что было тут, я разберусь и сам:
Усердье бросить вы должны к моим делам.
Хоть сердце в вас ко мне участием согрето,
Я не могу ничем вам заплатить за это,
И не на вас свой взор я обращу, о нет,
Когда отмстить решу, избрав другой предмет.

Арсиноя

Вы этим объяснить могли мое участье?
Ужели в вас свое я полагаю счастье?
Ваш дух, я нахожу, гордыней обуян;
Напрасно льстит ему такой самообман.
От Селимены мне едва ль нужны остатки;
По-моему, они совсем не так уж сладки.
Разубедиться вы немедленно должны.
Иные женщины, я вижу, вам нужны.
Уж лучше на нее направьте пыл свой страстный;
Я жажду посмотреть на ваш союз прекрасный.

(*Уходит*)

Альсест

Всему наперекор, я до сих пор молчал
И высказаться всем по очереди дал.
Ужель собою я владел не безупречно?
Могу ли я теперь...

Селимена

Да, можете, конечно,
На жалобы права бесспорно есть у вас,
Упреки вправе вы мне высказать сейчас.
Виновна, каюсь, я; душа полна смятенья,
Пустого я искать не буду извиненья;
Презреньем удалось мне встретить гнев других,
Но в преступленьях вам я сознаюсь моих.
Укор ваш справедлив, и с вами я согласна,
Пред вами — знаю я — моя вина ужасна,
И дружно все твердят вам о моей вине.
Да, ненависть питать вы можете ко мне,
И я ее приму.

Альсест

Изменница, ужели
Все чувство умертвить во мне вы не сумели!
Хоть страстно я хотел возненавидеть вас,
Но сердце не взялось мой выполнить приказ.

(*Эманте и Филинту*)

Так вот к чему ведет слепое увлеченье!
Хочу я, чтоб мое вы видели паденье;
Да, это не конец, и на мою беду
В любви моей слепой я до конца пойду.
Напрасно называть нас любят мудрецами:
Мы люди; страсть, увы, господствует над нами.
Коварная, я все забвению предам,
Оправдываю все и все прощаю вам.
Дурным чертам даю я слабости названье:
То наш порочный век имел на вас влиянье;
Но сердцем вы должны за это мне помочь
В решении бежать от всех живущих прочь;
И там, куда бежать намерен я, в пустыне,
Должны вы обещать со мною жить отныне.
Лишь это бы в умах от писем стерло след,
Которыми себе вы причинили вред,

На тягостный скандал набросило б забвенье
И снова вас любить дало б мне дозволенье.

Селимена

До старости могу ль уйти от света я
И заживо в глуши похоронить себя?

Альсест

Когда у вас душа моим огнем согрета,
Какое дело вам до остального света?
Все тайные мечты найдут во мне ответ.

Селимена

Уединенье нас пугает в двадцать лет;
Отсутствуют в душе величие и сила.
Я никогда бы план такой не разделила.
Когда моей руки, Альсест, довольно вам,
Сейчас же в дар ее охотно я отдам,
И Гименей...

Альсест

Я вас возненавидел сразу:
Вы этим своему обязаны отказу.
Раз неспособны вы, соединясь со мной,
Подобно мне, весь мир откинуть остальной,
Я отвергаю вас, и это оскорбленье
От ига навсегда мне даст освобожденье.

(*Уходит Селимена; Альсест обращается к Элианте*)

В вас качества души затмили красоту,
И лишь от вас одной я видел прямоту.
Почтенья моего сумели вы добиться
Но разрешите впредь к вам так же относиться.
На сердце, что полно печали и тревог,
Оковы, все равно, надеть бы я не мог.
Их недостоин я; мне ясно, что природа
Не создала меня для уз такого рода.

И был бы чересчур для вас тот дар убог —
Остатки чувств моих сложить у ваших ног,
И...

Элианта

Мысль свою развить прошу я вас свободно.
Я руку в дар отдать могу кому угодно,
И знайте, что ваш друг, не тратя лишних слов,
По знаку моему ее принять готов.

Филинт

О, эта честь была венцом моих желаний!
Я кровь и жизнь за вас отдам без колебаний.

Альсест

Чтоб счастье вы могли глубокое вкусить,
Желаю я всегда друг друга вам любить.
Все предали меня, и все ко мне жестоки;
Из омута уйду, где царствуют пороки;
Быть может, уголок такой на свете есть,
Где волен человек свою лелеять честь.

Филинт

Испробовать должны мы всё без исключенья,
Чтоб отказался он от своего решенья.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии составлены
Б. М. Энгельгардтом и А. А. Смирновым

УРОК ЖЕНАМ

18. Посвящение. *Ее высочеству.* — В подлиннике *Madame* — Анна-Генриета Английская, жена герцога Орлеанского, брата короля (Monsieur), покровителя труппы Мольера.

28. Д. 1, явл. 1. ... *игра в «корзиночку»*... (Арнольф). — Особый род старинной игры в фанты, где надо отвечать на вопрос: что положить в корзиночку?

31. Д. 1, явл. 1. *Имение Ласуш*... (Кризальд). — La souche значит — нижняя часть ствола дерева, пень; фигурально — «корень» (дворянского рода).

— Д. 1, явл. 1. *Да и звучит Ласуш*... (Арнольф). — Для Арнольфа имя Ласуш, хотя и не очень изящное, звучит приятнее его настоящей фамилии, потому что св. Арнольф, по старинной традиции французских фаблио, считался патроном обманутых мужей.

— Д. 1, явл. 1. *И называться стал де-Л'Илем*... (Кризальд). — L'i(s)le значит остров. Комментаторы цитируют здесь злой намек на брата великого Корнеля — Тома Корнеля, который именовал себя Корнель де-Л'Иль.

32. Д. 1, явл. 2. — Действие происходит в доме, где живет Агнеса. (Ремарка издания 1734 г.)

106. Д. 5, явл. 4. *Пред ней и моднице*... (Арнольф). — См. вступительную статью к пьесе *Смешные модницы* в т. I.

КРИТИКА «УРОКА ЖЕНАМ»

124. Явл. 1. ... *бесконечные тюрлюпинады* (Элиза).—Turlupinade— старинное французское слово, означающее смешную болтовню, перессыпанную плохими каламбурами.

135. Явл. 3 *Обсценность*... (Климена). — Климена пользуется словом obscénité (непристойность), которое в Мольеровские времена было еще редким и причудливым неологизмом, изобретенным прециозницами.

140. Явл. 4. *Каноны* (Маркиз) — обшитые кружевами наколенники, одна из принадлежностей костюма щеголей.

БРАК ПО ПРИНУЖДЕНЬЮ

235. Явл. 4. ... *неучиссимус* ... (Панкрас) — шутовское слово, образованное путем прибавления латинского окончания превосходной степени issimus.

— Явл. 4. *Toto coelo, tota via aberras* (Панкрас) — «ты уклоняешься от истины на всю широту небес, на весь свой путь» (выражение, встречающееся в *Евнухе* Теренция).

236. Явл. 4. ... *pugnis et calcibus, unguibus et rostro* (Панкрас) — «кулаками и ногами, когтями и клювом».

237. Явл. 4. ... «*форма шляпы*»? (Панкрас). — Мольер смеется над ожесточенными спорами того времени о понятии формы у Аристотеля. Упоминаемая дальше глава о качестве действительно имеется в трактате Аристотеля о категориях (гл. 8-я).

239. Явл. 4. ... *datur vacuum in rerum natura* ... (Панкрас) — «в природе существует пустота». Намек на схоластические споры о в зможности пустоты в природе.

243. Явл. 4. ...«*субстанция*» и «*акциденция*» ... (Панкрас) — «сущность и внешнее ее проявление» (термины схоластической философии). Все вопросы Панкраса в нелепой и забавной форме затрагивают действительные проблемы современной ему философии.

245. Явл. 4. ... *animi index et speculum* ... (Панкрас) —«показатель и зеркало души» (школьное определение речи того времени).

246. Явл. 4. ... *лаконической апофегмы* (Панкрас). — Апофегма— остроумное изречение.

— Явл. 4. ... *in barbara* ... (Панкрас) — по фигуре *barbara* (первая фигура силлогизма).

— Явл. 4. ... *in utraque jure* ... (Панкрас) — «доктором обоих прав», т. е. гражданского и канонического (церковного).

247. Явл. 4. ... *per omnes modos et casus* ... (Панкрас) — «во всех наклонениях и падежах», т. е. во всех смыслах. Упоминаемые дальше *онейрокритика* — наука о сновидениях, *космометрия* — наука об измерении вселенной, *метопоскопия* — гадание по чертам лица, *геомантия* — гадание по брошенной горсти земли.

253. Явл. 6. ... *с крестовичком* ... (Вторая цыганка).— В подлиннике: «*avec la croix*» — монета с знаком креста.

ТАРТЮФ

361. Предисловие. — ...*братства, доныне владеющего Бургундским отелем*... — Речь идет о так называемом Братстве страстей господних, возникшем в XIV в. и получившем в 1402 г. привилегию на исполнение мистерий.

365. Предисловие. *Скарамуш-отшельник* — итальянская пьеса, в которой монах влезает по лестнице в окно к замужней женщине.

365, Предисловие. ... *сказал этому великому принцу*... — Великий принц — знаменитый полководец Конде, вождь Фронды.

367. Первое прошение. ...*кюре*... — аббат Пьер Рулле (см. предисловие к пьесе).

370. Третье прошение. *Один весьма почтенный врач*... — Речь идет о Мовиллене (ум. 1685) — враче, действительно лечившем Мольера.

371. Действующие лица. — Приводим распределение главных ролей на премьере *Тартюфа* в 1669 г., когда с пьесы было окончательно снято запрещение: *госпожа Пернель* — Луи Бежар; *Оргон* — Мольер; *Эльмира* — госпожа Мольер; *Дамис* — Юбер; *Мариана* — госпожа де-Бри; *Валер* — Лагранж; *Клеант* — Латориньер; *Тартюф* — Дюкруази; *Дорина* — Мадлена Бежар.

373. Д. 1, явл. 1. ...*двор короля Пето* (госпожа Пернель). — Провербиальное выражение для обозначения дома, где царит полный беспорядок.

374. Д. 1, явл. 1. *Но только хуже нет, чем сонная вода*... (госпожа Пернель). — Французская поговорка, соответствующая нашей — «в тихом омуте черти водятся».

381. Д. 1, явл. 2. *И если тот рынет*... (Дорина). — После этой строки во всех старинных изданиях (до 1734 г.) стоит ремарка: «Это говорит служанка», очевидно имевшая целью оправдать в глазах читателя грубость этих выражений. На сцене четыре стиха, предшествующие этой ремарке, обычно вымарывались.

387. Д. 1, явл. 6. ...*проникнут вольнодумством*... (Оргон). — В подлиннике *libertinage*. О значении термина *либертен* см. вступительную статью к *Дон Жуану*.

450. Д. 4, явл. 5. *Есть запрещенные утехи*... (Тартюф). — После этой строки во всех старинных изданиях (до 1734 г.) стоит ремарка: «Это говорит негодяй».

462. Д. 5, явл. 4. *Сестрица, здравствуйте* (Лояль). — Это монашеское приветствие вместе с лицемерной мягкостью обращения господина Лояля обнаруживает его духовную близость к Тартюфу.

ДОН ЖУАН

495. Д. 1, явл. 1. ...*inter nos*... (Сганарель) — «между нами» (лат.).

511. Д. 2, явл. 1. ...*четыре су парижских, да пять туренских полушками*... (Пьеро). — 4 парижских су равнялись 5 туренским су.

535. Д. 3, явл. 1. ...*ни в рвотное вино?* (Сганарель). — «Рвотное вино» (*le vin émétique*) было изобретено в начале XVI в. и вскоре сделалось предметом ожесточенных сиоров в медицинском мире. Его употребление несколько раз запрещалось меди-

цинским факультетом и парламентом. Но незадолго до написания *Дон Жуана* оно было реабилитировано вследствие того, что в 1658 г. король, слегка заболевший, принял его, и оно ему помогло. Это произвело большую сенсацию, отклик на которую мы находим в этой сцене.

537. Д. 3, явл. 1. *Ха, ха, ха!* (Дон Жуан). — Дальше мы даем текст по амстердамскому изданию 1683 г. В издании 1682 г. после смеха дон Жуана сразу идет реплика Сганареля в такой форме: *Вот человек, которого мне не легко было бы обратить. Но скажите мне, во что же вы верите? Ведь нужно же во что-нибудь верить* и далее, как в нашем тексте. Упоминаемый в выпущенном пассаже *черный монах* — нечто вроде «буки», привидение, которое, по народному поверью, бегало ночью по улицам и колотило запоздавших прохожих.

541. Д. 3, явл. 2. ...*у меня корки сухой нет* (Нищий). — Дальше даем текст по амстердамскому изданию 1683 г. В издании 1682 г. за этой фразой нищего сразу идет заканчивающая сцену реплика дон Жуана, с небольшой вариацией: *Я дам тебе золотой, дам тебе из любви к людям* и т. д.

584. Д. 5, явл. 6. — Заключительная реплика Сганареля воспроизводится нами по амстердамскому изданию 1683 г. В издании 1682 г. она имеет такой вид: *Вот, его смертью все удовлетворены: оскорбленное небо, попранные законы, соблазненные девушки, обесчещенные семьи, опозоренные родители, обиженные женщины, доведенные до отчаяния мужья — все на свете довольны. Только я один остался несчастным: после стольких лет службы, в виде единственного вознаграждения, вижу я собственными глазами, как безбожного моего господина постигла ужасающая в мире кара.* Иными словами, в угоду цензуре убрано было повторное восклицание: *Мое жалованье, мое жалованье!* и прибавлено благочестивое размышление о смерти безбожника.

ЛЮБОВЬ-ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

593. Действующие лица. Имена врачей имеют определенное значение, будучи образованы из корней греческих слов. *Томес* значит — пускающий кровь, *Дефонандрес* — человеку вйца, *Макротон* — длинный звук (т. е. медленно говорящий), *Баис* — лающий.

601. Д. 1, явл. 2. ...*с Сен-Лоренской ярмарки?* (Сганарель). — Сен-Лоренская ярмарка ежегодно происходила в парижском предместьи Сен-Мартен и длилась три месяца (июль — сентябрь).

618. Д. 2, явл. 5. ... *experimentum periculosum* (Баис) — «опасный эксперимент» (лат.).

619. Д. 2, явл. 5.... *атмос*... (Макротон) — «дыхание» (греч.). В гуморальной теории это слово понималось именно как пар (газ), выделявшийся из вредных соков и отравляющий организм.

619. Д. 2, явл. 5. *Юлепы* (Макротон) — прохладительное питье, микстуры.

620. Д. 2, явл. 6. *Орвиетан* (Сганарель) — универсальное лекарство от всех болезней, изобретенное в начале XVII в. шарлатаном-врачом Джеронимо Ферранти из Орвието. В эпоху Мольера оно пользовалось большим распространением в Париже и пропагандировалось рядом докторов, участвовавших в очень прибыльном предприятии Ферранти.

МИЗАНТРОП

667—668. Д. 1, явл. 2. — Сонет Оронта написан на подчеркнуто банальную тему и в своих заключительных строках является плоским подражанием ряду французских и испанских песен.

671. Д. 1, явл. 2. «*Когда б король...*» (Альсест). — Песенку эту, судя по ее стилю, Мольер едва ли написал сам; однако до сих пор не удалось найти ее ни в старинных сборниках, ни в устной песенной традиции. Повидимому, в той или иной форме она возникла при дворе Наваррского короля Генриха (Анри), в 1589 г. ставшего королем во Франции под именем Генриха IV.

676. Д. 2, явл. 1. *Мизинца ноготь ли...* (Альсест). — Носить длинный ноготь на мизинце левой руки вошло в моду еще при Людовике XIII. Во времена Мольера мода эта окончательно укрепилась среди щеголей.

689. Д. 2, явл. 4. ... *маленький прием...* (Клитандр). — Вечерний прием у короля, когда, простившись с большинством придворных, он удерживал около себя маленький кружок избранных. Быть включенным в их число считалось величайшей честью.

690. Д. 2, явл. 6. Офицер — лицо, более подробно обозначенное в списке действующих лиц как Офицер суда маршалов Франции. Так назывался учрежденный в 1651 г. особый трибунал, разбиравший дела об оскорблении военных лиц штатскими или наоборот и имевший целью предотвращать возможные дуэли. Членами этого суда были маршалы Франции. Он собирался в полном составе по мере надобности для рассмотрения важных дел, мелкие же дела разбирались его председателем (старшим маршалом Франции), в распоряжении которого находились особые служащие — офицеры.

725. Д. 5, явл. 1. *Таких ужасных книг...* (Альсест). — Сатирический намек на следующий эпизод, о котором рассказывает первый биограф Мольера — Гримарс: «Лицемеры были так раздражены *Тартюфом*, что опубликовали в Париже ужасную книгу, сочинение которой приписали Мольеру». (*Vie de Molière*, стр. 186—187). К сожалению, книга эта до нас не дошла.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис к комедии «Урок женам». — С гравюры Нея по рисунку Моро Младшего 1
Фронтиспис к комедии «Брак по принужденью». — С гравюры Нея по рисунку Моро Младшего. 1769 г. 211
Фронтиспис к пасторали «Принцесса Элиды». — С гравюры Бакуай по рисунку Моро Младшего. 1772 г. 271
Фронтиспис к прологу пасторали «Принцесса Элиды». — С гравюры Лево по рисунку Моро Младшего 280
Фронтиспис к комедии «Тартюф». — С гравюры Симоне по рисунку Моро Младшего 345
Фронтиспис к комедии «Дон Жуан». — С гравюры Ле-Ба по рисунку Моро Младшего 475
Фронтиспис к комедии «Любовь-целительница». — С гравюры Бакуай по рисунку Моро Младшего. 1772 г. . . . 587
Фронтиспис к комедии «Мизантроп». — С гравюры Дюкло по рисунку Моро Младшего 637

Иллюстрации заимствованы из «Oeuvres de Molière», Paris 1788, t. VI и «Oeuvres de Molière», Paris 1804, t. I—VI.

СОДЕРЖАНИЕ

Урок женам
Предисловие *П. Румина* 3
Текст комедии 23
Критика «Урока женам» 122
Версальский экспромт 171

Брак по принуждению
Предисловие *Е. Михлина* 213
Текст комедии 221

Принцесса Элиды
Предисловие *И. Соллертинского* 273
Текст комедии 277

Тартюф
Предисловие *С. Мокульского* 347
Текст комедии 371

Дон Жуан
Предисловие *А. А. Смирнова* 477
Текст комедии 491

Любовь-целительница
Предисловие *Н. Рыковой* 589
Текст комедии 595

Мизантроп
Предисловие *В. Блюменфельд* 639
Текст комедии 651

Комментарии 741

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
36	8 сн.	Простите.	Простите,
322	1 »	полне	вполне
355	19 »	Смышлепная	Смышленая
435	4 св.	вес	весь
479	11 »	героя	героя;
483	20 »	дон Жуан	Дон Жуан

Редактор Л. Рейнгардт
Художествен. редакция
М. П. Сокольников
Литературно-техническое наблюдение
В. В. Чешихина
Технический редактор
Н. П. Макшеева
Наблюдение на производстве К. Я. Шульц

★

Сдана в набор 29/XII 1935. Подписана к печати 29/IX 1936. Вышла в свет XI/1936.
Тираж 15300. Уполном Главлита Б-21379.
Индекс А-1. Изд. № 219. У.-а. л. 22,4.
Бумага 56×86 в 1/16.
Бум. лист. 23,6. Заказ 3.

★

Отпечатано в типографии им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Цена Р. 10.—
Переплет Р. 2.—

МОЛЬЕР

2

МОЛЬЕР